

Софья Нуриджанова

ЖИЗНЬ

незабытых людей

**Дневники. Письма. Справки.
Воспоминания.**

Юлия Федоровна Тихомирова (1890-1979) и Александр Матвеевич Хордикайнен (1899-1943) – наши родители.

Судьба их несет на себе печать своего времени, первых 50 лет нашего века в нашей стране.

Это судьба разночинцев, как выражались в старину (а в советских анкетах – «из мещан»), ставших русскими интеллигентами в 10-20ые годы, и всем: образованием, культурой, кругом приобретенных друзей – обязанных самим себе.

Не только арест и ссылка в 1930 г. и жизнь в оккупации (Пушкин – Гатчина – Эстония) составляют главное содержание их жизни, но и та борьба за самое существование семьи, детей, на которую родителей обрекала Система. Унизительную, кромешную бедность можно было преодолеть только героическими усилиями. Надеюсь, что благодаря сохранившимся письмам, дневникам, справкам картина этого тихого сопротивления будет достаточно полной. С отроческих лет мы, дети, и сами стали участвовать в борьбе за выживание.

Но даже в таких условиях А. М. и Ю. Ф. сохранили в себе «душу живую»: и сердечное тепло, и энергию Духа.

В Маме, в Отце, в их друзьях – а это И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, Р. В. Иванов-Разумник, В. А. Поссе, Е. В. Поссе, М. А. Сидорова, Н. К. Бриммер, (Фандерфлит), Н. В. Педькова, Е. В. Андреева, А. И. Сидорова и многие-многие менее близкие, но не менее дорогие – было столько горней **Духовности** и свет такой высокой **Культуры**, что я убеждена: их собирательная духовная мощь не растворилась в небытии. Она в нас, с нами – в нашем Времени.

Надо только помнить.

Работа над книгой одарила меня счастьем новой, более глубокой встречи со всеми дорогими близкими и друзьями.

В середине, в центре этого круга друзей и в центре семьи рядом с Александром Матвеевичем – наша Мама.

Маменька, прости нас!

Твоя Зосенька.

Август 1999.

Уфа.

История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «самостоянье человека» превращает его в историческую личность. Чувство собственного достоинства, душевное богатство, связь с исторической жизнью народа делают его Человеком, достойным войти в Историю.

Ю.М. Лотман
«Александр Сергеевич Пушкин»

Н А Ч А Л А ...

«1 XI 87. По радио передают концерт испанского гитариста Сеговии¹... Боже мой! Ведь это имя я слышала еще до войны! Сеговия. Он приезжал в Союз с концертами, в каком году? До нашего рождения... Мама, молодая, красивая... Красивая! Еще не знающая своей Судьбы... И «Сеговия» до войны – знак той, прежней жизни, одухотворенной, а не клубов пара над деревянным корытом в кухне во время стирки, не ведер падмыльа, в котором еще что-то замачивалось... Не занимаия денег... Так и вижу: Мама почти бежит на ту сторону Колпинской занять... Надо успеть до приезда Папы с работы из Ленинграда.

Но «Сеговия» – знак и моей, нашей жизни. Приобщение к среде, которую мы сами не знали, но, все равно, как бы и жили в ней... К Гептахору², например. О нем потом. Но – не расспросила, с кем, когда, куда ходила Мама на концерт...».

Это первая запись в работе, растянувшейся на все эти годы. Сережа, мой младший сын, родился в 62 г., настойчиво призывал меня заняться «Мемуаром». Слово это, шутливо-ироничное, тогда и вошло в наш обиход. На письме – просто «М». Действительно, не мемуары же сочинять. Я вышла на пенсию, и Сергей как то спросил меня с беспокойством:

– Чем же ты будешь заниматься? Нас воспитывать?!

Я всю жизнь была учительницей.

Сергей хотел, чтобы у меня была «своя» жизнь, чтоб не донимала их избыточным вниманием... В общем, так и получилось. Началась моя новая жизнь с чемоданами писем, дневников, памятных бумажек...

Вот еще страничка из того года.

«Радио, круглая черная тарелка, висела у нас в первой комнате, где были книжные шкафы, круглый стол, кресла... Мама всегда узнавала романс, говорила наперед его слова; если передавали симфоническую или камерную музыку, то Мама, кажется, всегда знала, что исполняли, кто мог быть дирижером. Любимое – «Неоконченная симфония» Шуберта... Софроницкий³... Клемперер⁴... Эти имена оттуда, с довойны.

Пожалуй, с помощью радио и с маминым участием мы получили даже какое-то музыкальное воспитание. Мама любила музыку, светила, точнее, освещалась изнутри, когда слушала что-то любимое и памятное ей. Транслировали ведь и Вагнера... Музыки, настоящей, классической, на радио было много, и осталось чувство, что мы жили в мире музыки. Был такой эпизод. Что-то исполняла Софья Преображенская, знаменитая певица Мариинского театра в предвоенные годы. Андрею (родился в 27 г.) так понравилось, что он написал ей письмо на радио. Без участия Мамы это не могло бы произойти. Певица ответила брату».

Классическая музыка надолго заслонила от нас все другие жанры. В студенческие годы в Ленинграде я и не подумала пойти на концерт Вертинского...

Пора, наверное, и представиться.

Пишу это все я, Софья Александровна Нуриджанова. Мы с сестрой близнецы. Юлия Александровна Кривулина живет в С. - Петербурге. Я – в Уфе. В апреле 98 нам исполнилось по 70 лет. Наша девичья фамилия – Хордикайнен.

Брат Андрей утонул в июле 45 в Эстонии.

Брат Матвей, родился 14X 33 г., живет под Москвой.

Мы до войны жили в Пушкине, теперь город снова «Царское Село».

«Мы», «нас», «нам» – это, как правило, я и сестра, мы с сестрой.

Мало помнится картин, разговоров, связанных с Мамой. Ведь наше раннее детство прошло без родителей. Нам с сестрой едва исполнилось два года, брату — год, как их арестовали. Я расскажу об этом, но позже. Тюрма. Ссылка. Все эти годы на комодке стояли фотографии Папы и Мамы. Как тяжело было жить под их всевидящим взглядом! Бабушка, папина мама, Софья Сильвестровна Высоцкая (1866 – 22 IV 1941), с которой мы жили во время их отсутствия, уверила нас, что Папа с Мамой все видят, приедут и накажут за шалости. Этот внимательный взгляд с фотографий нас просто парализовал. Осенью 34 г. родители

вернулись с Матвеем. И жизнь сделалась совсем несчастной, мы были чужие, потому что Папа выказывал явную предилекцию к Матвею... да еще к коту Чернышевскому... Как он терся своим большим лбом об их лбы...

– Кто уральский воевода? – спрашивали Матвея.

– Я – уральский воевода! – тыкал себя в грудь Матвей.

И эта отдаленность от родителей была в нас долго-долго. К тому же у Папы была своя жесткая педагогическая система (сомневаюсь, чтобы он специально изучил чьи-либо педагогические взгляды, уж больно они были недобрые; просто, имея четверых детей, считал себя уже профессионалом с набором педагогических приемов...).

Главное – выполнение своего долга, своих обязанностей, работа: мыть посуду, штопать чулки, полоть грядки и дорожки, собирать в парке желуди для кофе, молотить их и т.д. и т.д... Никакого «dolce far niente» – сладкого ничегонеделания! Должны быть заняты, должны работать...

В нашем детстве и отрочестве не было никаких нежных прикосновений, нас не целовали даже в маковку, не приголубливали. А поцеловаться с Папой перед отъездом его в командировку – этот ритуал соблюдался – было просто мучительно. Я деревенела заранее.

Сошла с меня эта короста зажатости, да и то не вся, только после встречи с Э.Нуриджановым, пылким, открытым, незадумывающимся...

Грустно сознавать, но сердечно я подружилась с Маменькой, когда стала писать ей письма из Ленинграда, студенткой. Но и Мама открылась нам во всей полноте душевного и духовного мира только в эти поздние годы, в письмах.

Самое нежное мое воспоминание о Маме такое: я приезжаю из Уфы в Ленинград перед Новым годом, 30 или 31 декабря, первым метро и ранней электричкой до остановки «Проспект Славы» и иду к дому на Витебском проспекте. Весь дом тонет в темноте. Светится несколько окон, и слабый свет из квартиры сестры на IV этаже. Это Маменька не спит, читает с лампой у изголовья, ждет меня...

Ждет...

Я хочу по мере сил сохранить память о родителях, память об их друзьях. Судьба родителей трагична, как трагична та эпоха, в которую им выпало жить.

МАМА, ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА ТИХОМИРОВА

Мама, Юлия Федоровна Тихомирова, родилась в Рыбинске 30 ноября 1890 г. «Мещане», – так отвечала она на вопросы анкеты о бывшем сословии родителей. Ее отец служил типографским конторщиком на канатной фабрике. Он умер, когда Маме было три года. Живо предание, что бабушка Дуня – Евдокия Дмитриевна Тихомирова (1870 – 1959), мамина мама – нагадала на картах, что ее муж умрет в течение недели. Так и случилось. Федор Васильевич утонул в Волге. Бабушка Дуня дала себе слово больше не брать карты в руки. Как ни удивительно, ее дар гадания на картах передался мне. Но и я уже давно не гадаю.

Отец бабушки Дуни, Д.Пулькин, был церковным старостой в Бежецке. Бежецк, Устюжна – имена этих городков слышались в разговорах б. Д. с Мамой. Василий Васильевич Андреев, основатель знаменитого оркестра балалаечников, – двоюродный дядя б. Д.

О Ф.В. ни Мама, ни б. Д. ничего не рассказывали. Смутно помнятся какие-то мамини обмолвки уже после войны (или мы им не придали значения?) о том, что ее дед был из тех еврейских мальчиков, которых встретил А.И. Герцен, когда ехал в свою первую ссылку. Это место у Герцена я отыскала только теперь⁵.

Герцен разговорился с этапным офицером. Этап – перегон от одной остановки до другой. Цитирую с небольшими сокращениями:

« – Кого и куда вы ведете? »

– И не спрашивайте, индо сердце надрывается [...].

– Да в чем дело-то?

– Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают – не знаю. Сначала было велели гнать в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань [выделено А.И. Герценом] [...].

– Мрут как мухи; жиденок, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная [...].

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел, – бедные, бедные дети!»

Мама так и говорила о своем деде – «из кантонистов»; кантонисты – мальчики, числившиеся за военным ведомством.

В копии метрического свидетельства, выданного причтом Рыбинской Георгиевской церкви 1 мая 1899 г., «значится: у Рыбинского мещанина Феодора Васильева Тихомирова и жены его Евдокии Дмитриевой – обоих православных [...] родилась дочь Юлия».

Свидетельство подписано священником «Рыбинской градской Георгиевско-кладбищенск[ой] церкви Алексием Золотаревым». Я снова увижу вместе с фамилией Мама фамилию Золотарева в журнале «Краеведение». А позже она будет в одном списке с фамилиями родителей в Деле «По обвинению гр. Святского Даниила Осиповича⁶ и других».

Это Дело № 108691 относится к разгрому Центрального бюро краеведения⁷ 1930 – 1931 годов в Ленинграде.

«Золотарев⁸ Давид Алексеевич, 1885 г., урож. г. Рыбинска, сын священника, с высшим образованием, б/п, женат, профессор ЛГУ,» (см. Дело) – сын священника из той, рыбинской церкви.

Д.А. Золотарев был осужден на три года концлагеря. Но это 1931 г. А в конце 30^х годов фамилия Золотаревых звучала в нашем доме. Мне кажется, то была мамина приятельница, работавшая в университетской библиотеке. Мама редко, но виделась с ней. Ездил в Ленинград.

Мама говорила о своем еврейском происхождении, но как-то вскользь, невнятно. Я не расспросила. Теперь с удивлением думаю, сколько же национальных струй смешалось в нас: дед со стороны отца – финн, бабушка – полька, со стороны матери – еврей и русская б. Д.

Овдовев, бабушка Дуня жила в доме брата Ф.В. – Владимира Васильевича. В.В. был горбат. «Дюдя» – так его звали в семье, но Мама, говоря о нем, называла «дяденька» – очень любил играть в карты. После преферанса полагался ужин. В мамину обязанность входило чистить селедку. «Дюдя проиграл свой дом, но его выкупила его жена Мария Михайловна. Поэтому дом числился на ней. Во второй половине дома жили евреи Изя и Аба». Эти детали рыбинской жизни сохранились в памяти маминой сестры Надежды Федоровны Базановой, написала 20 IV 96 нам о них ее дочь Наля (Наталья). Живет в Чите.

«Дяденька» любил и выпить. И Мама, девочка лет 7-8, стояла перед ним и пела романсы. Как-то Мама прислала мне в письме на отдельном листке такие несколько слов:

«Запись по радио старинного романса, петого мной в раннем детстве (7-8 лет):

Забыты нежные лобзанья,

Уснула страсть, прошла любовь,

И радость нового свиданья

Уж не волнует больше кровь».

Несмотря на помощь В.В. Тихомирова, б. Д. и сама зарабатывала на жизнь: она держала нахлебников. Что такое «нахлебник», я долго не представляла себе, позже его смысл раскрыли книги. Б.Д. жила в страшной бедности. Мама рассказывала, как она выбегала на улицу смотреть, не идет ли старьевщик, чтобы продать ему кости. Как она намазывала масло на хлеб! До войны и хлеба, и масла в доме было вволю. Но б. Д. так скребла ножом по хлебу, что бутерброд имел вид, будто она тщательно соскоблила масло с хлеба. А ее вечное «на завтра»?! То есть нельзя сегодня съесть весь суп или всю кашу, надо оставить на завтра. А

выискивание, буквально выслеживание куриных «потрошков» подешевле на базаре в Тарту... Этот-то опыт бедной жизни через много-много лет пригодился и мне на рынке в Уфе...

Представляю, как угнетала девочку-гимназистку откровенная нужда в семье! Да еще жизнь на виду у посторонних. Ведь б. Д. «держала нахлебников», т.е. жило несколько посторонних человек.

Б. Д. приехала к нам жить вместе с внуком Севой⁹ в 1939 г. из Владивостока. Зятя расстреляли в 37, дочь заточили в тюрьму, двух детей, Наталью и Доната, отдали в детский дом в Канске. От этих первых лет жизни вместе с б. Д. осталось два сильнейших впечатления. Первое: б. Д. чертыхалась. Она то и дело кого-то или что-то посылала... к черту! До нее мы этого слова не слышали. Наша бабушка ее урезонивала:

– Евдокия Дмитриевна, ну нельзя же так, ведь это дети...

И второе: б. Д. покупала Севе пирожные и сдобные булочки. На наших глазах. Знала ли Мама? Думаю, знала. Но в силу каких-то странных для меня жизненных правил не корректировала обстановку. Едкая, жгучая обида копилась в наших душах, мы шушукались, негодовали...

У б. Д., как и у Арины Петровны Головлевой, были «любимчики» и «постылые». Любимчик – Сева, мы – «пащата». Как красноречива была б. Д., когда сердилась! Матвей теперь вспоминает с юмором все эти «рыжий черт», «мизгирь», «пашенок»... Это уже в Тарту, в наши школьные годы. Теперь-то с поздним сожалением понимаю, что в Тарту жизнь б. Д. была нелегкая! Топить большую печь, готовить еду... В будние дни это была нудная работа. Потому-то б. Д. и швыряла на стол кастрюлю с крошечкой из овощей:

– Натэ, жрите!

Да и бедность, нужда еще с тех, рыбинских, времен заставляли б. Д. превращать овощи в месиво на быструю руку. Но вот в 52-54 г., когда я жила в Тарту после Университета, б. Д., приглашая своих приятельниц на именины, просила меня красиво нарезать овощи для винегрета.

Стихией б. Дуни было тесто. У нее чудно получались жаворонки с глазком «на 40 мучеников» (отмечается 22 марта), пирожки с капустой из ржаной муки, куличи...

Б. Д. была человеком легко верующим. Поход в церковь был для нее событием, праздником что ко всенощной, что к обедне в воскресенье. Она надевала какую-то немислимую шляпку, из-под полей которой выбивались наружу ее мелкие совершенно серебристые кудряшки, голубые глазки сияли особенно энергично, она душила чем-то свои узловатые пальцы и не спеша, никогда не опаздывая, отбывала в храм. Дома мы ни разу не видели, чтобы она молилась. Ее религиозное чувство воодушевлялось всеми двенадцатыми праздниками, днями Ангела, днями памяти святых угодников (день Петра и Павла, Иванов день, Ильин день, Николин день и т.д.), и тут нас ждали пироги и пирожки...

Приходя из церкви, б. Д. давала нам краткий отчет: сколько было народу, кто во что одет, сколько горело свечей, как пел хор, был ли регент или его кто заменял. О содержании проповеди не говорилось...

Самое главное, думаю, происходило после службы: раскланивания со знакомыми, разговоры, общение, возвращение вдвоем-втроем, с кем по пути, домой.

Мама не была религиозным человеком.

Папа – да, глубоко верующим, католиком. Когда в мае 1943 г. в Гатчине он был тяжело ранен и умирал, Мама послала меня позвать католического священника, немецкого офицера, совершить обряд соборования.

...Б. Д. умела шить. Во всяком случае «мараковала»: она могла сузить, расширить, удлинить, выпустить, приспособить... Она ловко шила на руках и на машинке тоже. Мама не шила.

У б. Д. был «сглаз»: похвалит – значит, сглазит! Невероятно, но факт. А еще удивительная манера находить в любой вещи изъяны, недостатки.

Примеряет перед ней кто-нибудь новое пальто, она тут же отыщет не один дефект. Когда ей говорили, зачем же огорчать человека – вещь-то куплена, б. Д. отвечала:

– Так что ж, значит, врать?!

Любила она уколоть, сказать ненужную правду.

Б. Д. удачно торговала старыми вещами на рынке, брала их у знакомых, оставляла себе комиссионные. Материальный интерес, само собой, был, но привлекало б. Д. и естественное в ситуации торга игровое начало, ролевые амплуа. Б. Д. нравилось торговать! Она, бывало, промокшая или промерзшая, все равно возвращалась с толчка победительницей!

Когда подросли мои мальчики и выросли из своих одежек и книг, я тоже приобщилась к толчку. Ох, и повспоминала бабушку Дуню... Это ведь работа! А постой-ка на солнце, в жару, в мороз...

В б. Д., мне кажется, действительно было много артистизма. Она умела входить в образ... Как будто было два человека, один для будней, для семейного обихода, другой – для гостей, для праздников. Кстати, и в смысле еды в доме всегда должно было быть что-нибудь вкусное и дорогое для гостей... Мы дружно воспринимали разные имиджи б. Д. как лицемерие, фальшь. Теперь же мне грустно вспоминать все это, и на всем я вижу печать нелегкой судьбы... Одна радость – маленький театр для себя...

В Мама не было ни одной бабушкидуниной черты.

В 1899 г. Юлия Тихомирова «по экзамену» поступила в подготовительный класс Мариинской Женской гимназии. Почему Мама в автобиографиях даже советского времени так подчеркивала: окончила не просто гимназию, а в Мариинскую?

Большая Советская Энциклопедия сообщает: *«Женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии (Мариинские) открывались на средства императрицы Марии. В них принимались девочки всех сословий и вероисповеданий, достигшие 8 лет. [...] В 1879 г. была утверждена единая и обязательная для всех Мар[иинских] Ж[енских] гим[назий] программа; перестройка учебного курса велась в направлении приближения его к курсу обучения в институтах благородных девиц. Принятая в 1905 г. «Нормальная учебная табель» окончательно уравнила уч[ебный] курс гимназий с институтскими курсами. Ж[енские] г[имназии] были платными уч[ебными] заведениями.*

*В 1911г. в России было 35 Мариинских Ж[енских] г[имназий] с 16 т. учащихся».*¹⁰

Мама и ее сестра учились в гимназии «на казенный счет», бесплатно.

Теперь становится понятно, почему Мама отмечала свое гимназическое образование. Это было и образование, и воспитание по самым высоким тогдашним стандартам.

С 14 лет Мама дает уроки, готовит к поступлению в гимназию.

У Мама были круто и крупно вьющиеся волосы. Однажды классная дама отсылает девочку намочить и гладко причесать волосы. Как-то это прозвучало по поводу моих густых и вьющихся волос.

Мама считала, что в моем характере много и ее черт – горячности, непримиримости. Может быть, так и было в юности. Не помню контекста, но Мама привела такой пример из своей рыбинской жизни: «дяденька» чем-то обидел или даже оскорбил Мама. Так она не разговаривала с ним целый год. Он на коленях просил простить его.

В 1907 г. Мама оканчивает VII класс с серебряной медалью, в 1908 – дополнительный класс «для специального изучения русского языка» и «приобретает звание домашней наставницы». Я переписала эти последние формулировки из копии Свидетельства, выданного бабушке Дуне 13 марта 1914 г. Из «необязательных гимназических курсов» Мама изучала французский и немецкий языки. У меня цел параллельный Французско-русско-немецко-английский словарь, отпечатанный в 1875 г. в Карлсруэ, позднее вновь переплетенный в Рыбинске, о чем сообщает ярлычок на форзаце «Типография и переплетная М.В.Виноградова и К° в Рыбинск». Это единственная вещь из маминой рыбинской юности в моем доме. Такой же почти словарь, но начинающийся немецким языком, – у сестры.

На Высшие женские (Бестужевские) курсы Мама уезжает только в 1909 г. Целый год она дает уроки, чтобы собрать денег на учение и жизнь в Петербурге. От той зимы сохранилась вот эта открытка, подпись под ней – «*Николай*»:

«Юля! Говоря откровенно, а выражаясь высоким стилем, «положа руку на сердце», ответьте мне: будете Вы мне писать или вообще разговаривать со мной так же открыто и просто, как это бывало в прошлый год? Я думаю, что Вы знаете, почему я пишу подобный вопрос. Догадаться не так трудно. Итак, могут ли опять происходить и теперь между нами такие же беседы, какие бывали раньше? Или теперь они стали уже излишними?»

Большой поклон Авдотье Дмитриевне, Коле и Наде.

Пишите ответ. Адрес мой старый. Вы его знаете.

25II Москва».

Адрес:

«Юлии Федоровне

Тихомировой

Рыбинск

угол Спасской и Петровской улиц».

Штемпель *«Москва. 25.2.09».*

Почерк изящный, твердый, буквы маленькие, строчки ровные.

На черно-белой открытке «Меланхолия» Е. Гримберхе. Скупой свет раннего утра, перед полуоткрытым от занавеси окном боком к зрителю – девушка. Видна часть постели со смятой подушкой. Склоненная головка, низко забранные волосы, ясный профиль... Девушка заложила руки за спину... Меланхолия? Скорее тревожные раздумья сильной натуры.

Открытка выбрана с превеликим тактом и серьезным чувством...

...Каким-то далеким отзвуком сборов на курсы мне представляется то, как Маменька собирала нас сперва в Университет в 48г., потом, в 54, меня – в аспирантуру, как заботилась даже об изяществе домашнего халатика: выбирали фасон, заказывали у портнихи...

Бестужевскими курсами были названы Петербургские Высшие женские курсы по имени их первого директора профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, племянника казенного декабриста. Они были открыты в 1878, и это был первый женский университет в России. На курсах было три отделения: словесно-историческое, физико-математическое (естественное) и специально математическое.

Слушательницы делали взносы «за правоученье»: до 1886 г. по 50 рублей в год, с 1889 – по 100.

В 1906 г. «все высшие учебные заведения получили автономию, что дало возможность произвести на ВЖК коренную реорганизацию преподавания [...]». Здесь и далее цитирую книгу «Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878 – 1918 гг.)»¹¹. Я пересказываю кое-что из главы Н.П. Вревской «Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы».

В своей обзорной статье о Курсах автор говорит о введении в учебный процесс предметной системы, сменившей курсовую. «*Эта система значительно расширяла свободу преподавания*». *Упразднялось деление на курсы с переходными экзаменами. Слушательницы получали «право посещать лекции по каким угодно предметам и подвергаться испытаниям из этих предметов, в чем и получать удостоверения»... «Вводится свободное расписание без контроля посещаемости».*

Как великолепно ориентирована эта система образования на высоко культурных, мыслящих, целеустремленных девушек начала века!

И как противно вспоминать наше «обязательное посещение» всего, что было напихано в расписание! Унизительно, но приходилось отсиживать все подряд, иначе карьерные активистки из бюро ВЛКСМ и профсоюза лишили бы стипендии...

ИТАК, 1909 ГОД.

ВОТ ДВА МГНОВЕНИЯ ЭТИХ ПЕРВЫХ ДНЕЙ МАМИНОЙ ЖИЗНИ НА КУРСАХ. Из письма Стефаниды Дмитриевны Рудневой¹² (я скажу о ней позже) сестре 11 января 1985 г.:

«...Есть многое, что никогда не забудешь, что живет и цветет и не умирает. Вот об одном таком мгновении я хочу Вам и Зосе [мне] и Матвею [брату] рассказать.

1909 год – осень. Петербург. 10 линия Вас[ильевского] остр[ова] – Большой конференц-зал Бестужевских курсов.

Это были дни, когда мы, т.е. Нат[алия] Ал[ександровна] Энман¹³ и я (как многие другие в это время), задумали строить новую жизнь, создать друзей и единомышленников и жить коммуной. (Зачем? Не совсем было ясно...) Мы искали себе товарищей повсюду и, конечно, на курсах. Однажды увидели у большого окна, выходящего во двор с садом, печальную фигурку, которая сразу нас привлекла к себе каким-то удивительным очарованием. Она была одинока – просто воплощение одиночества.

Мы подумали и подошли к ней. И т а к [разрядка С.Д.] свершилось наше Душевное соединение на всю жизнь.

Хочу описать Вам ее, какой представляю. Она стояла, облокотясь о подоконник, боком к залу, но смотрела в окно, куда-то вдаль. На ней была клетчатая («шотландская») блузка [может быть, описка, не блузка, а юбка?] красная с черным и черный гимназический передник. Кудрявая, удивительной прелести головка, глаза, губы – все дышало печалью и какой-то беззащитностью».

Два маминых друга, две близких приятельницы, оставили воспоминания о своей жизни. С.Д. Руднева назвала свои «Воспоминаниями счастливого человека» (Московское городское объединение архивов. Личный фонд С.Д. Рудневой. № 2887).

У Екатерины Владимировны Цинзерлинг¹⁴ получилась почти что семейная хроника (Машинопись. Хранится у дочери Е.Д. – Цинзерлинг Г.Д.¹⁵, Москва).

Она начинается с описания древнего швейцарского герба предков, истории жизни нескольких поколений семьи в России – заканчивается торжествами, связанными с открытиями Е.В. в кристаллографии в 60ые годы. Превосходны страницы детства и юности! Столько ярких штрихов семейного уклада, норм поведения; традиционная «обрядовость» придавала жизни значительность и праздничность. Хорошо представляю себе, с какой радостью возвращалась Е.В. памятью к этим картинам прошедшей жизни.

В главе «Мои ближайшие приятельницы» есть главка о Маме:

«Юля Тихомирова.

Юля была очаровательной девушкой. Я помню, как она наслаждалась огромными размерами нашего зала на Бест[ужевских] курсах и бежала по его диагонали с распростертыми руками, болтающимися сзади двумя косами, со спускающимися на лицо локонами, смеющаяся. Она была в коричневом гимназическом платье с черным передником (видимо, по бедности донашивала свой школьный наряд). Училась она, как проклятая, и кончила курс на год раньше, чем полагалось».

Продолжу письмо С.Д. от 11 января 1985: «Мы, конечно, затащили ее сразу на лекции Ф.Ф. Зелинского¹⁶, Ростовцева¹⁷ (она ведь была на отделении русской словесности, а не на нашем) [теория и история искусства]. Она узнала об Изадоре Д[ункан]¹⁸, стала членом наших сборищ, когда мы двигались под музыку в полутемном зале школы (в кот[орой] работала тетка Нат. А.), и во всей нашей богатой и бурной жизни. Она была нашим Гептахорским солнышком, всегда (несмотря на печальные глаза) светлая и готовая расхохотаться своим неповторимым смехом: гордая и нежная, скромная и яркая, нежная и бурная...».

...Из всего Белинского мне дорога одна его мысль. Его мысль о Татьяне: «благоуханный цветок, выросший в расселине дикой скалы». Идея врожденных черт, свойств природы, личности... О Маме тоже можно сказать словами знаменитого критика. В Петербурге,

на курсах, она оказалась в стихии одухотворенного бытия, красоты и дружбы, и душа ее нашла свое истинное пристанище...

Мама вырвалась из своего рыбинского окружения, была принята в круг блистательных петербурженок, образованных, открытых, талантливых...

Боюсь, штудии на отделении русской филологии не слишком увлекли Маму. Не захватили попервоначалу. Может быть, потому, что в ее жизнь вошло искушение культурой начала века. И тут все переплелось: лекции Ф.Ф. Зелинского и симфонические концерты, преклонение перед А. Дункан и увлечение античностью, жадный интерес к народному прикладному – кустарному – искусству и «роскошь человеческого общения» с людьми, встреча с которыми, казалось, была предопределена. Написала же Ст. Д. о первой встрече с Ю.Т.: «Мы подумали и подошли к ней. *И так свершилось наше Душевное соединение на всю жизнь*».

У Мамы надо всем этим при-входящим, убеждена, горела в душе глубокая страсть к совершенствованию самой себя. Без этой жгучей потребности, без претворения ее в жизнь незачем было и ехать на курсы.

И, когда Е.В. пишет, что Ю.Т. «училась, как проклятая», то, мне кажется, речь идет отнюдь не о филологических дисциплинах, а о той сдерживаемой страсти, с которой послушник отдает себя истинной вере, Мама – страсти к Культуре.

Убеждает меня в таком понимании бестужевского периода маминой жизни ее жесткая требовательность к нам в войну. Оккупация. Остров на Чудском озере. По снежной жиже мы носим носилки с дерном и обкладываем им бункера. Надсматривает немец. И вот, пройдя еще и четыре-пять километров в пургу или под ледяным дождем до дому, затемно, поев, ослабев от тепла, мы должны были заниматься: читать по-немецки и по-французски, учить строфы из «Онегина», писать дневник, читать. Нас вела молчаливая исступленная мамина воля – к культуре, к самообразованию.

Да и в наши первые два года в Университете, видимо, генетически, нас тоже колоссально захватил сам Город, его музеи, театры, филармония и требовал сил и времени на свое постижение.

Мне кажется, впитав в себя в эти годы высокую культуру той среды, в которую она попала, того дивного города, в котором училась, Мама ощутила гармонию внутри себя. В неповторимом мамином смехе было ликование, чудная свобода, радость через край. До войны я несколько раз слышала этот счастливый мамин смех, а потом *т а к* она уже не смеялась.

Н.В. Педькова¹⁹ говорила мне в мои университетские годы, что я смеюсь, как Мама. А через несколько лет этот удивительный, счастливый смех пропал и у меня...

Вернемся к курсам.

В доме Камиллы Тревер²⁰ в 1905 г. С.Д. встретила с ее школьной подругой Наташей Энман: «*Это было началом нашей 25-летней дружбы, горячей и глубокой, нашего творческого союза, без которого, вероятно, не родился бы ни Гептахор, ни «музыкальное движение*».

В 1909 г. Стеня Руднева и Наташа Энман учились уже на II курсе. Лекции здесь читали не просто выдающиеся ученые, но и блестящие лекторы. На лекции Ф.Ф. Зелинского в самой большой, 10ой аудитории Бестужевских курсов, приходило много народу и с других факультетов, и из других институтов.

Е.В.: «*Основной интерес на филологическом факультете падал на влюбленного в античность Фаддея Францевича Зелинского. Стеня Руднева и Наташа Энман, главные поклонницы профессора Зелинского, приходили на занятия всегда с живыми цветами, одетые в модернизированные суконные светлых тонов сарафаны с густой ниткой бус вокруг шеи*».

С.Д. писала свои воспоминания, когда ей было 80-85 лет. Но как свежо и благодарно она говорит о своих учителях, подругах, о своем Времени! Цитирую:

«Слушали вдохновенные лекции-проповеди [Ф.Ф. Зелинского], полные не только глубоких знаний, но и всегда раскрывавшие «связь веков». Зелинский в тот год читал курс по истории эллинской религии.

Для нас с Наташей (а позднее в значительной степени и для других членов Гептахора) он стал Учителем жизни и творчества. Одной из любимых античных идей, развитие и жизнь которой он прослеживал в своих трудах и занятиях, была идея дружбы, ее роль в жизни и общении людей».

Встреча с проф. Зелинским на курсах стала для С.Д. продолжением той новой жизни, которая началась для нее 25 декабря (по новому стилю) 1907 г.

В тот вечер в Большом зале Консерватории она первый раз в жизни была на концерте Айседоры Дункан. (А. Дункан была в Петербурге до этого в 1905 г.).

Эти два современника, две харизматические личности, Айседора Дункан и Ф.Ф. Зелинский, сыграли огромную, первостепенную роль в рождении того дружеского творческого кружка, который получил название «Гептахор», в формировании духовного мира и эстетического опыта его создателей и членов.

С.Д.: [Айседора Дункан] «[...] помогла каждому понять свои неосознанные глубочайшие стремления и цели. Она вселяла смелость и силу – «все можно, все достижимо», «все разрешено искать». Позднее, много позднее приходили размышления, осмысление ее искусства и деятельности. В те годы – был восторг, упоение, вера в прекрасное назначение человека, в его чистоту и возможности».

«Наша горячая дружба с Наташей, уже освященная гением И.Д. [«Изадора» – С.Д. произносила «Изадора»], теперь [после лекций Ф.Ф. Зелинского] получила какое-то новое, чудесное значение. Мы стали мечтать об организации группы друзей, воодушевленных одной идеей и одними мечтами, о какой-то общине, строящей новую, небывалую жизнь». «[...] Мы стали присматриваться к окружающим нас девушкам, выискивая среди них нужных нам товарищей».

«В один памятный вечер мы долго оставались около них [около сфинксов у Академии Художеств]; тогда-то и родился конкретный план организации группы друзей, объединенных одной мечтой, одной целью – жить по законам красоты и дружбы, по законам эллинской морали, как мы ее тогда понимали и воображали. [...] Ячейка образовалась сразу: кроме нас с Наташей и Камиллы, которая, хоть и училась в Пед[агогическом] Ин[ституте], но все время посещала лекции Ф.Фр. и др[угих] наших профессоров, в нее вошла только что поступившая на курсы младшая сестра Ка[миллы] – Ильза²¹. Несколько подруг Наташи и Камиллы тоже были на примете (между ними Катя Цинзерлинг)».

«Объединяющим началом были лекции Ф[аддея] Ф[ранцевича], с одной стороны, а с другой – постепенно утверждавшиеся в нашей жизни наши «белые собрания», когда мы двигались, плясали когда под звучащую музыку, когда – под воображаемую. «Белыми» наши собрания назывались потому, что хитоны (вернее, тогда еще длинные пеплосы) были у нас белые». Хитон, пеплос (пеплум) – одеяние древних греков, свободно ниспадающее складками. С.Д.: «[...] Лишь к 1913 году образовалась семерка будущего Гептахора».

Между тем вокруг кипит действительно бурная жизнь, и девушки счастливы в ее водовороте.

Е.В.: *«Мы ходили на все выставки: Чюрлениса²² в 1910 г., когда его почти никто не знал, на Выставку декоративного древнерусского искусства. [...] Мы вообще увлекались старинными русскими кустарными промыслами. [Вот, оказывается, откуда моя любовь к народному прикладному искусству, вот когда была закодирована моя коллекция!] У нас была целая коллекция старинных полотенец, у меня, в частности, из с. Вороново около Кондопоги... [Гуля, дочь Е.В., подарила мне несколько половинок старинных русских полотенец, сохранившихся с тех пор]. [Ходили] на все концерты выдающихся дирижеров и музыкантов. У нас был абонемент на цикл опер Вагнера, куда мы ходили, как на большой*

праздник, и шили себе даже парадные платья! А уроки тоже надо было давать! Я же была независима во всех своих расходах!»

Вряд ли Мама могла позволить себе нарядное платье к симфоническому концерту, но и концерты, и оперы слушала. До войны мы много слышали от нее и о «Кольце Нибелунгов», и о «Тангейзере», и о «Тристане и Изольде»...

Е.В.: *«У Рудневых занимались разучиванием старинных русских песен по сборнику Ляпунова²³, изучали старинные костюмы, даже сшили себе по образцам, выставленным в Этнографическом отделе Русского музея, сарафаны. (У меня было два сарафана: синий, тверской, и красный, сатиновый, с вышивкой); приобретали себе с выставки народного творчества, организованной в Академии Художеств, серебряные пуговицы, застёжки, серьги, ожерелья. Там же, на выставке, были отдельные куски вышивок золотом, из которых я смастерила себе выходную сумочку, красивые повязки на лоб.*

У Рудневых мы расписали белую изразцовую печь».

Я попросила сестру посмотреть в Мухинском училище²⁴ каталоги выставок тех лет. Вот справка: «Фомин И.А. Каталог Исторической выставки архитектуры и художественной промышленности, устроенной в залах Императорской Академии художеств Обществом архитекторов-художников. СПб. 1911. 112 стр.».

Еще: «Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия царствования Дома Романовых». Москва. 1913 г. Императорский Московский Археологический институт». Вероятно, подобная выставка была и в Петербурге... Расписанную изразцовую печь у Рудневых можно хорошо себе представить по фотографии 1912 г.

Я вглядываюсь в девичьи лица, всматриваюсь в их наряды, в «густые» нитки бус, в бисерные украшения и думаю: как современны были эти девушки, как адекватны самым высоким идеям и пристрастиям своего серебряного века, как жадно вдыхали его воздух. Сотворение такого наряда, создание своего образа в нем требовало увлеченности, да что там, азарта, и высокой культуры, и эрудиции, и таланта услышать этот особый звук, особый тон крестьянской эстетики – в русском народном костюме.

В июне 1909 г. С.Д. с Камиллой Тревер едут в Алупку. Они встречают здесь Ф.Ф. Зелинского и получают приглашение придти к нему на дачу к его ученику и другу М.И. Ростовцеву, где он остановился. С.Д. пишет очень кратко об этой встрече, но важный для нее разговор с Ф.Ф. пересказывает почти дословно. *«Я попросила Ф.Ф. быть моим Учителем, указать мне мою дорогу и вести меня по ней». «Он ответил так же тихо и просто: «Никто не может вести другого по его дороге, можно только помочь найти ее».*

Мне кажется, что С.Д. уже преодолела свой выбор и скорее просила благословения на него, чем совета, на какую стезю вступить...

Она уже была в пути... И длинная-длинная творческая жизнь была ее дорогой...

С.Д.: *«Осенью 12²⁰ года в Петербурге открылись «Курсы ритмической гимнастики Эмиля Жака-Далькроза²⁵. [...] Мы гуртом поступили на эти курсы». Но очень скоро наступило разочарование: «Мы стали замечать, что на наших «белых» собраниях мы начинали поддаваться формалистическим приемам Далькроза и терять живую связь движений с музыкой».*

Жак-Далькроз... Это имя – не только шифр к маминой юности, но и – знак нашего довоенного детства... Мы слышали его и о ритмической гимнастике тоже, детали, к сожалению, расплылись в памяти, но не утихшее за годы то мамино увлечение системой Далькроза сердцем помнится точно.

Князь Сергей Волконский в книге «Мои воспоминания»²⁶ пишет, видимо, об этих курсах: *«Петербургские курсы ритмики открыл ужаснейший человек, некий доктор Головинский, заключив предварительно договор с хеллерауской администрацией [в Хеллерау находилась тогда школа Ж.-Далькроза]. Через месяца два, осенью 1912 года, стало ясно, что мы отдали любимое дело в руки авантюриста, отъявленного мошенника...» (с.176).*

Скорей всего на эти-то курсы и ринулись бестужевки.

Вернемся на два года назад.

Из главы о Жаке-Далькрозе «Моих воспоминаний» князя Сергея Волконского ясно, что уже в 1910 г. о нем знали в Петербурге, известно, что и в Москве была «какая-то школа Александровой по системе Далькроза» (Там же. С.166).

Тогда же, в конце 1910го года, Волконский находит школу Далькроза в Дрездене и застаёт последний день занятий перед рождественскими каникулами. *«Вся моя жизнь была бы другой, если бы я приехал днем позже». «Да, это было прозрение, и я хорошо помню этот день».* (Там же. С.167) *«Я понял, что ритмическое воспитание развивает в с е г о [выделено С.М. Волконским] человека, все способности его и что оно должно, когда войдет в обиход воспитательный, облагодетельствовать человечество»* (Там же. С.169).

Все это пишется в 1921 г., через 10 лет после встречи с Далькрозом. Волконскому уже 50 лет! Какая юношеская способность к озарению, к возможности увидеть, понять высшее в другом и принять эти открытия как свой новый путь в жизни... Отсюда, из этого класса, где Далькроз вел свои занятия, для Волконского началась, как он пишет, *«новая жизнь»*.

В Риме Волконский пишет свою первую статью о Далькрозе и о его школе в Хеллерау. *«После этого я не мог успокоиться: я должен был нести весть о том, что узнал, на родину. Поехал в Петербург; там читал публичные лекции, доклады [...]. Вся моя жизнь перекрасилась»* (Там же. С.168).

«Нести весть» – это почти по-библейски «провозглашать Евангелие», то есть нести Благоую весть. Князь Волконский и стал провозвестником системы ритмической гимнастики Далькроза в России. Возможно, он переоценивал значение ритмического принципа в развитии человеческих способностей. Но очевидно, что система Далькроза не только помогала раскрыться личности, но и одаривала ее восхитительным чувством слияния в ритме с десятками, с тысячами людей, возносила над обыденностью существования.

Волконский пишет о школьных празднествах, о народных зрелищах, в масштабах которых ярче всего воплощается ритмический принцип. Его описания их очень похожи на наши современные праздничные открытия олимпиад где бы то ни было: *«Несколько групп стоят отдельными кружками на коленях, головами вместе; под музыку одна из групп со слабым пением, держась за руки, подымается; вытягиваются тела, вытягиваются руки кверху, и в это время пение громче. Вся группа в последней степени напряжения, с поднятыми руками, в поясице перегибается назад – как корзина раскрывается круг гибких тел» ... «Цветок людской поднялся, раскрылся, вздохнул, закрылся. Таких «цветков» пять; [...] по очереди «дышат» музыкальные «цветы», [...] и, наконец, все пять «цветов» поднимаются одновременно и одновременно раскрываются в одном общем аккорде, в одном общем гимне жизни и свету. Свету, потому что свет все время сопутствует нарастаниям и ослаблениям звука»* (Там же. С.180 – 181).

Прекрасное зрелище для сидящих на трибунах, а у Далькроза и у Волконского – сама жизнь в ритме, ритм движения и еще ритмическое пение.

Хочу пойти в Республиканскую библиотеку и поискать что-нибудь С.М. Волконского. (18 I 93).

Система Далькроза живет под разными наименованиями и сегодня.

Выписки из книги кн. Волконского дают представление о тех веяниях, которыми жил в те годы Петербург. Ведь прежде, чем так дружно рвануть на объявленные курсы в 1912 г., наши бестужевки, выходит, уже наслышаны о Жаке-Далькрозе.

Мне важно увидеть в увлечениях С.Д. и ее подруг широту поисков, приобщение (примеривание на себя) к разным художественным мирозерцаниям. С жаром неофитов они ищут истину в художественных заветах новых спасителей человечества. Девушки были подготовлены к встрече с Далькрозом личным опытом переживания и даже воплощения идей Айседоры Дункан.

Мне кажется, они интуитивно догадались о принципиальной разнице между ритмической системой Далькроза и танцем Дункан. У Далькроза ритм гармонизирует человеческое со-общество – танец Дункан раскрывает уникальность к а ж д о й индивидуальности.

Да и С.М. Волконский пишет о «*принципе подчинения движения музыке и передаче звуковых длительностей в длительностях пластического движения*»(Там же. С.182). А у Дункан как раз не подчинение, а свобода выражения музыки, которую слышат душа и тело.

В январе 1913 г. А. Дункан совершила турне по России. Е.В. «*Весной 1914 г. в Петербург приехали четыре взрослых ученицы А. Дункан с секретарем мисс Фрэнк. А.Д. обратилась к нам, студентам, помочь ее секретарше в организации набора русских детей для основания новой школы под Парижем. В помощи мисс Фрэнк участвовала вся наша гептахорская компания. Наташа Педькова была постоянным аккомпаниатором, я – переводчицей*».

Собственно, Гептахора еще не было, но, так как воспоминания пишет член будущего Гептахора, то и происходит эта аберрация во времени.

...Занятия на курсах требовали большого внимания, поскольку именно в эти годы, с 1906, особое внимание в преподавании уделяется предметной системе, то есть работе в «семинариях». Некоторые девушки занимаются сразу в нескольких «семинариях». Форма работы в семинарах была насыщенной: это и занятия в библиотеках – о библиотеках дирекция курсов проявляла особое попечение; это и экскурсии как особый вид научных экспедиций, как бы сказали мы сейчас. Предпринимаются экскурсии в Новгород, в Псков, на Соловки. А декан исторического факультета, профессор-медиевист И.М. Гревс²⁷ в 1907 и в 1912 гг. везет слушательниц в Италию. Профессор Ф.Ф. Зелинский в 1910 году ездил с участницами своего семинария в Грецию. С.Д. Руднева и Н.А. Энман принимали участие в этой экскурсии.

Все эти путешествия явились воплощением особого научного метода изучения данного места (края, города). Этот метод разработал И.М. Гревс и назвал его «экскурсионным». Позднее, сразу после революции, он даже создал в Петрограде Экскурсионный институт. Это необычайно гуманистический способ узнавания и изучения своих ли, чужих мест обитания, настоящего их и прошлого. Метод, позволяющий проникнуться *genius'ом loci* – духом-хранителем места, принять его в свою душу.

Можно себе представить, как гипнотически притягивала к себе Греция приятельниц Стени Рудневой и Наташи Энман. Адепты всего эллинского, они решают всей компанией поехать в Грецию самостоятельно.

С.Д.: «*Учредили кассу взаимопомощи. От директора курсов Булича получили удостоверение о научных целях нашей поездки – это удостоверение давало право на бесплатный проезд в скором поезде до Одессы.*

Камилла Тревер несколько лет преподавала немецкий язык детям директора «Русского общества пароходства и торговли». Ему удалось выхлопотать для нас бесплатные каюты на пароход «Петр I» туда и обратно».

Е.В.: «*Борис Владимирович Фармаковский²⁹, у которого мы тоже занимались, дал нам письмо к одному ученому в Афинах, чтобы он нам тоже помог*».

Е.В.: «*Наше пребывание на пароходе было рассчитано главным образом на палубу. Поэтому у нас были сделаны одинаковые темно-синие суконные плащи почти до пят, чтобы можно было в них укутываться с ногами. Это было весьма внушительное зрелище, когда семь дев шли в этих длинных одеяниях*».

С.Д.: «*В конце мая [1914] мы всей семеркой начали свое паломничество. Хотя мы были вооружены археологически и филологически, хотя у нас была пачка рекомендательных писем к ученым в разных уголках Греции и хотя мы с искренним увлечением посещали и изучали музеи и места раскопок, но больше всего влекла нас сама Греция.*

[...] *Поэтому мы могли недосмотреть чего-то в музеях, а уехать на берег Старого Фалера и собирать там камушки или сесть на трамвайчик и выехать на окраины Афин,*

бродить по пустым полям с одинокими оливами под яростным солнцем, зайти в харчевню и выпить местного народного вина, настоящего на смоле... Но главная сила притяжения был Акрополь²⁹, Афины. Мы уезжали из Афин, чтобы снова возвращаться туда.

И на Акрополе мы больше ходили, лазили, сидели и лежали, чем осматривали, больше «общались» с окружающими нас образами, чем их изучали. Мы иногда шли туда с утра, по дороге купив букетик греческих мелких (но таких ярких и ароматных!) гвоздик, и оставались до вечера.

В полдень, когда все туристы уходили, мы бывали одни наверху, лежали на горячих плитах или «барабанах» колонн Парфенона.

Е.В.: «Из Афин мы отправились на юг в Пелопоннес».

С.Д.: «Но особенно незабываема была наша поездка на Крит и наши дни отдыха на острове Специя».

Е.В.: «В русском посольстве на Крите мы были приняты посланником и его женой. Мы сидели на террасе и любовались морем, пели своим любезным хозяевам русские старинные песни, которые мы специально изучали в Петербурге. Жена посланника плакала. Как-то мы были даже приглашены на обед. И, хотя других гостей, кроме нас, не было, обед был чрезвычайно парадный.

Раскопки в Канихи знамениты сохранностью образцов. Местные археологи избалованы великолепными образцами – черепками керамики критского периода. Так что нам даже разрешили доступ к помойным [?] ямам.

И мы там набрали столь ценный материал, что Эрмитаж купил у нас эту коллекцию!

После Канихи мы отправились через горы на южный берег Крита. Отправились на мулах, сидя, как в дамском седле, а здесь – на дощечке, свесив обе ноги в одну сторону... Три всадника охраняли нас. Эту поездку организовал для нас посланник».

С.Д.: «Нам удалось побыть «наедине с греческой землей», как это мы привыкли делать в родных Железах [дача Н.А. Энман под Лугой], на о.Специя в Арголидском заливе. Нашли обломок маленького обсидианового ножичка – остаток микенской культуры.

Тишина. Начались дни глубокого покоя, радости и безмятежного упоения всем, что нас окружало – наяву, в воображении и в мечте».

С.Д.: «Увозили мы с собой не только воспоминания и незабываемые «волнения чувств», но и большое количество черепков и обломков эгейской посуды; в те сказочные для археологов времена во дворе Кандийского музея была гора «ненужных» обломков, которые некуда было девать. [...] Нам разрешили взять из этой кучи все, что мы хотели.

Юле Тихомировой деньги на поездку в Грецию дала мать Стени Рудневой Варвара Дмитриевна Руднева, урожденная Фон-Дервиз. Это ее отец присутствует на картине Репина «Торжественное заседание Государственного Совета» в Русском музее.

«Паломничество» длилось почти два месяца и оборвалось неожиданно: началась война.

С.Д. писала, что к 1913 году образовалась семерка будущего Гептахора.

Поездка в Грецию как бы завершила годы ученичества для Мамаы и ее подруг. Для Мамаы курсы протянулись не на четыре года, а на пять. Один год она провела в Рыбинске, зарабатывая на учение.

Не стоит думать, что занятия на курсах для девушек этого дружеского кружка были вроде как и не главное. Нет! Они проходили самую серьезную школу научной работы у своих руководителей.

«[...] Семинарская работа К.В. Тревер «Мраморные скульптуры из Ольвии» была тогда же напечатана в 54-м выпуске «Известий Археологической комиссии». Там же были опубликованы доклад С.Д. Рудневой «Чернофигурная котила из кургана Киевской губернии», а в 40-м и 45-м выпусках «Известий» – работа «Амфора милетского стиля из окрестностей станции Таманской»³⁰.

А вот «основные предметы», «специальные отделы», «семинарии», «подготовительные или вспомогательные отделения» и просто «испытания», перечисленные в «Свидетельстве» об окончании курсов. Привожу текст без еров (ъ), ятей (), десятеричного и (і) и склонение прилагательных в современной орфографии. Без изменений «Юлія Феодоровна».

Свидетельство.

Совет профессоров Петроградских Высших Женских Курсов сим удостоверяет, что Юлія Феодоровна Тихомирова, православного исповедания, поступившая на Курсы по аттестату Рыбинской Мариинской женской гимназии, с награждением серебряной медалью, окончила в 1913-1914 учебном году полный курс наук историко-филологического отделения, по группе Русской Филологии, подгруппы Литературы. По основным предметам группы ею выдержаны следующие испытания: по общим курсам: введения в языкознание – весьма удовлетворительно; сравнительно-исторической фонетики русского и старославянского языков – весьма удовлетворительно; сравнительно-исторической морфологии русского и старославянского языков – весьма удовлетворительно; истории русской литературы: древней – весьма удовлетворительно; новой – весьма удовлетворительно; русской народной словесности – весьма удовлетворительно; истории славянских литератур – весьма удовлетворительно. По избранным ею трем специальным отделам: по русской народной словесности (Обрядовая поэзия) – весьма удовлетворительно; специальный вопрос (Преп. Нил Сорский) – весьма удовлетворительно; по новой русской литературе (Пушкин и его эпоха) – весьма удовлетворительно. По Всеобщей литературе (Эпоха Возрождения в Италии) – весьма удовлетворительно. Два семинария: один по литературе и один по языку – пройдены ею вполне удовлетворительно. На испытаниях по подготовительным или вспомогательным предметам отделения она оказала следующие успехи: в логике – весьма удовлетворительные; психологии – весьма удовлетворительные; истории древней философии – весьма удовлетворительные; истории западно-европейских литератур – весьма удовлетворительные; латинском языке – удовлетворительные.

Кроме того, ею выдержаны испытания: по энциклопедическому введению в философские науки – весьма удовлетворительно; истории новой философии – весьма удовлетворительно; сравнительной грамматике славянских языков – весьма удовлетворительно; истории греческой литературы – весьма удовлетворительно; латинскому автору – весьма удовлетворительно.

На основании §31 Положения о Петроградских Высших Женских Курсах 3 июля 1889 г., изданного согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 25 июня 1889 г. Положения Комитета Министров, выдано Юліи Феодоровне Тихомировой это свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Курсов. Петроград, 27 сентября 1916 года.

Директор Петроградских Высших Женских Курсов,
Профессор *подпись* [С. Булич].

Декан историко-филологического отделения,
Профессор *подпись* [Ив. Гревс].

Секретарь Совета,
Круглая печать
Профессор *подпись*

Номер на свидетельстве: 2283/8344.

Какая чуть ли не ренессансная широта и содержательность образования!
Действительно, университетское.

Как видим, среди перечисленных дисциплин нет какого-либо современного живого иностранного языка; выпускницы Мариинских гимназий и так владели ими. В статье Т. А. Быковой³¹, однако, сказано: «*Обязательным для слушательниц всего факультета [историко-филологического], независимо от группы, была сдача латинского языка и одного из новых языков. Не выдержавшие этих экзаменов не могли приступить к испытаниям по избранному ими предмету*».

Готовя все мамины документы, бесчисленные справки для передачи в Центральный Государственный Архив Литературы и искусства Санкт-Петербурга, перебирая их и прощаясь с ними, преданными спутниками всей взрослой жизни Ю. Ф., я как-то вдруг (май 99) по-новому осознала значение одного из них. Это лист плотной бумаги 23x16 см, сложенный пополам. На «обложке», на наружной стороне, в правом углу типографский №. Чернилами вписана цифра «22». Далее курсивом передаю то, что вписано от руки в типографский бланк.

«Окончившей курсъ
СПБ. Высшихъ Женскихъ курсовъ
историко-филологическаго
факультета
по группѣ *русск. филологіи*
(подгруп. *литер.*)
въ 1913-1914 учебномъ году
Тихомировой
Юліи Федоровны
поступившей на факультетъ въ 1909 году

Н. Вѣтвеницкая».

Секретарь по учебной части
Подпись разборчивая.

Ю. Тихомирова сдает «лат. автора», получает отметку «в/у» («весьма удовлетворительно»), принимает экзамен С. Меликова, блестящий знаток древних языков и требовательный педагог. (См. о ней очерк М. Е. Сергеенко «О С. В. Меликовой»³².)

Испытание состоялось «1 II 14», плата – 25 руб. за него внесена «23XI913». Есть подпись казначея.

Итак, Маменька кончает курсы с еще не сданным латинским автором. Сергеенко пишет: «*По правилам Бестужевских курсов без сдачи экзамена по латинскому языку (требовалось свободное чтение Цезаря) никто не допускался к дальнейшим экзаменам*». Значит, только в конце четырехлетнего курса учения (для Мама – пятилетнего, с годом в Рыбинске!) Ю. Т. сдает «лат. автора». В гимназии латыни не было. На курсах надо было начинать ее с азов. В свидетельстве единственная оценка «удовлетворительно» за латинский язык. И – «свободное чтение Цезаря»!!!

Боже мой, представляю, как тяжел был этот груз висевшего и висевшего экзамена...

Еще штрих курсистской жизни: цена сдачи экзамена. Сколько же Маменьке пришлось дать уроков в Рыбинске, чтобы заработать на них...

... Я много думала о том, что будто какие благие силы помогали мне в моей работе, посылая подтверждения, свидетельства происходивших событий.

Март 99. Я приехала в Петербург к выходу из печати моей книги «Жизнь в оккупации» (Дневник сестры). В книжном магазине в одном подъезде с редакцией журнала «Нева» я вижу книгу «Невьянская икона». Короткая рецензия на эту книгу в «Вечернем Екатеринбурге» называлась «Икона», которую мы не увидим³³.

И я вижу эту книгу! Но денег-то нет! Смогу занять только через неделю... (430 р.!)

Умоляю оставить книгу на неделю. Заверяю, что я достойный человек и за книгой приеду, что знаю об этой книге, была в Невьянске, что сейчас делаю книгу о Маме-бестужевке. Бедная дама-продавец почти потерялась в потоке моих слов, но тут быстро выхватила из него «Бестужевские курсы», «бестужевка»:

– А Вы это видели?

И раскрывает 10ый номер «Невы» за 98 г. «Петербург «alma mater» на фотографии «Группа слушательниц и преподавателей историко-филологического факультета ВЖК. Выпуск 1914 г.»³⁴.

Вот Мама! Вот И. М. Гревс! Вот Ф. Ф. Зелинский...

Это – свыше!

...Не знаю, какие семинарские работы сделала Мама, но, когда в 1947 г. я поступила в Тартуский университет на отделение русского языка и литературы и жила этот учебный год с Мамой, то оказалось, что Мама училась у тех профессоров, труды которых входили теперь в учебную программу. Имена Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н.К. Пиксанова, И.А. Бодуэна-де-Куртенэ вызывали в Маме живой отклик: «слушала его лекции», «участвовала в семинарии Пиксанова»... Учебником по истории литературы В.В. Сиповского мы еще сами пользовались.

Ясно чувствовалось, что эти имена будили в Маме другой, светлый мир, и, мне кажется, было какое-то особое горделивое чувство: она училась у них и вот теперь ее учителя – мои учителя. Запомнилось это чувство как будто какого-то со-дружества одних и тех же знаний, поисков, к которому природнялась и я.

Может быть, это и есть самая крепкая нервущаяся цепь: учитель – ученик. А дальше – уже ученик – это учитель. И снова: учитель – ученик. И так далее... Не только в молодые, но и в зрелые годы я всегда чувствовала себя ученицей Бориса Александровича Ларина³⁵, хоть и недостойной – бросила словарное дело ради семьи. Но и сейчас, в 98г., эта связь для меня – живая.

А мамина латынь и греческий! Крылатые выражения, цитаты украшали мамину речь.

... О, этот ослепительный жаркий летний день 42г. в Пушкине, в Екатерининском парке! Мама сушила сено, подгребая его граблями. Видимо, это была какая-то трудовая повинность для жителей. Вместе с Мамой работает долговязый, нескладный молодой человек. Может быть, лет 25 или около того. Его грабли, вскинутые за папушей сена, глубоко всаживаются в землю. Он неловко сгибается, вытаскивает зубья... Но вот они стоят, Мама и молодой человек, опершись о грабли, и над поляной в два голоса, в унисон звучат строфы «Илиады»... Потрясающее переживание! Мама – такая молодая в белом холщовом платье... Нет войны, нет немцев, нет страха смерти – есть необычайная гармония жизни... Торжество гармонии...

Кто был этот молодой человек? Не знаю. Но фамилия его была самая простая: то ли Иванов, то ли Петров.

В поздние годы я думала, не он ли это, уцелевший, кто написал книги о городе Пушкине, А.Н. Петров?!³⁶.

Panta rhei, panta menei – так запомнилось: все течет, все меняется... То есть и все проходит...

Е.В.: «После нашей поездки в Грецию мы решили съехаться в отдельную квартиру и жить одной семьей.

В нашем зале мы ежедневно упражнялись по два часа. Наши движения мы заимствовали на детских уроках А[йседоры] Д[ункан], постоянными свидетелями которых были Наташа П[едькова] и я. Но у нас была и своя музыкантша. Мы были пропитаны древнегреческим наследием: прекрасно знали скульптуру, вазовую живопись и мифы. Прекрасно знали Эрмитаж.

Занятия собственным творчеством мы начали еще будучи студентками, до приезда учениц А[йседоры] Д[ункан], [...] сшили для этих занятий желтые занавески, которые как-то отрешали нас от окружающей реальности, помогали настроению для танца».

Е.В.: «Главный отдых был на даче Нат[аши] Энман под Лугой. Из очень тонкой лёгкой прозрачной ткани разных окрасок лилового, желтоватого, светло-коричневого или белого цвета [шили] пеплосы, на плечах закалывали пеплос фибулами [металлическая застёжка, распространённая в древности и в средние века]. Подпоясывались по строгому образцу древнегреческих статуй. Катались на лодке, убранной цветами, цветными лентами.

Мы организовали небольшую бесплатную школу. Вскоре у нас появились ученики старших классов Выборгского коммерч[еского] училища: Наташа³⁷ и Дм[итрий] Фандерфлит³⁸, Пресняков³⁹, Бульванкер⁴⁰...».

Не знаю, удастся ли воспроизвести несколько пожелтелых любительских снимков. Но они именно то, о чём пишет Е.В.: наслаждение красотой, сотворение красоты вокруг себя и в себе...

С.Д.: «В январе-феврале 18 года началась наша пока еще очень узкая, но все же артистическая художественная жизнь; уже 28 янв[аря] состоялась наша «вечеринка» (как мы это тогда называли), на которой мы показали близким друзьям и знакомым наши первые опыты художественной пляски.

В это же время Б.Ф. Фармаковский предложил поступить на службу в Археологическую комиссию в античный отдел. Пока в комиссии шла перестройка, было свободное время. Все оно шло на творческую работу, весной было около 15 «вечеринок».

5 мая у нас была особенная «вечеринка» для очень близких друзей и с особой специальной программой. Она была обращена к самому дорогому, долгожданному зрителю: на нее был приглашен Фаддей Францевич Зелинский.

[...] В это время мы были озабочены поисками названия для своего коллектива, в котором были бы соединены понятия «семерых» и «пляски». Когда закончилась наша программа и Ф.Ф. собрался уходить, мы обратились к нему с просьбой «окрестить» нас. Он не задумываясь сказал: «Гептахор» [Hepta – семь и choros – пляска].

ТАК МЫ СТАЛИ ГЕПТАХОРОМ, А ОН – НАШИМ КРЕСТНЫМ ОТЦОМ».

Вот эти семь девушек, первый состав Гептахора:

1. Стеня Руднева.
2. Наташа Энман.
3. Катя Цинзерлинг.
4. Наташа Педькова.
5. Камилла Тревер.
6. Ильза Тревер.
7. Юля Тихомирова.

В конце 70-х гг. С. Д. прислала Маме такую записочку:

«При разборке архива обнаружила дубликаты, которые, наверное, доставят вам радость».

Посылаю программу 1914 г. Юличу [Маме] и Наташе М[аленькой]. Так звали в Гептахоре Н. В. Педькову], программу 1918 г. – Н. Косатой [Н. К. Бриммер (Фандерфлит)].

А наши «песни» всем вам троим.

III 1977.

Ст.».

Программы в маминых бумагах не нашлось, а вот СТРАНИЧКИ «ПЕСЕН» у меня в руках. Чудная, тонкая, плотная бумага с водяным знаком какой-то нерусской фирмы цвета старого белого шелка. Лист сложен пополам, так что «песни» – как бы двойной лист из узкой тетради (21x13,5 см). Поверху на первой, лицевой страничке, – широкая заставка. Сплошной линией и пунктиром тушью (не выгорела!) сплетены прихотливые плавные линии с завитками аканта. Графический рисунок, как ободком, обведен нежной зеленой и голубой и красной

акварелью. Вся композиция производит удивительное впечатление движения, набегающей волны, устремления... Угадывается веяние модерна. Наверное, это работа Н. А. Энман.

Здесь три «песни». Первая строфа первой:

*Родное море
В праздничной дымке,
Играя, тает
Лазурь твоя.
О море,
Родное море,
К тебе стремится
Душа моя.*

Остальные пять строф близки по настроению, лексике и ритму. Следующее – «Гептахор».

*Томит, манит
Голубой простор,
Летит, шумит
Гептахор!*

*Шуми, белей,
Волны убор,
Летит, шумит
Гептахор!*

*Горит, блестит
Лучезарный взор –
Вперед бежит
Гептахор!*

*Туда, туда,
В голубой простор.
Любя летит
Гептахор!*

*Зовет, манит
Волны узор...
Плывет, летит
Гептахор!*

*Вдали, вдали
Засиял Босфор...
Лети, лети,
Гептахор!*

*Забыт, забыт
Самолет-ковер:
Он сам летит
Гептахор!*

*Вдали, смотри –
Очертанья гор
Родных – скорей...
Гептахор!*

Н. Э. [Н. Энман].

(поется не мотив *Ständchen Schubert'a* «Вставай, вставай, красавица моя»).

Третье:

*«В голубую даль...»
Ильза Тревер.*

*Корабль мой белокрылый,
Лети в голубую даль.
Исполнен я веры и силы,
Изгнал я свою печаль.*

*Лазурное светлое море
Манит в безбрежный простор.
Я верю: минется горе,
Я верю в Тебя, Гептахор.*

*Ах, радостен солнечный путь,
Надежны мои корабли...
И хочет душа утонуть
В голубой и глубокой дали.*

*Лети, мой корабль крылатый,
Гордо неся паруса.
Есть за морем остров богатый,
Там за морем – все чудеса.*

*А. Пресняков.
(на мотив Schubert'a Lorelei).*

Как видно из эпиграфа, выбранного А. Пресняковым к «песням» Гептахора, стихи И. Тревер были хорошо известны окружению Гептахора. Не знаю, были ли все они собраны и изданы в поздние, совсем советские годы, но истинно, что только Провидение сохранило до наших дней вот эту книжечку стихов Ильзы Тревер. Ее размер 14x8,5 см в обложке твердого картона сложного сине-зеленоватого цвета. Сами странички чуть меньше: 13x7,5. Бумага отменная: плотная, в мелкий-мелкий горизонтальный рубчик, на некоторых листах проступают на свет водяные знаки какой-то европейской фирмы, листки просвечивают тонкими вертикальными линиями с интервалом в 2,5 см. 26 страничек. Титул: *Ильза Тревер В лазурную даль Стихи Петербург Государственная Академическая Типография 1920* Посвящение: «*Кате, Стене и Наташе*». На форзаце в конце книги: «*Издание этой книжки задумано 27 апреля, обсуждено в Москве 20 июня; набрали ее 8 и 9 июля Камилла Тревер и Иосиф Орбели; сверстал книжку Михаил Стрельман, отпечатал Виктор Штейн; отпечатана 10 июля (27 июня) 1920 года в семи экземплярах*».

На внутренней, к стихам, стороне этого форзаца – семь летящих ласточек... Семь книжечек... Семь гептахорских девушек...

Слово «Гептахор» не произнесено. Но большая часть стихов – счастливая, ликующая радость всем вместе плыть «в лазурную даль», плыть в Грецию и быть в Греции.

*Так чисто небо и так высоко.
Лазурь морская ясна всегда.
Земля и горы видны далеко.
Плывет наш белый корабль туда.*

*Плывут перед нами на юг дельфины.
Летают птицы у нас в снастях.
Мы миновали луга, равнины,
мы миновали Босфор в цветах.*

*Над нами солнце слепит и греет,
а море с каждой волной синей.
Уж горы ближе, земля яснее,
наш парус гнется, плывем быстрее.*

Это стихотворение открывает сборник.

*Мы идем по широким ступеням,
поднимаемся вверх не спеша;
а вокруг замыкаются горы,
и вдали голубая волна.*

*Мы идем по горячим ступеням,
поджидаем отставших порой.
На камнях теневые узоры
от цветов, что несем мы с собой.
Мы идем по горячим ступеням.*

*Мы медлим у белого входа.
Бьется сердце так сильно в груди;
так долго мы ждали мгновенья,
так долго мы ждали прихода,
что медлим еще от волненья, –
не можем так сразу войти.*

*Не видим мы синего свода.
Белый мрамор вверху впереди.
Мы в сердце скопили так много.
Стоим мы с цветами у входа,
одна привела нас дорога.
Высокой мы все принесли.*

Первые шесть стихотворений без дат. Может быть, они сразу и были написаны, во время или вскоре после встречи с возлюбленной Грецией.

Приведу еще одно:

Ю. Т.

*Ветер веселый играет кудрями.
Даль голубая бледна.
Синее море играет лучами,
Парус качает волна.*

*Ветер и волны тебя всю качают,
взор твой в дали голубой.
Солнце и море лучи посылают.
Все для тебя и с тобой.*

1916.

Еще одно стихотворение.

С. Р.

*Иди за светом
всякой тропой.
Зимой и летом
за нашим светом
иду с тобой.*

*Иди за светом
новой весны.
И ярким летом
с тобой за светом
мои мечты.*

*Горит высоко
наша звезда.*

*Хоть я далеко,
в душе глубоко
с тобой всегда.
1920.*

«Ю. Т.» – это Юлия Тихомирова, «С. Д.» – Стеня Руднева.
Может быть, надо переписать сюда все 26 стихотворений? Вот хотя бы еще это:

*Смотри, вот светлая дорога
сквозь жизни пестрый сад.
Смотри, над белым храмом бога
огни уже горят.*

*Иди по той дороге
сквозь жизни пестрый сад;
уснут твои тревоги,
уйдет твоя печаль.
В саду огни горят,
бросая тени вдаль.*

*И, знай, на той дороге
тебя я буду ждать,
и вместе в храме бога,
забыв свои тревоги,
забыв свою печаль,
мы будем ночь стоять,
безмолвно глядя вдаль.*

*Спеши, вот светлая дорога
сквозь жизни пестрый сад.
О, поспеши, над храмом бога
огни еще горят.*

1919.

Какая светлая одухотворенность... И особый, подлинный талант – всем существом помнить мгновения соприкосновения с вечностью – в природе, в искусстве, в истории... Впитать эти яркие мгновения и продолжать жить с этой вспышкой, с этим светом в душе...

Я повторяю про себя:

...Мы идем по горячим ступеням...

*...У нас цветы, и мы поем,
и на корме у нас венок...*

*...О, поспеши, над храмом бога
огни еще горят...*

Господи, какое счастье, что в жизни Мамаы были и курсы, и Гептахор, и Греция...

С.Д. Руднева отдала весь свой архив, личный и относящийся к деятельности Гептахора, в Московское городское объединение архивов. На нем стоит помета «Хранить постоянно». С.Д. не успела или не сумела опубликовать историю рождения Гептахора и его художественно-педагогической деятельности.

История эта примечательна тем, что стоит в одном ряду с духовными исканиями начала века, рядом с именами Айседоры Дункан и Жака-Далькроза, ну, если не рядом, то осененная ими..., не тот вселенский размах, конечно, но те же идеи высвобождения тела, а не только воспарения духа, то же стремление к гармонии физического и идеального в человеке... Упоение возможностями человеческого тела естественно выражать всю глубину и эмоциональное богатство музыки, от народной пляски до произведений Шопена...

Мне не приходилось читать о Гептахоре, кроме как в книге воспоминаний Н.П. Анциферова «Из дум о былом»⁴¹. Николай Павлович Анциферов – наш с сестрой крестный. Я не знаю, когда они познакомились, Мама и Н.П. Но существовало такое объяснение: Н.П. был любимым учеником проф. И.М. Гревса в Университете, а Мама – любимой ученицей И.М. на Бестужевских курсах. С 1926 г. Мама работает в Экскурсионно-справочном бюро Центрального бюро краеведения секретарем. Председатель – И.М. Гревс. Н.П. в эти годы – известный экскурсионист, автор книги «Душа Петербурга», научный сотрудник этой же секции ЦБК.

Все наше отрочество и юность были освещены обликом Н.П. Вернее сказать так: Николай Павлович был наш идеал человека, высокая и далёкая цель по пути самосовершенствования.

Прежде чем заговорить о Гептахоре, продолжу необходимое отступление.

В главе «Профессора» пятой части воспоминаний «Университет» Н.П. пишет, что он хотел изучать *«исторический процесс через познание отдельной личности»*, личность интересовала его *«как симптом своего времени, как фрагмент эпохи, по которой постигается целое»* («Из дум...». С. 155).

В мае 1941 г., присутствуя в Университете на гражданской панихиде по И.М.Гревсу, куда нас, четверых детей, привез из Пушкина Папа, я дала себе слово стать историком. Не стала. Может быть, только сейчас желание сохранить память о Маме и об Отце и делает меня почти что историком. МАМИНА СУДЬБА, СУДЬБА ГЕПТАХОРА – «СИМПТОМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ», как выражается Н.П., один из тех «фрагментов эпохи», без которых не будет картины целого.

Я хочу, чтобы этот «фрагмент» был дан с наибольшей точностью.

Больно читать в воспоминаниях Н.П. поверхностный, понаслышке рассказ о Гептахоре и о тех, кто с ним связан... Хотя в те годы, когда он работал над этой частью, думаю, конец самый 40-х – начало 50-х (до смерти Сталина, сужу по тону...), были живы почти все члены кружка. Адрес Мамы в Тарту у Н.П. был; мы виделись с Н.П. в Ленинграде в юбилейные пушкинские дни 49 года.

Почему же Н.П. не написал Маме?! Мама несколько лет была «заведующей студией музыкального движения «Гептахор».

... Профессору Ф.Ф. Зелинскому Н.П. посвящает несколько страниц. Может быть, именно самые первые и самые яркие впечатления от встреч с Зелинским на его лекциях оставили на всю жизнь в памяти Н.П. такой образ Ф.Ф.:

«Фаддей Францевич был высок. Его выпуклый лоб куполом венчал лицо. Темные с проседью волосы вяжась обрамляли чуть закинутую голову. Слегка курчавая борода напоминала бороду Софокла; в его глазах, широко раскрытых, казалось, отражался тот мир, который он воскрешал своей вдохновенной речью». («Из дум...». С. 157).

«Перед нами был не пожилой профессор [в 50-то лет!], а вдохновенный Айод⁴², преемник самого Гомера» («Из дум...». С. 158).

Да, таким, конечно, видели его и бестужевки...

Вторая часть очерка о Ф.Ф.Зелинском посвящена иным временам: судьбе проф. Зелинского после революции и судьбам его учеников. И о нем самом, и о его учениках, кто оказался за границами СССР, Николай Павлович говорит пренебрежительно, свысока, точно человек, принявший какую-то высшую идеологическую (коммунистическую!) схиму и

имеющий право судить... и что уже совсем невероятно – судить с позиции национальной принадлежности...

Особенно пристрастен Н.П. к Зелинскому: *«этот поляк, воспитанник Гейдельберга». «Там, на чужбине [в Польше] в Зелинском победил поляк, «Пан Тадеуш», победила закваска гейдельбергского студента. Он не эмигрировал, он репатриировался» («Из дум...». С.160). Невольно вспомнишь чеховское «поляк надутый» из «Ионыча».*

Судьба жестоко отпасовала Николаю Павловичу его недобросовестную оценку отъезда в Польшу Ф.Ф.: в феврале 1942г. его дочь Танечка⁴³ с тетей Аней, сестрой матери, А.Н. Оберучевой, уезжала в Германию как фольксдойтч. А.Н. Оберучева смогла представить доказательства своего немецкого происхождения. (Тетка сестер Оберучевых – Л.Г. Гессель «Из дум...». С. 120). Мы видели этот отъезд, так как провожали Р. В. Иванова-Разумника с женой Варварой Николаевной, урожденной Оттенберг. (См. Дневник. Запись 15 IX 43 и примечание к ней.)

Убеждена, что трагизм существования – голодная смерть, репрессии или легкость быть убитой в артобстрел – диктовал и трагизм выбора. И в этом выборе, мы, живые, никого не имеем права обвинять.

Объяснять же национальностью те или иные политические или общественные поступки личности... Ну, знаете...

... А вот как тоталитарное государство решает национальный вопрос и тем самым «учит» нас национальному вопросу, могу рассказать.

Первый акт геноцида был произведен советской властью с 1928 по 1935 г. над народом Ингерманландии, проживавшим на своих исконных землях на берегах Невы, Ладожского озера и Финского залива⁴⁴.

Во время финской войны 1938-39 г.г. всех финнов из Ленинградской области ссылали в Сибирь. Наша фамилия Хордикайнен, мы чудом уцелели. Может быть, отец, Хордикайнен Александр Матвеевич, экономист, «зам. нач. сектора» (трудовая книжка) в Гипролесхиме был нужным специалистом. Это был ещё один опыт депортации народа в нашей стране.⁴⁵ В пионерском лагере в 1940 г. сестру дразнили «Маннергеймом».

О 42 г. во время оккупации я написала.

43 год, начало марта. Немцы гонят по Эстонии эшелон с беженцами из Гатчины. Мы отстаем, потому что нас принимают эстонцы благодаря нашим финским фамилиям.

46-47 г. Всех финнов из Эстонии ссылают в Сибирь. Хватают прямо на улице. Мы уцелели, так как Мама – Тихомирова Ю.Ф.

47 г. Школа в Тарту мне присуждает золотую медаль. 28 VII 1947 г. я получаю извещение, что медаль мне не присуждается. Даже серебряная. Медаль получает девушка с эстонской фамилией.

57 г. В августе после окончания аспирантуры в ЛГУ приезжаю на работу в Башкирский университет. Разумеется, после предварительной переписки и согласия принять на работу. Во время представления ректору Чанбарисову Ш.Х. в первые три минуты он мне сказал: «Нам нужны натуральные башкиры». Меня не зачислили в штат, а взяли почасовиком.

75, 78 г.г. Сыновья получают паспорта. Мой муж – армянин. Мальчики похожи на него. Получая паспорт, записываются армянами: «А то ведь скажут: примазались к русским, или примут за евреев» [!].

Лет 8-9 назад мой шестилетний внук, сидя на диване, задумчиво вертел ножками, хотя должен был уже лечь спать. Наконец:

–Бабушка, ты татар?

–Нет, а что?

–Рустем говорит, что все татары поднимутся и пойдут резать русских...

Боже мой, какая несчастная мы страна!

А теперь вот (ноябрь 98 г.) и откровения депутата Думы генерала Макашова. Позор всем нам, всей России: депутаты Думы не открестились от юдофобии генерала-параноика... К чему все это приведет...

Но ведь было время, до войны, когда мы вообще не воспринимали чью-либо национальность как какую-то отличающую человека черту. Соседи оказывались не такими, как все, только потому, что Пасха у них в другое время и, вместо куличей, – «маца», пресное печенье, очень вкусное. Но и в нашей собственной семье всегда было две Пасхи, два Рождества, католическое и православное.

Польская речь, прежде всего молитвы, мы их знали на слух; финские слова, образы Калевалы, нашу карельскую лайку Папа назвал Сампо (мельница–самокрутка в «Калевале»), мы были «пикарасиками» от фин. *rikkarainen* – маленький...; немецкий и французский языки, которые мы стали изучать после возвращения родителей из ссылки, – все это была атмосфера большой общей культуры, где все сливалось в единое целое.

Слово «чухонец» («приют убогого чухонца») было абсолютно литературным синонимом «финна», а слово «жид» было хорошо известно по книжкам в словосочетании «вечный жид». Недаром после одного из этапов в феврале 1944 г. по Эстонии я в отчаянии пишу в маленькой записной книжечке:

«Нас гонят из Võbs'a, и мы идем и идем, я устала ужасно... Я иду и плачу: мамы нет, друзей нет, в будущем – судьба вечных жидов».

Полностью записанное в этой книжечке опубликовано в «Жизни в оккупации», стр. 85-87.

А теперь...

... О режиссере Радлове, ученике Ф.Ф. Зелинского, оказавшемся в оккупации, Н.П. выражается, как о режиссере, «дурно кончившем свою карьеру на службе у «гитлеровцев» («Из дум...». С. 158). См. примечания А.И. Добкина («Из дум...». С. 427).

То есть логика простая: был в оккупации, значит, был «на службе у гитлеровцев». Оказавшись в оккупации, режиссёр и его театр работали.

Наша семья тоже была в оккупации. Как жили в городе Пушкине, так и оказались в оккупации. Мама была «на службе у гитлеровцев». Была! В пошивочной мастерской пришивала пуговицы к солдатскому обмундированию. Получала котелок баланды и карточки на хлеб на нас, четверых детей, и бабушку. В те годы, когда Н.П. писал эту часть своих «дум», быть в оккупации – значило входить в касту неприкасаемых...⁴⁶

Однако, далеко завели меня размышления над страницами воспоминаний Н.П. А.И. Добкин в примечаниях к книге Н.П. деликатно поправляет его и даже объясняет пережесты в оценках своих современников по Университету личными переживаниями Н.П. после войны.

Но, может быть, верно и это: *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Времена меняются, и мы меняемся с ними... Вот так кстати вспомнилась мамина латынь, это изречение я знала на слух еще до войны...

Теперь, во всяком случае в этой главе «Профессора», Н.П. демонстрировал свою преданность режиму. Иначе к чему были бы фразы: «*Ростовцев не понял значения и смысла Октябрьской революции. [...] Он был безнадежно чужд родине, обновленной революцией?*» («Из дум...». С. 162).

Явственно слышен голос «внутреннего редактора», и с грустью понимаешь, что Н.П. действительно поостерегся что-то узнавать о Гептахоре через Маму.

Любопытно, кто дал очеркам о путешествиях Н.П. в Норвегию, Италию, Швейцарию, Париж общий заголовок «На чужбине»? Какая «чужбина»? С 1908 г. по 1914 он шесть раз бывал за границей (а в 1906 г. – гимназистом в Ницце), в 911 провел чуть ли не полгода. Н.П. пишет, что был «счастлив Италией» («Из дум...». С. 255), пишет: «Франция и Париж не были мне родными, как Италия с Римом, как Норвегия [...]» («Из дум...». С. 257). В Италию и в Швейцарию он совершает свадебное путешествие в мае-июле 914 г.

«Духом путешественности» (выражение И.М. Гревса) Н.П., мне кажется, был воодушевлен еще до знакомства с профессором Гревсом.

Так что «чужбина» – это тоже дань времени.

Итак, не «чужбина», а «обетованная земля» («Из дум...». С. 286), не «этот поляк», а трагическая судьба человека в век двух тоталитаризмов, и служба у гитлеровцев – в тех двух конкретных случаях, которых я коснулась, — трагическая неизбежность.

Да, времена меняются...

Поэтому ничего удивительного нет в том, что рассказ о проф. Ф.Ф. Зелинском, хотя и представляет нам его вначале, вероятно, таким, каким он остался в памяти С.Д. Рудневой и других членов будущего Гептахора в годы их учения на Бестужевских курсах, во второй его части нуждается в серьезном переосмыслении. Точно так же и о Гептахоре сказано много неточного и надуманного.

Я должна говорить об этих страницах воспоминаний Н.П., потому что не хочу видеть жизнь Мамаи и ее приятельниц в столь искаженной перспективе, а их Учителя – в таком предвзятом свете.

Не буду пересказывать, решаю, что надо дать этот кусок воспоминаний для самостоятельного прочтения.

Вот этот текст, который так взволновал меня.

«Иная судьба учениц Фаддея Францевича. [О судьбе учеников сказано раньше с недобрим пристрастием – С.Н.]. Женская душа – более благодарное поле для сеятеля Зелинского. Вокруг него образовалось тесное и замкнутое кольцо из восторженных поклонниц. Их можно было узнать по внешности. В годы высоких причесок, они были причесаны гладко (допускались косы, венком оплетавшие голову). Они носили скромные блузки и передники. Всегда чистые и аккуратные. Ближайшие ученицы Зелинского, которых он возил в Грецию, образовали Гептахор. Увлеченные Айседорой Дункан, они в танцах оживляли известные античные статуи. Первоначально застывшая группа – «Рождение Афродиты» (известные архаические рельефы Музея Терм в Риме) – постепенно оживает в танце, передающем ритм скульптурной группы, так же, как ритм прелюдий Шопена или фуги Баха передавала прославленная босоножка.

Гептахор жил общей жизнью. Это была маленькая коммуна амазонок науки и искусства. Если какая-нибудь из гептахорок вступала в брак, подруги ее переживали глубокое волнение. Сумеет ли муж включиться в своеобразный быт? Рожденный Рудневой ребенок Никон сделался сыном всего Гептахора. Надо знать, что почитательницы Сафо не были ее последовательницами. Их нравы были безукоризненно чисты.

В 1911 году Гептахор пережил драму, потрясшую кружок. Распространился слух о «жертве Зелинского». Одна из близких его учениц родила от него ребенка. Гептахор отвернулся от своего учителя. Слух о грехопадении Пана Тадеуша получил широкую известность. И мы, студенты, почитатели Зелинского, были глубоко возмущены поступком профессора.

Зелинский счел нужным публично оправдаться. Но как? На Бестужевских курсах была объявлена его внекурсовая лекция: «Трагедия верности». Курсистки всех факультетов переполнили зал. Зелинский на нескольких примерах греческих трагедий противопоставил понятия мужской верности и верности женской. Женская верность – отрицательная. Ибо женщина, для того чтобы быть верной, должна отречься от всех соблазнов иной любви. Верность мужская – положительная, ибо мужчина способен быть верным одновременно многим женщинам, не отказываясь от многочисленных воплощений своего Эроса. Эта «философия петуха» была подана с таким достоинством и талантом, что произвела не отталкивающее, как следовало ожидать, а положительное впечатление. И группа курсисток поднесла Зелинскому букет лилий – знак его оправдания. (В перерыв успели сбегать на Средний проспект в цветочный магазин). Но не отпустил грех своему учителю Гептахор. Лишь с годами сгладилась глубокая трещина.

Когда в 1912 году в дни поездки нашего семинария с И.М. Гревсом в Италию, я слушал рассказ Е.В. Ернштедт о путешествии по Греции с Зелинским, я спросил ее мнение о Фаддее Францевиче. «Зелинский! Это чудовище», — воскликнула девушка в большом волнении. Я спросил: «Почему?» Краска залила лицо Елены Викторовны, и ответа я не получил.

А мне хотелось узнать ответ. И по возвращении в Петербург я задал тот же вопрос Л.Ф. Завалишиной, передав ей содержание моего разговора с Ернштедт. Кроткая и застенчивая Людмила Федоровна вспыхнула от негодования: «Скажите Елене Викторовне, что она дура». Я ничего не понимал. Вскоре, однако, мне удалось узнать, что Людмила Федоровна и есть жертва Зелинского. Что он является отцом ее маленького Вали. Как же могло это случиться? Завалишина вместе со своим учителем переводила «Баллады-послания» Овидия. Работа сблизила их. Для нее Зелинский стал подобием Зевса, божества, оплодотворившего Леду, Европу, Данаю и других многочисленных юных гречанок. Иметь от Зелинского сына ей казалось величайшим благом.

После революции я встречался с Фаддеем Францевичем в Экскурсионном институте. [...]

Вскоре Фаддей Францевич уехал за границу. Я не думал, что этот поляк, воспитанник Гейдельберга, вернется в «Совдепию» (это его выражение). Но он вернулся. «Срок моей командировки кончился». Петроград был еще во власти разрухи и голода. Нас поддерживал «Дом ученых», созданный по инициативе Горького. Летом 1921 года в Институте Искусств состоялся вечер, посвященный юбилею Данте (600 лет со дня смерти). Среди ораторов был и Зелинский. Он исхудал. Его волнистые волосы торчали беспорядочными прядями. Долгополый сюртук висел на нем, как на вешалке. Из порванного башмака торчал белый носок, замазанный чернилами. Зелинский говорил медленно, с трудом. [...] Вскоре он уехал опять... И не вернулся, как голубь, выпущенный из Ноева ковчега. Там, на чужбине, в Зелинском победил поляк, «Пан Тадеуш», победила закваска гейдельбергского студента. Он не эмигрировал, он репатриировался».

«Из дум...». С. 158-160.

«Ближайшие ученицы Зелинского, которых он возил в Грецию, образовали Гептахор» («Из дум...». С. 159).

В Грецию в 1910 году ездили только две девушки из будущего Гептахора, С.Д. Руднева и Н.А. Энман. Гептахор родился лишь в январе 1918 г.

«Гептахор жил общей жизнью. Это была маленькая коммуна амазонок [?!] науки и искусства» («Из дум...». С. 159).

Гептахор стал «жить общей жизнью» после экскурсии в Грецию, когда все семь девушек уже расстались с курсами, зима 1914-1915.

«Если какая-то из гептахорок вступала в брак, подруги ее переживали глубокое волнение. Сумеет ли муж включиться в своеобразный быт? Рожденный Рудневой ребенок Никон сделался сыном всего Гептахора» («Из дум...». С.159).

В те годы – 910-911 – никто из членов будущего Гептахора не выходил замуж, но и в 1914 г. – тоже.

Сын С.Д.Рудневой родился в 1923 году. С.Д. было ... 33 года.

Аннотированный указатель имен к воспоминаниям Н.П., хоть и с вопросительным знаком, приписывает ему отчество «Фадеевич». Отец Никона – Бульванкер Владимир Захарович.

В воспоминаниях С.Д. никак не отразилась тема «грехопадения» Зелинского.

Вся эта страница, на которой переплетаются имена Ф.Ф.Зелинского и Гептахора, написана по слухам, пересказам и ... даже сплетням. Мне кажется сомнительным удовольствие копаться в личной жизни молодых женщин. Спрашивать – переспрашивать, сопоставлять суждения... Ведь разговоры эти Н.П. затевал не о сложных любовных и семейных отношениях героев греческой мифологии, а переступал черту, за которой личность неприкосновенна.

Н.П. пишет об ученицах Ф.Ф. Зелинского: «Всегда чистые и аккуратные». Но неужели другие бестужевки, ученицы И.М.Гревса, Б.Ф. Фармаковского, других профессоров производили впечатление грязнуль и нерях?! Этот пассаж Н.П. доказывает, как он был пристрастен, несвободен в оценках деятельности Ф.Ф. Зелинского и его окружения. И не чистоплотность и аккуратность излучали прелестные девушки, а высокую одухотворенность словом Учителя.

В который раз перечитывая эти страницы воспоминаний Н.П., я думаю, только Фрейд⁴⁷ мог бы объяснить это ревнивое недоброхотство Н.П. по отношению к Зелинскому. Что-то есть в них темное, неясное, какое-то запоздалое соперничество.

Курсистки преподнесли после лекции Зелинскому букет лилий: «В перерыв успели сбегать на Средний проспект в цветочный магазин». «Успели», «сбегать» – это сказано с восхищением? С иронией? С чувством, близким к зависти, затаившейся в подсознании?

Ф.Ф. Зелинский, «последователь Ницше»⁴⁸, и молодой человек, юноша, очарованный «светлым аскетизмом» Франциска Ассизского⁴⁹ («Из дум ...». С.293), – они и не могли понять друг друга. Тогда. А через 40 с лишним лет?

Это несовпадение мировосприятий, думаю, и продиктовало все оценки, слова и выражения, на которые я обратила внимание.

С.Д.: *«Наступила осень 18 года – к нам пришло четверо мальчиков и Наташа Флит из девичьей группы и сказали, что хотят продолжить занятия».*

Наташа Флит и несколько мальчиков – это выпускники Выборгского восьмиклассного коммерческого училища 1918 года, с которыми бестужевки вели занятия в их ученические годы. Наташа Флит – Наталия Константиновна Фандерфлит – самый большой мамин друг с тех самых лет.

В книге «Школа в Финском переулке» В.Р.Лейкиной-Свирской и И.В.Селивановой⁵⁰ читаю: *«Осенью 1917 года был организован кружок пластического танца в стиле знаменитой Айседоры Дункан – девочки танцевали в хитонах и босиком. Этот «ансамбль» должен был участвовать в постановке «Антигоны» (с. 93). Как видим, весьма приблизительное представление о «движении», которым занимались С.Д. и ее подруги.*

Вот и Н. Берберова в автобиографии⁵¹, говоря о жизни своей петербургской подруги *«Наташи фан-дер-Флит»* – речь идет о 21 годе – выражается так: *«Другая Наташа [У Н.Н. Берберовой была подруга и еще одна Наташа – Шкловская.], в старом доме на Васильевском, бросалась от танцев Дункан к живописи, пела, сочиняла стихи, лепила и собиралась замуж».*

Совершенно не представляю себе такого стиля поведения Н.К., или, как сказала бы она сама, «train» (Н.К. очень любила это словечко!), чтобы она «бросалась» к чему бы то ни было, это не было свойство ее природы... И, кроме того, только на сторонний, поверхностный взгляд кружок С.Д. и подруг занимался «танцами Дункан».

С.Д.: ... *«В зиму 918 г. в программах Гептахора преобладали Шуберт и его танцы».*

С.Д.: *«Интересной работой были «Новогреческие песни». Это серия народных мелодий разного характера, заканчивающаяся «Весенней игрой» (фракийского происхождения). В нее входили печальные песни, оплакивающие якобы умершую подругу, вызывающие ее к жизни, после чего внезапный переход к яркой плясовой мелодии, возвращение ее к жизни. Воскресавшую исполняла я».*

«В эти годы ставились «Одиссей у феаков», «Геракл в саду Гесперид», «Весенняя сказка о Деметре и Персефоне» (музыка Шопена)».

«Весной 19 г. к нам обратился директор только что открывшегося Института Живого Слова Всеволод Николаевич Всеволодский – Герн-гросс с предложением вести музыкальные занятия в его театральной студии. В мае был проведен в Институте показ нашей работы».

Гептахор, увлечение, принимавшее все более профессиональный характер, становится фактом культурной жизни Петрограда.

Передо мной вот такой документ:

РСФСР
Наркомпрос
Главнаука
Институт Живого Слова
Мая 3 дня 1923 г.
N 131
Петроград
Пл. Александр. т.7

Удостоверение.

Дано сие ОБЩЕСТВУ «ГЕПТАХОР» в том, что члены его состояли преподавателями Института Живого Слова по классу пластики и пляски с 16 мая 1919 года по 4 апреля 1923 года.

печать

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИНСТИТУТА подпись

Управляющий Делами подпись

С.Д.: *«В 1921 г. мы получили название «Государственная студия музыкального движения «Гептахор»».*

Окончив курсы, Мама, видимо, искала себе место. Нахожу в бумагах уведомление из «Канцелярии Попечителя Кавказского учебного округа» о том, что в округе «свободных учительских мест [...] нет и в ближайшем будущем не предвидится». Это – Тифлис, 29 декабря 1914 года.

Работать Мама начала в Путиловском коммерческом училище и в Женских Рукодельных классах при заводе. В одной справке сказано так: «[...] Вышеуказанная Тихомирова Учебным отделом М-ва Торговли и Промышленности назначена штатной преподавательницей русского языка и истории [...]». Мама рассказывала, что директор училища сказал ей: «Какая же вы учительница?! Вам самой впору за партой сидеть!» Мама выглядела очень юно.

Книга «Школа в Финском переулке» объяснила мне этот термин «коммерческое училище». Передовые педагоги начала века стремились создать демократическую школу, независимую от Министерства просвещения. В 1905 г. министром торговли и промышленности стал С.Ю. Витте, и благодаря его деятельности число коммерческих училищ стало расти как в столице, так и по всей России. Эти училища подчинялись учебному отделу министерства и действительно во многом отличались от казенной школы, давали простор педагогическому новаторству. В старших классах, правда, приходилось вводить какие-нибудь специальные дисциплины.

И об учительстве мамином не расспросила ее!

Восстанавливаю историю маминой жизни по справкам, по архивным выпискам. Но это тоже хорошо: меньше выдумок, все документально.

Мама заболела туберкулезом и в течение трех лет жила в Крыму. Она уехала в Крым с Наташей Педьковой. В 1918-1919 Мама преподавала в городской школе в Симферополе и заведовала отделом дошкольного образования. С осени 1920 года по июнь 22 – заведующая учебной частью в школе в Темис-Су Ялтинского отдела народного образования.

Когда я сама изучала «Дело» родителей в марте 99, то обнаружила некоторые детали, не замеченные сестрой.

В протоколе допроса на вопрос «Чем занимались до Революции», Ю. Ф. «показывает»:

«[...] В 1919 г. была заведующей Отделом дошкольного воспитания Крымнаркомпроса. В этом же году открыла свою школу при белых. Когда пришли красные [белые, красные,

убеждена – из лексикона следователя-писаря Большого Дома], то моя школа была переименована в школу-коммуна, где была преподавателем и секретарем этой школы. В 1921[22?] г. я приехала в г. Рыбинск. В этом же году приехала в г. Ленинград».

... Переписываю сюда кусок из моего Дневника.

«19 XI 95.

Все последние дни я как-то так «выстраивала» для себя все, связанное с ЦБК. Знакомые имена, живые образы людей, живая память о них стирали грани времени. И вдруг раскрываю вчера ночью, после «Намедни» и «Кукол», перед сном, последний номер «Нового мира» и снова – еще один вестник из маминой юности!

В рубрике «Русская книга за рубежом» автор обзора Станислав Айдинян пишет о воспоминаниях Олега Цингера «Где в гостях, а где дома». Париж. «Альбатрос». 1994⁵².

«В ровно-непринужденном, совершенно естественном рассказе живописца все же часть книги, посвященная России, д е т с т в у [разрядка С. Айдиняна], наиболее выпукла, пристальна и детальна [...]».

«В этом смысле особенно щемяще-реальны картины старого Крыма. Там, в Темис-Су, отец художника [Александр Васильевич Цингер] устроил для беспризорных детей, в революцию оставшихся без родителей, школу. Он с жаром энтузиаста стал преподавать в этой импровизированной школе-интернате естественные науки, мать учила детей французскому и немецкому. Какой дивный детский мир создан был этой четой! В аду гражданской войны, несмотря на полунищенское существование, а потом и голод, появился уголок, где дети разных сословий, от самых простых до титулованных, приобщались к семейному уюту, к предупредительным, мягким отношениям, порядочности, чести» [...].

Я совершенно убеждена, что речь идет о той школе, в которой Мама была заведующей учебной частью и учительницей тоже. Фамилию «Цингер» я помню из маминых уст, Мама давала уроки и отдельно мальчику, сыну Цингеров.

Написала сегодня, 19 ноября 95, письмо в «Новый мир» Айдиняну, хотелось бы получить адрес Цингера. Но жив ли он?! Книга закончена в 1989 году...

Хотелось бы иметь копию страниц из воспоминаний о школе в Темис-Су».

Ответа не получила. Попросила свою московскую подругу Миру Султанову⁵³ через «Н. мир» найти какие-то концы. Вот ее письмо от 25 II 1996:

«Здравствуй, Сонечка!

Пообщалась с Станиславом Артуровичем Айдиняном – его не было в Москве, поэтому так не сразу. Его дом. тел. [номер]. Он меня просто потряс – говорили часа полтора, столько знает, столько знает, нашли массу интересных общих знакомых...

Тебе он письмо шлет, кроме того, он твое письмо («мягкую копию») отослал в Париж, там есть некий Рэнэ Герра, спонсор культур. центра русских во Франции (сам бывший лит-секретарь рус. пис. Зайцева!). Так что этот Рэнэ Герра сам тебе должен ответить, вот так вот! Айдинян сказал, что о матери там сведений конкретных нет. Цингер упоминает в целом – учительницы. Но все равно – ин-те-ре-с-но!»

Нет, я не получила никаких ответных писем. Но как я металась по Москве в поисках книги Цингера, прочитав в газете «Коммерсантъ-Daily» от 25 IV 1996 такую информацию: «В ЦДХ в рамках устраиваемых галерей «Московская палитра» однодневных выставок прошла презентация книги воспоминаний русского художника-графика Олега Цингера «Где в гостях, а где дома». С трудом отыскала адрес галереи, но она переехала, следов книги не нашла...

Тогда, в 96, я горевала, что не могу найти пакетик с самыми ценными снимками. Хорошо припрятала! И вот совсем недавно, в июле 99!, недели две назад, – н а ш л а !

«Дорогая Юлия Федоровна!

Мне жить здесь очень хорошо, приятно и весело. На фотографии это я с папой в мастерской у наших знакомых скульпторов, где я тоже работал, лепил животных. Сейчас мы

живем за городом, где очень хорошая природа. Сегодня мы идем в Цирк, где хорошая программа.

Привет Наталье Васильевне.

Целую Вас.

Ваш Лёля Цингер».

... Станислав Айдинян перечисляет некоторые книги, изданные «Альбатросом», — возглавляет его Рене Герра — среди них «Мой дом. Воспоминания и эссе» С.Голлербаха...

С.Голлербах — сын Э.Ф. Голлербаха, автора книги «Город муз. Царское Село в поэзии»... А все, что связано с Ц. Селом, — близкое, дорогое.

Вернувшись в Петроград, Мама соединилась со своими друзьями.

С.Д.: *«Большим счастьем для нас было неожиданное возвращение в Гептахор Юли Тих[омировой] и Нат[аши] Педьковой. После четырехлетней тяжелой эвакуации в Крыму и перенесенных там волнений, болезней и т.п. летом 22 года они наконец добрались до Петрограда и до нас.*

Они немедленно со всем свойственным им жаром и энергией включились в жизнь и в работу Гептахора».

15 января 1923 г. у С.Д. родился сын Никон.

С.Д.: *«[...] Но главную заботу о Никоне взяла на себя Юля Тих[омирова], наша главная гептахорская «сестра-хозяйка». Все последующие годы, до ее замужества в 1927 году, она была Никону второй матерью (а, может быть, по значимости — первой). Прошли десятки лет, в 60-х гг. она призналась мне, что, несмотря на то, что у нее потом было четверо детей, она всегда продолжала чувствовать Никона как бы своим первым ребенком».*

Однако деятельность в Гептахоре, думаю, не давала достаточно средств к существованию, и Мама ищет пути зарабатывания денег более солидным способом. Начинает с чернорабочей в Текстильном техникуме на Петроградской стороне (с 20 X 1924 по 15 III 1925). Затем идет явный профессиональный рост: проверщица пряжи (12 II 1925) и, наконец:

«Удостоверение»: «Ленинградская Биржа труда удостоверяет, что гр. Тихомирова Юлия Фед. выдержал практическое испытание по профессии проверщицы пряжи, ровницы и ленты и признан способным к выполнению работы по 4 разряду тарифной сетки». Это 30 X 1925 г. Данные вписаны в типографский бланк.

С ноября 1923 года по апрель 1928 г. Мама, по утверждению Петропрофобра, состояла заведующей (так в справке!) студией музыкального движения «Гептахор».

ЗДЕСЬ Я ХОЧУ ЗАКОНЧИТЬ ТЕМУ ГЕПТАХОРА.

Видимо, в конце 20-х — начале 30-х годов жизненные обстоятельства потребовали от гептахорок выбора: *«Нужно было работать, зарабатывать на жизнь. Н. Энман ушла служить в музей [Истории Ленинграда], Камилла всегда была отрезанным ломтем, Илья вышла замуж, с Н. Педьковой были «идейные» расхождения. Мама тоже служила в музее минералогии»* (письмо Г. Д. Цинзерлинг 26 II 1995).

В 1934 г. студия «Гептахор» угасла в трудной жизни Ленинграда тех лет. Гептахора не стало. Оставшись одна, без студии, С. Д. несла в себе самой, в своем духовном мире и в своей работе тот идеал музыкального движения, который открыла в юности. Теперь С. Д. живет в Москве и снова с неукротимой энергией отдается своему призванию: выступает перед учителями и воспитателями детских садов, пишет статьи, готовит книгу, растит учеников.

С. Д. было непросто. И до Гептахора мир слушал музыку и двигался под нее в балетном, народном, в бытовом танце. А сколько было гимнастик! Художественная, пластическая, ритмическая... Экзерсисы, упражнения, тренировки... штампы.

...Человек выражает себя голосом, тем, как з в у ч и т его речь; пением; просто жестом, походкой, взглядом, посадкой головы. В античных скульптурах потрясают безграничные

возможности человеческого тела передать все богатство чувств и переживаний человека.

Человеческое тело слышит музыку, способно выразить ее. Это так несомненно, когда мы наблюдаем, как музыку слышат дети. Слушать музыку, слышать ее в себе, выразить ее всей своей телесной сутью: мышцами, нервами, взглядом. Словом, движением. Стать музыкой... Выразить в движении свое переживание музыки.

Но для С. Д. не идет речь о том, чтобы слышать только музыку Мендельсона или Бетховена.

«Стефанида Дмитриевна может показаться человеком странных взглядов. Она говорит, как о вещах одного порядка о шубертовском военном марше в исполнении Дункан и о пляске под гармошку на заснеженной станции, о признанной всем миром Улановой и никому не известной директорше гостиницы, которая танцевала «русского» как никто.

— Это я видела, – говорит она. – Во всем должна быть правда.

Если человек замечательно владеет техникой, но выражает не себя, разве это не фальшивый рояль? Жизнь должна быть правдой», – это отрывок из статьи Т. Шохиной о С. Д.⁵⁴

Музыкальное движение волнами расходилось по городам и весям России. Когда мои мальчики пошли в школу, у них был тогда – конец 60 - начало 70-х – введен урок ритмики. Его вела Нина Ивановна Зайцева. Оказалось, в детстве и в отрочестве она занималась в Доме пионеров в Москве у С. Д. Н. И. и сама была уже методистом, готовила учителей ритмики. Так продолжали жить идеи Гептахора и продолжалось дело С. Д.⁵⁵:

С.Д. просила Маму написать воспоминания о Гептахоре. Получив их, она пишет: *«Родной Юлич, спасибо тебе за взнос в общий «фон» [фонд?] Гептахора. [...] Я уже пользуюсь им и надеюсь, он поможет мне как можно больше сделать для сохранения нашего творческого достояния для тех, кто придет после нас и будет искать такие же пути. [...] Целую тебя. Ст. 1976».*

С. Д. переписывалась с Мамой, а после смерти Мамы в 79 г. писала нет-нет сестре. Вот одно письмо С. Д.

«20 авг 83.

Дорогая Люсенька, месяца два назад я узнала от Гули [Г. Д. Цинзерлинг], что Ты и Твои сестра и брат участвуют в ее заботах и помощи, которыми она окружает меня... [Люся предложила нам с Матвеем посылать по небольшой сумме для С. Д., у которой была очень маленькая пенсия. Я посылала 15 р. один раз в два месяца]. Я была потрясена этим и глубоко взволнована: ведь мы с вами так мало виделись, а их [меня и Матвея] я даже никогда не видела... Я понимаю, что это вы все делаете именем мамы Вашей – этой удивительной женщины, словно наполненной каким-то лучезарным светом добра, красоты и силы духа...

[...] Я не могу говорить с Вами о моей благодарности – это совсем не то слово. Я еще раз чувствую «неотделимость» нашего «Юлича» от нас, гептахорцев, от того удивительного горения и устремленности, которые связывали нас воедино. И я счастлива, что чувствую лучи этого горения в вашем добром ко мне отношении, спасибо вам всем. Это очень большое светлое счастье: я чувствую вас всех родными и близкими».

Может быть, отсветы той маминой лучезарности, мой свет впереди – эта работа.

1 марта 1926 г. Мама «нанята» «научным сотрудником, секретарем Экскурсионной комиссии ЦБК». «Расчетная книжка служащего № 21/3, выдана 10 III 1928 г., подпись «Нанимателя»: «Председатель». Подпись Д. Святский [учёный секретарь ЦБК].

9 октября 1929 из ЦБК «уволена при сокращении штатов в связи с реорганизацией учреждения».

Из этого же удостоверения об увольнении узнаю: Ю.Ф. Тихомирова работала с 6 февраля 1926 г. по 9 октября 1929 г., «неся обязанности нештатного научного сотрудника – секретаря Экскурсионного Бюро / позже – Экскурсионной Комиссии ЦБК» [...].

Член Президиума ЦБК. Подпись Д.Святский.

Хотелось бы понять: это случайное разночтение – расчетная книжка, выданная 10 III 1928г.: «принят на должность – научный сотрудник» и «нештатный сотрудник» 10 X 1929 г. Позже, наверное, прояснится.

В библиотеке Географического общества в Петербурге летом 96 года я просмотрела все имеющиеся в ней «Известия Центрального Бюро Краеведения» (далее ИЦБК) с 1925, все тома «Краеведения» (периодический Орган Центрального Бюро Краеведения). В разделе «Деятельность ЦБ Краеведения» в рубрике «Из журналов заседаний ЦБК» («Краеведение», № 5, май-июнь 1926 г. с. 141) читаю: «Произведены перевыборы президиума комиссий ЦБК: Библиографический – Н.Н. Павлов-Сильванский (председатель), школьно-педагогический – И.М.Гревс (председатель), Н.Д. Владимирский (секретарь), Экскурсионно-справочного Бюро – Д.А.Золотарев (председатель), Ю.Ф. Тихомирова (секретарь)».

В № 1 ИЦБК за 1927 г. сообщается, что председателем Экскурсионно-справочного Бюро утвержден И.М. Гревс и секретарем – Ю.Ф. Тихомирова.

В пятом томе «Краеведения», 1928 г., в обзоре деятельности Библиографической комиссии за 1927 сказано: «Отдельными членами комиссии, А.И. Филипповым и Ю.Ф. Тихомировой, проводилась работа по составлению полной библиографии методической краеведной литературы и библиографии экскурсионной работы.

Составление библиографии методической краеведной литературы по общекраеведным вопросам и отдельным разделам краеведной работы представляет собой насущную задачу и является одной из важнейших очередных работ комиссии» (с. 313).

«Президиум комиссии в отчетном году оставался прежний: председатель – Н.Н. Павлов-Сильванский, тов. [так!] председателя – А.Ф.Шидловский⁵⁶, секретарь – А.И.Филиппов, заместитель секретаря – Ю.Ф. Тихомирова и библиотекарь – Ф.Ф. Ольденбург» (с. 313).

Замечу, что Ф.Ф. Ольденбург – сын Ф.Ф. Ольденбурга (1862 - 1914), племянник академика С.Ф.Ольденбурга (1863 – 1934). В 20-ые годы С.Ф.Ольденбург – председатель ЦБК.

На страницах этих изданий, почти в каждом, вижу две хорошо знакомых фамилии: Н. Анциферов и А. Хордикайнен. Н.П. – наш с сестрой будущий крестный, а Александр Матвеевич Хордикайнен – наш будущий отец. Первый раз встречаю фамилию А.М. в «Краеведении» 1925, № 1 – 2, 39-42. В оглавлении он четвертый, автор статьи «Краеведние и производительные силы Крайнего Северо-Запада СССР».

Первый номер «Краеведения» за 1926 г. открывался большой (с. 1-15) статьей А.М. «Экономический отдел и его организация в местном музее».

Мне любезно нашли в архиве Географического общества папину анкету. Он был принят в общество 5 июля 1925 г. Ту, которую видела я, он заполнил «15 января 1937 г.».

... «Сестрица, неужели ты не понимаешь свою задачу: стать исследователем, открывателем маминой и папиной Судьбы!

Думай! Предполагай. А не жди ЦУ. А у тебя мысль [подчеркуто мной] совсем не работает.

Первая задача: документы об аресте и ссылке родителей.

Аресты шли с X 29 по XII 30. М.б., посмотришь папино дело !!! Пожалуйста, думай и ищи сама. [...] Да где бы ты ни была, ты должна четко формулировать свою первейшую задачу: сохранить память о родителях. Ради памяти родителей – все беспокойства и труды...

... Ты смотрела Вечер балета Майи Плисецкой? Если да, то там был одноактный балет «Исидора» на тему Дункан.

Один из моментов – она играет в камушки. Так же, как мы до войны. Помнишь? Вот, если ты будешь настроена на работу «М» [мемуар] так, как я, то каждый день – почти – ты будешь получать толчки, знаки, «указания».

Ты помнишь, как мы играли? Знала ли Муся⁵⁷, например, эту игру? Какое название у нее и т.д. и т.п. в о п р о с ы.

М.б., Мама нас научила?» (письмо сестре от 11 XII 95г.).

Теперь уже странно вспоминать, что и брат нехотя отзывался на моё понуждение пробиваться в ФСБ, в Большой Дом.

–Кому это надо? – недоумевал он.

Я вспыхивала и отказывалась понимать эту по существу обывательскую позицию. Мы прожили большую часть жизни, скрывая арест и ссылку родителей. А ведь то был не стыд за них, а...страх за себя. Страх заставлял молчать.

Одна из счастливых перемен в нашей общественной жизни – возможность не таить биографию родителей. Наш долг – воздать должное их памяти, их горестной судьбе.

Сестра выбралась-таки в Большой Дом – Федеральную службу безопасности Российской Федерации, в Управление по Санкт-Петербургу... Летом 96 г. из дела N 1699 – дата 30 августа 1930 г. – сестра переписала папину автобиографию. Оставляю все сокращения.

Автобиография.

Я родился в семье кочегара. Отец мой служил в б. Епархиальном женском училище в Д.Селе. [Да нет же! В Царском Селе! Как это страшно... А потом, десятки лет спустя, был рассказ Солженицина «Случай на станции Кочетовка»...]

В 1907 г. я поступил в Римско-Католическое училище для бедных детей в Д.Селе. По окончании его я поступил учеником в Д.Сельское садоводство, где проработал до 1914 г. В 1915 г. поступил в б. Шукинские курсы в Ленинграде, где проучился один год. После чего поступил счетоводом в Правление Рязанско-Уральской железной дороги в г. Л-де и проработал там до начала революции. В 1918 г. я отправился в Сибирь, где в Омске был застигнут Чехословаками, и пробыл там около двух недель; в этом же году я перешел через фронт, остановился в Перми, где был назначен в г. Чердынь в Отдел нар. образования в качестве завед. отделом Внешкольного образования и проработал до конца 1918 г. Вследствие наступления Колчака мы эвакуировались, и я вернулся в г. Л-д.

С января 1919 г. по март этого же года я занимался в качестве педагога в Рабочей школе в Д.Селе. В этом же году я уехал на юг, в Крым, где начал работать в качестве инструктора народ. образования при Крымском Наркомпросе, но вследствие занятия белыми Крыма я бежал в Евпаторию, где открыли совместно с товарищем ларек, который держался около 1 1/2 месяцев. В 1919 г. я сфабриковал себе документ на имя Хардитайтиса и направился в польское консульство и оттуда пробрался в Царицын, а оттуда перебрался на левый берег Волги, а потом пробрался в Камышин, где был задержан, но вскоре был выпущен.

После этого через Саратов перебрался в г. Л-д. В конце 1919 г. начал работать в качестве педагога в вечерней школе раб. молодежи в Д.Селе и проработал до 1921 г.

С весны 1920 г. был переведен в Губернский Комитет Союза Молодежи в качестве завед. политико-просвет. отделом, здесь я прослужил до слияния Губернского и городского комитетов. После этого поступил в Смольнинский Рабфак, где проучился около года. В 1922 г. поступил в Географический Ин-т и в этом же году поступил в Ин-т Народного хозяйства. В обоих проучился до 1924 г., из Географического ф-та я был исключен по академической чистке, а в Ин-те Нар. Хоз-ва сам прервал учебу.

С 1924 г. по 1926 занимался Краевед. работой, читал лекции общеобразовательного х-ра в учреждениях мурманского Дор-союз. В начале 1926 г. я поступил научным сотр. в ЦБК, где проработал до конца 1927г. Одновременно с этим работал в качестве консультанта-экономиста в Правлении Мурм. ж. дороги, где проработал до янв. 1926. После этого поступил экономистом в Комитет Химизации сельского хоз-ва Лен. области, где и работал до наст. времени».

Рука не отца, хотя сестра и утверждала, что написано А.М. Написано «со слов»...

У меня сжимается сердце, когда я читаю эту исповедь в кабинете следователя Шондыша.. Бесконечные превращения, все новые и новые облики в поисках своего места на земле, своего призвания и своего пристанища. И никакой помощи! Ниоткуда! Один! Вот они, университеты А.М. И – ни слова больше. Без комментариев...

При Географическом обществе в 1925 г. была «создана Комиссия по изучению Карело-Мурманского края в целях планового его изучения в физико-географическом, общественно-экономическом, этнографическом и колонизационном отношениях. Председателем комиссии был избран Д. А. Золотарев»⁵⁸.

С 1924 г. в тонком «Краеведческом, общественно-экономическом иллюстрированном журнале «Вестник Карело-Мурманского края» (орган Совнаркома АК ССР и правления Мурманской ж. д.), который вскоре станет просто «Карело-Мурманским краем», публикуются статьи, рецензии А. Хордикайна.

Сестра заполнила около 30 библиографических карточек.

Итак, 1924. Водное хозяйство Карелии. № 3. Олонецкая научная экспедиция. № 13.

1925. Познай свой край. «Красная Карелия» (газета ?). №61, с. 4.

1926. Метеорология, ее состояние и нужды в Карело-Мурманском крае. № 1; Внутреннее рыболовство края. №2—3; Карелы и всеобщая перепись. № 5;

В Карело-Мурманской комиссии Географического общества. № 6 (Подробный реферат доклада Г. Д. Рихтера о работе по исследованию оз. Имандра летом 1925 г. В этой работе участвовал и А. М.);

Реферат доклада на тему «Хозяйственно-бытовая характеристика населения оз. Имандра. В рубрике «В Карело-Мурманской комиссии Географического общества». № 8; Нужна фенологическая работа наших краеведов. № 9; Колонизационная проблема и организационные нужды Мурмана. № 10-11; О школьных экскурсиях по Карело-Мурманскому краю. № 16⁵⁹; О колонизационных особенностях Приимандрского района. № 17; Озеро Могильное. № 21.

1927. Какие исследования нужны на Кольском п-ове. № 1; Промыслово-колонизационная работа «железные» за 1923-1926 гг. [3 таблицы, фотографии]. № 5-6; Исследовательские работы в Карело-Мурманском крае летом 1927 г.. № 7-8; Третий год колонизационной работы Мурманской железной дороги. [реферат] Отчетный сборник колонизационного отдела Правления Мурманской ж. д. за 1925-1926 гг. Издание правления Мурманской железной дороги. Л. 1927 г. № 9.

Отмечаю для себя цельный, системный подход к изучению края с позиций экономической географии. А он так близко соприкасается с краеведением, знанием края! У А. М. был свой, в большей мере с точки зрения экономики, взгляд на проблему изучения и развития края. Поэтому так естественно стало его участие в работе ЦБК и сотрудничество в журналах «Краеведение» и «Известия ЦБК».

В 1924 г. сообщение «Краеведение в Крыму» в рубрике «Хроника». «Краеведение». 1924. № 3; в № 4 «Краеведение в Закавказье и его очередные задачи». Здесь же, перед сообщением А. М. — И. М. Гревс. «Краеведческая работа в Полтаве». В 1926 г. «Научный сотрудник А. М. Хордикайнен доложил о своей поездке по Северо-Западной области с целью сбора материалов для доклада ЦБК на Конференции Северо-Западной области 14 — 19 мая. А. М. Хордикайнен побывал в Гдове, Пскове, Порхове, Новгороде и Старой Руссе, где им были организованы совещания о положении краеведческой работы». (Изв. ЦБК. 1926. № 6, июль-август. Рубрика «Деятельность ЦБК (из журналов заседаний)»).

В № 7 Изв. ЦБК — «Краеведение в Псковской губернии».

Кстати, в книге «История исторической науки в СССР. Советский период. Окт. 1917 — 1967»⁶⁰ оказалась ссылка на эту папину работу (сообщение сестры).

Есть библиографические обзоры, отчеты о конференциях...

В 1927 г. на заседании ЦБК в октябре «выслушан доклад А. М. Хордикайна о поездке на Северный Кавказ (Владикавказ, Пятигорск, Ростов н/Д)» — ИЦБК № 8.

Извещая о предстоящей конференции «К III Всероссийской конференции по краеведению», А. М. считает нужным уведомить читателей: *«Занятия научно-исследовательской секции будут посвящены итогам научно-исследовательской деятельности краеведов. Здесь имеются такие доклады, как работа краеведческих организаций в деле изучения производительных сил».* № 9.

Какая деятельная, полная энергии жизнь!

Мама в эти годы жила вместе с Н.В. на Разночинной, в небольшом доме, где они вместе снимали маленькую квартиру. Туда приходил Папа. Когда Гептахор переехал в новое помещение с большой залой (Троицкая, теперь Рубинштейна, 14, кв. 2), то и тут у Мама была своя комната. А.М. бывал и здесь.

Н.К. Бриммер замечает: *«Нельзя сказать, что он с большим воодушевлением относился к делам Гептахора».* Мама рассказывала, что Н.В. говорила ей: *«А ты не боишься разбиться о его [А.М.] подбородок?»* Я очень и не раз просила сестру расспросить Н.К. о жизни Мама до нас. Сестра пишет 30 января 1995 г:

«Н.К. вспоминает: после ужина в день бракосочетания [родители венчались, но не «расписывались» в ЗАГСе], кажется, в Европейской гостинице, Ю.Ф. и А.М. поехали на вокзал вместе с провожающими. На перроне у хорошего поезда Мама в голубом новом платье и Папа с цветами, у провожающих тоже букеты цветов.

И тут выясняется нечто, что именно, Н.К. не помнит, но посадки в вагон не происходит. Поезд уходит. У Мама растерянное, обескураженное выражение лица, и обычно спокойный А.М. тоже взволнован».

Но путешествие на юг, видимо, всё-таки состоялось.

Мама рассказывала такой эпизод: Папа не захотел спрятать бумажник с деньгами куда-нибудь поосновательнее, сказав в ответ на мамину предосторожность: *«Милый друг, за кого ты меня принимаешь?»* Проснувшись утром, бумажника не обнаружили.

Как мало мы знаем о жизни родителей до нас! Но и о нас мои дети тоже почти ничего не знают. Какая горькая традиция – вглядываться в судьбу родителей под старость лет?!

...Мама уехала рожать в клинику проф. Д. А. Отто в Ленинграде. Была Пасха. В комнатах стояли горшки с цинерариями. Возвратясь, она увидела засохшие цветы. И других, новых цветов к её приезду из роддома не было. Об этих засохших цветах Маменька вспоминала несколько раз.

...В ответ, убеждена, на мягкий укор, где же нежность, проявление чувств, то есть всё то, что было до замужества, – таков был смысл её вопрошания – Мама услышала:

– Милый друг, мы уже отсвистали.

Так глубоко ранил Маму этот ответ, эта трезвая папина заземлённость, что вырывалась эта фраза отца у неё не раз...

... Свою судьбу в замужестве Мама выражала строчками, которые в её адрес часто говорила Н.В.:

*Я смиренная корова,
Права я была простого:
Ободрал меня мясник.*

Я плохо себе представляю сейчас, вкладывала ли Мама в эти строки иронию или самоиронию, но какие-то оттенки грустной усмешки над собой просвечивали. Не знаю, чьи это строки, но когда-то видела их в книге. Однако, важно вот что: «смиренная корова» и мыслит, и анализирует.

И Мама этими строчками говорила о несходстве характеров и мировосприятия, собственно, о трагичности союза...

...Вряд ли уже в эти первые годы супружества, скорее после возвращения из ссылки, в папин обиход вошло выражение «глаза умирающей газели». Сестра так комментирует его: *«Видимо, Папа обозначал такими словами выражение маминых глаз и лица в момент*

ущемления, уязвлённости, горечи...» (письмо 23 II 1993). И, конечно, это выражение лица говорило о безумной, чрезмерной усталости. От усталости даже голос у Мама делался потухший, бесцветный.

Но нет! И голос, и глаза выдавали нечто большее, чем усталость, и Папе легче было сыронизировать, чем вникать в истоки...

Всё это было точно короткие тревожные ноты в симфонии жизни. Так, несколько коротких фраз, запавших в сердце, сидящих в памяти. Ни комментария, ни осуждения, просто «данность». Недаром Мама так любила это слово, это понятие: то, что есть, с чем надо жить. Мама приняла свой жребий без всяких «рвалась и плакала сначала». Приняла стоически, но ...переступила через себя. Один или два раза Мама цитировала стихотворение А.М.:

Всюду царит,
Всюду звучит
Юлия! Юлия!

Может быть, именно эти воспоминания о любви до рождения детей, в досемейной жизни, светили Маме все долгие и трудные годы потом...

Но это уж я забежала вперёд.

ИТАК, ПОЯВИЛИСЬ МЫ С ЛЮСЕЙ. Бабушка Дуня в сердцах называла нас «недопечёнными», потому что мы родились по три фунта (или по четыре?!) и нас долго держали в каких-то специальных шкафах. Мама родила легко. Профессор, обходя палаты, говорил молодым «мамашам»:

– Смотрите, старуха, а как легко родила!

Я родилась на двадцать минут раньше и была чуть-чуть крупнее сестры. Поэтому Люсю сразу стали называть «Малышка». Малышка и Малышка. Бабушка запротестовала:

– Да не зовите так ребёнка, у него же есть имя.

Меня назвали в честь бабушки, сестру – в честь Мама.

В роддом Папа приехал без цветов.

Один из жизненных принципов А.М.: «дети должны жить [расти?] в раме». Поэтому перед нашим рождением был арендован небольшой особняк с просторным мезонином, принадлежавший костелу, с маленьким палисадником около парадного крыльца, с садом с противоположной стороны. Была нанята няня «с рекомендациями», нанята «кухарка за повара».

Мы родились 16 апреля 1928 г, а брат Андрей – 10 апреля 1929 г.

17 июля 1930 г. родители были арестованы.

*«В настоящее время нам известны имена почти полутора сотен человек, арестованных в связи с «делом АН» [Дело Академии Наук, частью которого являлось и краеведение] в период с октября 1929 по декабрь 1930. Наверняка учтены не все. [...] Примерно на четыре пятых это гуманитарная интеллигенция. Две трети арестованных – историки и близкие к ним музейеды, краеведы, архивисты, этнографы».*⁶¹

Монографический очерк Ф. Ф. Перчёнка «Академия Наук на «великом переломе» о «деле АН» и о судьбе в нем тогдашнего краеведения свел для меня воедино имена, даты, события... Частная, отдельная Судьба родителей вплелась в «минуты роковые» XX века...

Сестра проделала большую и скрупулезную работу, переписав мне основные материалы Дела.

Дело № 108091 было начато 4 IX 1930. К нему я позже вернусь.

Следующий кусок об отце был написан в декабре 94 г. Решаю оставить его как есть, не придавая значения тому, что возникнет некоторое повторение мыслей и фактов.

Память, моя, по крайней мере, как-то странно удерживает только куски, фрагменты, эпизоды, мгновения...

Кроме того, сам процесс погружения в Судьбы родителей и их друзей начался у меня поздно, не был плавным, по восходящей. Архив я получала частями, по мере того, как сестра в Ленинграде неожиданно обнаруживала у себя ещё один пакет с документами.

Но ведь и свою собственную жизнь мы вспоминаем не всю подряд, отдельными моментами.

Вот так и повествование о родителях не имеет стройного плана, складывается из отдельных блоков...

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ХОРДИКАЙНЕН, НАШ ОТЕЦ.

Летний день. Мы все четверо с Папой идем гулять далеко в парк, мимо фермы, в Баболовский парк, к Баболовскому дворцу... В памяти одно: Папа всю дорогу читает стихи... По-польски тоже... Походы в Поповку. Там была кирха на кладбище и целая вереница могил «Хордикайненов».

Недалеко от Арсенала Андрей набрал горсть каких-то ягод с земли, показал Папе, отец шлепнул по руке и сказал: «Дурак!». Это были козьи «большие делишки».

... Папа делает себе на работу бутерброды со шпиком; берет с собой халву, морковки. До вокзала он доходил пешком (минут за 20-25), потом на поезде в Ленинград, там снова на транспорте, хорошо, если без пересадки. Папа работал и дома, ночью, как ни откроешь глаза — во второй комнате горел свет.

В одной из давних статей в «Советской Культуре» Симон Соловейчик писал как-то о словах одного юноши, что его воспитала полоска света из кабинета отца, которую он видел каждую ночь. Думаю, что свет папиной настольной лампы по ночам из-под двери воспитал нас больше всяких слов о труде.

В ссылке Мама читала Дюма и однажды ночью, когда Матвей заплакал, Мама не пошла к нему, а в буквальном смысле слова — полезла на стену. Этот пример приводился мне как доказательство того, к чему может привести чтение. Я была запойной книгочкой.

Папа очень, чуть не напоказ любил Матвея. Иногда за столом как бы бодался с ним, сидел лоб в лоб и терся о голову Матвея. Такое же почти ласковое отношение у А.М. было к нашему черному коту, которого Папа звал «Чернышевский». Мы с сестрицей чувствовали, что Матвей — любимчик. Его Папа называл «пупенчик», «пупезонный».

Это бы ладно, но почему Андрей слышал в свой адрес только «вахлак». Горько такое вспоминать. Он был открытый, простодушный, общительный мальчик, даже в годы, когда мы жили без родителей, сохранивший легкость характера. Сестра пишет мне: «Андрей больше всех унаследовал мамин характер, каким мы узнали его много позже».

Часто у А.М. были командировки в Медвежью Гору. Название звучало притягивающе и непонятно. Оттуда он два раза привозил карельских лаек.

Когда Папа приезжал из командировки, мы должны были подходить поцеловать его. Жуткая, корежащая мука! Руки висят, как плети, походка — деревянная...Вообще в нашей семье не было н и к а к и х физических проявлений чувства. Папа считал, что это «телячьи нежности», и, если замечал что-нибудь похожее, тут же слышалось насмешливое: «Это что за телячьи нежности?»

Поэтому, наверное, мы были болезненно-застенчивы. Например, приходя к Сидоровым⁶², позвонив, мы прятались за дверь, за первую, которая открывалась в коридор. Нас оттуда вытаскивали!

Скорей всего, эта папина скованность — следствие его финского происхождения. На фотографиях тип папиного лица, борода — все скандинавского характера.

Дедушка Матвей был финн, чухонец. Хотя в Словаре и есть помета «просторечное», но в детстве мне казалось, что «чухонец» это и есть такая национальность. В Папе финским был характер, стержень личности, а воспитание, культура — от мамы, нашей бабушки, польки.

Думаю теперь (декабрь 1994г.), что в Папе происходило постоянное трение этих двух негармоничных начал. С годами А.М. становился все более «финским». Жизнь стесывала все польское, все внешнее одухотворение: просто чтение книг, чтение новых стихов, уединенные прогулки. Молитвы Папа читал по-польски.

Но в комнате с круглым столом, в комнате родителей, стояли книжные шкафы из красного дерева с узкими золотыми перемычками стекол с книгами 20-х годов; сохранились самодельные тетрадки папиных стихов тоже 20-х годов и записи, отрывочные, нескольких недель жизни любви к Маме перед женитьбой; есть фотография Папы в парке, на царскосельской скамье... Все это хранило память о другой жизни.

После смерти нашей Мамы весь ее архив оказался у сестры в Ленинграде. Постепенно многое переехало в Уфу, но вот автобиографию Папы сестра передала мне недавно.

Передо мной два листа бумаги того трудно определяемого цвета, который приобретает бумага, пролежавшая 60 лет. Не пожелтевшая, а вот как бывает чайное пятно на скатерти. Папина автобиография, видимо, переписанный набело черновик. Она обрывается 37 годом. Весь текст, все фигуры умолчания, все пассажи недосказанности, весь «аппарат», так сказать, социальной, деловой автохарактеристики несут на себе клеймо времени. Вот ее полный текст:

«Родился в 1899 году в Детском Селе в семье рабочего. Отец до 1916 года работал кочегаром [мы всегда слышали: истопником в Духовном училище], мать служила прачкой. С 1916 по 1928 (год смерти отца) отец служил сторожем в 5 Д.С. школе II ступени. В силу материальной необеспеченности родители смогли дать мне только низшее образование в местной начальной школе. По окончании этой школы вынужден был изыскивать средства к дальнейшему учению временными работами. В 1916- 1917 годах служил в Прав[лени] Ряз[анской] Ур[альской] ж[елезной]/д[ороги], в Ленинграде. Немногие [?] месяцы занимался на курсах Щукина, работая одновременно в ред[акции] жур[нала] «Жизнь для Всех».

После Окт[ябрьской] Рев[олюции] работал в области внешкольного образования, в клубах, школах раб[очей] молодежи: в Д.Селе, Чердыни, быв. Пермской губ; Крымском Наркомпросе, Дорпрофсоже Мурман[анской] ж[елезной]/д[ороги].

С 1922 года поступил в Географический Инст[итут]. Студентом принимал участие в работах экспедиций по географическим и экономическим вопросам в Карельско-Мурманском крае (Повенецкий р-н, оз.Имандра и др.).

Результаты экспедиционных исследований печатал в спецжурналах «Вестник Мурмана», «Хозяйство Ленинградской обл[асти]», «Бюллетенях рыбного хозяйства» и др.

В связи с двухлетней работой в Экспедиции Мурманской Биологической станции для исследования оз.Имандра, занятия в Географическом Институте прервались в 1925 году, а в следующем году Институт в качестве факультета был присоединен к Ленинград[скому] Универ[ситету]. Вследствие этого потребовалось новое оформление. Так как в это время - 1926 - я уже поступил на постоянную работу вначале в Центр[альное] Бюро Краеведения, а затем в правление Мурман[анской] железной дороги, то для продолжения занятий в высшей школе не находилось достаточно времени.

В названном Бюро Краев[едения] работал научным сотрудником с марта 1926 года по июнь 1927 года, ведая исследованиями Северного края и Лен[инградской] обл[асти]. С осени 1926 года был приглашен для консультативных работ в Эконом[ическое] Бюро при правл[ении] Мурман[анской] ж[елезной] д[ороги] по вопросам развития лесной и рыбной промышленности в Карелии и на Мурмане. Позднее был зачислен экономистом-консультантом Пл[аново]-Эконом[ического] отдела той же дороги.

В 1930 году в связи с ликвидацией рыбопромышленной и лесопромышленной деятельности Мурман[анской] ж[елезной] д[ороги], перешел на работу в Комиссию по Химизации Нар[одного] Хоз[яйства] при Леноблисполкоме, где в качестве экономиста занимался разработкой проблем химического сырья в Лен[инградской] обл[асти] и смежных районах.

В 1931 году в связи с делом Центр[ального] Бюро Краеведения был административно выслан [а что сидел в одиночке и никаких обвинений не признал - ни слова!] в Ураль[скую] обл[асть], где работал в качестве экономиста Самаровского Комб[ината] Уралгосрыбтреста до 1932 года. С 1932 года по июль 1934 работал экономистом районного Союза интегральных [?] кооперативов. Наряду с текущей работой занимался также экономическими исследованиями, результаты которых опубликованы в журн[налах] «Лес Уралокузбасса», «За соц[иалистическое] рыб[ное] хоз[яйство] СССР», «Уральский охотник» и «Бюллетень Арктического института».

В 1934 году работал в Ленинградском Бюро Бел[оморско]-Балт[ийского] Комбината НКВД, в проектно-экономической группе, принимал участие в разработке гидро-технических и гидро-электрических проблем, связанных с Беломорско - Балтийским каналом, а также гипотезы по реконструкции канала им.Сталина. По вопросам экономического строительства зоны ББ- канала намечается ряд статей в журнале Бел[оморско] - Балт[ийского] Комбината в 1935-1936 г.г.

В связи с наметившимся уменьшением объема проектных работ по ЛенБюро ББК на 1935 год мне было предложено перейти в аппарат Комбината в Медв[ежьей] Горе. Не имея возможности переехать по семейным обстоятельствам в М.Гору, я покинул работу в Лен.Бюро с 1.01.1935 г. Тогда же перешел на работу в Гидрогидролиз, который в дальнейшем был реорганизован в Гипролесхим (1936г.), а затем в Гипролесоспирт (1937г.)».

Эти даты, названия учреждений, перечисление должностей, перечень журналов, в которых сотрудничал Папа, по-новому раскрывают его духовный облик. Какая воля – знать, думать, мыслить, заглядывать научно, обоснованно в будущее, видеть его конкретно в заводах, стройках... Папа много ездил по стране в командировки, значит, видел в с е . Как строили, чем строили, кто строил.

Как-то все четверо мы были у Папы на работе на елке. Помню беглое, быстрое отражение в зеркале: какие мы были светло-нарядные! Правда, и цвет лица, и наша кожа в детстве были акварельно-чисты...

Еще один эпизод. Его А.М. рассказывал при нас, видимо, в чрезвычайном волнении.

Когда Папа приехал на работу, его начальник Гурвич обратился к нему:

— Александр Матвеевич, спасибо, что выполнили мое задание, заехали... [куда-то там...].

В этот день он опоздал на работу, а только что был издан приказ о расправе с опоздавшими. Гурвич, Иосиф Аркадьевич Гурвич, Царство Вам небесное! И вечная наша память!

В маленькой книжке В.Э.Берлина «Гражданин Лапландии»⁶³ о Г.М. Крепсе в главе об озере Имандра «Terra incognita» [лат.— Неизвестная земля] есть такой абзац:

«В 1925-1926 г.г. исследования на озере Имандра продолжались в несколько расширенном составе. К почвенно-ботаническим и гидрологическим работам подключились С.Ф.Егоров, Г.А.Лебедев, Е.Н.Вуткович. Экономическим обследованием района занялся Н.М.Хардикайнен. В работу по топографической съемке активно включился закончивший учебу в институте Г.Д. Рихтер» (с.61). Жаль, что неправильно написана фамилия А.М. и инициал имени. На фотографии «Участников Имандрской экспедиции летом 1925 года (слева направо): Н.М.Хардикайнен, Ф.В.Крогиус, Г.М.Крепс, Г.Д.Рихтер, С.Ф.Егоров»(с.58).

Перелистывая книгу Г.Г.Бутанян «Город Муз»⁶⁴, читаю:

«На Оранжерейной в то время [1896-1900гг.] жил известный статистик, экономист и географ Д.И.Рихтер — автор многих работ по экономическим вопросам, член Вольного экономического общества» (с.128).

Папа на фотографии вместе с Г.Д.Рихтером⁶⁵, о котором ранее (речь шла о лете 1922г., с.56) сказано, что он студент Географического Института, приехавший на летнюю практику из Петрограда.

Папа родился, жил в Царском Селе. Сомнений нет, он знал Г.Д.Рихтера, с которым скорей всего вместе начинал учиться в институте, вероятно, знал и его отца Д.И. Рихтера.

Еще цитата из Берлина: *«Благодаря тому, что все сотрудники имели географическое образование, экспедиции удавалось увязывать отдельные исследования между собой, приближаясь тем самым к комплексному географическому обследованию района [...]»* (с.61). Значит, папина незаконченность высшего в работе роли не играла, свою часть исследования он вел самостоятельно. Сам Крепс родился в 1896 году, ему было 29-30 года, Папе — 26-27.

На фотографии в книжке три сотрудника стоят, привалившись друг к другу и к стене рубленой избы, такими это крендельками, А.М. стоит как бы чуть-чуть отдельно, те – в рубашках с кожаным ремешком, карманы по обе стороны застежки, он — в каком-то чуть ли не френче: полы внизу немного разошлись, рука правая заложена за борт, вторая — на поясе, то ли за ремень держится, то ли просто слегка сжата в кулак. Голова покоится на шее спокойно, чуть повернута к объективу фотографа.

Я вижу что-то скованное в этой позе отца. Может быть, именно стеснительность, когда не знаешь, куда девать руки, а от застенчивости держишься подчеркнуто независимо. Ноги в коленях Папа оставил без внимания, и они чуть полусогнуты, все-таки, по-моему, проявление несилы характера. Сюда бы психолога! Но факт есть факт: другие- то трое молодых мужчин стоят по команде «Вольно!» , а Папа – почти по команде «Смирно!». Вот они, наши гены. В Маме, мне кажется, всегда, и в отрочестве, и в юности, была естественность и непринужденность...

Но Папе только 26-27 лет.

Время может и переменить характер. Вон сестрица какая стала говорливая, как с амвона... А была...

Воистину чудом сохранилась в моем «архиве» изящная записная книжечка (10,5x5,5 см) в бордовом сатиновом переплетце со строгой золотой и белой узенькой вставочкой:

«Эта книжка подарена мне папой ко дню получения похвальной грамоты. 8 VI 1940г.». Я в ней записала по свежим следам все прочитанные книги.

Выбрал же Папа эту изысканную книжку, по формату напоминающую бальную, где дамы записывают очереди кавалеров. Была у меня такая кем-то подаренная в юности, с карандашиком... Или еще: в один из последних дней рождения перед войной — рождение совпало с Пасхой, Папа подарил нам с Люсей по коробочке-ларчику из шемогодской бересты с малиновым фоном...

Эта нераскрывшаяся нежность, понимание красоты — нам незнакомы в общем-то в Папе. Был в каждодневном опыте строгий отец. Ведь Папа придерживался ременной педагогики, драл нас. За что других детей, не знаю. Но меня — этот срам не забыть — за то, что не слила за собой в уборной.

Ну, не нарочно же не слила. Не знаю. Мы боялись отца, старались быть незаметными в его присутствии. Он всегда был только требователен: чтоб съели лук и шварки в супе (потому-то во взрослой жизни никогда (!) не покупала свинину!), чтоб шли мыть посуду (а не Мама или бабушка). А посуды получалось много, с 1939 нас было девять человек, чтоб пололи огород и картошку в поле...

Еще короткие штрихи к портрету Папы: мне нет и двух лет, очень сильно распухла железка на шее. Врач требовал операции. Папа не решался, медлил. Мама была тверда: оперировать. Крошечная полоска шва жива до сих пор. По этому поводу Мама рассказывала и другие примеры своей решительности и папиных колебаний на таком вот житейском уровне.

Брат помнит, как после бани Папа покупал лимонад: «И, о флер детства! по-моему, это был самый вкусный лимонад за всю жизнь!» Мы-то с Мамой обходились без лимонада!

Ей Богу, лимонад после бани — невиданное роскошество в нашей жизни тех лет!

Но, несмотря ни на что, все годы жизни меня поддерживало воспоминание о прогулках с Папой. Что-то в нем было тогда свободное, легкое, иначе как бы он читал стихи, как песни пел...

С детских лет звучит в памяти папино чтение (наизусть, конечно!):

*Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою...*

Или:

*И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров...*

Все тютчевское осталось на всю жизнь, а то, что казалось бессмысленным «ивамакушкусвою» очень скоро, уже в войну, просияло и смыслом и стало знаком утраченного счастья.

*... В парке плакала девочка: «Посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка...»*

Две строчки из детства, из парков, из наших с Папой прогулок... И только в 1988 году, купив книжечку Игоря Северянина⁶⁶ в серии «Поэтическая Россия», встречаю это стихотворение 1910 года:

*В парке плакала девочка: «Посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю»...
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.
1910.*

Была еще одна такая яркая, взволнованная минута, когда в томе Н. Гумилева⁶⁷, подаренном мне в 90-ом году, неожиданно столкнулась с давними, с детства известными строчками:

*Мореплавателю Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.*

И далее:

*Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных*

Толи причудливые скалы.

*В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.*

*Суетились у галеры
Бородатые скитальцы,
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.*

*И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.*

Это стихи из книги «Романтические цветы»; наверное, А.М. имел третье издание, СПб, 1918 год.

В очень хорошем, близком мне предисловии Андрея Битова к сборнику избранных произведений Владимира Набокова «Круг»⁶⁸ есть такая мысль: «Читайте же стихи Набокова, если вам непременно надо знать, кто был этот человек». Глубокая, пронизательная мысль. И вот мне также кажется, что А.М. раскрывается в своих собственных стихах (о них – ниже) и в строчках любимых им поэтов, и шире – в прогулках, в тех вещицах, что дарил нам.

Можно сказать, что наше общение с ним шло именно через посредничество русской поэзии, хотя дома, в комнатах, Папа выражал свое настроение и строчками Веры Инбер:

*У сороконожки народились крошки...
Эти дети — прямо вылитая мама:
То же выраженье милого лица...
Тише, дети, тише, папа снял сюртук...*

*... Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.*

Это тоже было на слуху из папиных уст, но, конечно, никаких расспросов про непонятную ситуацию...

А все-таки, о чем же говорил Папа с Владимиром Александровичем Поссе⁶⁹? С Николаем Павловичем? С Разумником Васильевичем Ивановым-Разумником⁷⁰? Вижу их в креслах, но не слышу...

В тетрадках папиных стихов лежала почтовая квитанция «Заказное отправление», в Сочи, Поссе. Дата на штемпеле «27940». Кому писал А.М.: В.А. Поссе или Е.В. Поссе⁷¹? И сберег квитанцию!

...В издательстве «Карелия» в Петрозаводске вышел «Биографический Словарь. Естествознание и техника в Карелии» С.В. Григорьева⁷². Книга случайно попала в руки

сестре. Тираж-то всего 1000 экз.! Она в 1992 году на ксероксе сняла копию, и вот текст заметки об А.М., с.235:

«Хордикайнен Александр Матвеевич (подписывался под статьями также А.Х., Х-н), экономгеограф, краевед, сотр. (экономист) б. Колонизационного отд. Мурманской (Кировской) ж.д. (20-е годы-1935г.). Плодовитый автор статей (несколько десятков) по различным вопросам экон. и краеведения Карелии и Кольского полуострова, преимущественно зоны Мурманской железной дороги. Большое число его статей напечатано в журн. «Вестник Мурмана» и его продолжении — «Вестнике Карело-Мурманского края», «Карело-Мурманском крае» (1923-30-е годы), сб. «Беломорско-Балтийский комбинат» (1935г.), газ. «Кр. Карелия» (1925-1935) и др.

Был деятельным членом Гос. Геогр. о-ва, многократно выступал с докладами в его Карело-Мурманской комис. Один из первых краеведов и экономистов, поднявших (1924) в местной печати вопрос о внимании к водному хоз. Карелии, т.е. к совокупному использованию ее водных ресурсов.

Источники: Григорьев С.В. Внутренние воды Карелии..., с.83,156,237,508, 545; воспоминания автора».

Вечная память Сергею Владимировичу за составление такого словаря, за живую память об А.М.! В 1973 году, когда самому С. В. Григорьеву было 85 лет, он помнил о нашем Папе, о его молодости и молодой энергии – «воспоминания автора»! — и поместил статью об А.М.Хордикайнене даже без указания года рождения. Папа родился 19 октября 1899 года.

Брат, Матвей Александрович Хордикайнен, получив тоже от сестры ксерокопию статьи из Словаря и отвечая на мои вопросы, писал мне: *« В этой жуткой стране столько человеческих судеб забыто, ведь таких биографических словарей совсем нет, и надо памятник поставить С.В. Григорьеву, что он поднял этот труд, «пробил» издание». И братец добавляет: «Поэтому и к твоему «мемуару» стал относиться несколько иначе: сам писать ничего не буду, по крайней мере, пока, а вот на твои вопросы отвечу охотно»* (март 1992г.).

Наверное, можно было бы написать отдельный рассказ о том, как делался мой «М». Хотя это уже и моя жизнь, но в моем понимании – продолжение Судьбы родителей.

«21 I 92. Сережа снова просил меня писать «мемуар»: неужели ты не можешь написать в день одну страницу? Это после того, как я ему рассказала вчера вечером, как я быстро, часа за два с половиной, написала шесть страниц о Вере Шутовой [художнице]».

«12 III 96. Сегодня пережила безумное огорчение: получила от Люси толстый конверт с новыми материалами о родителях. Ценные, интересные, очень дополняющие то, что я уже составила. Но ведь это значит – снова переделывать, дополнять, вставлять, приклеивать и переклеивать... Снова вызывать в себе особое напряжение и внимание...

И это не в первый раз!

Сестра совсем, видимо, не представляет себе мою работу, сколько сил, нервов, времени она забирает, в какой несвободе я живу. Надеюсь, что просвет – близок. Теперь две части о родителях – все «по-новой». Папина-то уже и отпечатана...

Вчера пришлось написать сестре менторское письмо, учить, как надо «представить» папины статьи в журналах. Я считаю, что надо, во-первых, внимательнейшим образом прочесть то, что С. В. Григорьев написал о Папе в своем словаре;

во-вторых, наполнить содержанием информацию Григорьева. Несколько десятков статей! Значит, надо выписать их по различным темам: краеведение, экономика, водные ресурсы и т. п.;

в-третьих, найти статью 24го года («Один из первых краеведов и экономистов, поднявших [...] вопрос о внимании к водному хозяйству Карелии...»);

в-четвертых, описать один какой-нибудь номер с папиной статьей, дать список авторов, названий их статей, чтобы представить себе фон публикации, ее окружение;

ну, и, в-пятых, попытаться раскрыть содержание фразы «Был деятельным членом Гос. Географического общества, выступал с докладами в его Карело-Мурманской комиссии». Надо попросить из Архива протоколы заседаний, может быть, где-то печатались отчеты о них, есть какие-нибудь «Известия... Географического общества...».

Сестра расшевелилась. Совместными усилиями, надеюсь, нам удалось более конкретно представить круг интересов А. М. тех лет.

А вот последний эпизод. Сестра пишет: «Решила посмотреть, не осталось ли каких маминых бумаг в ее коробке»... И «находит»... Свидетельство об окончании Бестужевских курсов... Апрель 99.

В с я работа над текстом «М» у меня закончена...

Всю эту часть о Папе я «собрала» довольно легко, а вот раскрыть его стихи, прочесть излияния сердца было тяжело. Не могла, не хотелось, чего-то боялась, все оттягивала. Да и принявшись, откладывала, потом снова возвращалась, и так шли недели. Наконец, что-то зазвенело в душе, я услышала эти стихи, точно вспомнила их.

Я должна их прочесть, я должна их представить, они должны остаться. Иначе их чудесная спасенность от всех, всех обвалов времени ничем не объяснима. Это — Судьба. И папина. И мамина. И наша.

И будем помнить совет А.Битова.

Очень аккуратные самодельно сшитые тетради плотной бумаги по 16 листов (24 х 15,5 см). Корешок аккуратно оклеен тонкой бумагой, шва не видно. На обложке изящный белый прямоугольник (8 х 5 см), и в нем даты:

«Сентябрь 1920 — май 1921.

Январь 1922г. — июнь 1922г.

Июль 1922г. — ».

Много хорошего вкуса во внешнем облике тетрадок, от выбора бумаги (трех сортов и трех оттенков!) до выбора формата и соразмерности обложки с прямоугольником «заглавия» тетрадки стихов: только даты. Впечатление такое, что все тетрадки одновременно приводились в порядок, составлялось собственное «собрание сочинений»: 74 стихотворения и маленькая поэма.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ СТИХОВ

Любопытная деталь: стихи 20-21 годов, кроме даты, имели помету «Д.С.» — Детское Село, а с января 22 года — «Ц.С.» — Царское Село.

Первое стихотворение относится к сентябрю 20 года. Это если не проба пера, то лирические штампы: есть и «из нашей гавани уйдет последний пароход», есть и гробницы, и «роковая тайна», и «смертные саваны» (снег)... Но я вчитываюсь и вчитываюсь в строчки бурых, выцветших чернил, хочу найти в них живые реалии, услышать биение сердца молодого человека. И слышу!

*Колебля тело на бегу,
Рождена странных линий гаммы
И длинной палкой на снегу,
Смеясь, чертила монограммы.*

Лыжная прогулка и —

А ровный след двойной чертой

*Взбегал на снежный холм высокий.
Он был усыпан за тобой
Седой, серебряной осокой.*

Что бы там ни было в будущем:

*Но так же дороги и святы
Мне будут буквы на снегу.*

16 III 21 г. Д. С.

Уже 28 марта ликование наполняет юношу:

*Отчего луна такой большой
Нынче встала над землей?
И лес неслыханно шумит?
И что-то радостно ручей твердит?
И небо пламенем зари
Целует сонный край земли?
Оттого что я помолвлен,
Оттого и не безмолвен
Старый лес и край небес!
Оттого сегодня алый
И большой и небывалый
Лунный лик...
Кто ж она, что слово дала,
Что женой быть обещала?
Кто она, кому привет
Посылает лунный свет?
В честь помолвки чьей
Гимн поет ручей?*

Счастлив!

*Снова я волен,
Весел, доволен,
Пою, не скучаю
И песни слагаю...
[...]
Теперь уж не пленный
В орбитах вселенной,
Пою вдохновенный
Солнца служитель!
Космический житель!*

15 IV 21г. Д.С.

Это – дневник большого увлечения...
Но какая несветлая любовь, как все –
непросто:

*Здесь, на земле, среди вседневных незаметных дел
Мне странный и непонятный дан удел:
С нечеловеческим забвеньем полюбить.
Но эту бурную любовь в душе страдающей таить
И быть веселым, и смеяться, и развлекать,
И глубже прятать боль.
[...]
Мне дан удел двойной и лицемерный:
Смеяться и страдать безмерно.*

19 IV 21г. Д.С.

*В мечтательной вечерней тишине
Ходили мы по гравию аллей.
Плакала девушка о разбитом кувшине
В неутешной печали своей.⁷³*

*В крупчатых гроздьях стояла сирень.
На каналах четко отражались мосты.
И, когда угасал весенний солнечный день,
Ни слова о радости не сказала ты.*

*И город, и дали вечерняя мгла застлала,
И синий туман над землей поднялся.
И даже тогда ты ничего не сказала,
А я не спросил. Я боялся.*

9 мая 1921г.

О, это онемевшее сердце...
Но какое счастье, что можно
было довериться бумаге...

11.V. Решение не встречаться,
не говорить...
12.V. Помечены сразу два
стихотворения. Одно – о майской
грозе, омывающей не только
природу, но и душу:

И вся природа – источник ласки.

А второе привожу полностью:

*Опять сирень лиловая в цвету,
Пропитан воздух сладким ароматом.
Я сновалюбил свою мечту
И мысли, изреченные Сократом.*

И в старом парке околдованном

*Опять отрадно и легко,
Как будто в царстве очарованном —
От всех печалей далеко.*

*Опять сплетаются созвучья слов,
Как на пруде узорчатая тина.
Брожу я в дивном царстве снов
И все шепчу — Е к а т е р и н а!*

Мама не раз говорила вскользь,
роняла в разговоре, может быть,
тогда, когда мы в студенческие годы
рассказывали о своих визитах к
Е.В.Поссе, что Папа любил
Екатерину Владимировну. Мама ничего
не добавляла, нам и в голову не
приходило спрашивать.

В конце 40-х — начале 50-х
годов, познакомившись и регулярно
бывая у Е.В.Поссе, мы слышали не
один раз:

— Я очень любила вашего папу.

Правда, мне казалось, что
говорилось это о дружеском чувстве.
Мы были так юны сердцем, что
интересовались только своими
собственными переживаниями. Увы.

Молодой человек не соглашается
на разменные эрзацы чувства.
Сокровенное должно остаться тайным
убежищем любви. В стихотворении
есть какая-то невнятность, но
очевидно — оно не итог умствований,
а жестокого самоукращения.

*Не надо опошляющих слов и движений.
Не надо ничего не значащих фраз.
Пусть сладких и тайных томлений
Никто не лишится из нас.
И пусть мы в цепи неразрывных сомнений —
Как в муках жестокого ада.
Сама ты признала блаженство стремлений,
Не требуй же цели: не надо!*

18 мая 1921г. Д.С.

Мне эти восемь строк кажутся глубокими; потаенное в них сказано не просто, скорее фразами из дореволюционного «Чтеца-декламатора», но боль — живая, мучительная.

Целомудрие испепеляет все вокруг, превращает жизнь в ад...

Тихий майский вечер наполнил душу покоем:

*Ненарушимая водная гладь.
И все-то в ней, все-то видать:
Ряды прибрежных деревьев
И портик часоуенки белой,
И пять голубых куполов,
И солнечный лик пожелтелый...
[...]*

20 мая 1921 г. Д.С.

Но уже через четыре дня душевного равновесия как ни бывало:

*В твоем янтарном ожерелье
Блестит лучистый свет свечей,
Но в танцевальной карусели
Ты в этот вечер будешь чьей?
И чья рука в мерцанье свеч
В круженьи вальса круг за кругом
Твоих касаться будет плеч
В порыве похотном и грубом?
О, Карин, Карин, неужели?
Переливающийся свет
В твоем янтарном ожерелье
Нарушить может наш обет?
И неужели же шутя
Твоя рука моей касалась?
И, часто глядя на меня,
Ты только в шутку улыбалась?*

24 мая 1921г. Д.С.

Ревнивые, недобрые мысли на вечере

танцев...

Мама рассказывала, что А.М. не умел танцевать, неловко играл в волейбол...

Мне это так запало в душу, что, когда Сергей, во многом похожий на деда, учился в 10 классе, я с беспокойством думала о выпускном вечере. Уговорила его записаться на месячный курс танцев во Дворце им.Орджоникидзе, рядом с нами. На выпускном бале Сережа передвигал ноги медленно, но верно, считая, наверное, про себя : раз, два, три, четыре... С первыми звуками «Школьного вальса» он пригласил свою классную руководительницу.

ВТОРАЯ ТЕТРАДКА НАЧИНАЕТСЯ 29 ЯНВАРЯ 1922 Г.

Первые страницы — размышления все о том же и настроения те же.

[...]

*Остался я в моем жилище
Во власти прежнего томленья.
И как больной, презренный нищий
С больной надеждой в [на] избавленья...*

4 II 22г. Ц.С.

Но в тот же день «4 февраля, ночью»:

*Мы долго спорили о тайнах Рока,
О том, царит ли над миром Дух.
И после: вторую книгу Блока
Ты, восторгаясь, читала вслух.
И в каждом вещем и звучном стихе
Мы находили огонь откровения.
И ты говорила о Женихе
И о длинной повести грехопадения.*

*И так хотелось, чтоб вечер длился
Долго, долго, не зная срока,
Чтоб я о счастье твоём молился
Тобой любимыми стихами Блока.*

Как узнаваем Блок, как наполнен духовный мир молодых людей мировос-

приятием Блока. Стихи Блока действуют как заговоры, как приворотное питье – и вот все чувства и выражения их – блоковские... Затем идут еще три стихотворения и нечто вроде п о э м ы из 46 восьми-строчных строф с такими эпитафиями:

В. Брюсова

*Властвуй в темной тишине
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне.*

и И. Рукавишников

*На ионийской капители
Гнездо завили воробьи.
Мы жизни в храме не хотели...*

Содержание бессюжетно, это запечатленные мгновения настоящего и прошедшего, какие-то обобщения картин действительности, признания в чувствах, горечь от царящего вокруг хамства. Но эпитафии верно задают камертон – это сочинение царскосельского молодого человека. Восхищение любимыми парками, преклонение перед шедеврами Растрелли и Камерона – вот, пожалуй, лейтмотив этих строф.

Любовь уже не иссушает. Осталось много печали в воспоминаниях. Пережитое видится отстраненно. Зато мир вокруг ближе, явно увлечение опытами по стихосложению.

- I -

*Перья пестрые павлина
Тихо реют у камина.
Ты пришла, Екатерина!
Перья пестрые павлина
В белых отблесках луны
Сном волшебным рождены.
Перья пестрые павлина
Тихо реют у камина.*

- V -

*В то лето ты жила на даче
На нашей улице с бульваром.
Как сладко вспоминать о старом.
В то лето ты жила на даче,
И было все у нас иначе
В том невозвратно милом старом...
В то лето ты жила на даче
На нашей улице с бульваром.*

- VIII -

*Китайский милый павильон
Вечерним сном заморожен
И в синих струях отражен...
Китайский летний павильон
Хранит заветы тех времен,
Когда возник из сказок он!
Китайский летний павильон
Вечерним сном заморожен.*

- IX -

*Зачем над мирною палатой
Подняли скверный красный флаг,
Позорный символ мрачных драк?
Зачем над мирною палатой
Коварной злобою крылатой
Кроваво-рванный реет знак?
Зачем над мирною палатой
Подняли скверный красный флаг?*

- XI -

*Все в запустении, все в упадке:
Дворцы, веранды, колоннады,
Аллеи, статуи, ограды.
Все в запустении, все в упадке,
Уходят в вечность без оглядки
Все наши лучшие отрады...
Все в запустении, все в упадке:
Дворцы, веранды, колоннады...*

- XIV -

*Мы променяли мир и радость
На злобно-дикую вражду;
Довольство, благо — на нужду.
Мы променяли мир и радость,
Утратив творческую сладость
И волю, и порыв к труду.
Мы променяли мир и радость
На злобно-дикую вражду.*

- XV -

*Пусть не молчит, кто возмущен
Безмерной наглостию Хама,
Кому близка погибель Храма,
Пусть не молчит, кто возмущен,
Кто сердцем чистым сокрушен
За судьбы пасынков Адама.
Пусть не молчит, кто возмущен
Безмерной наглостию Хама.*

- XVI -

*Цветут цветы кальцеолярий:
На стеблях пестрые мешочки,
То леопардовый, то карий.
Цветут цветы кальцеолярий —
Какой чудеснейший гербарий!
Какие радужные точки!
Цветут цветы кальцеолярий:
На стеблях пестрые мешочки...*

- XXXVI -

*За закрытой старой ставней
Ветер пел о невозвратном.
Внял я окликаю знакомым
За закрытой старой ставней
В песне милой стародавней
В жутком просвисте невнятном.
За закрытой старой ставней
Ветер пел о невозвратном.*

- XXXVII -

*В моем саду цветет ольха,
Раскинув пестрые сережки,
Как дорогие жемчуга!
В моем саду цветет ольха,
Как в ожиданьи жениха,
В углу затерянной сторожки.
В моем саду цветет ольха,
Раскинув пестрые сережки...*

- XLI -

*Твоей любви я недостоин:
Ты высока недостижимо.
Мой каждый помысел греховен,
Твоей любви я недостоин.*

*Одной тобой, тобой упоен,
Иду, как тень, бесстрастен мимо.
Твоей любви я недостоин:
Ты высока недостижимо.*

- XLII -

*Был я снова в милом парке,
Где полно все стародавним,
Где недвижно дремлют арки.
Был я снова в милом парке,
Где на кладбище овчарки
Похоронены под камнем.
Был я снова в милом парке,
Где полно все стародавним.*

- XLV -

*В окне открытом цвет ольхи
Пылится легкой желтой пылью
В мою тетрадь, в мои стихи.
В окне открытом – цвет ольхи.
[К] Весне прохожие глухи,
Ее восторг звучит им болью.
В окне открытом цвет ольхи
Пылится легкой желтой пылью.*

Последняя строфа:

- XLVII -

*Не говори небрежным тоном
О безнадежности своей,
О груди умерших страстей.
Не говори небрежным тоном,
Что жизнь твоя идет уклоном,
Что все померкло, стихло в ней.
Не говори небрежным тоном
О безнадежности своей.*

К кому обращены эти укоры? Не к себе ли?

Это финал маленькой «поэмы». Дата – март-апрель 1922 года.

На этой же странице другим, более крупным и круглым почерком, отделенное тремя звездочками, без даты, следующее стихотворение:

Стережет нас Вечный Рок.

*Нечаянно кинутый кивок,
Случайно встреченные взгляды —
И силы нет, и нет пощады,
И тайный круг уже возник.
И каждый помысл, каждый миг
Таит печать предначертанья:
И мимолетного блаженства,
И бесконечного страданья.*

Ощущение фатальности Бытия, того
«тайного круга», который очерчивает
вокруг нас судьба: «и силы нет, и нет
пощады»...

И тут же рядом стройное, полное
тихой радости понимания природы стихо-
творение от 26 апреля:

*Люблю проснуться ранним утром,
Когда прохлада так легка,
Когда на небе перламутром
Толются стройно облака...
[...]*

*Войти без грез и без желаний
Под своды липовых аллей
И внять словам былых преданий,
Что в этот час звучат ясней.
[...]*

Следующее помечено 29 апр.:

*Ты вносишь свет преображающий
В мои тоскующие дни,
В мой дом, забытый и скучающий,
Где властны призраки одни.*

*И, словно посланная свыше,
Приходишь ты за этот круг,
Где только стон да скрежет слышен [слышны?]
От неизжитых давних мук.*

*Мой ум, озлобленный, упорный,
Когда придешь, всегда изменишь...
И словно снимешь полог черный,
И как бы душу переменишь.*

*И все явленья мне понятны,
Когда бываешь ты со мной:
И шепот трав, неслышно внятней,
И строй вселенский мировой.*

Не знаю, та ли это прежняя любовь
или только то же страдающее сердце,
полное воспоминаний, переживает все
снова и снова.

Но все тот же лейтмотив:

*Опять весна, опять в движеньи
Сердца, цветы, деревья, воды...
Опять, послушные природе,
В смятенье эти, те в цветеньи...
И замкнут круг, и нет спасенья!*

12го мая
1922 г. Ц.С.

Как я узнаю это по своей молодости:
«и замкнут круг, и нет спасенья!»

Вот от кого во мне мое бедное,
трепещущее, несчастливое в любви сердце!
(8 января 1995г.)

И однако: прогулка по берегу
залива..., признание себе в «совершившемся
чуде»:

*Глаз горящих не забуду
В этот вечер лучезарный.
Совершившемуся чуду —
Вечно верный, благодарный.*

17 мая
1922 г.

Почему так быстро, с такой неумолимой
силой настигает разлад душу молодого
человека?! Уже 20 мая, в светлый
весенний день, душа его угнетена:

[...]
*Но страстным томленьем немым
Полнятся сердце, душа и сознание.
И чуждо все внешнее им,
И чуждо для них ликование!*

Как тяжело живет любовь, как мало
счастливых мгновений, как спасает только
одиночество, спасают «милые парки»!

Умиротворяет и путешествие по
Ладоге. Может быть, это и плавание к
месту службы:

*Над Ладогой, тихой и сонной,
В золотом вечеровом огне
Стучит пароход монотонно,
Плывут облака в вышине.*

*В маленькой тесной каюте
Стынет принесенный чай...
Душу отдавши минуте,
Сердцу шепчу: «Не скучай!»
[...]*

30 мая
1922 г.

Последнее стихотворение в этой тетрадке помечено: «Петроград-Минск, июнь 1922г.».

*Символ мира и смиренья,
Голубая купина⁷⁴
Вечной тайной откровенья
К нам из бездн обращена.
Вневременности скрижали
Там загадочны и немые.
Там туманные спирали
Завиваются в системы.
И в законных очертаньях
Установленных орбит,
В мимолетных полыханьях
Вся вселенная горит.
О, бездонность голубая!
О, космическая даль!
Безысходная, немая,
Неизжитая печаль.*

Еще не раз в стихах прорывается это почти осязаемое присутствие космоса, гармонии Вселенной... Но как тяжела земная боль.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ СТИХОВ

Первые 13 стихотворений 22го года, с июля по октябрь. В 23 году – одно, в 24 – три.

*Все дождь и дождь, какая скука!
Туманен день, беззвездна ночь...
Четыре дня уж длится мука...*

О, как бы сердцем не измочь!

*Четыре дня, четыре ночи
Томится сердце сладкой болью.
И снятся радостные очи,
Меня зовущие к приволью.*

*А за окном, во влажной мгле,
Шуршит последний грустный лист.
И ходит ветер по земле,
Бросая людям злобный свист.*

22 IX 1922 Ц.С.

*Все те же узкие глаза
Глядят с настольного портрета,
Но в них уж не найти ответа:
Они мертвы, как в храме образа.*

*Смотритесь, странные глаза,
В безмолвие пустого дома:
Здесь снова мир, не слышно грома,
И будто здесь не шла гроза.
[...]*

5 V 24.

*Чьи жестокие вельня
В черном мраке, в мгле ночной,
В эти темные мгновенья
Выполняли мы с тобой?*

*Чьи неведомые силы
Все сплели в железный круг:
Наши мысли, стан твой милый
И мятежность наших рук?*

*Чьи заветы, чьи проклятья
В нас тогда всеяла мгла,
В наши страстные объятья,
В истомленные тела?*

29 XII
1924.

Следующее стихотворение в тетрадке

«Вокзал» посвящено «Ю.Т.» – Юлии
Тихомировой. Дата «8 XI 26».

*Словно в вечном хороводе,
Днем и ночью без следа
Здесь приходят и уходят,
Гроыхая, поезда.*

*Счастье, зло, восторг, неверность,
Верность слову и позор—
Поезда несут в безмерность
За железный семафор.*

*Дико стонут паровозы,
Унося с пустых перронов
Хохот, топот, песни, слезы —
Пестрый груз вагонов.*

*Люди, мысли, вещи, звуки —
Все, что свойственно живым,
Стонет в горестной разлуке
И развеется, как дым.*

*Только этот образ дивный
Не померкнет в тишине.
Яркий, добрый и призывный
Будет светить мне.*

*Ты дитя звезды не нашей,
Дочь иной планеты.
Мир твой дальний – ярче, краше,
Полон радости и света.*

*Он лучи нам шлет из дали,
Из небесной сферы,
Чтоб земные— не скучали,
Не теряли веры.*

*Ты дитя звезды далекой,
Льющей свет из синей шири...
Ты даришь нам смех глубокий
В этом скорбном мире.*

15 XI.

*День осенний, день бесцветный,
Дождь и сумрак за окном.
Непонятный, неприметный*

Образ твой наполнил дом.

21 XI.

*Опять душа твердит о том,
Что счастья нет.
И мысль опять горит огнем
Минувших лет.*

*И в сумраке туманной ночи
Глаза огней
Таинственно во мгле пророчат —
О НЕЙ! О НЕЙ!*

23 XI 26г.

*Задумаюсь днем ли я,
Ночью не сплю ли я,
Имя одно вспоминается
И повторяется:
Юлия! Юлия!*

*Тягостность бдения
Меж тьмою и светом
Всегда озаряется
И растворяется
В имени этом.*

*Радость ли редкая
В жизни приснится,
Всегда неизбежным
Именем нежным
Она осенится.*

*Звезды ли слушаю,
В дали смотрю ли я,
Всюду царит,
Всюду звучит...
Юлия! Юлия!*

9 декабря.

*О, как сладко сердцу биться
Для Тебя одной;
Все, что в этом мире снится,
Разделять с Тобой:*

Все, чем ум усталый мучит

*Нереальность дня,
Все, чему так мудро учит
Ночь без сна.*

*Как отрадно, как забвенно
Повторять одно
Неустанно, неизменно
Имя чистое Твое.*

6 I 27г.

*Сегодня весенний день,
Радостен свод голубой.
Исчезла серая тень—
Весь я опять с Тобой.*

*Снова живу полнее.
В сердце и в мыслях свет:
Чудесней, нежнее, милее
Тебя в этом мире нет!*

*Идя к Твоему золотому раю
Этим весенним днем,
Сердце мое заклинаю
От немоты и от теней в нем.*

Март.

*Была весна.
Клонился день к концу.
Над Летним садом
Стояла легкая луна.*

*Весенний шум
В лучах склонившегося солнца,
Ликуя, звал. Земля
Тобой была полна.*

*Летели голоса
Под полог бледно-голубой.
Во всем звучала
Хвала весенняя Тебе!*

*Март
27г.*

Это последнее из переписанных в тетрадь стихотворений. Черновик его написан на обороте такого извещения: «Во вторник, 22 марта, в 2 часа дня, в

помещении КИПСа (Тучкова наб. 2-а)
заседание Русско-Финской секции.

Предметы занятий:

Преобразование Карело-Мурманской Комиссии.

Задачи и план деятельности Русско-Финской секции КИПСа».

Есть три странички из карманного блокнотика (12 x 8 см) с карандашными набросками незаконченных стихотворений. Иногда это всего одна — две строчки:

*День миновал, и я тебя не видел,
В душе тоска...(неразборчиво).*

На другом листке - почти законченное целое.

Но существенно вот что: на обороте стихотворного черновика деловые записи. Заголовок затушеван, но читается легко: «*Против директивности*

План[ирующие]ор[ганизации] не могут управлять научной работой как центральными, так и местными [отделениями?].

Невозм[ожность] созыва конф[еренции] до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение Петрограда с Москвой».

И еще пометы, может быть, тезисы выступления?

*«Мнение местн[ых] секц[ий]
Предст[авитель?] ЦБК
Меры ЦБК
Директивы ЦБК».*

Когда-то в Университете (1950 - 1951 уч.год.) в семинаре по текстологии у профессора Г.А. Бялого⁷⁵ — мы изучали журналистику середины прошлого века — я услышала от Бялого похвалу себе. Смысл был такой: я внимательно, зорко чувствую текст. Надеюсь, тот молодой слух на слово не пропал во мне. И сейчас, читая папины стихи, через текст, пусть и несовершенный, открываю для себя не только жизнь сердца молодого человека, но и широту, богатство его духовного мира. Не получив систематического образования, А. Хордикайнен в 22-23 года начитан, эрудирован, настроен на современную поэзию. Он тонко чувствует природу, бесконечно любит свои «милые парки», отменно знает все их архитектурные ансамбли и их авторов; созвучие своим настроениям он находит в поэзии А. Блока, Ф.Сологуба, Ф. Тютчева, В. Брюсова, И. Рукавишников и из их творчества берет эпиграфы; можно было бы составить целый словарь тех культурологических понятий, которые встречаются в стихах царскосельского юноши: барокко, халдейские храмы, Логос, Астарта, Растрелли, Камерон, Рембрант, веданта, купина, Брама (Брахма), ионические колонны,

аттические перила... Больше всего меня поразило знание колорита на картинах английских художников:

*Легли туманы на низинах,
Прозрачно-сизые, как дым,
Как фон на английских картинах,
Легли туманы на низинах.*

Но, прежде всего, эти тетрадки – дневник чувств. В Царском Селе, городе муз, как назвал его Э. Голлербах, так естественно писать его рифмованными строчками. Впрочем, иные строки, строфы просто даже хороши: пронзительное чувство выражено в них убедительно и просто. Для меня же главное – это голос молодого царскосела начала 20^х гг. Он воспринимает любовь между мужчиной и женщиной скорее как «поединок роковой» (Ф. Тютчев), а, становясь старше, как блаженство, дарованное какими-то высшими космическими силами.

ДНЕВНИК ЛЮБВИ

Две тонких тетрадки, видимо, вырванные из толстой, общей, потому что края листов — красные, из тетради с красным обрезом. Листки одиночные и двойные, не сшиты, сложены.

Папа не обращается к Маме по имени, в записях нет перечеркиваний, никакой правки. Все встречи и расставания, ожидание и разлука, восхищение, даже обожествление любимой женщины воспринимаются мужчиной как событие мирового порядка: *«Без Тебя Мир не мог бы быть таким цельным и гармоничным. 29 XII 26г.»*

В ночь с 31 декабря 26г. на 1 января 27г.

Первая фраза: *«Быстро течет Мировое Время, мы улавливаем лишь мелкие брызги его и называем их годами и столетиями»*.

Да, какое-то необыденное чувство своего времени, своей эпохи свойственно молодому человеку. И если фон твоей жизни — Мировое Время, то все, что происходит с тобой, — не бессмыслица!

«[...]В доме тишина, сегодня днем я услышу твой голос и уже считаю часы и минуты, что осталось мне ждать».

В ровных строках этих масса риторики, красоты. Мало вкуса.

Вот, например, *«с бледного полога зимнего неба низкое солнце светит в моем жилище, наполняя его радостными бликами. В такие дни кажется, что солнце ласково гладит землю бесчисленным множеством своих нежных пальцев-лучей»*.

Впрочем, так чувствовали и так писали тогда многие, те же Горький, Пришвин. Но, конечно, за этим многословием — одиночество молодого человека, взволнованность, желание лучше понять себя.

«Знаю, чтобы быть достойным только думать о Тебе, нужно сделать на этой земле очень много [...] 2 I 27г. утро».

Сквозь экстатические, исступленные, восторженные признания в любви, в преклонении прорываются живые черточки общения, чаще в воспоминаниях о прожитых месяцах

1926 года: чудесный, неповторимый осенний день в парке; поздняя осень со снежной крупкой, и они поднимаются на Белую башню; как-то случилось так, что он был в парке один, сидел на каменной скамье у озера и не знал, что она была во дворце — случайная встреча на вокзале. *«Какой безумной радостью забилось сердце и озарилось сознание, когда я встретил Тебя в этот день уже перед поездом!»*

Записи идут крещендо: 7 I. вечером, 9 I утром и в тот же день ночью, 11 I., 12 I ... 12-го надо было разбирать елку, но не было сил, не хватало духу.

«Самая яркая, самая счастливая, самая хорошая елка в моей жизни! Ты стояла около нее, когда она светилась множеством свечей, Ты зажигала эти праздничные свечи, Ты поправляла их, Ты дышала на эти крохотные огонечки, когда хотела их погасить. Ты загадывала на свечные огоньки, горевшие на елке... Одна жизнь кончилась и другая началась в тот вечер у этой озаренной огнями елки.

Нет, это выше моих человеческих сил, и я эту елку развенчать, освободить ее от праздничного наряда не смогу».

Видимо, действительно, седьмое января стало днем обручения и *«священный миг неземного таинства соединил двух».*

13 I с пометкой Мурм[анская] д[орога], затем *«то же [число], ночью, вагон»*, 17 I *«Ночь»*; 20.I. Вот эта запись от 20 января 1927 года полностью:

«Милая мама, все, чем болела ты о своем сыне, все доверие, надежды и желания, что возлагала ты на своего сына, все должно быть оправдано мною. Поэтому все хорошее и плодотворное, что рождается во мне и что я делаю и даю людям, я посвящаю тебе, моей чудесной, мудрой и многострадальной Матери».

Таковы были слова молитвы моей до нынешних дней. Теперь, когда я встретил Тебя — Владычицу моих дум, моего времени и моей жизни, к словам прежней молитвы моей прибавились другие, новые:

«И Ты, Единственнойшая и Чистейшая, прими от меня то, что могу посвятить Тебе. Тебе же я посвящаю мою маленькую жизнь, без остатка, ничего не оставляя себе. Посвящаю ту глубокую радость, которую я нахожу в себе, когда одерживаю победу над тьмою и злом, и ту силу духа, которую обретаю, когда смотрю в Твои глаза, слышу голос Твой и касаюсь Твоей руки».

«26 I Ночь». Последнее предложение записи:

«Возьми в свои руки мое сердце и душу, и память и сделай так, чтобы не было возврата к страшной бездне мук моих о Тебе».

В какие-то из этих дней, мне кажется, была написана карандашом эта отдельная, не в тетради, узкая страничка. Без даты.

«Все идет вверх дном. Мысли и чувства смешиваются. За моментом глубочайших переживаний, каких-то бездонных и невыразимых, наступают миги ярких просветлений мысли, усиленной, активной работы сознания. Много разрешается, многое становится ясным. Момент чистых эмоций уступает место чистому сознанию. И тогда... рыдания, конвульсии, доходящие до припадков, желание выплакать, исторгнуть из глубины души весь ужас «половой необходимости». Да, половая необходимость – это самое страшное для меня. Неужели нет никакой возможности, никаких средств жить иначе, какой адский разлад нашей действительности с рационально возможным существованием. Мир для меня — это только двоякая линза, обе поверхности которой конически удаляются одна от другой в бесконечность».

27 I

«[...] Твой невидимый, неизъяснимый и врачующий свет — одно, чем я живу теперь. 27 I вечер».

«[...] Одним Твоим именем наполнять мое время, помнить близость Твоих ласковых глаз, сохранять на лице моем прикосновение Твоих чудных волос и все слышать, как шепчешь Ты дивные слова, расцветающие в сердце алыми цветами любви — все это единый путь моей радости. I II Мурм[анская] дор[ога]. Утро».

«Жадно смотрю в чудесные венчики полученных от Тебя подснежников...».

Здесь же, в листьях тетради, засушенный букетик: три цветка и листик, тщательно прикрепленный крученой тонкой шелковой ниткой к твердому листку блокнота. На обороте:

«От самой прекрасной из всех женщин Земли, февраль 27г.».

«Любуясь подснежниками, я ощущаю незримую близость Твою в моем доме и шепчу молитву благодарности Тебе, Незримой и Близкой» [Там же].

Каждая запись – благодарственный гимн любимой женщине:

«Ты возвратила меня в безбрежные, неомрачаемые просторы юности. Как тогда, я нахожу в себе способность бесконечных преодолений и жажда совершенствования проникает мою волю.[...] Твоя преображающая душа творит во мне великое чудо, чудо пробуждения юного духа и юной воли.[...] Нет большего счастья, как получать от Тебя радость и, радуясь, страстно желать быть лучшим, чем я есть, чтобы быть достойным Тебя. 8 II 27г.».

Записи 17 II, 04 III, 12 III:

«...Принесенная Тобою ветка цветущего весеннего дерева наполняет запахом мое жилище, и в запахе этом я еще сильнее ощущаю близость Твою [...]».

Что-то произошло, какая-то тень заслонила Ее, встала между ними:

«Беспокойные мысли ходят во мне. Они порождают тяжелый страх за Тебя. Быть может, Ты становишься другой и уходишь, покидая меня в этой пустыне жизни. Или Тебе тягостна моя грубая жажда Твоей близости, или Ты томишься тем, что мы стали так связаны, так неотрывны друг от друга.»

Но если Ты, удаляясь, становишься далекой, если это правда? Чем же станет для меня земля и жизнь без Тебя?

Тягостны дни раздумий, разрывающих душу и угнетающих сердце. Неужели не вернется мир, полный света и радости, неужели Ты никогда не станешь прежней? 26 III 27г.»

«[...] Если не я, то что-то во мне любило Тебя бесконечно давно, может быть, где-то в другом мире и в других образах. Когда смотрю в Твои глаза, еще глубже постигаю то, что до Тебя ничего не было и не могло быть. Здесь, на Земле, мы только встретились после какого-то странного промежутка.

[...] Страстно хочу, чтобы ни один миг дней Твоих не был омрачен чем-нибудь, что связано со мной, чтобы близость моя не причиняла Тебе страданий, чтобы слова, мысли, поступки мои не угнетали Тебя, не убивали Твоей радости. Твоей всезаполняющей близостью и моей не знающей границ любовью хочу оградить Тебя от неизжитого во мне зла. 30 III».

Да, Папа не ошибся в своем прозрении будущего, в своем смятении, в страхе за счастье любимой женщины. Не желая того, вопреки себе, он подавил Маму, она не осталась сама собой в их браке. Он, но и сама бесчеловечная жизнь, конечно, «убили» в Маме Радость, и мы уже почти не слышали ее чудного, счастливого смеха. Господи, как жаль Маму! Пытаюсь вспомнить, видела ли она от нас, детей, Радость, светлые минуты? Светлые минуты — пожалуй, но Радости — нет. На днях день маминой смерти. Я плачу. Плачу, потому что чувствую жгучую вину: все суетились, думали о себе, о детях, о мужьях, но как мало— о Радости маминой, о том, чтобы хоть немного возвратилась к ней светящаяся радость досемейной жизни. Одно только: мы и не знали о ней... На другой день, 1 мая, летящие, быстрые строки запечатлевают страстное признание в любви:

«Люблю Тебя всегда и во всем [...].

Безумно и благоговейно, люблю целовать Твою пахнущую руку при встречах и расставаниях.[...]. Люблю еле уловимые движения Твоих губ, когда какое-то слово стремится покинуть их и не может».

13 раз вырывается из переполненного сердца этот возглас, этот вскрик любви и страсти. Вечером 3 мая появляется в записях новая тема, в новое слово облакаются все переживания, все чувства.

«Жена моя, близкая и нежная, прекрасная и влекущая, чистая и любимая. Вот я называю Тебя Женой, этим священным именем-символом, называю и поклоняюсь. В слове этом читаю знак единства, это значит, что я растворяю себя в Тебе, моей Жене, растворяю всего, ничего не оставляя, не утаивая, не сохраняя. [...] Только через Тебя я общаюсь отныне с

миром, только в Тебе постигаю его огромность и цельность. [...] Жена, я принимаю это слово, как новое, второе посвящение меня служению Тебе, служению радостному и совершенствующему. Жена — я хочу, чтобы это слово никогда не утратило для меня того дивного содержания и той преображающей полноты, которые ему свойственны сегодня[...]».

Конечно, это писалось самому себе как клятвы и обеты сохранить прежде всего в самом себе этот высокий строй чувств.

Кто знает, может быть, молодой муж подсознанием ощущал в себе совсем иные токи бытия и заклинал себя не меняться, не изменять себе, сегодняшнему... Но почему через все обращения к любимой женщине, то запинаясь, то усиливаясь звучит мотив страха, ощущение близких потерь, несчастий?!.

«В тихий час глубокой ночи мне грустно оттого, что нет здесь Тебя. В душе раскрывается зияющая пустота, и нет ничего, что могло бы ее наполнить. Нет Тебя, и в доме моем словно не хватает воздуха, как будто что-то давит и ограничивает вокруг. Не знаю, что это, скорбь или страх. Но весь я во власти какого-то угнетающего начала. И только Ты одна можешь принести успокоение и радость[...].

Странное любящее сердце, ему мало того, что все во мне служит Тебе, что нет минуты, когда бы мысли и воля, память и воображение мои не уносились к Тебе. Ему нужна Ты, живая и реальная, нужна вблизи. И вот оно стучит, безудержно, тоскуя о Твоей удаленности. 17 V ночью».

«Чудесная Жена моя, знаю, что завтра Ты будешь здесь. Все во мне полно ожидания Тебя. [...] Ты придешь, и дом мой наполнится светом и благоуханием. От одной только мысли, что Ты придешь, я становлюсь счастливейшим человеком на Земле. Милая, страстно и бесконечно любимая, в этот вечер я близок к тому, чтобы безудержно ликовать, смеяться и прыгать от радости и все повторять Твое имя, такое близкое, ставшее для меня символом неизмеримого счастья, имя, в котором величие души прекрасно сочетается с дорогим и великолепным телом.

[...] Мое ожидание Тебя — необыкновенно, я думаю, что никто из людей еще не ждал своей возлюбленной с такой силой и в таком безумном экстазе.

Через десять часов я поцелую Твою милую, нежную руку. Но я хочу целовать Тебя всю, без меры и конца и с каждым поцелуем полнее и глубже растворять себя в Тебе. 18 VI .

Последняя запись на этих листках:

«Кончен месячный путь. Какими близкими мы стали с Тобой после этого пути. Эта близость наша — залог долгого грядущего счастья. Постигая нашу близость, приветствую наступающую жизнь, наступающую радость.

Будешь ли Ты со мною на будущее время? Если уйдешь — все умрет и потускнеет. Я далеко отогнал от себя эти сомнения, я верю в нашу с Тобой счастливую и долгую жизнь.

Странствие наше укрепило наш Союз. В те года, что идут, будем странствовать так же и укреплять этим и совершенствовать наш Союз.

25 IX 27».

«Кончен месячный путь», — это не о поездке

на Мурман или в Крым. Это о новой жизни, зачатой в тот месяц...

«Приветствую наступающую жизнь» – мы с сестрой родились недоношенными 16 апреля 1928г.

И еще: в последнем абзаце проступает сквозь обычную возвышенность слога новая доминанта – суховатая учительность, назидательность. Или мне это кажется?!

Под этой частью (листки из тетради) стоит моя дата: 24 XII 94г. – 05 I 95 г.
Оставляю ее.

ИТАК, ДЕЛО N 108091.

Здесь я почти не прибегаю к курсиву как к средству выделить документ.

Документально – все!

Вот список всех краеведов, проходивших по этому делу, и дата их ареста:

1. Святский Д.О.	17.3.30
2. Казицын Вл. Алексеевич	17.7.30
3. Хордикайнен Александр Матвеевич	17.7.30
4. Павлов-Сильванский Ник. Ник.	29.7.30
5. Золотарев Давид Алексеевич	3.12.30
6. Смирнов Николай Петр.	3.12.30
7. Орлов Сергей Мих.	15.12.30
8. Петри Георгий Эдуард.	1.7.30
9. Ончуков Ник. Евг.	1.9.30
10. Абрамов Иван Спиридон.	13.12.30
11. Штерн Георгий Александр.	8.9.30
12. Успенский Мих. Ив.	6.1.31
13. Левицкий Ив. Адрианович	6.1.31
14. Непорожнева Вера Мих.	1.7.30
15. Тихомирова-Хордикайнен Ю.Ф.	17.7.30 освобождена под подписку о невыезде 30.10.30.

Начну с конца, с «Описи документов, находящихся в следственном деле».

Опись допроса	страница
Святского Д.О.	21-64
Казицына В.А.	74-138
Смирнова Н.П.	162-170
Хордикайнена А.М.	180-181
Агрова С.Н.	188-192
Петри Г.Э.	202-209
Ончукова Н.Е.	218-219
Абрамова И.С.	229-234

Золотарева Д.А.	242-250
Штерна Г.А.	261-266
Успенского М.И.	271-275
Левицкого И.А.	278-284
Непорожневой В.М.	295-365
Тихомировой-Хордикайнен Ю.Ф.	378-388
Данини С.М.	389-401
Владимирова	402-403
Анциферова Н.П.	404-407
Тарле Е.В.	416-418
Бахрушина С.В.	419-427

Если начать с конца, то надо привести и текст того письма, которое получили все мы, сестра, брат и я, – оно без названия.

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**УПРАВЛЕНИЕ
по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области**

Служба РАФ

«20» февраля 1996 г.
№ 10/55-К-299

«Уважаемая Софья Александровна!

Сообщаем, что в ходе проведенной проверки по учетам архивного фонда Управления ФСБ по г. С. Петербургу и области установлены:

- 1. Хордикайнен Александр Матвеевич [опускаю анкетные данные С.Н.].*
- 2. Тихомирова-Хордикайнен Юлия Фёдоровна [также опускаю С.Н.].*

Хордикайнен А.М. и Тихомирова-Хордикайнен Ю.Ф. были арестованы 17 июля 1930 г. ПП ОГПУ в ЛВО. Обвинялись в том, что «...враждебно относиться к Сов. власти, были руководителями контрреволюционной организации краеведов, ставящей своей целью свержение существующего строя и восстановление монархии, работая в ЦБК, использовали его в своих контрреволюционных целях, подготавливая через него низовые [низовые?] краеведческие организации к участию в контрреволюционном перевороте, для пропаганды своих идей использовали краеведческую литературу, пытались установить связь с белоэмигрантами...», т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 11 УК РСФСР.

[...]

Постановлением Особого Совецания при Коллегии ОГПУ от 20.05. 1931 г. осуждены к ссылке сроком на 3 года: Хордикайнен А.М. – в Северный край; Тихомирова-Хордикайнен Ю.Ф. – на Урал.

По заключению прокурора г. Ленинграда от 29.09.1989 г. и в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» Хордикайнен Александр Матвеевич и Тихомирова-Хордикайнен Юлия Федоровна реабилитированы.

...Сейчас посмотрела в тетради расходов, когда купила книгу «Звенья» со статьей Ф.Ф. Перченка «Академия наук на «великом переломе»⁷⁶.

В феврале 93. Тогда же послала эту книгу брату и сестре. Без статьи Ф.Ф. Перченка я бы не смогла «прочсть» Дело родителей. В ней спрессован огромный материал и хорошо определены место краеведения и его судьба в раскладе сил.

Я опираюсь на сведения, почерпнутые из статьи. Ф.Ф. Перчёнок начинает её так: «Середина двадцатых годов. Передышка. Надежды. НЭП. Ленинград» (с. 163).

Ещё одна цитата:

«Время кажется снисходительным к одной новой научно-культурной системе. Речь идёт о своеобразном общественном организме, пустившем корни по всей стране. Имя ему – массовое краеведческое движение: две тысячи местных организаций, 50 тысяч активистов, множество музеев, держащихся на общественной инициативе. [...] Краеведы [в 1921 г.] обратились к АН взять движение под свое покровительство. Так возник организационный центр движения – Центральное бюро краеведения при АН, председателем которого стал Ольденбург. В 1924 г., правда, ЦБК изъято из подчинения Академии, но руководство не сменено. Ленинградские краеведы, в методическом отношении возглавляющие движение, разрабатывают концепцию «гуманитарного краеведения», которое, в противовес узкому «производственному краеведению» [...] стремится изучать не одни лишь природные ресурсы и хозяйство, но всю «целокупную культуру» («Академия наук...». с.166-167).

В Историческом сборнике памяти Ф.Ф. Перченка «In memoriam»⁷⁷ сказано, что статьи Ф.Ф. Перченка «стали важным событием в познании и осмыслении одной из самых трагических страниц в истории отечественной науки» (с.87).

Ф.Ф. Перченка исследует механизм подавления свободной мысли и творческой энергии, огосударствления науки тоталитарной машиной, способы удушения всякой интеллектуальной свободы на материалах дела Академии наук.

Поводом к наведению своего «порядка» в РАН послужили предстоящие выборы новых членов. Москва заранее определила своих кандидатов. Задача была глобальная: ликвидировать РАН в Ленинграде, монополизировать гуманитарные науки, двинуть «в дамки» правоверных марксистов-ленинцев.

Использовались все низменные средства: травля в газетах, подтасовка пунктов Устава АН...Но этого было недостаточно, чтобы свалить древо российской науки. В Ленинграде было сфальсифицировано «Дело Академии наук», или «Дело Платонова» или ещё одно его название – «Дело историков».

Статья Ф.Ф. Перченка с такой исчерпывающей полнотой прослеживает ход событий, что снова обращаюсь к его тексту. Меня интересует связь разгрома ЦБК с «Делом АН»: «Летом 1930 следовательская бригада вовсю раскручивает краеведческий сюжет «сценария». [...]

Весной и летом 1930 удар обрушился на главные нервные узлы краеведения и одновременно на массу практических работников и в столицах, и на периферии. Были арестованы учёный секретарь ЦБК Д.О. Святский, ведущий графовец страны Н.П. Анциферов [...], глава исторического краеведения в Москве С.В. Бахрушин, [...], Г.Э. Петри (Ленинград), Б.Ф. Чирсков (Детское Село) и многие-многие другие [...] («Академия наук...». С. 220).

СРЕДИ ЭТИХ «МНОГИХ-МНОГИХ ДРУГИХ» И НАШИ РОДИТЕЛИ.

Вот «Выписка из протокола

Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 г.

Слушали

Дело № 108691 по обвинению гр. Святского Даниила Осиповича, Казицына Владимира Алексеевича и др. в числе 15-ти человек [выделено мной. – С.Н.] по 58/II ст. УК».

Вся документация, которую выдали сестре в Большом Доме, имеет такой титул:

Полномочное Представительство ОГПУ в ЛВО
Секретно-оперативное Управление
Секретный отдел

Сов. секретно.

Обвинительное заключение
по след. делу № 31-87-30 г.
о контрреволюционной организации
в Центральном Бюро Краеведения
(Ленинградское отделение)

Ленинград – 1931.

Примечание сестры: «Всё отпечатано типографским способом».

Ещё одно «nota bene», прежде чем углубиться в Дело.

Ещё одно отступление.

Б.В. Ананьич и В.М. Панеях в статье «Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929-1931 гг.». Вып. 1⁷⁸) в книге памяти Ф.Ф. Перченка пишут:

«К сожалению, в некоторых статьях и воспоминаниях, посвященных истории «Академического дела», делаются попытки сравнительной характеристики поведения подследственных, а затем и поспешные выводы о том, кто лучше или хуже вел себя во время следствия или кто кого «оговорил». В результате участники «Академического дела» становятся как бы объектом повторного суда, а преступная деятельность организаторов расправы над наукой остаётся в тени. Стравливание невольных участников «Академического дела» как раз входило в задачу тех, кто вёл следствие, и было одним из приёмов его фабрикации, но, разумеется, не единственным».

В примечании к этому абзацу авторы делают ещё одно предостережение: «Потому же сомнительным представляется и публикация отдельных фрагментов следственного дела в отрыве от их контекста» («Вынужденное «соавторство». С.88).

Предупреждение авторов чрезвычайно актуально. Постараюсь следовать ему.

Прежде всего, обращаю внимание на то, что нет материалов допроса А.М. Есть только автобиография, написанная на листе бумаги с таким заголовком (я приводила её выше):

«Протокол № [номера нет!]
допроса, произведённого в ПП ОГПУ в ЛВО
Шондыш
по делу за № 1699».

Даты нет!

Непонятно, почему номер дела в течение этих 13 месяцев менялся: 108691, 1699 и 3187-1930 г.

Когда возник этот последний номер дела?

В Постановлении по следственному делу № 1699 от 30 августа 1930 г. уполномоченный 2 отд. СО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО Шондыш формулирует: [...] «Принимая во внимание, что в процессе следствия выяснилось участие их [фамилии шести заключённых] в самостоятельной контрреволюционной группировке «Краеведов», [...] а посему

постановил

следственный материал гр-н Святского, Казицына, Хордикайна, Тихомировой, Павлова-Сильванского, Петри Г.Э. из дела 1699 выделить в самостоятельное Дело и следствие продолжить».

В Деле, которое я сама изучала, на листе 444 сказано следующее: «Хордикайнен являлся не просто членом данной группы, но показаниями ряда лиц выделялся в группу особо активных».

Затем Особое мнение:

«Полагал-бы:

Дело № 3187-1930 г. направить Обл. прокурору на заключение с передачей на ТРОЙКУ ПП ОГПУ в ЛВО для внесудебного разбирательства [...]».

Подписи

Нач. ССУ ст. уполномоченный

Нач. СО

Шондыш

Хорхорин».

Это из Результативной части Заключения (18 III 1931).

«С Заключением ПП ОГПУ ЛВ по делу № [?] от [?] дня 19 [?] г и направлением дело во внесудебном порядке СОГЛАСЕН. Ст. пом. Обл.прокурора (Михайлевич).

Утверждаю

Прокурор Ленингр. Области
(Кондратьев).

«18» Марта дня 1931».

Машина работает ритмично. Слаженно. Полное взаимопонимание. Машина подавления Мысли и Достоинства человека. Машина сфабрикует нужное обвинение и внушит признание вины, стасует свидетельские показания, передернет карту...Репрессивная машина в умелых руках...О, эти режиссёры умеют ставить спектакли, у них все концы сходятся с концами, потому что веревочки-то в их собственных руках...

Документы в следственном Деле Ю.Ф.Тихомировой выглядят достаточно полно.

Есть Постановление, написанное карандашом, об обыске и аресте. Дата 13 VII 1930.

В следующем Постановлении по делу 1699 Шондыш, «допросив и рассмотрев следственный материал на него, по коему Тихомирова Ю.Ф. достаточно изобличается в том, что участвовала в а/советской [антисоветской!] группировке и собирала деньги для семьи арестованного Анциферова».

Бедный русский синтаксис!

Как видим, речь идёт об антисоветской группировке. Дата 29 VII 1930.

Принимается (в уме!) третье постановление об устранении от занимаемой должности по делу № 1699.

Но это уже усердие не по разуму: Ю.Ф. арестована ещё 7 VII 1930. Недаром в Деле это постановление имеет только заголовок, просто бланк. Почтенное желание соблюсти внешние формы «игры». Теперь я могу высказать догадку о разночтениях: «научный сотрудник» и «внештатный сотрудник» в трудовой книжке Ю.Ф. и в справке об увольнении. Видимо, сейчас, когда шли повальные аресты, таким образом хотели затушевать роль Ю.Ф. в деятельности ЦБК.

И снова Постановление, без даты и без подписи, о «мере пресечения»: «[...] Обсудив [...], приняв во внимание, что пребывание на свободе может повлиять на ход следствия ПОСТАНОВИЛ

избрать содержание под стражей в ДПЗ».

Нет сил читать допрос Ю.Ф. Да и что же это за допрос?! Допрос – это диалог. Вспомним классический: Пугачёв — Гринёв. Вопрос – ответ. По структуре вопроса можно составить себе умысел дознавателя. Но здесь-то монолог! Где же очные ставки?! Как в трансе, Ю.Ф. идёт за дудочкой Крысолова: *«Я не согласна с диктатурой пролетариата, т.к. пролетариат не может справиться с задачами управления страной»*[...]. *«Не согласна также с проведением классовой борьбы»* [...], *«не согласна с темпами индустриализации»* – и далее в этом же духе...

«Ленинградская группа ЦБК была рупором реакционного антисоветского направления в краеведении...».

Но разве это мамин голос? Мамины слова? Нет! Недаром стилистически и по содержанию этот монолог очень близок к «Заключению по Делу». «Соавторство» [выражение Б.В.Ананьича и В.М. Панеяха] – неоспоримо.

В одном месте прорвался ее живой голос: *«Что же касается сбора средств в помощь Анциферову, то мной было передано 5 руб. Штерну⁷⁹; я же получаемые деньги от Данини⁸⁰ по 14 р. отдавала семье Анциферова⁸¹».*

Эта сторона деятельности краеведов – самоотверженная помощь семье арестованного Н.П. – раскрывается ещё в нескольких признаниях («показаниях»):

[В.А.]Казицын: *«После ареста Анциферова среди сотрудников ЦБК было устроено совещание, на котором решили помочь ему и его семье. Ежемесячно собирались деньги для передачи Анциферову, а также и на помощь его семье [...] Деньги собирал Г.А. Штерн».*

[С.М.]Данини: *«Через некоторое время Н.Н. Павлов-Сильванский сказал мне... не согласилась ли бы я часть заработка отдавать жене Анциферова. Я сказала, что согласна на это; я давала деньги в размере 1/3 жалованья».*

Такое естественное для нормального человека дело помощи арестованному и его семье воспринимается как факт преступной контрреволюционной деятельности. Когда сами большевики сидели в царских тюрьмах, они всю пользовались помощью, собранной на воле (сколько мы читали об этом!), а теперь они отказывали краеведам даже в этом!

...Еще в 1992 г. автор примечаний к воспоминаниям Н. П. «Из дум о былом» А. И. Добкин писал, комментируя «дело Академии наук», о С. Ф. Платонове: *«Известно, что на следствии Платонов вел себя твердо и ложных показаний не давал («Из дум...». С. 449).*

Но опубликование тома «Академическое дело 1929-1931 гг.»⁸² убедило исследователей Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха, что следствию удалось добиться от обвиняемого целого ряда признаний, самооговоров, «собственных заявлений», то есть «принудительного соавторства» со следствием.

В конце Т А К О Г О следствия «С. Ф. Платонов подавлен и сломлен», – подводят итог ученые (с. 109).

Я привожу их свидетельства, чтобы отчетливее представить себе и Вам, дорогой читатель, Время (1930-1931 гг.) и Место действия (ДПЗ, тюрьма) в судьбе родителей.

И хотя не все материалы следствия были доступны исследователям, *«однако опубликованные материалы позволяют представить хотя бы в общих чертах процесс фабрикации обвинения [выделено мной. – С.Н.], а это важно не только для характеристики методов работы ОГПУ, но и для понимания поведения, роли и положения подследственных в этом процессе»* («Принудительное «соавторство». С. 88).

Привожу прописными буквами разделы ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПП ОГПУ ЛВО по делу № [номера нет!] от «18 марта дня 1931».

ВСТУПЛЕНИЕ. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Имеется в виду «контрреволюционной организации». Прочитую: *«Организованное в 1922 году ЦБК по инициативе его к. рев. настроенных руководителей было причислено к*

Академии наук СССР, как к учреждению, в то время ещё сохранявшему свои дореволюционные традиции. В состав ЦБК вошли преимущественно к.р. настроенные учёные Ленинграда и Москвы. В числе последних были лица, впоследствии оказавшиеся видными к.р. деятелями, вроде ак. Платонова, руководителя Всенародного Союза Борьбы за Возрождение Свободной России [Создание этого мифического Союза как раз и инкриминировали ак. Платонову! См. «Принудительное «соавторство». С.11], Чайнова, члена ТКП, и др. (Райкова, Анциферова, Гревса, Синицина). Нахождение в составе ЦБК вышеназванных лиц достаточно определяет ту политическую линию, кот[орую] оно заняло с самого начала своего существования. Практически до самого последнего времени она осуществлялась возникшей в ЦБК к.р. организацией, состоящей из учеников и последователей Платонова, Пальчина, Чайнова и др.».

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К.Р. ОРГАНИЗАЦИИ.

П. 5 «Широко использовалась организованная помощь арестованным и сосланным краеведам»; п.8 «Нелегальные собрания. Все основные вопросы к.р. деятельности организации обсуждались на специальных заседаниях. Из числа обвиняемых на таких заседаниях присутствовали Святский, Казыцын, Павлов-Сильванский, Смирнов, Хордикайнен.

Все политические вопросы на этих нелегальных совещаниях разрешались строго в соответствии с установками ликвидированной ПП ОГПУ в ЛВО контрреволюционной организации Всенародный Союз Борьбы за Возрождение Свободной России, возглавлявшейся ак. С.Ф. Платоновым».

СВЯЗЬ С БЕЛОЭМИГРАНТАМИ И ПОПЫТКА ПОСЫЛКИ ПРОТЕСТА УЧЁНЫХ ЗА ГРАНИЦУ.

Пришлось-таки признаться:

«Следствием не установлена непосредственная связь организации с белой эмиграцией».

СВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИИ С ДРУГИМИ К.Р. ОРГАНИЗАЦИЯМИ И К.Р. ЭЛЕМЕНТАМИ.

СВЯЗЬ С ВСБВСП

Ясно: если «все политические вопросы на нелегальных совещаниях разрешались строго в соответствии с установками» ВСБВСП, значит, контрреволюционные организации краеведов были прямо подчинены «Союзу».

Что же в таком случае «Связь с ВСБВСП»?!

Это белые нитки, которыми шьют дело. Вот и вылезли!

Ф.Ф.Перченоч полагал, что «дело экскурсионных работников [...], видимо, может рассматриваться как ответвление от «дела АН» и должно быть специально изучено с этой точки зрения [...]»⁸³.

Мне кажется, можно сказать без всякой предположительности, что Дело краеведов, в частности, «Дело по обвинению Святского Д.О. и др.» – это то же самое «дело АН», только с другими действующими лицами. Не такие громкие имена, но суть обвинения почти та же. Недаром же, цитируя в Заключение какое-то мнение Н.П. Анциферова, о нём сказано: «Показания члена к.р. орг. «ВСБВСП». Такое «представление» невозможно комментировать.

БОРЬБА ЗА ОСТАВЛЕНИЕ ЦБК В ЛЕНИНГРАДЕ И ПОДБОР РАБОТНИКОВ ЦБК.

Здесь тоже приводятся показания научного сотрудника ЦБК, обвиняемого по делу ВСБВСР. Представляете, как туго сматывается клубок из «Дела АН» и «дела экскурсионных работников»...

БОРЬБА С СОВЕТСКИМ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ КРАЕВЕДЕНИЕМ.

Использование краеведческой литературы для пропаганды идей организации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ АРЕСТОВАННЫМ.

СВЯЗЬ С ЗАКЛЮЧЁННЫМИ ЕПИСКОПАМИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИХ К-Р. ВОЗЗВАНИЯ.

К-Р ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПЕРИФЕРИИ.

«В период 1924-1927 наблюдение за ходом работ в областях было распределено в ЦБК между отдельными сотрудниками: Ленинградская область – Непорожнева, Иваново-Вознесенская и Сибирь – Анциферов, Центрально-Чернозёмная область и Республика – Святский, Северный Кавказ и Крым – Хордикайнен, Урал и Поволжье – Ходозов».

Заключение – почти 15 страниц убористым почерком!

Не признали себя виновными Золотарёв Д.А., Ончуков Н.Е., Павлов-Сильванский Н.Н., Хордикайнен А.М.⁸⁴ Обвинение А.М. было предъявлено 16 VIII 1930 г. Мама так и говорила, что отец просидел девять месяцев в одиночке, но виновным себя не признал.

Вот и последний акт краеведческой трагедии:

«Выписка из протокола
Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 г.

Слушали

Дело №108691 по обвин. гр. Святского Даниила Осиповича, Казицына Влад. Алексеевича и др. в числе 15 человек по 58/11 ст. УК

Постановили».

Постановили, кого «заключить в концлагерь сроком на три года», кого «выслать в Севкрай тоже на три года», а кого – поближе, на Урал. А двух «из-под стражи освободить, лишить права проживания в 12^пл согласно 2 списка приказа №19/10 от 11/1 30 г. [...] с прикреплением к определённом месту жительства сроком на 3 года».

Хочу привести полный список встретившихся в Деле авторов и постановщиков краеведной мистерии. Мы не имеем право забыть и их имена. И – вот уж действительно, общество должно знать своих «героев»:

Шондыш [А.Н.] – уполномоченный 2 отд. СО ПП ОГПУ в ЛВО;

Мосевич [А.А.] – начальник 2 отд. СО. Именно он вслед за Шондышем подписал постановление о привлечении гр. Хордикайнена в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58-11 Уголовного Кодекса;

Михайлевич – старший помощник областного прокурора;

Кондратьев – прокурор Ленинградской области;

и ещё Медведь [Ф.Д.] – начальник ПП ОГПУ в ЛВО – его «утверждаю» в левом верхнем углу Заключения;

Хорхорин – начальник СО. Его согласие есть на направлении дела на «ТРОЙКУ».

Примечание. Инициалы Шондыша, Медведя и Мосевича я узнала из работы Ф.Ф. Перченка «Я решительно настаиваю ...» в книге «In memoriam». С. 10, 13.

... «От краеведческого движения осталось мокрое место (отдельная тема)», – констатирует Ф.Ф.Перченко⁸⁵.

ВОТ ЖИВОЙ ГОЛОС ОТЦА ИЗ ТЮРЬМЫ.

Это маленькая (13 x 15,5см) тетрадка папиных стихов, не сшитая, на плотной, старинной бумаге с водяными знаками — шрифтом какой-то фирмы, высота букв — один сантиметр:

*Original
Turkey Mill
Kent*

Нет указаний на место и время создания этих строк, первая и последняя страницы обложки — чисты.

На ее второй странице эпитафия:

*... Скоро вновь
Вернусь к тебе, еще блаженней,
И обновлю мою любовь –
Любовью ярче и нетленней.*

А.Блок.

Видимо, это переписанные набело стихи, созданные в тюрьме, всего их – 13. Почерк изящный: твердый, мелкий, красивый ровный наклон, тонким пером, фиолетовые чернила, странички не пронумерованы. Первое:

*Прошли года и не напрасно:
Немного полных счастья лет.
С Тобою жизнь течет, как сон прекрасный,
Привет Тебе, души моей привет!*

*Благодарение Тебе, подруге милой,
За все, чем жизнь обогащаешь Ты.
В разлуке этой, горестной, унылой,
Тебе, одной Тебе мои мечты.*

Четвертое:

*За дивный, чудесный
Путь наш совместный,
Светлый и сладостный
В мир многорадостный
Спасибо Тебе!*

Рядом на следующей страничке:

*В эти дни жестоких испытаний,
Мой дивный друг и нежная жена,
Каких тяжелых мук, каких страданий
Твоя душа невинная полна.*

*Я знаю глубину Твоих мучений
И слышу сердца любящего боли,
И гнет мучительных лишений,
Нам посланных Небесной Волей.*

*Жена, с какой бы радостью Тебе помог
Я в эти тягостные дни разлуки,
Но не могу. И нам защита – только Бог.
Ему молюсь, Тебяверя в его всеблагостные руки.*

Шестое:

*Друг мой нежный, друг чудесный,
Оба мы томимся ныне
В этой мрачной, в этой тесной
Отвратительной твердыне.*

*Испытаний нам мучительных
Дало много злое время.
Дней жестоких, дней томительных
Тяжело немое бремя.*

*Но и здесь, во мраке тягостном
Злых тюремных уз,
Крепнет светлый, крепнет радостный
Наш с Тобой союз.*

В стихах этой тетрадки как бы два потока сознания — это благодарственная молитва жене за то, что она — есть, это гимнические строфы, утверждающие безусловность того, что счастье было и есть:

*О ты, любимая,
О, несравнимая,
О, долгожданная,
Страстно желанная!
Богом мне данная!
Неповторимая,
О ты, любимая.*

Второй – чувства и переживания, рожденные действительностью. Но недаром в сборничке нет ни дат, ни указаний места, где было написано стихотворение – а в своих прежних тетрадках Папа был чрезвычайно к этому внимателен! – минимум реалий и в текстах. Скорей всего –самоцензура. Так стихи можно воспринять и как дань традиции: «Сижу за решеткой в темнице сырой...».

Подлинный смысл всех образов, эпитетов, всех художественных приемов может быть ясен только тому, кто, читая эти строки, знает фактическую судьбу А.М.

Стихи переписаны не в хронологическом порядке: «*девятью днями прошло*» с. 7 [нумерация страничек моя. С.Н.], «*девять недель, как томимся в темнице*» с. 8, «*уж день проходит семьдесят седьмой*» с. 9. Написано 108 строк. Безусловно, это только часть переживаний, душевных сотрясений, которые можно было доверить бумаге. Сколько же мыслей, прозрений осталось навсегда в себе «*немым бременем*»...

Непереносимые «*глубокие мучения*» терзают сердце «*невыразимой мукой*». Событий нет, есть только эти, длящиеся без конца «*дни жестокие, дни томительные*». Постоянные,

повторяющиеся, синонимические эпитеты сливаются в долгую-долгую ноту безысходного страдания.

Вот эти эпитеты:

*разлука горестная, унылая
испытания жестокие
душа полна тяжелых мук, страданий
гнет мучительных лишений
тягостные дни разлуки
в этой мрачной, этой тесной отвертительной твердыне
время злое
испытания мучительные
дни жестокие, дни томительные
злые тюремные узы
немое бремя
мрак тягостный
ужасная ночь
утро тюремное
мука невыразимая
злая неизбежность
серый мрак
каменная тюрьма
разлука тягостная
злой кошмар
тишь немая
тоскующая душа
тоскующее сердце
тягостные и горестные томления
дни испытаний
глубина мучений
лавина тюрьмы.*

Вот сказуемые, доминанты предложений: «*томимся в темнице*»; «*томимся в разлуке*»; «*томимся эти девяносто дней*»; «*от дома и малюток оторвали нас*»; «*оба мы томимся ныне...*»; «*невыносимым стал серый мрак*»; «*тяжело немое бремя*»; «*жутко длится злой кошмар*»; «*все тяжелее тюрьмы лавина*»; «*сердцу бодрствовать в разлуке все невыносимей, все трудней*».

Думаю, что мироощущение А.М., даже, несмотря на умолчания, естественные в его положении, не нуждается в пояснениях.

Что же прорывало «*тягостный мрак*», давало душевные силы противостоять тоталитаризму власти?

Вот он, ответ:

*Сей дивный мир...
Тютчев.*

*О существа мои родные, о дом родной!
Как страстно к вам душа стремится!
Все дни живу я мыслью одной,
И по ночам мне мир домашний снится.
Как он богат, сей мир родимый,
Каких он дивных полн очарований*

*И вещей сил, и радости незримой,
Восторгов сладостных и светлых ликований.*

Тютчев для А.М. был не только любимым поэт, отвечавший самым глубинным, затаенным потребностям души, но и философом, который раскрывал ему смысл Сущего.

Вот это стихотворение Тютчева, из которого А.М. взял эпиграфом строчку «Сей дивный мир...»:

Странник

*Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!*

*Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, в пользу, в назиданье.*

*Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога;
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит Бога!*

У Папы почти тот же восторг перед совершенством Бытия, но какая существенная подмена, какое симптоматическое сужение понятия: не «сей дивный мир», не все вокруг, а только «сей мир родимый».

Ходульность словосочетаний, нередко у А.М., прорывает неподдельное чувство страстной любви к «сущностям родным», «к дому родному», «к домашнему миру». Все, встающее в воображении, связанное с домом, кажется светлым раем. Присутствие его в себе, в своей душе, и делало, думаю, его сердце «бодрым».

Тема «бодрого сердца» — один из лейтмотивов этого сборничка:

*...А злой кошмар все так же жутко длится,
И только сердце бодрое в тиши немой
Все о Тебе поет, к Тебе стремится.*

Другое стихотворение:

*Все тяжелее тюрьмы лавина,
Невыносимым стал серый мрак.
Вдруг...запах дома и нафталина
И почерк Твой как небесный знак.*

*Благодарное сердце счастливою дрожью
Светло и радостно так задрожало,
Сотворило молитву Твою и Божью
И, как прежде, бодрым и мирным стало.*

Еще строфа:

*И Ты, как я, в невыразимой муке
Томишься эти девяносо дней.
Ведь сердцу бодрствовать в разлуке
Все невыносимей, все трудней.*

«Бодрое сердце» — сердце, стойко переносящее удары судьбы, не поддающееся унынию. «Бодрствовать» — значит сопротивляться напасту «невыразимой муки».

В стихах много простых и нежных слов о Маме:

*Девять недель, как томимся в темнице,
Девять недель, как не видим друг друга.
И только ночами мне ласково снится
Милый Твой облик, жена и подруга.*

*В этих видениях, исполненных нежности,
Ты мне приносишь любовь и отраду,
И в дни испытаний и злой неизбежности
Я в снах о Тебе обретаю награду.*

*Прекрасный миг, чудесное явление —
Сегодня видел я Тебя и слышал голос Твой.
На грани сна и бденья
Ты ласково звала меня с собой.*

*О, сколько нежности звучало в зове этом,
Какая теплая струилась в нем любовь!
Как дивен жизни путь, когда он может быть согретым,
Жена, Тобою вновь и вновь.*

Чаще всего именно во сне, освобожденная от дневных кошмаров, душа возвращалась к дорогой и любимой жене.

Все, связанное с образом Мамы, светло, почти лучезарно. Это мир нежности, тепла, ласковой душевности. В образе Мамы концентрируется противостояние мира тюрьмы — миру добра и любви. И этот второй мир оказывается сильнее «лавины тюрьмы». Тюрьма не может уничтожить этот свет, эту любовь, в этом свете любви — исток душевной твердости отца:

[...] *А злой кошмар все так же жутко длится,
И только сердце бодрое в тиши немой
Все о Тебе поет, к Тебе стремится...*

[...] *Девять недель, как не видим друг друга,
И только ночами мне ласково снится
Милый Твой облик, жена и подруга.*

...Маленькая тетрадка стихов...трагические месяцы 30-го года.
Папе - 31 год.

РОДИТЕЛИ В ССЫЛКЕ, МЫ – С БАБУШКОЙ. Когда А.М. и Ю.Ф. везли на барже до Самары, какая-то старуха сказала Маме:

— Чего ты, такая молодая, вышла за старого !?

А.М. после девяти месяцев одиночки, заросший бородой, выглядел стариком.

Папа в автобиографии довольно полно рассказал, чем занимался в Северном крае. Мамина жизнь находит ярчайшее отражение в тех справках, которые она сохранила.

Освободившись из ДПЗ 30 X 1930, Ю. Ф. с 27 XI работает делопроизводителем в артели «Постройка» в Ленинграде. Видимо, по пути в ссылку она получает возможность на какое-то время остаться в Свердловске. Справка от 20 VII 31 г. из «Уралохотсоюза» – Уральский областной союз охотничьих и рыбацких кооперативов. Ю. Ф. – «старший Делопроизводитель и Завхоз» (так!). Справка, как сказали бы мы сейчас, на фирменном типографском бланке с номерами «текущих счетов» и телефонов (Свердловск, ул. Ленина, 27). Но уже с 1 IX 31 по 20 VI 32 – Ю. Ф. в Самаровском интегральном кооперативном Товариществе «Труженник» (так в бланке!) – секретарем правления. Село Самаровское Тобольского округа Уральской области. Подумать только, ведь по теперешнему административному делению село Самаровское – это Башкирия! Последняя справка этого периода из Остяко-Вогульского округа Уральской области. С 10 VII по 25 X 32 года Ю. Ф. – секретарь правления в Нахрачинском интегральном кооперативе. На штампе название кооператива – «Кондинец».

Нахрачи расположено немного южнее 60 параллели, маленький городок, (по «Атласу СССР» 1955 г. – менее 10 тыс. жителей), на реке Конде, впадающей в Иртыш.

Я привела формулировки административного деления, указанные в справках.

В Нахрачах родился Матвей.

Перебираю листки с записями 95 года.

«Первое воспоминание, скорее даже впечатление: макароны с набитым в их полу трубочку творогом. Какая невероятно трудная работа – набить творогом тонкую трубочку! Их приносила тетя Соня, может быть, даже и объедки из детского санатория, где она работала. Это до возвращения родителей из ссылки. Еще: мы колем косточки из урюка. Это из того же источника».

Тетя Соня – Софья Оболикшто, папина двоюродная сестра (1902 – 1969), она жила с нами во время их отсутствия.

Продолжаю записи: «16 окт. 95. Как давно не брала в руки эти листки! [...] Ну, дай Бог мне настойчивости, упорства, не отвлекаться! А бумага, мне кажется, чистый лист, надеюсь, как всегда, притянет, что-то раскроет в душе, и – напишется».

...Так вот фотографии тех лет: мы стоим трое в большой комнате, готовые к прогулке. На нас белые суконные пальтеца, как платья, узкие короткие рукава, руки в варежках, мы с Люсей в башлыках, Андрей в вязаной шапочке, но весь с головой обвязан широким белым шарфом с красивой каймой. На Андрее валенки с калошами, мы в черных суконных ботинках.

Дежурная улыбка на лице тети Сони. Мы – печальные девочки, сестра в каком-то грустном недоумении. Эти годы без родителей мы пережили только благодаря участию друзей родителей и родственников. Бабушка Маня, бабушкина сестра, Мария Сильвестровна Оболикшто (1877 – 1964) была мягкой, доброй, ласковой.

...Мы с ней в Гостином дворе. Бабушка Маня покупает из огромной бочки кислую капусту в бидончик и... дает нам всем попробовать. Вкус этой капусты – на всю жизнь! Но, может быть, и потому, что лезть со своими руками в бидон было немыслимое нарушение всяких приличий! А какие были супы у б. Мани в ее доме на Магазейной!..

Вера Петровна Фандерфлит⁸⁶, мать Н. К., – бабушка очень любила В. П. – привозила нам сухари в рюкзаке. Приезжала Н. В. Она рассказала нам в 50-е годы, что мы поразили ее, такие были тихие, серьезные дети.

— А вы умеете шалить? – спросила она нас.

— Нет, не умеем.

— Хотите, я вас научу?

Мы не захотели.

Кто-то из друзей родителей приезжал и фотографировал нас в эти годы.

Н А Ш А Б А Б У Ш К А, папина мама, осталась в памяти своими поговорками, присловиями, часть из них мы и сами хорошо помним, часть – цитировала Мама. Все это была житейская мудрость, пожалуй, и важная в детстве. Нельзя оставлять книгу открытой – память улетит; надо доесть все с тарелки, иначе силу оставишь; злом зла не покроешь; самое тяжелое в жизни – кормить родителей и отдавать долги. Плохое настроение с утра: «не тронь меня, я к обедне иду». Что куплено, то не сгублено. Тит, а Тит, иди молотить! – А где моя большая ложка?

Какие-то были у бабушки шуточные истории.

Колокола в мужском монастыре басовито: «К нам! К нам! К нам!» В ответ из женского монастыря доносится: «Будем! Будем! Не забудем», – тонкими голосами...

Была такая игра: сидишь на коленях лицом к бабушке, она держит за руки и приговаривает:

Ехал-ехал пан, пан

На конику сам, сам.

Ехал тихо, тихо,

Ехал быстро, быстро

И – упал!

Изображается то тихая, то быстрая езда и – неожиданное падение. Смех. Ликование, что не упала. Потом уж я так играла с мальчиками и внуками.

В том раннем детстве, которое мы прожили с бабушкой без родителей, у нас не было книг, и главным развлечением было посещение костела. Молитвы мы выучили на слух, польски, мало что в них понимая. Но бабушкина «каплица», нечто вроде маленького алтаря, бабушкина «ксёнжка» (книжка), молитвенник, ее «рожанец», четки-розарий – все это было частью нашего детства. В вечернем сумраке бабушка пересказывала нам евангельские тексты. Было даже страшно от некоторых историй. Но звучали они прозаически, как самые реальные события. «Идти по воде», преподнести на блюде голову Иоанна-Крестителя...

Бабушка была сдержанным, пожалуй, даже суровым человеком. Никаких ласковых слов, похвалы себе, нам я не помню. Но не было и окриков, раздражения. Очень немногословна. Даже наша детская болтовня казалась ей, наверное, чрезмерной и как-то потихоньку обрывалась: «мели, Емеля, твоя неделя», «бесструнная балалайка»... Мне кажется, что мы долго-долго были молчаливые девочки.

Бабушка высокая, почти худощавая. Одеты всегда в длинную темную юбку и кофту на выпуск. Всегда в платке. Так как она была почти слепая, из дому не выходила, то и пальто на ней не помню.

Были у бабушки свои маленькие слабости: она нюхала табак (Папа не курил) и что-то она пила из штофика в своем шкафчике.

Бабушкина сестра М. С. успела кое-что рассказать о своих родителях внучке, нашей троюродной сестре Екатерине Павловне Поздовой⁸⁷. Да и сама Катя с юности была чутка к семейным корням. Она и написала мне, что «прадед Сильвестр был грамотный, кузнец и великолепный скрипач, известный на всю округу. Когда в годы войны мы жили там [в Речках], старожилы об этом вспоминали. Это был, так сказать, деревенский интеллигент» (письмо 3 VIII 1995). Как семья оказалась в деревне Речки под Новоржевом и откуда, никто не помнит.

Были какие-то разговоры, во всяком случае, так говорила Мама, что бабушка была из обедневшей шляхты. Какие-то корни уходят в Литву. «Ковно», «Ковенская губерния» – эти слова тоже были знакомы. А тихий вздох – «Матка Боска Ченстоховска!»

Как возникло в семье Высоцких Царское Село? Вероятно, потому что в Ц. Селе жило много поляков. Вот данные на 1910 год: всего жителей 30.881 чел. Из них православных 27.284 человека, католиков – 2.261, лютеран – 899, евреев – 236 и т. д.⁸⁸. Может быть, уже кто-

то из родственников перебрался в Ц. Село и до С. С., но из семьи она приехала в Ц. Село первой. Дочь М. С, Катина мама, говорила Кате, что у бабушки Сони был внебрачный ребенок и потому она уехала так далеко от семьи. Очень может быть и так, потому что бабушка никогда не была ни веселой, ни жизнерадостной... Видимо, поздно вышла замуж...

Приблизились мы к пониманию бабушки только с приездом бабушки Дуни. Мы невольно сравнивали обеих бабушек. В нашей семье была довольно спартанская еда. Ну, например, никаких булок, белого хлеба. В день получения пенсии бабушка покупала пеклеваный. И это был праздник! А бабушка Дуня – слоеные булочки обожаемому Севе.

Теперь, вдумываясь в характер нашей бабушки, вижу в ней внутреннее благородство, глубокое чувство собственного достоинства и удивительное смирение. Ведь никаких конфликтов с б. Д. мы не видели и не слышали. Их, конечно, и не было. Хотя более противоположных натур нельзя себе и представить. И бабушка все слышала, все понимала...

Мама всегда, всю жизнь, с большим уважением отзывалась о своей свекрови. Могу себе представить, что бабушка никогда не вмешивалась в семейную жизнь сына. Никогда не защищала нас: всякое мнение А. М. относительно нас, его замечания в адрес детей, требования не обсуждались. Непререкаемо звучал только голос отца.

В редчайших случаях – Мама нам рассказывала – бабушка позволяла себе деликатный совет Маме и то, конечно, в отсутствие А. М. Мама любила вечером сесть в кресло с французским романом в желтой обложке. Отец неизменно сердился:

– Шла бы ты, мать, спать.

Бабушка – Маме:

– Да не читайте Вы, Юлия Федоровна, при Александре Матвеевиче! Вот уйдет он, Вы и почитайте! А при нем – не надо!

Но разве за целый день при большой семье доходили руки до книги?!

...Часто-часто, прежде чем сказать нам что-то поучительное, назидательное, Мама предваряла это какой-нибудь бабушкиной сентенцией: «Как говорила бабушка Софья Сильвестровна...».

НОВАЯ ЖИЗНЬ С ПАПОЙ И МАМОЙ.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ И НАШЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ. Через бабушку нам открылась дворцовая парадность нашего костела, величественный строй мессы на непонятной латыни, летняя, пышная красота престольного праздника – Иванов день 24 июня, благоухание куличей и возвышенность пасхального настроения, дивные, незабываемые рождественские Сочельники 24 декабря... С возвращением родителей Рождество и Пасха отмечались празднично и стали нашими самыми любимыми днями на всю жизнь.

...Несколько лет назад я узнала, что 25 декабря – День Гептахора. Именно 25 декабря 1907 г. С. Д. Руднева и Н. А. Энман впервые увидели А. Дункан в концерте. Мама никогда не обмолвилась с нами об этом дне, не вспомнила вслух День Гептахора... Даже после войны.

Мне делается страшно за Маменьку: значит, действительно, прежняя жизнь была испелена перенесенными трагедиями, расплющена десятилетиями кромешной бедности...

Но нет, нет, иногда луч света из счастливой юности озарял мамину жизнь и в поздние годы. Он выхватывал из прошлого какой-то миг, и ясно было, что душа ничего не забыла.

Письмо Мамы из Тарту в Уфу 11 XI 58 г.: «*Вчера смотрела греческий фильм, и самое невероятное, что действие на нем происходит на том острове, где мы отдыхали после поездки по Криту. Фильм понравился, называется «Девушка в черном».* А остров – Специя.

Вот один из Сочельников перед войной: скатерть постелена на сено (ведь Младенца нашли в хлеву!), стол парадно сервирован. У каждого прибора подставочка (маленькие козлы!) под ложку и вилку, салфетка в красивом кольце. Сняты чехлы с кресел карельской

березы. Николай Павлович сидит в кресле, перекинув ногу на ногу, в свободной, непринужденной позе. Сестра пишет мне 13 II 93 г.: *«Очень помнится красивый редкий по звучанию даже в то время голос Н. П. В нем было воплощение всей ушедшей жизни (мы ведь девочками были очень романтичными). Облик Ник. П. легко вписывался в канву любого романа Тургенева; мы очень чувствовали избранность, необычность такого человека, как Н. П.»*

В нашей комнате елка за наглухо задернутыми шторами и подарки нам и наши поздравления родителям. Мы их рисовали, пытались что-то сказать в рифму. Вот один листок из 37 – 38 года в карандашных красненьких цветочках:

*«Дорогой папа!
Поздравляю тебя с днем Ангела и
Желаю тебе всего хорошего.*

На другой стороне:

*Я помню день один.
Сверкало солнце в вышине.
Лазурь небесная блистала
И отражала мир в себе.
И мне казалось, что прекрасной
Должна быть жизнь,
Что только счастье, любовь и ласка
Должны в ней жить».*

Мама сохранила много таких страничек.

В Иванов день была «процессия», крестный ход вокруг костела внутри ограды. Медленно двигался балдахин, который несли четыре человека. Под ним, отделенный от толпы верующих, в длинном белом с кружевом, а поверх в золотом облачении медленно и торжественно шел ксендз. Несколько пар маленьких девочек лет 5 – 6 в белых кружевных платьицах шли перед балдахином. Держа в ладонях горсть цветочных головок, они оборачивались к патеру, делали реверанс, приседали, бросали перед ним на землю цветы, складывали молитвенно руки и возвращались на свое место. Это называлось «подсыпать цветы». На фотографии, где мы с обеими нашими бабушками, на нас именно те самые нарядные кружевные платьица, в которых мы «подсыпали цветы». И, хотя из одной сандалиии у кого-то торчит палец, видно, что мы в полном параде.

...Вверху, высоко в небе плывут все в золоте хоругви в сильных юношеских руках, в воздухе качаются на толстых витых золотых шнурах мерцающие кисти... Необычайно светозарное зрелище. У всех букеты цветов... Белое одеяние патера, дяконов, черные вологодские шарфы на старых польках, бабушка тоже в таком старинном шарфе... Очень красивые юноши прислуживают. Какие благородные, прекрасные лица! А ведь в одного я была про себя влюблена. Было волнение, будет ли он на службе, увижу ли.

Молодые люди после мессы играли в мяч, образовав круг, здесь же, в ограде. Было странно: только что встреча с Богом и сразу – смех, игра, засученные рукава рубашек...

На Пасху Мама ставила тесто в большом эмалированном ведре. Теперь я понимаю, что Мама пекла куличи «по Молоховцу»⁸⁹ – книга эта была у нас. Мои теперешние – по тому же рецепту, и они совсем, как довоенные. Позвольте признаться: вкуснее своих куличей в Уфе я не пробовала. Красили яйца луковой шелухой почти до вишнево-коричневого цвета, а потом иголкой процарапывали графический рисунок. Получалось что-то близкое к моим теперешним украинским писанкам. Они лежали на тарелках с зеленой гривкой из проросшего овса.

Пасхальный натюрморт с куличами, сияющими глазурью, с блюдом сдержанно-строгих темноликих яиц размещался на тонконогом столике («дворцовая» мебель, как выразилась однажды детская врачиха). Это видение пасхального изобилия помогало пережить голод в войну.

В Вербное воскресенье бегали с б. Дуней в Екатерининский собор (его потом взорвали); так легко сами собой твердились стихи:

*В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.*

Когда уж узналось, что это А. Блок «Вербочки»...

Но главное в нашем довоенном религиозном воспитании было, так теперь думаю, осознание страха перед Богом. Мы знали все заповеди, доступные детскому разумению, и были убеждены, что «Бог все видит». К сожалению, это так: нам был внушен в большей мере именно «страх Божий», а не любовь Бога к нам и наша к нему.

Поэтому поход к исповеди помнится до сих пор жестокой мукой. Мы с Люсей не советовались, как говорить священнику о своих грехах. Для каждой это была своя, личная Голгофа. Но все-таки я делала попытки уменьшить свои проступки, подбирая для них более мягкие формулировки. Не «крала» леденцы, с которыми Папа работал по ночам, а «брала без спросу»; не чертыхалась (научилась!), а «говорила нехорошие слова» и т. д. Но даже после такой неполной искренности охватывало чувство облегчения, свежести жизни.

Сестра пишет об исповеди в те годы, как об «одной из повинностей детства». Я не согласна с такой формулировкой. В отрочество, в юность мы выходили из детства: покаяние делало нашу жизнь небездумной, помогало понимать себя, чтобы становиться лучше.

Брат в детстве прислуживал во время мессы, но теперь (1996 г.) формулирует свое отношение к религии так: «*Я атеист, но по рождению католик*».

Когда мы спрашивали Маму, уже в поздние годы, почему нас сделали католиками, Мама отвечала, что она очень уважала свекровь и сделала это по ее желанию. Убеждена: здесь другое. Воля отца. Один из принципов его педагогики.

Не знаю, были ли еще до войны верующие девочки в нашем классе. Религиозность тщательно скрывалась. Ведь уничтожение религии в 20 – 30 гг. было одной из целей ГПУ-НКВД, как пишет об этом А. И. Солженицын: «[...] Считалось, что арестовывают и судят их [верующих женщин] будто бы не за самую веру, но за высказывание своих убеждений вслух и за воспитание в этом духе детей. [...] Человек, верящий, что он обладает духовной истиной, должен скрывать ее от... своих детей! Религиозное воспитание детей стало в 20-е годы квалифицироваться как 58-10, то есть, контрреволюционная агитация!»⁹⁰

Отрывок из «Архипелага Гулага» дает представление о том, в какое время мы приобщились к религиозному чувству. Безусловно, никакой стихийности в этом нашем приобщении не было: в основе его лежало сознательное, выношенное, а, может быть, и выстраданное отношение к религии А. М.

Интересно, однако, вот что: ведь мы были пионерками! Я так вообще была очень общественная девочка. В зиму 39 – 40 г., пятиклассницу, меня выбрали в члены учкома большой средней школы. Конечно, в школе не знали, что мы верующие, в костел в те годы мы ездили в Ленинград на Ковенский... А опыт жизни по двойному стандарту – «дом и мир» (зачитывалась Тагором!) у нас был накоплен изрядный.

Однако, когда после войны, в Тарту, в хорошей русской школе (№ 4), где работало много учителей из местных русских и потому был особый интеллигентный климат, мы решили вступить в комсомол (не быть же на обочине жизни!), мы открыто сказали о своей вере в Бога. На общее собрание пришли две учительницы: Е. А. Белоусова, учительница по литературе и наш классный руководитель, и Е. К. Антропова, учительница по химии, обе дамы из местных русских. А вдруг нам устроят обструкцию?! Но защиты не потребовалось. Это 1945-46 учебный год.

Какие стойкие эти милые дамы! Как все тогда переживалось... А осталось в памяти – вот они вдвоем сидят в зале, единственные учительницы на общем комсомольском собрании школы... Пришли ради нас...

Чтобы закончить тему нашего религиозного воспитания, скажу: мы можем только благодарить бабушку за наше католичество. Это ее духовное наследство в нас – горячая, почти экзальтированная религиозность в войну, спасавшая нас от ее ужасов, это и католичество как часть общечеловеческой, прежде всего, европейской культуры. Книгу «История католицизма», одну из немногих, увезенных с собою из Гатчины, а еще раньше из Пушкина книг, мы читали на пастбище. Сестра пишет: *«Раннее приобщение к культуре католицизма позволило легко и естественно увлечься западноевропейской живописью, особенно ранним временем – эпохой Средневековья, Возрождением. В этом я вижу заслугу нашего воспитания в лоне церкви»* (14 II 92).

... В школьную зиму 45 – 46 г. в Тарту меня охватило сильное желание стать монахиней. Многие терзало душу, и казалось, что только тут путь к спасению. Мама, как это часто бывало, придерживалась принципа *laissez faire, laisser passer* – то есть поступать по своей воле, не стеснять свободу выбора или точнее, «пусть все идет, как идет». Патер приходил к нам домой, и шли беседы о призвании. Но жизнь сама незаметно отвела от такого решения.

Мне бы хотелось сказать здесь несколько слов памяти о МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ СИДОРОВОЙ⁹¹. М. А. принадлежала к тем кругам дворянской интеллигенции, что и И. М. Гревс. И. М. был троюродным братом М. А. по матери К. Ф. Черепановой, то есть оба они – оттуда, из «Атлантиды»... (выражение С. Аверинцева). И. М. стоит у истоков рождения Выборгского восьмиклассного коммерческого училища, а М. А. – учредительница «Частного восьмиклассного училища М. А. Шидловской» (девичья фамилия М. А.) на Шпалерной, д. 7. М. А. входила в совет прихожан Сергиевского собора, в «двадцатку». В январе 1924 она была арестована вместе со всей двадцаткой, сослана на Соловки. На Соловках М. А. сблизилась с Е. М. Нефедьевой, близкой родственницей химика Бутлерова, католичкой, и... перешла в католичество.

Мария Александровна занималась с нами катехизисом, то есть мы планомерно читали Евангелие в детском переложении, что-то рассказывала сама М. А., смотрели репродукции в огромной Библии в кожаном переплете, в какой-то мере обсуждали то и другое. М. А. подготовила нас к конфирмации, когда мы получили свои вторые имена: сестра – Женеьевы, я – Терезы. В выборе этих имен сказались явное франкофильство и Мама, и М. А., любовь к французской культуре, но, может быть, и то обстоятельство, что оба священника тогда в Ленинграде, сперва патер М. Амудрю, а затем патер К. Флоран были французами. Святая Женеьева – покровительница Парижа, а святая Тереза (1873 – 1897) была причислена к лику святых тогда еще совсем недавно – 17 мая 1925 г.; вероятно, где-то здесь источник и нашей любви к французскому языку, к французской литературе.

М. А. была уже сильно больна, почти всегда лежала. Большое лицо было бледно, одутловато. Но рядом были прелестные дочери Ася⁹², Зина⁹³, Лена⁹⁴. Они, конечно, больше понимали нас, чем мы их, и много и открыто нам улыбались. У Лены от улыбки появлялись на щеках хорошенькие ямочки, и однажды я спросила, откуда берутся эти ямочки. Оказывается, это Лену во сне поцеловал ангел. На французский язык к М. А. мы продолжали ходить еще и девочками шестого класса. Наверное, одним из последних уроков был урок 17 мая 1941 г., когда, придя к Сидоровым, мы услышали, что умер И. М. Гревс (Запись в Дневнике сестры 18 V 1941. См. Прим. 95). Позже мы никогда и нигде не изучали французский: и произношение, и основы грамматики были заложены М. А. Сами уже научились читать со словарем, (читали даже в войну почти каждый день!), потом и без словаря. Во всяком случае, романы Пьера Лоти в Тарту я читала без словаря, *à livre ouvert*.

Сразу после войны началась наша переписка с М. А. Привыкнув к полной открытости на страницах своих дневников, мы перед листом письма не сжимались, не скукоживались. Писали М. А. без робости о своей жизни и писали даже о том, как мучаемся оттого, что не умеем танцевать. На всех переменах девочки в школе танцевали.

Отвечая нам, М. А. писала, что в ее молодости действительно считалось, что ум девушки – в ее ножках, но сейчас другое время, ценится образование, культура и это не такое уж несчастье – не уметь танцевать. Танцевать можно и научиться. Это 1946 г.

Ч Т Е Н И Е . Когда Мама расчесывала нам волосы и заплетала косы, мы должны были читать вслух. А еще Мама говорила английскую поговорку: «Дама устала – причешите даму».

К лету 40-го года мы были весьма начитанные девочки. Я особенно много читала, так, что не выучивала уроков, что выключали мне свет в ванной (это была комната бывшей ванной, уединенное местечко). Сохранился список прочитанных мною книг, дата «июнь 40 г.». Записная книжечка с алфавитом, вот по алфавиту и идут Аксаков, Авенариус, Бернетт, Бронте, Гончаров («Обыкновенная история»), Диккенс (перечислено пять романов), Желиховская, Жюль Верн, Короленко («Слепой музыкант»; «В дурном обществе»), Лермонтов, Рогова («Богдан Хмельницкой», «Сын гетмана»), Станюкович, Сенкевич, Соловьев В. («Волхвы», «Великий Розенкрейцер», «Царь-девица», «Юный император», «Вольтерьянец», «Старый дом»), Тургенев, Тур («Катакомбы»), Л. Толстой («Севастопольские рассказы»), Фаррер («На рассвете христианства»), Чарская, Шекспир (это были прозаические переложения трагедий).

В зиму пятого класса я прочла «Идиота» Достоевского, «Собор Парижской Богоматери» Гюго. Прочла несколько романов Тетмайера, он был в папиных книжных шкафах.

До 40 г. мы прочитали «Маленькие женщины» и «Маленькие женщины, ставшие взрослыми», «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины, ставшие взрослыми» – дореволюционные детские книги американской писательницы Луизы Олькот.

Летом 40 г. получила огромное впечатление на всю жизнь от книги Д. Гелсуорси «Член палаты Мильтоун». Запало вот что: Мильтоун любит разведенную женщину. Это мешает ему быть выбранным или быть принятым в палату лордов. Его мать едет к этой даме поговорить с ней. Едет рано утром. Ее отговаривают: дама еще спит. Старая аристократка отвечает: «Мой сын любит леди. Леди встает рано». И, действительно, она находит молодую женщину в саду, срезающей цветы... Леди встает рано... Надо быть леди...

В зиму 40 – 41 г. прочла «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда. Огромное впечатление. Боялась смотреться в зеркало. Снова читала Диккенса. Это было какое-то глубокое погружение в диккенсовский мир. Читала Шпильгагена. Господи, кто помнит его сейчас?! Шеллер-Михайлова... «Дом и мир» Р. Тагора. Читала все, что попадалось под руку. Но вот романы Марлит «Вторая жена», «Жена советника юстиции» читала или перечитывала с удовольствием и Мама.

Еще были фолианты переплетенной «Нивы». Почему-то в детстве мы обошлись без сказок. Кто бы и на что их покупал?! До приезда родителей – бабушкино устное творчество: пересказ библейских и евангельских историй, потом – рассказы, повести (дореволюционные!) «для детей» и сразу – классика.

До войны мы просмотрели от силы три фильма. На «Трех поросят» Папа возил нас в Ленинград. Видели мы и «Детей капитана Гранта». У А. М. было полное неприятие советского кинематографа, поэтому мы его не знали и не рвались в кино.

С Т И Х И . Мы постоянно учили стихи то к праздникам – Рождеству, Пасхе, к дням рождения и именин родителей, то к наступлению нового времени года, а то и просто по маминому заданию.

Сестра пишет в Дневнике о Рождестве 41 г. в Пушкине:

«Мы говорили стихи, которые были выбраны папой. Я говорила, кажется, Аксакова про церковь

*И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий
В полях разносится,*

Зоя – какое-то философское, а Матвей – не помню, какое» (15 IX 43)⁹⁵.

В доме было много сборников стихов, хрестоматий: «Чтец-декламатор», «Лира». «Лира» уцелела: «Сборник произведений русской художественной лирики. Собрал и составил М. А. Биншток, С.-Петербург, 1908 г.». Твердый переплет, кожаный корешок с золотыми буквами... Майков, Плещеев, Фет, Бальмонт, конечно, Тютчев, безусловно, Пушкин, Лермонтов... Даже Бунин. Но много стихотворений и других поэтов, наполнивших сердце и память:

*Журавли, журавли прилетели!
Нынче я увидал из окна,
Как они покружились и сели...
Журавли, журавли прилетели –
И светлей улыбнулась весна.*

А. М. Федоров.

Ну, что с того, что сами мы их не видели в небе?! Все равно:

*Журавли, журавли прилетели...
И светлей улыбнулась весна...*

А это:

*Ночь пролетала над миром,
Сны на людей навеяв;
С темно-лазуревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...*

А. Н. Плещеев.

Во мне нет музыкального слуха, сестра «слышит» лучше. В ритмах строф звучала музыка, которую я слышала.

Но вот странность: мы почти не выучили в детстве стихов Пушкина, Лермонтова, хотя лермонтовское «И скучно, и грустно» было очень близким по настроению... Я не почувствовала в Маме любви, интереса к поэзии. С Мамой мы учили стихи наизусть, думаю, потому что это входило в понятие «домашнее воспитание».

А. М., я писала об этом, самозабвенно читал стихи во время наших прогулок. Только Природа и Поэзия пробивали тот железный панцирь, в который он втиснул себя. Этот панцирь с годами перенесенных испытаний и под бременем жизни делался все жестче и все жестче сжимал душу и сердце... Любить стихи, испытывать потребность открыть книжку стихов – этот дар я получила от А. М.

В толстых подшивках «Нивы» было много ИЛЛЮСТРАЦИЙ. Не только «Бабушкин сад» и картинки из жизни народа, но и «Остров мертвых» Арнольда Беклина... Нестеровские образы вошли в воображение тоже ведь с тех страниц дореволюционной «Нивы». В студенческие годы в Русском музее мы легко узнавали художников и их сюжеты. Остались в памяти орнаменты, шрифты, виньетки, рамки, видимо, уже стиля модерн. С тех пор мы с сестрой и полюбили искусство книги, книжную графику, иллюстрации.

У нас было много старых открыток, из дома Сидоровых тоже. На одной адрес: «Его Превосходительству Михаилу Владимировичу Шидловскому Петербург, Гагаринская ул. 11». М.В. Шидловский – родной дядя М.А. Сидоровой. Врубель, Борисов-Мусатов, Билибин, Васнецовы...

И Добужинский – оттуда же...

Много открыток издавалось «Въ пользу Общины св. Евгеніи». Вот истоки нашего эстетического образования...

Как тревожили душу и будили фантазию черно-белые репродукции картин с такими названиями «Песнь заката», «Сон бывшего счастья», тем более, что «героями» их были католические священники или монахи.

Для меня особую роль сыграла репродукция «Прощание всадника» Морица фон Швинда⁹⁶. Конь тяжело поднимается в гору по узкой тропе. Всадник обернулся назад. Прощание с прошлым. В рамке, на сером паспарту, эта открытка висела у нас на Колпинской. Она висела так, что всегда была видна, когда выходишь из комнаты.

Уверена, что открытка «Прощание», изданная в Мюнхене, – та самая, которая висела в нашем доме, увезенная, спасенная Мамой вместе с другими памятными и дорогими для нее открытками. На ее обратной стороне есть слабые следы клея по углам.

Мне передалась мамина любовь к М. фон Швинду. Я всю жизнь так помнила этот прощальный взгляд в прошлое и догадывалась, что он значил в маминой жизни... А потом этот «взгляд назад» сказал мне задолго до всего, что потом происходило, что в моей жизни будет немало невозвратимых прощаний, а путь вперед будет крут и тяжок... Но разделенная скорбь – уже утешение...

Мне повезло, и в начале 50-х я купила в Тарту в «Старой книге» монографию о М. фон Швинде на немецком языке.

В этой же второй комнате — гостиной, столовой, спальне родителей, кстати, проходной, – висела большая фотография, приблизительно 30×20 см., пропилеев⁹⁷ афинского акрополя. Икон в доме не было, и эти афинские пропилеи говорили нам о вечности и красоте.

Среди тех открыток, которые сохранила Мама, есть две, адресованные ей. Одна в 1909 г., может быть, приятельницей по гимназии из-под Витебска. 23 VII. Это фоторепродукции – В. А. Котабринский «Пляска Листьев», другая – без даты от той же девушки, поздравление с Новым годом, «Арн. Беклинъ. «Осеннія думы». О третьей, от Николая, тоже 1909г. я говорила. Странная вещь: настроение всех четырех маминых открыток – именно печаль.

ФАНТАЗИРОВАНИЕ. Книги насыщали воображение картинками красивой, достойной жизни, можно было и себя увидеть в героинях книжных фантазий.

Мы с Люсей много фантазировали. Сидишь за своим столом и – фантазируешь. Сестра в своем дневнике как-то пишет о том, чем занималась Зося: «Зося фантазировала».

Один сюжет занимал меня очень долго: путешествие на грузовике, кузов которого превращен в уютную комнату. Это мой дом на колесах. Как тщательно вымеривалось в уме все пространство внутри, чтобы расставить и прикрепить необходимую мебель... Конечно, образ такого дома возник под впечатлением книг Купера, Брет Гарта... Вот я и путешествовала. Я «объездила» таким образом, наверное, всю Европу, видела столько замков, дворцов, парков, маленьких городков... А сколько было встреч... И какие умные разговоры. А я-то такая красивая да умная, да как одета... В общем – настоящий сериал...

В фантазиях сестры было больше картин знакомой нам, но также преображенной жизни. Одну такую «фантази» (так в Дневнике!) она описала в Дневнике. Вечер в комнате Н. П. в Москве. Он читает свои воспоминания о поездке в Италию – все это точно, Папа написал о своем визите к Н. П. по пути в командировку в Сибирь – а дальше – дальше воображение сестрицы вводит в круг собравшихся у Н. П. новое лицо. Вот тут-то и простор, я бы сказала, документальной фантазии (См. Дневник, 7 V 1940 г.).

Мы даже старались как-то поскорее справиться с домашними обязанностями, чтобы предаться воображению. Сестра пишет (13 II 1993 г.): *«Это были нескончаемые перипетии, где место главной героини занимала «она», то есть я. У меня это было связано с видениями усадьбы, домика, сада, цветов, деревьев. Наверное, присутствовал и принц. Не помню.*

Но атмосфера вымышленного, придуманного жителя была очень плотной».

НАШЕ ЦАРСКОЕ СЕЛО. Да ведь и жили мы в фантастическом городе! В нем почти безраздельно царил еще тот *genius loci*, который так хорошо чувствовали поэты и писатели совсем недавнего прошлого. Начитанные без меры, гуляя по своему Детскому Селу (к «городу Пушкину» привыкали с трудом,) мы с Люсей ловили и схватывали отпечатки мгновений той, другой жизни, хорошо нам знакомой по книгам.

Вот один такой миг. Дом, в котором жил Алексей Толстой, это на Пролетарской 4, недалеко от Лицейского садика, почти напротив здания Электростанции. Цветная мозаика стекол террасы... Как-то открывается дверь, в двери, как в раме, – горничная, в белом передничке, с белой наколкой на голове...

Мы любили все старинные дома, с террасами, балконами, с башенками, флюгерами, с окнами из цельного стекла. Особенно поражали шторы, как в дворцовых окнах, присборенные

на шнурах... Были замечательные цветы в палисадниках... Парадное крыльцо, старинная медная ручка, медная дощечка на двери, старинный звонок, щеколда калитки – все мы замечали и отмечали, это было наше, и такое «стародавнее», полное обаяния, и еще совсем живое. Конечно, мы, наверное, были странные девочки, как старушки, как будто мы все время вспоминали другую жизнь Детского Села.

«И то сказать, тогда, в 1939 – 40-х годах, в городе попадались очень интересные благородные лица... И старых людей, и юношей. Я помню, что меня задел вид одного молодого человека, в рубашке с воротником апаш так романтично виделась голова... Я все потом хотела встретить его вновь» (письмо сестры (13 II 1993 г.).

НАШЕ «ДОВОЙНЫ» – ЭТО И ПАРКИ. Пересказать все любимое в Александровском парке невозможно. Каждый год довоенного детства открывал нам все новые его уголки. Регулярно посещать его мы стали после возвращения родителей, когда стали ходить в «немецкую группу». Тут, кстати, была особая прелесть в том, что нам давали в корзиночке еду и вкушали мы ее в каком-то буфете Екатерининского дворца со стороны плаца – парадной площади.

Перспектива Арсенала, громада Китайского театра, тайны готической Шапели, рыцарская Белая башня, Каприз, Драконов мост... Тихие, пустынные аллеи, водные глади прудов и каналов то ослепительные в голубой весенний день, то усыпанные осенними листьями, кружевная тень в дубовых аллеях, светлая, всегда праздничная Березовая аллея... Розовый гравий хрустит под ногами, куда-то в сырую глубь влечет замшелая тропинка... Красная ягодка земляники...

...Как-то в начале лета нас застала гроза как раз против Александровского дворца. Мы стояли под старым дубом, и неожиданно рядом с нами оказался Н. П. Как звучно, счастливым голосом он читал «Люблю грозу в начале мая...». Азартный дождь, неожиданная встреча с крестным, перед которым мы преклонялись, стихи – вот это и было счастье на всю жизнь...

...Однажды на дорожку выбежал большой ежик...

...В большом дупле старой липы, казалось, кто-то жил...

...В одну из зим Папа сделал упряжку для нашей карельской лайки, и она мчала нас по лыжному следу. Было страшно: вдруг лыжи разъедутся и напорюсь на дерево.

...Поход накануне Сочельника в Александровский парк к какому-то дальнему родственнику с польской стороны. Он то ли лесник, то ли сторож. Живет у подножия Винтовой горы. Нас угощают густым клюквенным киселем. (Ох, как вспоминался он в войну!) Папа берет у него кролика. В памяти – ночной мрак, белый снег, черные деревья. Все путешествие как опасная вылазка...

Пожалуй, прибегну к высокому стилю: мы действительно глубоко ощущали одухотворенность Александровского, пейзажного парка и это одухотворение осталось в нас на всю жизнь.

И эта тема – «Парки в нашей жизни» или «Роль царскосельских парков в нашем духовном развитии», или «Парки как важнейшая доминанта всех духовных исканий в нашей жизни» – особая тема. Брат писал мне (3 X 1997), сообщая о намечающейся командировке в Петербург: *«Для меня, чем старше я становлюсь, все большим «эликсиром жизни» становятся парки Павловска и Пушкина»*... Екатерининский парк был платным, и до войны мы бывали в нем редко.

Потом всю жизнь я искала, наверное, так же, как и сестра, знаков присутствия в Мире Царского Села в нашем XX веке. Помню анекдотическое: самолет пролетел между Детским Селом и г. Пушкином в какой-то книге о войне.

В последние годы к нам «вернулись» стихи царскосела Дмитрия Кленовского⁹⁸:

*Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли*

Селе

Иль в Павловске, он здесь, со мною
рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и
ленью –
Он был взыскательный учитель
мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных
черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

В антологии «Вернуться в Россию – стихами...»⁹⁹ снова встречаю стихи Дм. Кленовского:

Не забытое, не прощенное

Когда весной – чужой весной! –
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой,
Ему – под пятьдесят,
Но молодой голубизной
Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски;

Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным, платком...

Стучит капель, оторопев
На мартовском ветру,
Звонит серебряный припев
Кавалерийских труб.

И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу.
...Я всех забыл, я все забыл,
А это – не могу!

1955

Боже мой, как передают стихи счастливую память о юности в Царском Селе... Но сияющий весенний день усиливает горечь от утраты этого юного рая. «Не забытое» – понимаю, а «не прощенное» – кому? Року? Судьбе? Но какое все-таки это было бесконечное счастье – помнить свои царкосельские дни... Дивным царкосельским светом озарена вся, вся жизнь...

Вот еще одно царкосельское стихотворение. Автор его В. М. Василенко, «последний поэт-акмеист», как говорит о нем Л. Бежин¹⁰⁰. Оно посвящено Анне Ахматовой.

Царское Село

*Здесь золотистые поникли клены,
прозрачные задумались пруды;
здесь вечером лучистый свет звезды
горит над мостиком на влаге сонной.*

*Взор ослепляют термы Камерона,
и статуи прекрасны и горды.
Струя неиссякающей воды
сверкает перед девой обнаженной.*

*Жилище муз, воспетое не раз!
Сады живые русского Версаля!
Вы для меня роднее, ближе стали;*

*в уединенье думаю о вас,
о сумерках, сходящих на долины
к дряхлеющим дворцам Екатерины.*

Только и можно вслед за А. С. Пушкиным сказать: «Нам целый мир – чужбина, Отечество нам – Царское Село!»

ОКРУЖЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ было абсолютно однородным, мы отдавали себе отчет, что это люди высшей, не теперешней культуры и образа жизни. В нашей семье не было обычая «ходить в гости». То есть нас никуда не брали, как правило, да и родителям когда же было ходить?! Мама очень редко ездила к Н. К. в Ленинград, и каждый раз это было событие. Просто кто-то приходил к Папе или Маме, сидели, разговаривали.

Больше всего помнится Н. П. Иногда это немые картины: я очень хорошо вижу Папу и Н. П., сидящих в креслах, оживленных. Ничего не слышу. Да и не слышали мы их бесед, так как находиться в их присутствии нам не полагалось. Зато другой стоп-кадр вполне озвучен: Матвей – ему лет 6 – стоит между колен Н. П. и они соревнуются, кто точнее помнит «Илиаду», богов и героев, их родственные отношения, занятия и т. п. Матвей не уступает! И даже выходит победителем!

... А вот этот погожий день осени кажется не далекой явью, а фантастической грезой ...

Осень 37 или 38 г. Мы возвращаемся из парка и входим в калитку нашего сада. Вот это мгновение — движение – в памяти. Наталия Константиновна в короткой, как длинный жакет, беличьей шубке, высокая, невероятно красивая, аристократично-элегантная. Сильные ноги в светлых фильдеперсовых чулках. У Вадима, ему лет семь, в руках большой букет ярких осенних листьев. Никита — совсем карапуз, весь белый с голубым: голубые глаза — белая кожа.

Восхищение и чувство, близкое к смятению, осталось в памяти от приезда Н.К. На меня дохнуло совсем иной жизнью, чем та, в которую были погружены все мы. Поразил Вадим,

такой спокойный, уверенный в себе мальчик, абсолютно самодостаточный. Последним словом сейчас так формулирую свое тогдашнее ощущение. Но именно оно и произвело сильное впечатление. Он протянул мне букет ...

До войны мы не встречались больше с Н.К., но она всегда присутствовала в жизни Мамы и в нашей — таким образом — тоже.

...В какой-то приезд до войны Н. П. сказал обо мне: «Нежнее, чем польская панна, а значит, нежнее всего». Кажется, это строчка Блока. Когда в 1989 г в Петербурге отмечалось 100-летие со дня рождения Н. П. и на «Анциферовские чтения» из Америки приехала Татьяна Николаевна Комендровская, Танечка Анциферова, то первые ее слова, когда она увидела меня, были эти. Из отрочества, из довойны.

Летом 40 г. семья И. М. Гревса снимала дачу недалеко от нас, в сторону Египетских ворот. Как-то мы все четверо пили у них чай с круглыми толстыми бубликами, густо посыпанными маком. Мария Сергеевна, жена И. М., разрезала их пополам по окружности насквозь и половинки намазывала маслом. Я убеждена, что каждое такое воспоминание ослабляло голод в войну, чудесным образом насыщало.

Однажды мы шли гулять с И. М. в парк, мимо нас проходили испанские дети, вывезенные в гражданскую войну из Испании. Дом, в котором они жили на Колпинской почти напротив нас, рядом с домом Китаева, называли «Испанским домом». И. М. заговорил с ними по-испански. Это было у ограды нашего костела... Иван Михайлович сам казался мне испанским грандом.

Сестра в дневнике от 18 V 1941 г. пишет о смерти И. М., как о смерти хорошо нам, детям, знакомого человека. Я не помню отца, разговаривающего с И. М., но как поразительно, что Папа повез нас в Университет проститься с ним.

...Вот одно сильное впечатление. Около Грота в Екатерининском парке лодочная станция. Мы садимся в лодку, и с нами огромный толстый старик (?). Лодка резко качнулась. До сих помню чувство холодного страха: утонем. Но Папа, занятый разговором с В. А. Поссе, ничего не заметил. На В. А. толстовка, подпоясанная ремешком.

...В первую военную зиму, в оккупацию, в Сочельник у нас в гостях был Разумник Васильевич Иванов-Разумник. Я уже писала об этом вечере в комментариях к Дневнику сестры (15 IX 43). Среди того, что спасали во время войны и увозили с собой из Пушкина, а потом около 10 раз перевозили со всем своим имуществом, когда немцы перегоняли нас из одного места в другое, была и книга Р. В. Иванова - Разумника «История русской общественной мысли». Мы читали ее во время пастьбы летом 44 г. в Эстонии.

Чаще всего приходила и подолгу занимала Маму разговором Татьяна Ивановна Яковлева¹⁰¹. Семья Яковлевых жила от нас очень близко на ул. Васенко. Колпинская начинается от Кузьминской (Васенко), т. е. пять минут ходьбы – и Т. И. у нас. Ее муж В. И. Яковлев¹⁰² – первый хранитель Детскосельских дворцов-музеев.

Это была полная до рыхлости дама с выразительными огромными черными (или очень темными) глазами на бледном лице. По-моему, она и снабжала Маму французскими романами. Т. И. была всегда как будто в печали. Такая *mater dolorosa*. Разговоры у нее с Мамой были бесконечные. Папа их называл:

*Тата-лата,
мата-лата –
ничего не разобрать.*

Кажется, это В. Инбер.

Но Татьяна Ивановна была именно *дама*, то есть образованный, интеллигентный человек, пожалуй, мамин единственный собеседник в те предвоенные годы... Все другие приятельницы жили кто в Ленинграде, кто в Москве...

С.С. Аверинцев в статье «С Адины честныя» пишет о Д. С. Лихачеве в связи с его юбилеем и размышляет о культурной преемственности поколений, о роли ее в становлении юной личности: «[...] Я вспоминаю подростком и юнцом – себя. О, до чего было для меня и

подобных мне важно присутствие старших–выходцев из поглощенной историческим катаклизмом Атлантиды, еще сохранявших на своих лицах ее отсвет!

*Подчас важная духовная помощь исходила от людей, оставшихся для мира более или менее безвестными».*¹⁰³

Скажу твердо: мы точно так же сильно чувствовали присутствие друзей родителей в нашей собственной жизни. И, хоть робели и стеснялись, но тем обостреннее ощущали их духовную значительность.

О Н. К. Бриммер (Фандерфлит) и о Н. В. Педьковой я расскажу позже, когда пойдет речь о нашей послевоенной юности.

САД И ДВОР. Очаровательный палисадник – вот что такое был наш сад перед верандой. Тщательно разбитый вроде как личный «Собственный садик», что перед Зубовским корпусом Екатерининского дворца.

Фигурные клумбы-грядки были обрамлены рядами салата, свеклы, моркови. Внутри – резеда, табаки, ноготки. Посередине – кусты дивной махровой сирени. На других клумбах-грядках посередине густые туи, дальше – шпалера жасмина, составлявшая с оградой из жимолости и акаций, которая шла вдоль забора, короткую аллею. На противоположной от веранды стороне – старые деревья, слева, вдоль глухой кирпичной стены, – невысокий плющ и вытянувшиеся желтые шары.

Папа содержал кусты в идеальном порядке, наш долг был – полоть дорожки и грядки и поливать их. Мы получали урок, задание – столько-то прополоть. Борьба с мокрицей продолжалась все лето.

В саду не было никаких приспособлений для физических упражнений. Но летом 38 – 39 г. мы запойно носились на самокате. Зимой были лыжи и финские сани.

Садик, брат считает, что в нем было 8 – 10 соток, был изящный, даже изысканный, но за забором, за калиткой-то была воля! Нам не разрешали выходить за калитку нашего сада «во двор», и это правило неукоснительно соблюдалось. Единственное место, с которого видно было, что делалось во дворе, была калитка. Вот мы и стояли около нее, наблюдая бурную жизнь. Отовсюду, со всех трех этажей соседнего дома, несло надрывное «Ванька!», «Манька!» Ребята (мы были «дети») всегда бегали с куском хлеба, а то и булки с маслом, посыпанным сахарным песком. Наверное, не каждый день было и у них такое лакомство, но ели они его на виду у всех. Носились, дрались, орали и кричали, ни о чем не думая, весело и беззаботно. Только летом 40-го года мы тоже включились в жизнь двора, вместе со всеми играли в лапту и в «штанدار»: стоишь посередине большого круга и в тебя хотят попасть мячом... С девочками играли в «классы».

Наверху, на втором этаже (после ареста родителей весь наш дом был заселен новыми жильцами, у нас осталось две комнаты внизу и терраса) жили Хаханкины. Как загульно, широко пели они народные песни, а гулянки у них были частенько... И как не нравились мне, всем нам эти песни, их какая-то нечистая сила, что-то животное, несдержанное, скорей всего, просто пьяное, пьяная тоска. И все же теперь думаю, что пели они хорошо, слаженно. Хоть и получалось нет-нет крикливо. Знали много песен... И уж точно: это была моя первая встреча с народной песней.

Незадолго до войны появилось картофельное поле за городом, у железной дороги, где теперь новый район. Тогда огороды были еще у очень немногих пушкинцев. И вот, представьте себе внушительное зрелище: через весь город шествует семья, явно интеллигентного вида, с лопатами, граблями, ведром, с сумками с едой и питьем. Какое развлечение для беззаботной публики! Может быть, и хорошо о нас отзывались, но все равно тяжело было так вот дефилировать перед всем честным народом...

Чтобы сводить концы с концами, в 1935 г. Папа завел поросенка, и потом уже это вошло в обычай «держат поросят», а вот с телкой получилось недоразумение: она оказалась слепой. И «выгнать» ее на пастбу в сторону фермы, вдоль забора за Белой башней, было истинным мучением. Потом мы стали ходить в парк жать серпом для нее траву, приносили в мешке.

...Мне не хотелось об Андрее говорить с Наташей Тарановской по телефону, хотела слушать и видеть ее. Она назначила мне встречу в Русском музее, где до сих пор служит. Наталия Васильевна Тарановская¹⁰⁴ вместе с Андреем училась в начальной школе, теперь уже редкий человек, который помнит нашу семью, нас, бывал у нас дома на Колпинской.

— Идет урок. Открывается дверь, и робко, беззащитно входит Андрюша. Молчит. Учительница: «Почему же ты, Андрюша, опоздал?» – «Я чистил хлев». Так и прибежал в грязных башмаках. Я его зауважала еще больше. Помощник в семье. Ребенок с кротким выражением лица, как будто близорукий, полный достоинства. Андрюша у меня вызывал уважение своей независимостью и незлобивостью. Мы в перемены водили хороводы, танцевали – учились скорее всего! – парные танцы, он – не водил хоровод. Одет в серого цвета курточку, штанишки на манжете. Некоторые были с бантами, он – без. Сидели за одной партой.

Наташа помнит Андрея яркой детской памятью и так ласково выговаривает «Андрюша»...

Какое счастье, что Наташа помнит Андрея!

ЛЕТОМ 40-ГО ГОДА ЛЮСЯ БЫЛА В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ ПОД ТОСНО.

Мамино и мое письма сестре:

«Милый мой Люсеночек!

Напишу тебе несколько словечек. Очень жду всяческих известий от тебя, дома все по-прежнему, Андрюша начал заниматься опять у Ольги Никол, Софья продолжает французские уроки, ходит за телкой, а Андрюша со мной - за травой. Вот и все наши новости. Сегодня ели соус из нашей морковки и, если не украдут, в воскресенье будем есть два собственных огурца. Вот и все, целую тебя нежно, мою девочку. Твоя мама. Хорошо ли тебе?

Милый мой Люсенок! И пишу тебе письмо. Писать уж некогда, уж извини. Причиной тому роман английского быта. Очень интересный. Ну, моя дорогая та chère, уж писать больше нечего. Ах, я чуть было и позабыла написать тебе о том, что наш старший брат ничего не делает. Я тебе пишу письмо и, написав строчку, читаю книгу, которая наз. «Дженни Эйр». Сегодня на ужин у нас был морковный соус, который мне очень понравился. Ой, я не заметила, что употребила несколько раз слово «который». До свиданья, от всех поклон и поцелуй, которого, конечно, не было бы, если бы мы даже к тебе и приехали.

Прощайте

Софья».

Папины письма Люсе:

«Милый Люсенок!

Посылаю тебе немножко сладкого, очевидно, оно тебе пригодится. Как видишь из письма мамы и Софьи, дома все благополучно. Напиши нам все-таки о себе, как ты добралась до лагеря и как живет. Письма домой ты можешь передавать через Оскара Аркадьевича Гурвич [такая орфография!], который иногда ездит в Тосно. Советую также тебе познакомиться с девочками Гурвич, которые живут там совсем рядом с вашим лагерем. Их папа так любезен, что снова тебе соглашается передавать записки.

Так, пожалуйста, не забывай нас и, когда есть возможность, пиши о себе.

Напиши также, как обстоит у тебя с обувью. Целы ли у тебя спортивные?

Будь здорова и береги себя.

3 авг. 1940г.

Твой папа».

Папа очень серьезно выполнял свою роль в отношении писем сестрице: уже 5 августа новое послание:

«Милый Люсенок!

Иосиф Аркадьевич Гурвич так любезен, что согласился захватить тебе еще одну записочку. Пользуясь этим, пишу тебе снова. В открытке ты написала мало, но, в частности, сообщила [стиль деловой!], что тебе скучно: постарайся как-нибудь заполнять свое время, иначе ты вовсе не отдохнешь. У нас дома все благополучно, и все тебе кланяются. О себе можешь посылать записочки с Иосифом Аркадьевичем и, пожалуйста, не забывай об этом.

С семьей Гурвичей ты не чужайся и будь общительнее, а, если тебе понадобится что-нибудь из съедобного, то передай об этом записочку мне.

Но, конечно, бывая у них, не шали и веди себя хорошо.

Желаю тебе отдохнуть и поправляться.

5/VIII 1940 г.

Твой папа».

А вот шалить-то мы и не умели! И всегда были тихие, застенчивые девочки. У Папы сработал стереотип: дети – шалят! Он все-таки мало знал нас, между нами была широкая полоса отчуждения...

«Милый Люсенок!

Дома все благополучно. Пишу тебе главным образом о грибах. Сушить их можешь следующим образом:

1. На палочках, настругай тонких палочек толщиной с карандаш или наломай таких же гладких прутиков. На палочки или прутики грибы нанизывают так, чтобы наиболее крупные из них были внизу, т.е. у того конца, который толще. Прутья или палочки с нанизанными грибами положи концами на что-нибудь так, чтобы висели в воздухе, например, на камни, поленья или что-нибудь другое. Палочки сделай не очень длинные, чтобы они не прогибались и не ломались, не длиннее твоей руки.

2. На веревке, нанизывая на нее грибы как шляпки, так и ножки, чтобы легче было нанизывать, привяжи к концу веревки тоненькую палочку, а в конце – поперечную палочку. Нанизав грибы, можешь повесить веревку где-нибудь под крышей. Я посылаю тебе веревочку с привязанными палочками и, кроме того, запас веревок на всякий случай.

Как на веревках, так и на палочках грибы надо сушить в горизонтальном положении так, как показано на прилагаемом рисунке [не сохранился !].

Вчера Софья написала тебе письмо, но с вечера мне его не передала, а сегодня я его забыл. Думаю, что пришлем его тебе по почте.

Белянка также ходит в стадо, мама каждый день набирает ей траву. Живет она уже в новом сарае. В ближайшее воскресенье, наверное, переедут туда же козлята тети Кати.

На огороде все более или менее благополучно, у нас крадут пока немного, но на других огородах воровство большое. Мы все едим свою картошку и понемногу огурцы, которые хотя и медленно, но подрастают.

Сена не купили, и неизвестно, удастся ли купить. Вот, кажется, все, что можно сказать о нашей домашней жизни.

Будь, Люсенок, здорова, живи хорошо и весело. Пиши весточки о себе, как проводишь время. Посылаю тебе немного конфет, не забудь угостить ими семью Гурвичей.

Всего тебе хорошего.

9 августа 1940 г.

Твой папа».

Наверное, эта маленькая поэма в прозе – о сушке грибов – была ответом на Люсины вопросы. Сестрица уже «на заре туманной юности», в отрочестве, проявляла свои хозяйственные задатки: собирать, тут даже и сушить грибы!

А вообще – грустно читать, как тяжела была жизнь родителей, вся устремленная к одному, решающему – прокормить детей, выстоять! Помню Маму с серпом, она ходила в

Александровский парк, вдоль ограды, по дороге на ферму. Тут были нелюдные места. Здесь и нажинала серпом мешок травы для телки. Но я тоже ходила, одна, тоже жала и тащила домой целую кучу. Высыпешь из мешка – гора!

Еще папина записочка:

«Дорогой Люсенок!

Тебе осталось жить в лагере всего неделю. Надеюсь, что она пройдет благополучно и 25-го мы увидим тебя дома.

О грибах не беспокойся: если их нет, и не нужно.

Дружишь ли ты с девочками Гурвич, их папа говорил, что ты бываешь у них редко. Что же это, ты занята бываешь или тебе не хочется с ними дружить?

Дома, как пишет тебе мама, все благополучно. Андрей и Софья недавно ездили на Ковенский пер. [в костел] с М. А. Сидоровой.

Посылаю тебе бумаги и карандаш. Можешь дать бумаги еще той девочке, которая тебя будит.

Напиши, пожалуйста, когда ты собираешься приехать 25-го числа, в какой час и нужно ли тебе еще что-нибудь прислать. Иосиф Аркадьевич Гурвич в следующий раз поедет, видимо, числа 23-го и, следовательно, он сможет тебе привезти то, что потребуется на дорогу.

Будь здорова и веди себя хорошо, все ждем тебя домой.

16 авг. 1940 г.

Твой папа».

Пишет Мама:

«Милый и дорогой мой Люсенок! Я страшно давно тебе не писала, потому что даже вздохнуть мне некогда. Ну, да описывать свое времяпрепровождение я тебе не буду, ты его и сама знаешь. Дома все так же. Мы едим уже каждый день свою картошку, а теперь и огурцы свои будем есть. Андрей насчитал сегодня 19 огурчиков, которые мы можем сорвать.

Зосенька по-прежнему зачитывается книгами, которые у нее теперь стали гораздо ниже по качеству, читает всякую галиматью.

Мне очень жаль, что я не посоветовала тебе не мыть голову, лучше бы она прожирилась, чем засаживать голову мылом. Ну, целую тебя, мою доченьку, и очень жду твоего возвращения.

Любящая тебя мама».

«Милый Люсенок!

Ты, пожалуйста, не печалься тем, что у тебя украли деньги. Я посылаю тебе 5 руб. на дорогу. Постарайся в воскресенье выехать с первой партией из лагеря, чтобы приехать домой пораньше.

Чтобы не украли у тебя и эти деньги, попроси поддержать их у Гурвичей и в воскресенье утром возьмишь их. Будь здорова, ждем тебя с нетерпением.

20 авг. 1940 г.

Твой папа».

Об этом времени сохранился в семье такой смешной эпизод. И.А.Гурвич спросил тогда, в августе 40-го, Папу:

– Александр Матвеевич, чем же вы кормите своих детей? Мы предложили Люсенке курицу, а она сказала, что курицу не ест.

Дело-то в том, что до войны мы никогда не ели курятину. Я приобщила к ней только в Уфе, с осени 57 года.

И все же: какой разброс в материальном положении! Семья Гурвичей снимает для своих детей дачу, у них едят кур, не с теперешних птицефабрик, настоящих, – наши родители отсылают дочку в лагерь (из Детского-то Села!), надеясь, видимо, на одно: на лучшее, качественное питание, которое дома было хоть и рациональным, но и скудным...

С удивлением перечитала оживленно-кокетливое письмецо двенадцатилетней Софьи. От письма веет радостью жизни, просто упоением, прежде всего, от чтения. И все же – есть внимание к слогу, есть трафареты эпистолярного жанра (скорей всего, это одно из первых писем в моей жизни), любопытна самоидентификация с именем «Софья». В те годы не были приняты, как сейчас, полные имена. Дома Софьей меня называли в третьем лице. Наконец, отстраненность, взгляд со стороны на формы выражения чувств, спасительная в застенчивости ирония...

И вот то, что осталось, оказывается, на всю жизнь: я не расписываю своих трудов, ту работу, которую выполняла, то, что было естественным условием для другой жизни, жизни духа, души, чувств, настроения...

А ведь было еще и волнение сердца...

Ни в пятом классе 3-ей школы, ни в предвоенном шестом в 11-ой у нас не было подружек. Наверное, потому, что мы всегда были вдвоем и общения хватало. Увлечения – у меня – были. Валя Ефимов. Благовоспитанный красивый мальчик с прекрасными, немного выпуклыми голубыми глазами. Отец его был художник, жили они на Вокзальной (Ленина). Однажды мы были у них, и отец Вали заметил вслух, что я верно понимаю картины. Не знаю, были ли на стенах только его полотна или и других художников. Единственное, что свидетельствовало о внимании ко мне Вали, он рисовал за меня то, что задавали по рисованию. Как-то это был дивный букет. Без слов, без взглядов (я боялась смотреть в его сторону) мы знали о чувствах друг друга.

После войны в парках я два раза встретила Валу. Он работал слесарем в ЖКО. Каждый раз я была не одна, и разговор был быстрый и легковесный. Середина 50-х, я уже училась в аспирантуре, он – на факультете журналистики на вечернем отделении.

В январе 59 г. в родном муж принес мне пачку новогодних писем. Среди них было письмо Вали Ефимова. Он писал, что получил квартиру (называл новый район Ленинграда,) и просил меня стать его женой.

КАК МЫ БЫЛИ ОДЕТЫ. Все мы, кроме Папы, были одеты плохо, безвкусно. Мы ходили в школу в синих сатиновых костюмчиках, это уже в 6-ой класс. Из такого сатина шились мужские трусы. А девочки были просто наряжены! Юбки в складку, хорошенькие шерстяные кофточки, милые туфельки... Мы горько переживали свое убожество...

Под Рождество 40 г. нам сшили красивые сарафаны из шелковистой ткани малинового цвета в мелкие черные цветочки и белые шелковые блузки. Мы сразу приободрились... Весной 41 г. Папа купил нам демисезонные пальто нежных серо-голубых тонов. Материал сложного двухцветного переплетения, вроде рогожки. Выглядели мы в них прелестно. Я так вообще не проходила, кажется, мимо ни одного окна, чтобы не поглядеться с удовольствием в свое отражение, удостоверяясь у сестры: «Правда, я сегодня особенно хороша?» Этому экстазу самолюбования положила конец скорая война.

В одном своем платье Мама была как бы сама собой, настоящая. Платье из сурового полотна высокого качества с рядами мережек по подолу и на груди. Мережки, разные по ширине и сложности переплетений столбиков, и плотные квадраты перевити придавали платью стильную законченность. Мама была в нем статной, какой-то очень естественной.

Любовь Мама к народному прикладному искусству проявилась в те годы даже несколько с неожиданной стороны: ведь нам уже готовили приданое! В сундуке хранились вологодские накидки на подушки, белые и нежные, как яблоневый сад в цвету... Что то вышивали «монашки», то и другое делалось на заказ. Мама явно была увлечена этими приобретениями.

Из всего мамино гардероба помню две вещи: английский шарф, двухцветный, цвета старой бирюзы и нежного коралла, двухсторонний. Мягкий, но и достаточно упругий, думаю, он шел к цвету маминых глаз и к маминому румянцу. Перед войной носила его я.

Еще была душегрея, как бы еще и не рыбинская. Подбита она была лисьим мехом, и оторочка – тоже рыжая, лисья, а покрыта бордово-вишневой плотной тканью, вроде твердого шелка.

...Весь Ленинград готовился к гастролям МХАТа. Мама решает сшить платье из бабушкиной тальмы. Словарь сообщает: «Тальма – старинное название длинной женской накидки». Это была плотная с вытканым одноцветным как бы тисненым узором ткань. Сразу видно, что дорогая и не теперешняя... Шила портниха Н. К. и на примерке сказала Маме:

– Мадам, белье должно быть шелковое.

Мама в этом платье была с Н. К. на «Днях Турбиных».

От Н. К. Мама привозила много фильдеперсовых чулок, мы их чудно выштопывали и радовались обновкам.

...Вот один довоенный эпизод. Жаркий летний день, выходной. В саду на веревках сушатся запасы из сундуков, зимняя одежда, шерстяные вещи. Я удивляюсь: почему так много папиных вещей (десятки пар носков, пиджаки...) и совсем мало маминых. И – спрашиваю об этом Папу. Наверное, лето 39 или 40. Я – то совсем не помнила этот случай, но Мама помнила такой мой поступок и рассказала мне о нем в поздние годы...

Вот только хорошо ли я делаю, рассказывая эту маленькую историю сейчас? Не знаю. Моя главная цель – наиболее полно сказать о родителях все, что я знаю, что узнала, представить их во всей сложности и даже противоречивости. Никаких «хорошо» и «плохо», но с максимальной полнотой все, как есть, как было. Ведь только так можно понять Судьбу их и печать Времени на их Судьбе, да и что-то в нас самих...

А потом, эта мамина «данность»... Я говорила о ней выше и теперь думаю о ней, как о некоей философской категории...

1958 г. 7 IV. Мамино письмо мне и, в частности, размышления о муже сестры.

«А эти его [мужа] картофельные и прочие поучения! Мне не пришлось их испытывать, потому что я никогда не варила: сначала Логиновна – «кухарка за повара» (была и такая квалификация), а потом – бабушка. Но ведь было достаточно и других курьезов: «Не ходи по камням, не шаркай ногами – быстро изотрутся подметки». «Не намыливай мочалку, а намыливай тело – мыла меньше уйдет». «Опять булка! Почему такой раззор, мать?!» А эти топанья от вокзала до дома, потому что извозчик просил 40 коп., а папенька соглашался только на 30 коп. (В то время вся площадь перед вокзалом была полна извозчиками). Я не спорила, не уговаривала прибавить эти мизерные 10 коп., и мы шли пешком в осеннюю мокреть после работы, езды в поезде... Я только все запомнила, но это никогда не затрагивало меня. Для меня это был nonsens, курьез у человека, наизусть читавшего стихи Блока».

Вероятно, отношение Мамы к гардеробу А. М. лежит в той же плоскости «курьезов», «данности»...

...Мои приятельницы по школе, где я учительствовала, невольно включились в мою работу над «М» и нет-нет расскажут обо мне кое-что любопытное. Зима. Мороз. Я в теплых, красивых, в народном духе, рукавицах. Большой палец держу вместе с остальными.

– Зачем Вы так делаете? – спрашивает меня А. Н. Хусаинова.

– Иначе быстро протрется, – был деловой ответ.

Теперь, апрель 99, мы обе смеемся весело и безоглядно. Но тогда, лет 30 назад, А. Н. говорит, что смутилась и не знала, как оценить такой курьез, выражаясь маминым языком.

Приведу уж заодно еще один пример памяти моих коллег. Та же Анжелика Николаевна:

– С. А., я все хочу Вас спросить. Помните, Вы говорили, что после 17 года прошло уже три поколения, пора быть революции [не помню!]. Как Вы считаете, была у нас теперь революция?

Сестра пишет 15 II 93: *«Папу помню в белом чесучовом костюме летом. К пороссятам он ходил в чем-то вроде френча, куртки. Еще в те далекие года у меня было чувство*

восхищения: вот какой папа! И убирал в свинарнике, приходя, принося его запах, и был комильфо, когда ехал в Ленинград».

Но, может быть, изобилие папиных сюртуков, жилетов, пиджаков было им запасено еще до ареста, даже до женитьбы?! Трудно себе представить, что он заказывал себе «тройку» в 35 – 40 годах...

Мама обрела вид скромно, но достойно одетой дамы в начале 60-х, когда сестра присылала ей подкрепление из Якутии. На старости лет мамин внешний облик гармонически передавал ее внутренний мир.

Приведу тут к слову такой пассаж из своей жизни. Перед выходом на пенсию я сшила себе из хорошей уцененной материи в Доме моды настоящий костюм. И радовалась:

– Ну, у меня теперь тоже есть костюм!

Сережа, ласково улыбаясь:

– Действительно, мама, какая ты счастливая: и костюм к пенсии есть!

...Только вот ни разу не пришлось его надеть...

НАШИ ЕДЫ, НАШИ ЯСТВА. Наша еда была простой и, можно сказать, рациональной. Хлеб черный. Булка – очень редко. А. М. считал белый хлеб, булки бесполезной едой. Пироги, крендели – по праздникам. Оладьи с повидлом – часто по выходным дням. Хлеб, жаренный на шпике.

Супы: кислые щи, «ярославский губернатор» – гороховый суп, постный суп с грибами, борщ, овсяный суп с томатной пастой, молочный суп с клецками, рассольник, ботвинья, до приезда родителей – тюря.

Каши – овсяная с черносливом, пшенная с урюком или изюмом, в зависимости от того, что Папа привозил из командировки. Макароны с сыром. Был такой зеленого цвета сыр в форме набалдашничка, очень твердый. Терли на мелкой терке. Запеканки. Форшмак. Просто яиц мы не ели. Но в мамином распоряжении они, значит, были. Много ели чечевицы с луком, поджаренным на постном масле.

Простокваша. Картошка-толкушка, картошка, варенная в мундире и поджаренная, картофельные котлеты с луковым соусом, тушенная морковь; много летом салата, его сеяли три или четыре раза, много сырой моркови, много кислой капусты.

Мясо – своя свинина, которую в чистом виде мы не любили. Много жареной трески, хамсы. На третье чаще всего клюквенные кисели, молочный кисель, компот из урюка. Конфет – не было. Папа привозил из Ленинграда брикеты (?), кирпичики (?) спрессованной карамельной крошки. Этот кондитерский продукт так и назывался «Крошка». Были леденцовые конфеты «Рекс», это распиленные на кусочки толстые палочки, разноцветные и разноразмерные, нарядные. Но, надо признаться, сладости предназначались в большей мере А. М. для ночной работы над статьями. Мы их подтаскивали. Такое же утилитарное отношение у Папы было и к халве. Он брал ее с собой на работу на обед вместе с морковкой и бутербродами со шпиготом. Ну, а мы тоже любили халву...

Десертом нам казалась та манная каша, которая каким-то образом попадала к нам из Испанского дома. Каша была, как крем: на молоке, сладкая, в ней много было масла. Холодная, она резалась ножом и таяла во рту.

Не было в меню варенья, колбасы, кур, сыра, творога, фруктов, соков, печенья, пряников.

А сахарный песок из железной банки в шкафу, когда никто не видел, таскали по ложечке, напомнила сестра (13 февр. 93), хотя чай, кофий пили сладкий.

Почти все детство – желудевый кофе. Желуди собирали сами в Александровском парке. Сразу чистили, резали, сушили, потом обжаривали на сковородке. Мололи в ручной мельнице.

Осенью, в войну, мы собрали большую ванную желудей. Потом в печке пекли из них колобочки...

В доме была дореволюционная мороженица, и как-то делали мороженое.

Только на Пасху и на Рождество были какие-то яства, когда были гости, а на всех других праздничных днях – пироги и чай. Никаких бутылок с чем-либо никогда не было.

Но в каких чашках сервировали чай!!!

Перепишу страничку из записей 95 г.

«9 XII 95. Как случайно какая-то деталь, штрих, одно мгновение переносит в другой мир, воскрешает этот другой мир...»

Сегодня смотрела фильм «Особенности национальной охоты»... Ужасно грустный, хоть и много смеялась... Молодой финн пишет исследование «Особенности национальной охоты», русской охоты. Ему грезятся картины охоты почти по Пушкину, по Толстому. И вот неожиданный кадр: кабинет, кожаные корешки старинных фолиантов, мебель красного дерева; спиной к нам, потом вполоборота молодой человек читает за письменным столом, рядом с ним, на углу стола чашка крепкого чая. Тишина и комфорт одухотворенного одиночества...

Так вот: чашка китайского фарфора. Именно такие были у нас до войны, с карминно-красным ободком, с пупырчато-выпуклыми рисунками-картинками из китайской жизни на стенках прозрачных чашек.

Праздники в Детском Селе – это белая скатерть, этот утонченно-рисованный нарядный сервиз. Ручка чайничка чем-то оплетена... Наше «довойны».

Может быть, этот молодой дворянин – образованный охотовед, лесник или просто анахорет, предпочитающий чтение – охоте? Его играет тот же актер, что и забуддыгугегеря из современной истории о генеральской охоте. Но какие несовместимые лица: интеллигентное – там и пропитое – тут...»

Но и чай из китайского сервиза тогда и – все потом и все сейчас?! (2 V 99).

Вообще-то всякое китайское вошло в нашу жизнь с «довойны». На конфирмацию Мама подарила нам по шкатулочке из китайской перегородчатой эмали. Моя со мной до сих пор. Термин cloisonné сопровождал всю жизнь, и потому в эту весну 99 г., когда в апреле сыновья подарили мне денежки на день рождения, я купила дивные китайские низкие круглые чаши (Д – 18 см, высота 5,5) перегородчатой эмали. Я видела их и раньше в нашем ТЦ «Башкирия», но отстраненно, как в музее. Не было денег. А тут – как свое, давнее, родное. Как дар маминой любви.

Китайское в нашей жизни – это и Китайский театр в Александровском парке (помним его хорошо), это и Китайские мосты, и Крестовый мост, и Китайская деревня, и беседка над Большим капризом... Для меня, теперешней уфимки, это не просто воспоминания о детстве и отрочестве, но счастливая, почти ежегодная, предрешенная встреча с царскосельскими парками, с его китайскими очарованиями...

МЫ БОЛЕЕМ. Все четверо лежим в кори. Окна занавешены. Нас лечит врач, про которую с почтением говорят, что она «окончила Лозанну». Это врач не из поликлиники, свой. Очень немолодая, высокая, крупная женщина, не сентиментальная, как будто грубоватая. Она отчитывает нас за поведение и наставляет, чтобы лежали в полумраке, громко убеждает:

– Что у вас есть? Имение есть? Наследство есть? Ничего нет, только здоровье! Это ваше наследство.

Три раза в день нам меряют температуру. На листе в клеточку вычерчивается ее график.

Постельный режим при хворобах всегда был обязательен. Серебряной чайной ложкой «лезли» в горло. Долгие годы пили рыбий жир, заедая его кусочком хлеба с солью. Спали днем.

Андрей очень часто болел воспалением легких. У него их было около 10 до войны. Не было ли тут предрасположения? Ведь у Мама в молодости был туберкулез. Меня считали слабой девочкой: что-то было с сердцем. Поэтому я была всегда бледная. Часто нападала сильнейшая крапивница. Была лунатиком. Как-то родители возвращались откуда-то в двенадцатом часу ночи, увидели меня на Колпинской... Ночью вставала, разговаривала. После

пятого класса была в санатории под Старой Руссой. На последнем отрезке пути были поданы телеги, подводы. Мама всю жизнь с обидой вспоминала, как я легко побежала от нее не попрощавшись.

В санатории воспитательница называла меня «барышня», а я оскорблялась и расстраивалась.

У Мама были жесточайшие мигрени. Потом они начались и у меня. Тогда их объясняли плохим кровообращением.

НАШИ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ – это всем известные прятки и прятанья чего-нибудь; увлечены были переводными картинками. Летом откуда-то привозили много голубоватой глины, и мы лепили посудку. «Мама привела к вам в сад, и была глина, лепили», – помнит Н. Тарановская (разговор об Андрее 23 III 99). Ю. Ф. учила нас – все это до школы – в саду играм в народном духе:

А мы просо сеяли – сеяли...

Или:

Повадился журавель – журавель

По нашу конопель – конопель...

На дни рождения заводили «Каравай»...

Одну игру вспомнила сестра в Дневнике (15 III 43):

«[...] Когда мы были маленькие, то играли в службу[в мессу]. Андрей надевал красное пурпурное одеяло, и мы ходили по комнате, трезвоня в колокольчик. Это одеяльце служило Андрею еще раз. Он одевал его на спину, на голову – берет М. Ст. и – шага, которая проходила под плащом-одеялом».

А вот игра, уж точно доставшаяся нам от Гептахора: сидишь на скамейке, справа от тебя на сидении пять камушков с бобовое зерно или большую фасолину. Слегка подбрасываешь один камушек и успеваешь схватить второй – и так, пока все пять не окажутся в горсти. Кажется, были и еще какие-то приемы игры. Так «играла» Майя Плисецкая в балете «Исидора» в свой юбилейный вечер. Я смотрела его по телевидению, по первой программе 21 I 96. Кто же, кроме Мама, мог научить нас этой игре?!

НАША РЕЧЬ ДО ВОЙНЫ да и многие годы спустя была весьма своеобразна. Мы могли обратиться к одноклассникам: «Господа!» Слова «господин», «дама» были частью нашего речевого обихода. К друг другу мы, сестры, обращались *ma chère* [фр. – моя дорогая]. Хотя, по правде сказать, мне никогда и не нравилось имя «Люся», оно не шло к внутреннему облику сестры. Такое приторно-сладкое. Также не принимаю «Люда», «Света» – признаю только полные. Терплю «Соня». Возможно, эти предпочтения – своего рода тест.

Несколько речевых стихий формировали нашу речь: речь бабушки, речь б. Дуни, лексика и обороты Мама и ее приятельниц; а французский и немецкий играли роль двух любимых собеседников, и часто приходили на ум уже какие-то их словечки. Эту свою речевую мозаику мы составили вместе с сестрой. Кое о каких памятных словечках и выражениях я уже писала.

Итак, от бабушки С. С.: бардамага, кавардак, каратегус (боярышник), мазюльки, назем (навоз), памжа, сбиться с панталыку, пястка («устар. и простореч. Количество чего-либо, которое можно захватить ладонью со сжатыми пальцами; »), шаромыжник. Проспать царство небесное.

От бабушки Дуни: для близиру, хоть святых выноси, выписывать мыслете (о походе подвыпившего человека), д'эль дамо (домашняя, непрофессиональная работа – шитье – «самопал»), через два дни, изгваздаться (испачкаться), конь не валялся (ничего не сделано), на корячках, мерихлюндия, начхать с высокого дерева, обмишуриться, объегорить, оковьялки (неодобрительно о чем-нибудь плохо нарезанном), опивки, ополоски, паголенки, падмылье, папорки распустить – быть в плохом настроении (у Даля – «папороток – [...] малое крылышко»), видимо, – подкрылье. У нахохлившейся птицы это «крыльце» – опадает,

распускается), помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его – переняли у б. Д. и твердили перед экзаменом или идя на прием к какому-либо начальству, поддегайка, при пиковом интересе, привередничать, причередить, прохладжаться, распатронить, распотрошить, скукожиться, студень, хоть кол на голове теши, тонкий намек на толстое обстоятельство, святые угодники! – с восклицательным знаком: призывать в свидетели чего-нибудь непозволительного в поведении, во внешнем виде и т. п., что вызывало крайнее изумление, в здравом уме и свежей памяти, чохом, шахер-махер (ловкая сделка), шерочка с машерочкой, шлѣндать (где-то пропадать, шастать), под шефе (в подпитии). Интересна этимология, нет, проще, происхождение этого выражения. *Chauffer* (фр.) - топить, нагревать, то есть «под шофе» (современная орфография) – под нагревом, под градусом...

От б. Д. и мир примет, которым мы вполне доверяли. Нельзя возвращаться – пути не будет; удача – встретить мужчину, похороны, человека с полными ведрами; чешутся ладони – каждая со своим смыслом, а кончик носа – к празднику, к застолью; воет в печке, завывает чайник, просыпалась соль – жди неприятностей; упали нож, вилка, намывается кошка – к гостям. Праздничный сон до обеда. Новый месяц прямо и справа – хорошо.

От Мама: *allegro udirato*, вилла хлама делла кавардаче (шутливо о беспорядке в комнате), восторг и 33 упоения, галиматья, кагал, большой комод (о запропастившихся вещах, которые надо искать где-то в большой куче), мерзость запустения, матримониальный, ничтоже сумняшися, не терпит отлагательств (что-то надо делать в срочном порядке), без дальних околичностей, папà, мамà и карета (то есть, всей семьей), пассия, паче чаяния, посланковаться, посланкуйтесь, притешка, есть порох в пороховницах, до святости (отмыть, отчистить что-нибудь), сиеста, скромность паче гордости, сподвигнуться, страха ради иудейска (из страха перед кем-нибудь, из подхалимства перед кем-нибудь), фестиваль (праздник, любимое выражение Н. К.), флюиды, чичисбей (постоянный спутник замужней дамы), эманация, эскапада – неожиданное мероприятие, экстравагантный поступок, любимое выражение Н. К.

«Флюиды» и «эманацию» Мама очень любила. «Эманацию» я понимала, как распространение, свечение в пространстве особой энергии – энергии культуры, красоты, гармонии. Такое значение слова подразумевалось.

Вот французские в основном слова и словечки: *à la* (вроде, наподобие), *à livre ouvert* – читать с листа, *amitié* – дружба, влюбленность, *après tout* – в конце концов, часто и в речи Н. К., *apriori* (лат.) – утверждать что-либо безотносительно к практике, наперед, *au courant* – быть в курсе чего-нибудь, *au fond* – по сути дела, *bijou* – украшение, драгоценность, *causerie* – легкий приятный разговор; *désastre* – внезапное несчастье, ужасный случай, *desiderata* (лат.), – в нашем обиходе что-то желаемое, о чем мечтается, *distingué* – благовоспитанный, чрезвычайно пристойный, *enfant terrible* – о бестактном поведении кого-либо, о нарушении приличий, etc (лат. – et cetera) – и так далее, *Ewigweibliches* (нем.) – вечноженственное, *ex libris* – так и было – экслибрис, *façon de parler* – манера выражаться, *Friedrich – heraus* (нем.) – расстройство желудка, понос, *genius loci* (лат.) – гений, дух места, *grand cas* – происшествие, событие, *Katzenjammer* (нем.) – очень плохое настроение в предчувствии чего-нибудь плохого, *Kunststück* (нем.) – странное происшествие, проделка судьбы, *à la main gauche* – с левой стороны, незаконная жена, *maîtresse* – любовница, (о ком-то так говорилось до войны), *modus vivendi* (лат.) – образ, стиль жизни, *mot* – остроумное словцо, выражение, *noblesse oblige* (фр) – высокие нравственные принципы обязывают поступить определенным образом и другой смысл – «положение обязывает» придерживаться правил в поведении, в одежде..., *piéd à terre* – временное пристанище, *quelque chose* – что-нибудь небольшое (подарить), *soirée* – небольшой сбор гостей; *terre-à-terre* – бездуховно, приземленно, *tour de force* – с напряжением всех сил, *tournée* – поездка, короткое путешествие, *train* – образ, стиль жизни; *vier K* (нем.) – *Kinder, Küche, Kirche, Kleider* – четыре «К» – дети, кухня, церковь, платья; *zierlix-manièrlich* (нем.) – жеманно, манерно, у нас употреблялось в значении «чересчур церемонно».

В письме Мамы 11 I 59 о «больших делах» внука Николеньки: «Но, дай Бог не сглазить, все дела были модного когда-то при Людовике цвета *casa du dauphin*». Это цвет светло-коричневый.

Я привела малую часть слышимого в доме до войны. Стоит открыть любой толковый словарь, и тотчас натыкаешься на знакомые слова и обороты. А сколько в маминой речи было строчек из басен, из стихов и романсов, поговорок. Ну, вот эта: «*Hundert zwanzig Professoren – Vaterland, du bist verloren!*» (нем.) – 120 профессоров, Родина, и ты потеряешься! пропадешь! То есть, если соберется 120 профессоров, то в их ученом споре потеряется и отечество. Говорилось у нас, когда слишком умничали. Наши штанишки, панталоны Мама называла «невыразимые». Вспомнилось это сейчас, когда читала Набокова «Памяти Л. И. Шигаева». Герой тщательно чистит по утрам свои панталоны [...]. «О, эти его невыразимые (как он их называл), пропускавшие в коленях синеву неба [...].» («Круг». Л. 1990. С.435).

В Словаре СРЛ языка есть «невыразимые» – иносказательное название кальсон, брюк. У Мамы получается расширительнее. Может быть, это шло от б. Д.» (Записи 93 г.).

Мама могла сказать: «Это что за дезабилье?», увидев кого-то из нас не совсем одетую. *Déshabillé* – быть в дезабилье – быть слишком по-домашнему или не вполне одетой.

А «визитные карточки»?! Но ведь было и такое их переносное значение! (пятна на нижнем белье)!

У нас с сестрой тоже были свои привычные словечки. О «*ma chère*» я уже говорила. *Avec plaisir* – с удовольствием, *comme il faut* и *комильфо...*, *s'il vous plaît* – пожалуйста и весь мамин лексикон в придачу.

И, конечно, латинское из католической мессы «*mea culpa*» – моя вина, моя вина, моя большая вина...

Папины «пинензы» (*pieniądse* польск. – деньги), долгие годы были у нас обозначением денег...

Да, за каждым словом – целый мир другого времени, жизни родных, которых уже нет с нами.

Маленькое *nota bene* о «*soirée*». Мы понимали его не как «званный вечер» (См. Словарь А.М. Бабкин, В.Л. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляемых в русском языке без перевода. СПб. Квотам. 1994. В 3 томах.) – в наших-то условиях! - и не как «вечеринка». *Soirée* – это немного гостей и много разговоров о книгах, спектаклях, о каких-то культурных событиях. Причем приглашались-то гости к чаю, на чай, а о *soirée* говорилось в прошедшем времени:

– Ну, что ж, *soirée*¹⁰⁵ удалось!

Составляя странички нашего семейного речевого обихода, так полно вспомнила свою работу над языком песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619-1620 г. в Холмогорах. Это была тема моего диплома. Сейчас (апр. 99) вынула, посмотрела текст, увидела правку Бориса Александровича Ларина, моего руководителя. Как внимательно и ... серьезно читал он студенческий опус! Пометы Б. А., его исправления, уточнения, стилистическая правка в моей работе могли бы стать темой исследования.

На заседании кафедры в мае 1952г., где нас защищалось несколько человек, я получила записочку Б. А.:

«Софья Александровна,

если это возможно, подарите мне экземпляр Вашей работы. Мне хотелось бы иметь не только указатель, но, если это поставит Вас в затруднительное положение, то дайте один только Словоуказатель.

Б. Ларин».

Подчеркнуто Б. А.

Какое счастье было учиться у Бориса Александровича! Я сознавала это и тогда, в годы учения...

Кстати сказать, работу мою хвалил оппонент И. Лапицкий, считал, что ее нужно опубликовать. Вот заглянула, вчиталась – не стыжусь: самостоятельно, дельно, дотошно...

Мы что-то на п е в а л и девочками пятого-шестого класса. «Репертуар» складывался под влиянием дворовых мелодий:

*Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...*

*Мы на лодочке катались,
Золотистой – золотой.
Не гребли, а целовались...*

Мой костер в тумане светит...

Были под гипнозом песен Эрнста Буша. Они и сейчас отчетливо звучат во мне «про себя»...

... Потому что рабочий я сам...

Песен у нас в семье не пели. Но я уже говорила: порядочно музыки было на радио...

О м а н е р а х наших, точнее, правилах поведения, много не расскажешь: все было просто и целесообразно.

Ходи прямо, не сутулься (были даже специальные палки для упражнений), не размахивай руками, не наваливайся на стол, не ставь локти на стол, не разговаривай за едой, не глотай, не торопись, жуй хорошенько (мы знали о системе Флетчера). Кончив есть, надо было после «спасибо» спросить: «Можно встать из-за стола?» Получали в ответ: «Можно встать из-за стола».

За солью или сахаром нельзя было тянуться через весь стол, а попросить передать.

В ходу были всяческие эвфемизмы: «за темную дверку» (в уборную), только «большие и маленькие дела», б. Д. привезла слово «фунькать» (испортить воздух, пукнуть). У Даля его нет.

РОДИТЕЛИ МЕЖДУ ССЫЛКОЙ И ВОЙНОЙ.

Моя университетская подруга Светлана Александровна Ришина¹⁰⁶, прочитав Дневник сестры еще в компьютерном наборе, высказала поразительно глубокое суждение:

– Как жалко твоих родителей! Страшная жизнь – между двух тоталитаризмов...

Передо мной документы, свидетельства этой короткой, в шесть с половиной лет, передышки.

Есть два карандашных черновика маминой автобиографии 51 и 56 гг. Даты устанавливаю из контекста. Черновики несут на себе печать нелегкой работы: перечеркивания, вставки, перестановки предложений, есть некоторые «нюансы» в содержании. Понимаю, как сложно было Маменьке добиться искомого совершенства, чтобы все было «в ажуре», чтобы «комар носу не подточил». С какой пленительной ловкостью Маменька ускользает от кричащих фактов своей биографии и с невинным видом слагает канву своей совсем другой жизни, не той, что была на самом деле...

Правда, нам повезло оказаться после войны в Эстонии: тут, видимо, меньше задавали вопросов, да и со стороны так естественным казалось, наверное, что люди мотались по стране в поисках лучшей доли, строя к тому же «светлое будущее».

Итак, 1951 г.

«По окончании Высших женских курсов началась трудовая деятельность, которая прерывается первый раз в связи с рождением близнецов [в] 1928 г., второй раз – в связи с рождением 4-го ребенка в 1933 г. Я не работала четыре года, но как домашняя хозяйка вела общественную работу. В 1935-36 окончила курсы командиров группы самозащиты МПВО при пушкинском Доме культуры, была выбрана председателем ЖАКТа, а потом председателем Ревиз. комиссии. С сентября 1938 г. начала работать на Трикотажной фабрике им. II пятилетки в г. Пушкине старшим статистиком. Там меня застала война, т. к. ф-ка выполняла спецзаказ, работала до последнего момента. И вся моя семья: муж, четверо детей и бабушка – оказалась в оккупации, т. к. не успели выехать в Л-д».

Что за удобное словечко «оказалась»!

Не сами же, конечно, захотели в оккупацию. У б. Д. даже обручальные кольца, ее и мужа, были отвезены в Ленинград. У нас у всех были заплечные мешки из наволочек, в углах их катушки, тут крепились ляжки. Папа несколько раз возил в Ленинград ценные вещи.

«Оказались» – а вовсе не были брошены на произвол судьбы... Только проснулись утром 17 сентября – виселица на Васенко, повешенные... И, правда, – оказались в оккупации...

Черновик 56. Очень кратко, предельно кратко.

«С 1923 по 1928 год состояла заведующей студией музыкального движения, одновременно с 1926 по 1929 г. работала научно-техническим сотрудником и секретарем экскурсионной комиссии Центрального Бюро Краеведения и [Ленинградской] области.

С 1930 по 1933 год работала в качестве секретаря и делопроизводителя в системе промкооперации. Годы 1933 – 1938 нигде не работала, т. к. в 1933 г. у меня родился четвертый ребенок и я занялась воспитанием детей».

Дальше по тексту 51 г.

Ни ареста, ни ссылки... активистка, общественница...

... В 1934 – 1936 гг. выходит «На правах рукописи» тиражом в 1000 экз. ежемесячный технико-экономический журнал «Беломорско-Балтийский комбинат». Издание Беломорско-Балтийского комбината НКВД. А. М. часто печатает в нем свои статьи. Я смотрела номера этого журнала в библиотеке Географического общества в Петербурге летом 96. По-видимому, итогом многолетних (с юности!) исследований края явилась совместная с Г. Ф. Чиркиным¹⁰⁷ работа «Характеристика основных линий развития социалистического хозяйства восточной

части Средней Карелии (зоны Беломорско-Балтийского комбината)». Сообщила мне об этой книге сестра, и вот ее выписки.

Полный титул книги такой:

Академия Наук СССР

Совет по изучению производительных сил (СОПС)

Серия Карело-Мурманская, вып. 1

Основные проблемы хозяйственного развития Карельской АССР и Мурманского округа.

Издательство Академии Наук СССР.

Москва 1937 Ленинград

Тираж 500 экз. 196 стр.

Неисповедимы пути Господни! А. М. и Г. Ф. работают в тесном контакте с лагерным руководством Б.-БК!!! Об этом пишет председатель экономической бригады Карело-Мурманской комплексной экспедиции СОПС акад. С. Г. Струмилин в предисловии:

«[...] Особенно ценной для выполнения работы явилась возможность использования проектных и перспективно-экономических материалов Беломорско-Балтийского комбината, обеспеченная любезным разрешением зам. начальника ГУЛАГ и начальника Волгостроя тов. Я. Д. Рапопорта и начальника Беломорско-Балтийского комбината тов. З. А. Алмазова. Названным товарищам считаю особо приятным долгом принести здесь благодарность за указанную помощь в работе».

Ах, какие китайские церемонии...

Это трагическое время – строительство Б.-БК – остановлено А. Солженицыным в трагическом «Архипелаге ГУЛАГ» т. III, гл. 3.

Трагична судьба и А. М...

Но все же о чем пишут авторы?

«Оглавление.

Глава 1. Краткая характеристика природных условий зоны Б.-БК.

Глава 2. Краткая характеристика современного состояния народного хозяйства зоны Б.-БК.

Глава 3. Новая народнохозяйственная обстановка в Средней Карелии.

Глава 4. Перспектива деревообрабатывающей и лесохимической промышленности в зоне Б.-БК.

Глава 5. Проблема черной металлургии в зоне Б.-БК.

Глава 6. Перспектива развития в Средней Карелии цветной металлургии и связанных с ней химических производств на основе арктического сырья.

Глава 7. Перспективы добычи и обработки неметаллического полезного ископаемого сырья в восточной половине Средней Карелии.

Глава 8. Гидроресурсы зоны Б.-БК и схема их использования.

Глава 9. Основные элементы развития сельскохозяйственного производства в пределах Б.-БК».

Папа много работал по совместительству, для заработка. Что это был за труд, можно увидеть из сохранившегося в папиных бумагах «Трудового соглашения». На нем дата 10 ноября 1939 г. Пожалуй, это третий экземпляр, машинописный текст читается с усилием. Бумага рыжая, как провалявшаяся на солнце газета. Но все-таки я разбираю.

«Мы, нижеподписавшиеся, Лен. областное научное инженерно-техническое общество Лесной промышленности и лесного хозяйства (Леноблнатолес) в лице члена Президиума Веденева Петра Дмитриевича с одной стороны, и т. Хордикайнен Александр Матвеевич с другой – заключили настоящее соглашение в следующем:

1. Леноблнатолес поручает, а т. Хордикайнен принимает на себя выполнение работы, связанной с техническим проектом спиртового цеха (при I заводе искусственного

обезвоживания торфа в г. Бокситогорске), выполняемым по договору с Торфозаводстроем от 27.X.1939 г. согласно прилагаемой программе, составляющей с настоящим соглашением единое целое.

Вот какова

«Рабочая программа

на составление экономической части технического проекта спиртового цеха при заводе обезвоживания торфа в г. Бакситогорске. [Бакситогорске – так!].

1. Характеристика основных положений проектного задания и указаний экспертизы по проектному заданию.

2. Снабжение завода сырьем, вспомогательными материалами, паром, эл. энергией и водой.

3. Расчет складских запасов и грузооборот завода.

4. Определение необходимых заводу кадров и расчет фондов заработной платы.

5. Характеристика мероприятий и затраты по подготовке кадров.

6. Составление генеральной сметы капиталовложений по заводу.

7. Смета эксплуатационных [так!] расходов и калькуляция с/стоимости продукции.

8. Определение необходимых заводу оборотных средств.

9. Сравнительные данные об эффективности строительства и эксплуатации завода.

10. Основные техно-экономические показатели завода.

11. Выводы, касающиеся экономики завода».

NB. В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова тоже «эксплоатация»! И только в скобках «эксплуатация».

В «Трудовом соглашении» сказано: «За указанную в §1 работу Леноблнатолес уплачивает т. Хордикайнен А. М. одну тысячу триста пятьдесят рублей».

Перед войной оклад А. М. был тысяча рублей.

Некоторое представление о жизни А. М. в эти годы дают странички из «Трудовой книжки», заполнена 11 I 39 г. Полное название места работы внутри круглой печати: «Лен. Государств. Ин-т по Проектирован. предприятий Сульфитно-Спиртовой и Гидролизн. пр-ти «Гипролесспирт». По ободку: «Главное Управление Сульф. – Спирт. и Гидролизн. пр-ти при С.Н.К. С.С.С.Р.». В «Сведениях о поощрениях и награждениях» записано: «8 II 1938. «За ударную работу по проекту объявлена благодарность». 9 I 1940 «За высокие образцы в работе премирован в сумме 450 р.».

Трудовые книжки были введены (после какого же перерыва?) с 15 января 1939 Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

Прежде чем навсегда закрыть папину «Трудовую книжку», хранимый и сохраненный документ (тоже отдам в Архив!), привожу последнюю запись:

«1941 VII 21. Уволен по ст. 47 п. «а» КЗОТа с выплатой 2-х нед. выходного пособия». «Пр. № 80/к».

Вот и все. Это последний документ папиной жизни. Есть еще только маленький листок бумаги с карандашными записями, сколько гряд и с чем посеяно. Гатчина. Май 43.

Но нет, нет... Не надо уныния и горечи. Жива наша память об отце, живы грани его личности в нас. И сестра, и брат пошли по пути А. М.: изучали ГЕОморфологию, гидроГЕОологию. Сестра, такая запасливая, хозяйственная, – истинная дочь А. М., а братец, совсем как Папа перед войной, тащит набитые продуктами портфели из Москвы к себе в ближнее Подмосковье... И тоже много работает по совместительству. Моя склонность к дневникам (в семейной-то жизни!), моя журналистика да сама эта работа – от Папы...

В Коле, сыне сестры, много папиного в чертах лица; Сергей при колоритнейшей армянской внешности характером – финн, в деда, со всеми его плюсами и минусами. Фундаментальные основы наших личностей: трудоспособность, приоритет, в целом,

рационального над эмоциональным во всех жизненных битвах – скорее всего, от А. М. А наша с сестрой страсть к поездкам, маленьким путешествиям... И мое краеведение тоже в значительной мере – отсюда, гены А. М.

Внука брата зовут Александр. Александр Хордикайнен. Сын Сергея – тоже Александр. Я зову его Шуринька, Шура, Шурик, как звали Папу бабушка и ее родные.

Мама рассказывала: когда мне было два года, я смотрела в окно и говорила:

– Вот идет мой маленький Шурик...

Никакого Шурика за окном не было. Чистая фантазия...

И все же есть еще один документ, и я хочу привести его здесь, хотя он уже и опубликован в Дневнике. Это письмо Н. И. Коллюбакиной¹⁰⁸, которое Н. И. написала Маме после известия о смерти А. М.

«Дорогая Юлия Федоровна!

Трудно мне передать Вам то чувство, которое охватило всю мою душу и мое больное сердце при известии о гибели Александра Матвеевича! Очень страдаю, что сейчас не могу быть вместе с Вами, чтобы последний раз взглянуть на него, поклониться ему и проститься с ним.

Вы знаете, чем был для меня все это время Александр Матвеевич, он заходил к нам почти ежедневно, каждый его приход был для меня душевною радостью, любую тему разговора он умел сделать интересной и значительной, и его приходы, и его теплое отношение ко мне скрашивали мое жалкое существование.

Погиб человек такой высокой ценности, как Александр Матвеевич, а я, 75-летний инвалид, лишний груз для других и для себя, продолжаю еще жить!?

Поистине, пути Божии неисповедимы. Дай Вам Бог, Вам и детям, силы стойко перенести это тяжкое горе с тою бодростью, которая во всем отличала дорогого Александра Матвеевича.

Я сохраню навсегда чувство благодарности и глубокого уважения к его памяти и чувство теплой привязанности ко всей Вашей семье, которую полюбила, как родных.

Господи, как тяжело думать, что его уже нет!

16 мая

1943 г.

Г. Гатчина.

Ваша всем сердцем

Нат. Коллюбакина».

Еще один отсвет папиной Судьбы.

Дневник, 15 IX 43: «[Мама]принесла с собой письмо Иванова-Разумника, полученное посредством Пиушкова¹⁰⁹. Он знает о кончине папы и не может написать большого письма, так как меняет адрес».

Сестра продолжает: «Мы часто вспоминаем их... Тот год, холодная, морозная зима [зима 41-42 года]; мы ходили с Зосей перетаскивать к ним дрова, коптилка при спуске в подвал; как он называл нас: «Юлия Александровна и Софья Александровна». Портрет их двоих детей в комнате, сам Разумник Васильевич и его жена. Жена его производила впечатление немного легкого существа: тип супруги – спутницы жизни. Потом они были у нас на Рождестве».

Вероятно, сестра сравнивала про себя Варвару Николаевну с нашей Мамой.

Родители посылали нас к Р. В. и В. Н. и со сверточками еды...

В «Предисловии» к книге «Тюрьмы и ссылки» Р.В. Иванов-Разумник писал: «В середине 1943 года вышли мы на свободу [из немецкого лагеря «беобхатунгслагер»] и поселились у родственников в Литве [...]»¹¹⁰. Таким образом, Р.В. написал Маме из Литвы.

... Сейчас, в 99 г., я задаю себе вопрос: «Что думал А. М. о начале войны?» Не знаю.

Но хочу привести свидетельства об этом времени Юрия Кублановского из его статьи о книге Александра Казанцева «Третья сила». М. Посев. 1994 г.:

«Именно как брешь в стене коммунизма расценили немецкое вторжение многие и в России». [...] «С головой, что называется, погрузившись в материалы антикоммунистического движения военного времени, я убедился, сколь широко было распространено ожидание освобождения в результате войны»¹¹¹ [выделено мной. С. Н.].

Еще свидетельство. А. Эткинд пишет о Сабине Шпильрейн, известном психоаналитике. Она работала с Фрейдом, с Юнгом. В 1923 г. возвращается в Россию. Война. Ростов-на-Дону. *«Шпильрейн [еврейка] приняла сознательное решение остаться вместе с дочерьми в оккупированном городе»¹¹². «Она думала, что приход немцев будет значить возврат к человеческой жизни»¹¹³ [выделено мной. С. Н.].*

С первых часов оккупации стало ясно: тот же геноцид, та же катастрофа...

ВОЙНА. КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ ДЛЯ НАС, ОПИСАНО СЕСТРОЙ В ЕЁ ДНЕВНИКЕ

ПУШКИН. ЗИМА 41 – 42. В памяти несколько ярких вспышек.

...Яростный, бешеный крик, ор, жуткое «Heraus!», «Los! Los!» [нем. – «Вон!», «Ну, давай!»], угрожающее размахивание, почти тыканье прикладом... Ужас. Ужас сковывает нас всех. Одна Мама пытается что-то сказать немцам. Те, наоравшись, совершенно озверелые, довольно быстро уходят. В следующий дом, надо полагать.

Вечером появляется солдат и спрашивает:

– Здесь живет женщина с четырьмя детьми?

Дает Маме две буханки хлеба и хорошим человеческим голосом объясняет, что начальство велит им, солдатам, выгонять жителей из домов, но они же видят, в каком мы положении...

Папа, белобилетник по зрению (В Анкете по делу № 1699 в ответе на графу «Отношение к воинской повинности» 13 VI 1930 г. напишет: «Освобожден вовсе со снятием с учета по причине сильной близорукости. На военном учете не состою».) просидел первые месяцы оккупации в нашем подвале. Он очень изменился внешне: превратился в старика. Потом, в Гатчине, когда жизнь стала полегче, как-то отошел, стал похож на себя прежнего.

В Пушкине зимой на санях куда-то увозили штабеля трупов. В Лицейском садике были вырыты широкие рвы, в них осенью закапывали мертвых. Всю ту зиму мы голодали. Спасли кое-какие запасы: желуди, жмых, отруби, вообще те запасы, которые успел сделать А. М. и за экономным и сверхэкономным расходом которых он беспощадно следил. Папа ел больше Мамы. Мама была очень опухшая. Сперва Мама, потом А. М. ездили по окрестным деревням менять вещи. Для отца это было, видимо, почти непосильное испытание: он был постоянно рассержен и непомерно взыскателен к нам, детям. В одном сохранившемся черновике маминой автобиографии читаю: *«В сущности [в войну] все заботы о семье свалились на меня, потому что муж от голода потерял всякую способность к жизнедеятельности».*

Бабушка Дуня нарушила свой зарок и начала гадать немцам на картах и всегда получала хлеб. Немцы очень серьезно относились к ее прорицаниям. Кроме того, она принялась шить им теплые толстые рукавицы, оторачивала даже полоской овчины. Шли бойко.

ГАТЧИНА. ...Мы работаем в саду комендатуры. Пожилой комендант, таким он нам во всяком случае казался, часто угощает нас чем-нибудь. Он делает это так сердечно и непосредственно, что мы принимаем его гостинцы. Однажды он сказал:

– Вот сейчас я вам помогаю. Но очень скоро придет время, и вы, может быть, подадите мне корочку хлеба.

Комендант расспрашивал нас о нашей жизни, узнал, что умер отец. Предлагал уехать в Германию к его жене. Обсуждал эту проблему. Июль 43 г.

...Мы возвращаемся с работы на огородах в Мариенбурге (предместье Гатчины). Навстречу легковая машина с опущенным стеклом окна. Рядом с шофером немецкий офицер в высокой фуражке. Какое аристократическое лицо, красивое – я видела недавно такие лица в «Дневнике кн. Марии Васильчиковой»¹¹⁴. Лицо – из самых лучших книг... Два сильнейших мироощущения вонзились в сознание и в душу: есть возвышенная благородная жизнь, и я чувствую, знаю ее присутствие в мире, но она – не для нас. Наша – подневольно-жалкая, рабочее рабство без книг, без культуры, без одухотворения... Так скользнул по нам этот взгляд офицера, как по кустам, по траве, по придорожной пыли... Нас нет в высоком мире, нас как будто и нет вообще...

Рука офицера в черной лайковой перчатке небрежно лежала на окне машины. Август 43.

Рана была глубокой, долго-долго зарастала да и заросла ли?

... Поговаривают, что в какой-то деревне провинившегося немецкого офицера на морозе обливали водой и заставляли по кругу бегать. В глубинах сознания тлело предчувствие: если так со своими, то как же с нами?! Гатчина, зима 42 – 43.

Но вообще не осталось впечатления, что немцы слонялись по Пушкину или Гатчине. Их почти не было видно.

Как ни странно, немцы в Гатчине да и в Пушкине организовали некое вполне дееспособное самоуправление. Точнее: они не разрушили городскую инфраструктуру, сменили вывески и приспособили старый порядок к своему «новому порядку».

И в Пушкине, и в Гатчине были русские пекарни, и на карточки давали «немецкие» и «русские» буханки.

В Пушкине – «управа» и управляющая домами, «полицейская», как еще ее называет сестра (7 IV 42). *«Вчера получали паспорта [...]»* (30 VII 43). Это, конечно, были не паспорта, но Ausweis – удостоверения. В Павловске на рынке можно купить хлеб, молоко. Мама работает в мастерской по ремонту солдатского белья «домашницей».

В Гатчине работает больница с русскими врачами. На бирже труда есть «докторская комиссия», которая выдает бюллетени. *«Мама получила бюллетень и завтра не идет на работу»* (14 VI 43). *«Маме дали бюллетень еще на месяц по состоянию сердца»* (15 VII 43). *«Мама с утра пошла освободиться от работы на биржу. Пробыла она там до часу, но ничего путного не вышло. Хотя докторская комиссия и освободила ее от работы на три месяца, но немец на бирже сказал, что пришивать пуговицы – легкая работа. Сейчас она опять ушла туда»* (15 IX 43). Доктор выписывает рецепты. Значит, работает и аптека. – Управа предоставляет огороды. – Действуют три православных храма. В прикладбищенской церкви служит о. Михаил, наш учитель Закона Божия в гимназии. Кладбище в образцовом порядке, есть могильщики. В церкви прекрасный хор, в нем поют «артисты» из «Пропаганды», как тогда говорили. *«Певчие все были хорошо одеты»* (26 IV 43). В католической церкви служит уже гражданский священник, приезжает из Луги (15 IX 43).

Плохо представляю себе, что это такое «Пропаганда», наверное, какой-то отдел городской управы, как здравоохранение, биржа труда, торговля и т. п. Некоторое представление о П. дают записи в Дневнике: *«Папе принесли повестку на литературное представление. Там будет В. И. Яковлев»* (3 V 43). *«Мама ходила к немецкому врачу просить его посетить папу [когда А. М. был ранен, ему оторвало руку], но он сказал, что не может пойти в русскую больницу»* (14 V 43). *«Подходя к больнице, мы увидели двух подъезжающих велосипедистов. [...] Это были врачи, которые пришли от Пропаганды осмотреть папу. Но*

было уже поздно» (23 V 43). Гроб с Папой уже был дома. «В субботу приходил папин знакомый из Пропаганды и Цвелев». «Там, на кладбище, гроб ждали представители из Пропаганды с венком из еловых веток и красной ленты» (23 V 43).

Некоторое время после смерти Папы мы продолжали получать какое-то его довольствие: «Ту неделю мы получали немецкий паек от Пропаганды. Теперь, вероятно, не будем. Также давали там суп [...]. Андрей иногда там менял лук на хлеб» (30 V 43). «Бабушка Дуня, подогревая щи из Пропаганды, недосмотрела [...]» (11 VI 43).

Что входило в паек, можно судить по тому, какой мы стали получать, работая на огородах при комендатуре. На наш «убавленный» на неделю полагалось: буханка хлеба, полкило муки, 200 г. крупы, чайная ложка масла, столовая ложка паштета, две ложки соли, полчашки варенья (15 VIII 43).

После смерти А. М.: «Вчера праздновалось двухлетнее освобождение от большевизма. С утра был большой молебен во всех трех церквях и с крестным ходом от кладбища до собора. Потом в час было торжественное заседание, на которое и мы были приглашены от Пропаганды, и в три часа парад» (23 VI 43). «Позавчера мы пошли на огород вечером. Вдруг приходит Матвей и говорит, что принесли [из Пропаганды?] три билета на концерт. [...] Пел Печковский¹¹⁵ и Миловская» (23 VI 43).

«20 июня был заключительный акт [в гимназии]. Там директор делал доклад об успехах наших и потом был молебен. Среди певчих были из Пропаганды артисты, но о. Михаил и о. Федор (пушкинский) были очень уставшими» (27 VI 43). В Гатчине объявили об эвакуации: «Сегодня пришел немец с переводчицей и приказали быть готовыми» (26 X 43). «Мама утром ходила в Пропаганду попросить взять нас с собой в один из городов. Ответ был отрицательный, и едем с городской [эвакуацией] завтра» (27 X 43)...

В книжном магазине продается газета «Новое слово», издающаяся в Берлине на русском языке. Работает библиотека (4 VII 43). – Продаются советские пластинки. – Есть магазин, где можно купить стекла для окон. – Есть биржа труда. «В среду, 7 VI, Андрей устроился работать на бойню. Они ходили вместе с мамой просить инспектора о зачислении Андрея на бойню. Путем долгих метаний на биржу и обратно удалось все оформить. Одному унтеру Андрей дал серебряный подстаканник, а другому – серебряный рубль. Шефу хотели преподнести букет хороших цветов, но мама ходила сегодня в оранжерею, и ей их сегодня не продали» (9 VII 43). «Андрей очень кричит и раздражается по малейшим пустякам» (18 VII 43). «У Андрея на бойне с мальчишками драки» (23 VII 43). «Андрей идет работать на окопы, так как нет бою» (15 VIII 43).

Андрей проник на бойню еще до официального приема на работу: «Вчера Андрей достал на бойне готового фарша, и вечером у нас были котлеты» (27 V 43). «Андрей достает с бойни копыта и продает их, но сегодня его забрали в полицию из-за того, что они у него испорченные. [...] Потом его выпустили» (5 VI 43). «На бойне была большая облава, но Андрей ее миновал. Он принес два кг. жира и сегодня пошел продавать. Мы все беспокоились, не забрали ли его там» (16 VI 43).

Работает баня. – На лесопильном заводе Мама покупает доски для гроба отцу. – Мы учимся в гимназии. Все учителя наши пушкинские или гатчинские. Немецкий язык не преподают: нет учителя. При школе есть библиотека. Лучшим ученикам в конце года дарят книги. Так, я получила «Казаков» Л. Толстого, сестра – «Смерть, ЧК, студенты». Преподают нам и латинский язык, но без учебников. Мама находит нам учителя для дополнительных занятий по алгебре. По рекомендации о. Михаила одна учительница готовит Матвея к экзаменам в четвертый класс. «Матвей сдал экзамены в 4 кл. Сдало всего три человека (3 IX 43). – «На рынке много грибов и ягод и вообще многолюдно», – отмечает в Дневнике сестра. – За Мариенбургом «много чухон [так!] спешило на рынок на своих двуколках» (9 VIII 43). Мы собираем полевые цветы и продаем букеты. Для Patera покупаем. Как-то букет стоил 25 руб. Андрей купил в церковь букет ландышей за 60 рублей, я – как-то букет васильков для Патера. – Работает столовая (30 V, 4 VII 43). «К двенадцати часам шли на обед в столовую (4 VII 43).

– Что-то мы покупаем на *«наши деньги»*, значит, нам дали зарплату за работу в каникулы (1 IX 43). Бабушка Дуня продает вещи знакомых (за комиссионные), Андрей меняет у немцев свежие огурцы на хлеб. У нас мало хлеба, так как на маминой работе платят мукой, а не хлебом (23 VII 43). – В оранжерее можно купить садовые цветы, парадные. – Матвеем сшили русские сапоги. Кто-то нам чинит обувь. Нам с сестрой что-то шьют, что-то перешивают. – *«Мы стараемся достать билеты на концерт Миловской. Она очень хорошая певица»* (20 VIII 43). Есть хор русской народной песни. – В кинотеатре идут немецкие фильмы *«Средь шумного бала»* (о Чайковском), другой – по пьесе Зудермана, оба с Зарой Леандер, вероятно, шли и другие (3 X, 10 X 43).

Все эти факты, штрихи жизни Гатчины, – выборка из Дневника, в скобках – дата записи.

В Дневнике много упоминаний о том, как кто-то из нас постоянно болеет, как *«невыносимо тяжело»* (28 VIII 43) на работе, как чуть ли не последние силы вытягивает огород. Да, огород... Шли на него через кладбище, оставляли свои мотыги у о. Михаила... Как-то по осени шли с Мамой, и она читала стихи *«Цветы осенние милей...»* И назвала один полевой цветок с мохнатой сиреневой головкой: *«скабиоза»*. Много сил и времени уходило на добывание сучков в парке, в запретной зоне. Каждый раз надо было получить разрешение патруля. Варили еду на плите.

... Поразительно, с какой недевической силой воли (нам только что исполнилось по 15 лет) мы усаживали себя за немецкий и французский. С каким самоотречением! Ведь могли бы и спать пораньше лечь... Безусловно, пример Мамы, говорящей по-немецки, много значил. Да и мы сами не были немцами: до войны порядочно читали по-немецки и по-французски. В войну я довольно бойко и сносно заговорила на немецком языке. И, если с прагматической точки зрения можно понять занятия немецким языком, то французским?! Не могло быть никаких шансов блеснуть перед кем бы то ни было своим français. Так что же?! Представляю себе, что французский язык оставался для нас знаком подлинной культуры, вот она-то и требовала самозабвения в служении ей.

Зося, живая, непосредственная, проявляла большую склонность к языкам, и это помогало ей быстрее и легче проникаться ими. И Люсе не хотелось отставать.

«Зося увлекается немецким языком. Она достала хрестоматию на немецком языке и читает из нее стихи. Иногда и я занимаюсь им (30 V 43). Я решила заниматься немецким языком, хотя Зося не дает мне ни книги, ни словаря. Надо все это доставать. Сегодня мы положительно выкрали из школьной библиотеки три французских учебника. По вечерам мы занимаемся по-французски (11 VI 43). Из-за того, что приходится много работать, мы все недосыпаем и потому очень страдаем, особенно мама. Читать немецкий совершенно нет времени, а французский читаю прямо-таки в полусонном состоянии. [...] Зося по-прежнему с азартом читает немецкий язык, хотя бывает очень усталой (27 VI 43). Вот надо идти на огород, а Зося говорит, что должна сначала читать немецкий язык (9 VII 43). Мама рассказала [патеру Роберту], что Зося каждый день читает немецкий язык и что мы занимаемся французским языком (21 VII 43). Сейчас лягу спать, хотя не читала немецкого. Не могу: очень устала (23 VII 43). Настроение у меня в эти дни нехорошее. Когда приходим с работы, то уставшие, ничего не хочется делать. Французский не читала, немецкий – тоже (5 VIII 43). Софьюшка – ахиллесова пята у которой немецкий язык. Она читает его каждый день (17 VIII 43). Надо идти читать немецкий, который, по сравнению с Зосиньм, – цыпленок относительно курицы (12 X 43). Я начала заниматься по-французски, что гораздо легче немецкого» (21 XII 43).

С тем же упорством, преодолением безмерной усталости мы продолжали заниматься языками и на острове, и под Выру во время оккупации, и тогда, когда поступили в школу в Тарту. Сестра в этом смысле создала в Дневнике апофеоз нашей лингвистической юности...

Александр Матвеевич погиб в мае 43 г., похоронен он в Гатчине. Горестные переживания тех дней – в Дневнике сестры. Отсылаю читателя к нему. Вначале я

представляла себе, что Дневник войдет в «Судьбу» как часть ее и в целом это будет одна книга... Жизнь – развела...

Именно в это время мы познакомились с двумя католическими священниками той военной части, что стояла в Гатчине. В конце апреля мы с Папой уже были на богослужении, которое проводил один из священников в обычном доме, в комнате, приспособленной для службы. Знакомство произошло так: Мама послала меня найти священника для совершения обряда соборования. После смерти отца Мама сама пошла просить этого священника об отпевании. Он согласился и дал Маме крест с распятием, попросил, чтобы я пришла к нему к 10 ч. утра. Потом, после похорон, надо было крест отнести ему обратно.

Позже *«маме пришла в голову мысль отнести букет сирени Патеру»* (11 VI 43). Но хорошей не было, и 13-го я отнесла ему букет шиповника. 27-го – букет жасмина. Оба раза не заставала самого Патера. Но в следующие посещения я встречала его и разговаривала с ним. Эти мои встречи с Патером, разговоры с ним, его подарки наполнили те летние месяцы в Гатчине каким-то божественным светом...

ПАТЕР – KRIEGSPFARRER (НЕМ. – ВОЕННЫЙ СВЯЩЕННИК) YOSEPH HÜBORTV¹¹⁶

Высокий, худощавый, с глубоко посаженными глазами, с обтянутыми скулами, он казался самым воплощением духовности. Сила Духа проступала во всем его облике. Голос его, не сильный, но богатый интонациями, невыразимо, потаенно-страстный, убеждающий, достигал самого сердца. Сжигал в нем все суетное, освобождал от греховного, очищал... *«Он пел, и в душе заземливалось»* (8 VIII 43). Его служба, месса, была выражением глубочайшей веры и упования, он как-то сам весь растворялся в призывании Бога в наши души... До сих пор звучит во мне его проповедь о Святом Духе. Heilige Geist... После его проповедей, после его Святой Мессы хотелось не святости, но земных подвигов: «быть хорошей», быть достойной Патера, много работать, много учиться. Присутствие Патера в нашей жизни примиряло со смертью.

Преклонению перед Патером способствовало и то, что мы осознавали его интеллигентнейшим человеком, близким нашей довоенной жизни. Как-то у него на столе я увидела рисунки – виды гатчинского парка. Другой раз – шахматную доску. Вместе с другими офицерами, находившимися у него в комнате, Патер весело смеялся, когда я им живописала забавную сцену об испугавшемся генерале, свидетелями которой мы с сестрой были (см. Дневник, 7 VIII 43).

Когда я входила, если Патер был просто в рубашке, он надевал френч.

Почти всегда Патер хотел мне дать что-нибудь. Но, угадывая в пакете хлеб, я отказывалась, говоря, что цветы – это подарок, а не обмен, но Патер возражал: *«Это тоже подарок»*. Он познакомил нас с рёг'ом (фр. père – отец, патер) Робертом. Не знаю, был ли он тоже офицер, не разбираясь в воинских званиях, мы считали его просто солдатом, *«прислужником»* во время мессы. Но потом он нам сказал, что он тоже священник. *«P. Robert Anton Arnrich»*¹¹⁷, – отпечатано на образке на память о дне его посвящения 6 августа 1938 г. в соборе г. Трира (Trier), который мы получили на богослужении 13 июня 43 г. Между собой мы звали его «Роберт». Это был не такой «высокий» священник, мы чувствовали себя с ним совсем запросто. Несколько раз он приходил к нам, приносил хлеб, как-то проводил на огород. Из его разговоров выходило, что Патер поручил ему нас. Роберт спрашивал, как у нас с едой, *«имеем ли мы какую-нибудь нужду?»* (21 VII 43). Мне нужны были очки, и Мама сообщила об этом Роберту. Он сказал отнести рецепт Патеру. Я отнесла, и через 20 дней Роберт принес мне очки домой (25 VII 43). Мне кажется, Роберту приятно было бывать у нас: он расспрашивал Маму, где и как мы жили до войны, с интересом смотрел фотографии и пристально вглядывался в папину, где он снят на работе... Роберт навещал нас... Мы ждали его прихода. В один из последних визитов он попросил написать ему наши имена и фамилию, *«чтобы он мог*

вспоминать о хорошем семействе в России» (25 VIII 43). Маме он говорил, что она «умная женщина» (20 VIII 43), «хвалил Софьюшку» (25 VIII 43), а как-то даже «сказал, что она [Зося] лучшая девочка Гатчины» (20 VIII 43).

После смерти Папы Мама несколько раз была с нами на богослужении. Однажды, когда рёге Роберт пришел к нам, просила его дать нам благословение, в другой – перевод (с латыни?) молитвы о доброй смерти. В последнюю перед эвакуацией встречу Мама спросила, сколько лет Патеру Хюбортву и сколько лет ему. Роберт воскликнул: «О!» То есть оценил мамин личный к ним интерес. Оказалось, Патеру – 37, а Роберту – 39 (27 X 43).

Образ Патера, его дар приближать к Богу, внушать надежду сыграл огромную роль в нашей жизни. Свет этой сильной личности я ощущаю и сейчас, через 56 лет. И дело отнюдь не только в религиозности, но в том духовном порыве, которым он наполнил нас...

Встреча с Патером сгладила страх, переживание утраты, все, что было связано с папиной смертью. В конце 40-х в Эстонии (Pater Yoseph Hübortv еще 8 VIII 43 был переведен в Нарву) кто-то сообщил, что после войны он стал в Германии видным религиозным деятелем.

А как смягчил нашу жизнь в те летние гатчинские месяцы, наполненные каторжным трудом, отзывчивый и внимательный к нам и такой «простой» Роберт... Дорогой патер Роберт, мы любим Вас...

Кроме немцев, католических священников, Дневник сестры представляет вереницу портретных набросков простых немцев, одетых в шинели вермахта. К счастью для нас и для понятия «немецкий народ», это были славные люди, только что в вермахтовском мундире.

Я уже писала о немце, выгонявшем нас из дома в Пушкине, а потом принесшем хлеб, а вот «герои» Дневника. Отто, утверждавший с тоской: *«Das Leben ist Langeweile»* – «Жизнь – это скука» – (15 IX 3); повар Ганс *«заставил [сестру] съесть суп, а не баланду»* (15 VII 43); унтер-офицер Мозе, который каждый раз лично давал распоряжение патрулю позволить нам собирать сучки в запретной зоне парка (25 VII, 8 VIII 43); *«с раннего утра разгружали прицеп с дровами. Но потом пришел немец, который разрешил нам работать до трех часов, и сказал, чтобы мы шли делать легкую работу»* (9 VII 43); Ганс, совсем мальчик, *«очень милый и добропорядочный немец»* (9 I 44); переплетчик Карл, *«очень приятный симпатичный немец»*. *«Он никогда не кричит, и всегда сам работает»*; Эрих из Тюрингии, *«немец с глазами поэта»*. *«К числу добрых немцев надо отнести Мартина, доброго и наивного малого»* (13 II 44).

Доктор Peter Putz¹¹⁸ в Võbs'e, молодой человек лет 25, очень высокий, почти долговязый, благовоспитанный, внимательный к больным, нашим беженцам, выделявший меня. Во всяком случае, свой первый в жизни променад по приглашению молодого человека я совершила именно с ним по весеннему эстонскому городку.

Когда вечером доктор зашел к нам и я сидела за своим Дневником, он поинтересовался, написала ли я о нем. Видимо, я действительно писала о нем, потому что спросила, как его зовут. А милый доктор с мальчишеской обидой возразил:

– Если бы я Вам нравился, то Вы не забыли бы мое имя. Я Вам его сказал на прогулке.

Хорошо, что сестрица, эта девочка - Пимен, так тщательно все фиксирует. Она записала: Peter Putz (26 II 43).

Мне казалось, что в докторе «мало немецкого». И я ему это сказала. Мы уже знали, что его бабушка из Голландии, и сестра предположила, что, может быть, ему это неприятно, и он как раз гордится своим немецким происхождением. Доктор весело смеялся, слушая наши рассуждения.

Но все же, и ведь это было уже не первый раз, что мы отмечали в немцах что-то не немецкое, с нашей точки зрения. И откуда мы могли знать, что истинно-немецкое, а что – нет? Из русской литературы? Нет, был какой-то на этот счет свой аршин. Но интуитивно чувствовали человека близкого по культуре, интеллигентности или по душевной тонкости...

«Вообще, глядя на него [доктора], мне ассоциируется комфортабельная гостиная, уют, интеллигентное общество, интересный разговор, прекрасные дамы и элегантные мужчины. Возможно, что он именно и вращался в таком обществе. Он был очень любезен с Терези». Доктор находил, что мне очень идет это имя. И называл меня Resi, сокращенное от Тереза. С другой стороны, он считал, что сестре больше подходит имя Шарлотта, Генриетта... В этом соотношении имени с личностью было ведь не только языковое чутье. Но и многое, многое другое, что дает культура.

«Он спрашивал, кем Зося хотела бы быть. Зося ответила, что имеет склонность к истории и философии. Он ответил, что для женщины больше подходит кухня, дети, спорт» (Дневник, 24 II 44).

... У доктора возникла идея уехать мне к его матери.

... Встреча с доктором, такая мимолетная, – в течение пяти-шести дней – осталась надолго в памяти. Да, собственно, она и не истаяла за все эти 55 лет! В ней было столь необходимое для меня, для нас подтверждение, что есть другая жизнь, и она как будто обещала нам эту одухотворенную жизнь...

Было в ней и смутное обетование – да будет же так! – подобных встреч, она свидетельствовала, что я могу быть удостоена вот такого церемонного ухода, что я достойна – как и сестра, конечно! – таких красивых чувств и отношений.

И еще одно (это стало ясно много позднее): эти несколько ослепительно солнечных дней с капелью и зацветающими ивами – одну такую веточку я попросила доктора Peter'a сорвать себе на память, – полных очарования и незнания своей будущей жизни, Судьба подарила нам перед новыми испытаниями, перед отправкой по этапу.

В воспоминаниях об этих последних днях февраля 44 и я, и сестра черпали силы жить...

«Маленький Антоний Падуанский», так мы звали между собой Тони, «увидев у нас такой бедный свет, принес прекрасную белую свечку, потом Зосе – роман» (23 II, 24 II, 28 II 44); какой-то офицер на перегоне в Эстонии пытался посадить сестру в машину, потом утешал и успокаивал нас, спрашивал, есть ли у нас еда. Поздно вечером он принес нам хлеба и бутербродов (1 III 44. из моей записной книжечки, Дневник – 3 III 44); офицер, студент-филолог в Эстонии, приносивший сестре книги и рассуждавший об Эйхендорфе¹¹⁹ (2 VII 44), и немец-солдат у меня на пастбище. Он вышел прямо из леса – уже шло отступление. Мы поговорили о книгах, о том, что их нет, и он, спросив, буду ли я и завтра на этом месте, пообещал принести что-нибудь на другой день. И принес – «Peter Schlemils wunderlare Geschichte mitgeteilt von Adelbert von Schamisso»¹²⁰, книжечку немецкого романтика. Книжка у меня жива до сих пор. Солдат предостерег меня, чтобы я не ходила одна на пастбище: «Среди солдат могут быть и плохие люди». Как счастливо я переживала эту встречу с интеллигентным человеком, как благодарила за нее судьбу!

Были, конечно, среди немцев и насильники (см. Дневник, примечание к 7 IV 42), и жестокие надсмотрщики, как обергефрейтер Иоганн-комендант (13 II 44), но в непосредственном контакте мы были все же с по-хорошему простыми и порядочными людьми.

Бог нас спас от лагерей в их чистом виде...

...29 ОКТЯБРЯ 43 Г. С ЭШЕЛОНОМ БЕЖЕНЦЕВ МЫ БЫЛИ ВЫВЕЗЕНЫ НЕМЦАМИ ИЗ ГАТЧИНЫ. Это была принудительная «эвакуация»: «[...] Сегодня пришел немец с переводчицей и приказали быть готовыми» (26 X 43). Сестра в Дневнике с тщательностью профессионального документалиста описала дни, недели этого путешествия. Гатчина – Тарту в поезде, Тарту – г. Ряпина – на барже по реке Эмайоги – остров в Чудском озере, деревня Колпино 8 – 9 XI. Новая эвакуация: 20 II 44 – Колпино – городок Võbs – пешком и на машинах по Вырускому уезду Ласвинской волости – деревня Туютсмяэ – 7 III 44. На каком-то из перегонов по совету одного бывалого эстонца, говорящего на многих языках, мы решили

остаться в Эстонии. У нас были финские фамилии, и принявшим нас эстонцам этого казалось достаточно, чтобы иметь возможность помочь нам. Вероятно, сыграло роль и то обстоятельство, что мы, четверо подростков, представляли собой потенциальную и дешевую рабочую силу. Сразу четыре пастуха!

Брат вспоминает: *«Мы осели в богатой крестьянской семье Пааль. Что меня поразило, так то, что нас накормили отличным прозрачным куриным желе с клецками и вообще пища была такой, какой я не видывал и не пробовал»* (1996).

Месяца полтора прожили у Людвиг Кютта. Мы с сестрой пилили по хуторам дрова. Матвей даже успел походить в школу. Учительница начальной четырехклассной школы, немного говорившая по-русски, давала ему задания, помогала с эстонским. *«Место под солнцем» я забронировал отличным знанием географической карты, в том числе Эстонии (рассматривать карты и атласы – мое хобби)*. На лето устроился по соседству, метрах в 600 от Мама. Его хозяева Палувееры были вполне доброжелательны, особенно хозяин, но, когда Матвей на пастбище ревел, то хозяйка ему кричала: «Kurradi molio» (эст. – чертова харя). А Мама бежала успокаивать мальчишку. Ведь Матвею было всего 11 лет! И занималась с ним немецким языком... Мама, бабушка Дуня и Андрей остались у Кютта.

Семь с половиной месяцев прожили мы в южной Эстонии среди эстонцев, на хуторах и среди хуторов...

Дневник «Жизнь в оккупации» охватывает и эти семь месяцев. Он дает широкую панораму жизни не только членов нашей семьи у разных хозяев, но и раскрывает особенности жизни хозяев-эстонцев.

Впервые мы так полно ощутили себя в лоне природы, просто даже частью ее. Весь ритм жизни и работы был связан с восходом солнца, с полуднем, с жарой или непогодой, со всем циклом сельскохозяйственных работ. Нанимали нас пастушками, а две трети своего рабочего времени мы работали батрачками. Работали много, уставали страшно: работы всегда было через край. Но и хозяева работали так же интенсивно и все вместе. Это уклад жизни. В воскресенье они ездили в церковь, отдыхали; некоторым образом, нам тоже полагался день отдыха, но все равно: скотину надо кормить и поить, коров доить и пасти.

Сестру кормили сытно и вкусно, меня держали впроголодь: *«Зосе у ее хозяев очень плохо, все время плачет и очень мало ест, нет времени сделать кровать и причесаться»* (25 V 44). Моя хозяйка была скупая и необычайно жесткая старуха. Но это не было ее отношение лично ко мне. Ее патологическая жадность в округе была всем известна, как и то, что больше недели ни одна работница у нее не выдерживала. Маме советовали забрать меня от нее. Но из чувства собственного достоинства я решила, что не имею права нарушить подписанный трудовой договор, и отработала весь срок. Ни малейшего намека на какое-то пренебрежение к нам, как к советским или русским, мы на себе здесь никогда не чувствовали. Ко мне даже посватался «старый холостяк», ему было за 30. Он очень просто сделал свое предложение:

– Выходи за меня замуж. У меня есть самогонный аппарат.

Помогало жить восприятие природы: изумительно красивые, живописные ландшафты, песчаные дороги, синие прозрачные дали, перелески, опушки, полянки, много полевых цветов, лесных ягод... И где-то вдаль – вдаль, на линии горизонта, медленно тянулась темная живая полоска проходящих поездов.

Но и сами усадьбы были облагорожены трудом нескольких поколений владельцев. Верными спутниками и свидетелями их пребывания на Земле были старые деревья, дороги, въезды в усадьбу, обсаженные деревьями. После этих культурных деревенских гнезд так тяжело было видеть голые российские...

Каждый хутор – маленькая заповедная автономия. У моего хозяина Готфрида Цено было 40 га земли. Не пашни, а всего вместе: лесок, болотце, сенокосные угодья и т. д. По обочинам дорог, по краям полей выложены груды валунчиков, память о леднике. Каждый год плуг выносит на поверхность еще один неправильный кругляшок, и его относят к гряде. А потом,

может быть, и уложат в цоколь дома, в стены сарая. Цвет камней, обмытых дождями, – одна из красок Эстонии.

Мы выучились доить, сушить сено, подавать на стог, вязать рожь, работать на молотье... И все же успевали читать, писать дневник. Наши хозяева, думается, понимали, что мы достойны какой-то лучшей доли, и по-своему смягчали нам участь. Готфрид привозил мне из Выру французские журналы. Prova (эст. – госпожа) Vera, жена брата Готфрида Вольдемара, человек городской и интеллигентный, – ей пришлось в войну жить у свекрови – как-то, когда Люся пришла ко мне и vana em'ы (эст. vana ema – бабушка) не было дома, пригласила нас к завтраку. В саду стол был накрыт белой скатертью, стояли цветы.

Узнав так близко эстонскую жизнь изнутри, нам не пришлось тяготиться, мучиться тем, что и после войны мы остались в Эстонии. Мы понимали эстонцев.

Эстония – наша ранняя юность.

Когда я много лет тому назад начала работу над «М», у меня не было в руках Дневника сестры. Но, как только я его получила, в начале 90-х, я сразу поняла, что это РЕДЧАЙШИЙ ДОКУМЕНТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, равноценный «Дневнику Анны Франк» и «Дневнику Тани Савичевой». Решила опубликовать его, не дожидаясь конца всей работы над этой частью «Судьбы».

Насколько мне известно, такой книги, уникальной по полноте воспроизведения жизни на оккупированной территории, в нашей документалистике нет. Особую ценность дневнику придает то, что все увиденное зафиксировано не взрослым идеологически сформировавшимся человеком (ср. В.А. Пирожкова «Потерянное поколение»¹²¹), а девочкой. Девочкой из семьи русских интеллигентов, отбывших советскую тюрьму и ссылку.

Поэтому я считала, что в заглавии книги должна была быть эта информация: чей дневник? кем написан? В нем должно было быть сочетание двух важнейших, ключевых, знаковых понятий: «оккупация» и «девочка». Сестра не приняла моего варианта заглавия, настояла на своем: «А я – автор!» Доводы сестры: «Какие же девочки в 15 лет?» Но мы были «девочками» еще и в 20 лет! И — «писала Люся, а не Юлия». Я возражала против теперешнего пошлого сленга «Люся». Ср. «Маша Распутина», «Люба Успенская» etc... Поди пойми, о ком идет речь, о молоденькой девушке или о зрелой женщине. Да и Анну Франк, наверное, в семье тоже звали уменьшительно-ласкательными именами, а книга называется «Дневник Анны Франк». Много подобных примеров приходит на ум.

Я считала, что должно было быть так:

Юлия Хордикайнен

Жизнь в оккупации
Пушкин · Гатчина · Эстония

Дневник девочки

А теперь в названии моей книги не мой слог, не мое лицо. Кому-то эти разночтения покажутся несущественной мелочью, но меня поймет тот, в чьем сердце и уме когда-нибудь рождалась именно КНИГА, и кто потратил на ее создание столько сил, нервов, времени и средств, как я.

А шрифт обложки... какая-то корейская шинковка... Реакция сестры: «Да я и не заметила»...

Ах, что говорить...

Книга «Жизнь в оккупации» вобрала в себя и самый сложный, отчаянный переезд в Тарту в ноябре 44 г, и устройство на новом месте, и начало учения в школе. Она заканчивается 9 мая, днем Мира. Тогда ведь не говорили о Победе, говорили о Мире. Снова наступило мирное время...

Я продолжаю рассказ о нашей жизни дома.

НАША ШКОЛА НА УЛ. LINNA (ГОРОДСКАЯ).

Долгие годы главное воспоминание: девочки и мальчики, напевая себе, танцуют у доски в перемену. Мы с Люсей сидим за партами.

– Соня, Юля, идемте танцевать!

Но у нас дрожат коленки от голода, хотим есть, как почти всегда, да и танцевать мы не умеем. Танцуют дети тех ответственных, важных работников в Советском Тарту, которые приехали из Союза строить в Эстонии новую науку, начальствовать в торговле, на железной дороге, в Эстэнерго... В классе было несколько человек местных русских, кое-кто корнями из Пейпси (Чудского озера), там, где Мустве, Калласте. Все они были или богатыми в нашем представлении, что так и было на самом деле, или все же обеспеченнее, чем мы. Не помню, чтоб у кого-то из одноклассников в семье было четверо детей и только одна мама да еще бабушка.

Прошедших оккупацию, таких, как мы, больше не было.

Учение в школе, по правде сказать, нас мало увлекало, или, точнее, мало давало. Мы все больше сидели дома, и при копилке сами читали по-французски или по-немецки, читали дореволюционные учебники по истории Ключевского. Просто много читали и упорно искали свет где-то там впереди. Часто спрашивали друг друга: ну что тебе светит... Особенно насыщены внутренней жизнью были первые два года в школе, когда нас многое отъединяло: и то, что были в оккупации, и то, что не кончали вместе со всеми учебный год, а ехали пастушить, и то, что возвращались в школу не к 1 сентября, а позже, после летнего батрачества, и наше полуголодное существование.

Иногда в школе появлялись блестящие учителя. Такие, как преподаватель физики Глеб Александрович Бихеле¹²². Как ясно, кратко, выпукло объяснял он законы физики! Все было понятно. И все было очень системно, последовательно записано в тетради. Но главную свою роль он сыграл в нашей жизни не как учитель физики. А как личность, в которой мы угадывали большой, свежий ум, высокую культуру, чувствовали в Глебе Александровиче внутреннюю страстность, приглушенную отличным воспитанием, великолепное чувство собственного достоинства, ироничность. Это был человек другой общественной среды, не из нашего советского коллектива... И это был молодой, стройный элегантный молодой мужчина. Брюнет в сером костюме. Все были им очарованы, а уж мы с Люсей... И вот однажды, весной, мы идем из школы и он – впереди с девушкой. Может быть, он говорил слишком громко или мы шли слишком близко, но до нас явственно донеслись слова: «Кватроченто, Тинторетто, треченто...».

Господи! Что это такое?! Узнать! Приблизиться к тому, что знает Глеб Александрович! Стали брать из библиотеки книги по искусству.

В эти три года школьной жизни мы все-таки превратились из личинок если не в бабочек, то в куколок: все почти внутри в нас уже было то, что составило смысл жизни на долгие годы в будущем.

К н и г и . Читали по-немецки и по-французски, конечно нет-нет со словарем. Это было небыстрое чтение, но уже не как урок, с наслаждением, чувствуя язык.

Массу книг для чтения брали в «Русской библиотеке» у Татьяны Николаевны Шмидт¹²³. Это была невысокая, даже маленького роста, очаровательно-женственная полненькая дама бесконечного терпения: все найдет да еще и подскажет, что надо прочесть. Татьяна

Николаевна, по-моему, всегда улыбалась, а мы-то были очень серьезные девочки! С благодарностью вспоминает Т. Н. Тамара Милютинина в своей интереснейшей книге «Люди моей жизни»: «Большое значение имел в Тарту «Магазин русской книги». [...] В магазине царил атмосфера доброжелательности, многие заходили ради общения с умными начитанными людьми.

Такое же значение имела в Тарту «Русская библиотека», где ее заведующая – Татьяна Николаевна Шмидт – могла посоветовать, что почитать»¹²⁴.

Мы застали в этой библиотеке, теперь уже городской, это особое одухотворение, которое вносила в свою работу и в отношении с читателями Татьяна Николаевна. Она была к нам очень расположена!

С ее дочерью Верой¹²⁵ мы потом подружились. Вера знала и любила нашу Маму, переписывалась с ней, когда Мама стала жить в Ленинграде. Вот что писала В. Шмидт сестре, получив известие о смерти Мамы (январь 1979 г.), на двойной открытке с розами:

«Дорогая Люся!

Эти розы снесла бы на могилу Вашей мамы, если бы их имела. Она любила Жизнь и Красоту! Как помню ее теперь в тот летний день (в июле?), когда увидела в первый раз ... на вокзале, среди детей, такую красивую и заметную, что я сразу отличила ее. Как просто и спокойно она держалась – а ведь приехала с детьми в чужое место, к незнакомым людям...

Рада, что повидала ее еще летом в последний раз! [...]

Целую Вас. Вера».

Концерты симфонического оркестра театра «Ванемуйне». Театр был синкретический, в нем было все: опера, оперетта, балет. Но ближе всего – симфонические программы. Ходили почти всегда с Мамой. И все – повторяется, к счастью: в Уфе я хожу на симфонические концерты оркестра Оперного театра с внуком. Ходим уже года три. Как-то спрашиваю: «Понравилось?» – «И даже очень!» Мальчику скоро 15 (зима 98-99).

П р о г у л к и . Они получались естественно, так как в школу ходили пешком сперва по нашей, заречной, стороне, потом – через мост у Крытого рынка, потом – по старым улицам... Мимо маленьких деревянных домов, разных, но близких по духу. Крыши, размер и форма окон, всегда аккуратные и чистые крылечки под козырьком, парадные, цвет домов – сплошные пастели – все было другим, не как в Пушкине или Гатчине, и мы понимали: по-европейски уютно. Колорит города резко менялся от погоды – то праздничный, радужный в солнечный день, то поблекший, посеревший в непогоду.

Дневники. Письма. Это форма жизни ума и сердца окрепла в нас в Тарту. Дневники мы вели скорей всего потому, что не умели, не смогли бы, если бы и захотели даже, проговаривать вслух то, что казалось важным, неповторимым лично для себя. Тайн не было. Какие тайны: вся жизнь на глазах друг друга! Но что-то отдельное, сокровенное, даже цитата из книги, казалось таким твоим личным опытом, что вслух сказать – как-то обесценить его.

Это я сейчас, в ноябре 94, хочу понять нас, тогдашних. Может быть, мы писали дневники еще и из интуитивной потребности сохранять свою индивидуальность? Потом вообще мы уже тогда тяготели ко всяким мемуарам. И тоже из-под подкорки шло это желание остановить мгновение. Сейчас мне пришло в голову еще одно соображение: так непохожие на девочек в классе – у нас и подруг не было тогда! – так близкие друг другу – близнецы! – мы, вероятно, через дневник как-то осмыслили и утверждали себя в окружающем мире и для себя самих, для своего Я.

Как только стало можно писать письма в Союз, Мама написала Наталии Константиновне Бриммер в Ленинград. И все годы нашей тартуской жизни нам сияли письма Н. К., присланные Маме. Мама читала нам их вслух. «Дорогой Юлич!»... Это были чаще всего самодельные узкие конверты с красивой маркой, подписанные так, как может надписать конверт художник-график. А красные строки? А прописные буквы?! А манера складывать письма – все дышало безупречным высоким стилем, было знаком какой-то высшей Культуры.

Письма Н. К. не только приближали нас к повседневным заботам Н. К. о семье, о сыновьях, но открывали нам духовный мир Ленинграда: Н. К. писала о выставках, о ситуациях в ЛОСХе (Ленинградское отделение Союза художников), что было трудно понять, много расспрашивала Маму о нашей жизни... Постепенно мы начинали думать о Ленинграде, о себе в Ленинграде...

Не могу сказать, что 9 Мая стало самым счастливым днем в нашей жизни. Счастливые минуты мы испытали, когда впервые увидели наших солдат, когда кончилась для нас оккупация, 13 августа 44. Вот тогда была радость! Мы и сейчас жили голодно, надо было искать места, куда наняться на лето. Профессор Нуут, министр просвещения (мы ездили к нему в Таллинн), разрешил нам сдать экзамены досрочно (см. «Дневник», примечание к 1 V 45). В четыре дня мы сдали восемь экзаменов. Г. А. Бихеле спросил о причине такой спешки, не собираемся ли мы уезжать. (По городу ходили настойчивые слухи о том, что всех советских, бывших в оккупации, будут увозить).

«Зоя ответила, что мы должны идти работать, чтобы иметь возможность учиться. Пришли голодные, съели немного брюквы, и сейчас я уже занималась по-французски. Но вообще ничем не хочется заниматься» (23V45, среда).

Мы написали Цено, и ответила Вера Цено, чтоб приезжали. Я отправилась на вокзал, но билета мне не продали: нужно разрешение на печатном бланке. В этот же день знакомая приводит женщину, Люся дома, ее берут в пастушки и приезжают за ней. Снова вполне приличная семья, хорошая еда: *«кушала булку с маслом», «волю покушала булки с маслом. Это весьма приятная вещь» (5VII45, воскресенье).* [Откуда у сестры это «покушала»?! Ни Мама, ни я так не выражались...] *«Я считаю дни, сколько прошло и осталось, хотя в этом нет необходимости. Ем я хорошо, а в поле провожу большую часть дня, днем тоже сплю один час» (4VI45, понедельник).*

[Вчера] *«во время пастьбы вдруг увидела идущую Зою. Она, оказывается, пришла в соседнюю деревню, куда ее наняли, но ей там очень не понравилось, главным образом, много солдат. Вечером она хотела сходить еще в другое место, а, если и там не понравится, то решила идти домой. [...] Утром приходила Зоя, там ей тоже не понравилось, и она собиралась сразу же пойти в город. Бедненькая Софьюшка! Сколько ей еще пройти!» [Пройти километров 13-15.]*

«Когда я пришла утром с поля, мне дали на завтрак молоко, масло, сыр и хлеб. Прекрасный завтрак, да и вообще здесь, кажется, еда хорошая» (31V45, четверг).

В эти же дни:

«1VI45. Пятница. Тарту.

Мне так последнее время не хочется писать, тот же «страх», как перед исповедей [такая орфография!]. Дневнику надо рассказывать, верить, а это требует внимательности, доверия, откровенности. Нет сил сосредоточиться: то хочется есть, то руки слабы, то не по себе.

Ведь у меня такое малокровие и так расстроены нервы. Я на днях была у доктора Пашкова¹²⁶, здесь очень известного. Визит был вызван огромными сердцебиениями, нервностью. Пашков нашел, что все это связано с увеличением щитовидной железы. Доктор прописал лекарства: микстуру и витамины С и В. Я их принимала, стала спокойнее, но теперь микстура кончилась, и нервы гуляют снова...

Наша та chère устроилась здесь неподалеку в 13 км от Тарту. Хозяева ее, кажется, ничего, еда тоже. Бог даст, если все кончится благополучно, то Люся получит за 3 ½ месяца: 4 мешка картошки, 3 пуда ржаной муки, 2 пуда белой муки, 10 кг свиного мяса, 2 кг масла, 1 кг мыла, 10 кг крупы, платье, 700 руб. денег. Дай Бог, чтобы ей было хорошо!

Сейчас был ужин. Мои мысли приняли другое направление. Мальчики сделались невыносимы. Да и мама... Мама теперь молит мальчиков: «Ах, будьте потише! Не могу я выносить такого гама!» Маму мучит постоянное балаганство Андрея и Матвея: они сделались теперь почти невыносимыми. Матвей невыносим: он горланит, кричит, гогочет,

смеется, фунькает [пукает], рыгает, он целый день шумит, правда, нервов нет. А ведь целую зиму так и было: дайте мальчикам возможность смеяться, жить, не быть монахами. А теперь жалкие слова, жалкие мины: «Прекратите! Перестаньте!» А ведь, если бы надо было здесь прожить больше, то жизнь сделалась [бы] поистине адом. А все мама! Теперь у нее понос, так она не хочет принимать лекарств, говорит, что пройдет само, пьет молоко, как будто не знает, что его при поносе нельзя пить, из прокисшего супа вынимает картошку и ест ее! А потом: «Я слаба, я худа, я больна, у меня вот уже неделю понос». Противно.

И сейчас с дровами: нам всем надо уезжать, надо им [братьям] распилить дрова, которые есть, но тупой пилой это трудно сделать и толь» [продолжения нет!].

Уверена, это вырванная страница из дневника. Написала, чтоб облегчить душу, и, хоть все написанное – правда, но не вся правда нашей тогдашней жизни. Полуголодное существование, какая-то безнадежность и душевная усталость от бесконечной борьбы за самую жизнь ожесточили меня, может быть, больше всех. Если уж и сейчас я «слишком эмоционально» говорю, как считает Сергей («Не так эмоционально!» – постоянный его корректив), то что же было в юности! Ведь мое «говорю» означает живейшую реакцию, отклик, это мое действие. В этом смысле я мало изменилась.

Но вырванный листок означает, что я сознавала свою неправоту по отношению к Маме, понимала, что и сама выгляжу отталкивающе.

Наверное, листок-таки попал Маме на глаза, и она его сохранила (27II95).

Ищут места и братья: «Вчера около обеда приходили Андрей с Матвеем. Они ездили в Убги, но там им сказали, что они не нужны. Здесь им удалось устроиться недалеко от меня» (7VI45, четверг).

Гнала нас по чужим углам на хутора тяжелая нужда. Мы, наша семья, не имели никаких опор или подпорок в жизни. Одни! Одни почти что в чужом городе, ведь прошло всего полгода, только шесть месяцев, как мы приехали в Тарту.

...Устроившись на лето, Андрей сразу написал своей крестной Н. В. Педьковой. Его письмо было вложено в мамино. Н. В. отвечает Маме и Андрею 21VII45:

«Милый Юлич,

я жива, получила твое письмо, к которому отнеслась, как к чуду. Была почти уверена, что Вы все не уцелели. Пожалуйста, убедись, что я существую, и напиши подробнее о себе, о том, что и как предполагаешь устроиться дальше. Я прожила в Ленинграде до сентября 1942 года, то есть всю голодовку. К этому времени я так дистрофицировалась, что уже дальше не годилась на работу и попала в Самарканд. Вернулась оттуда в октябре 44 года. [...] Работаю редактором в Главной Геофизической обсерватории, где работал до конца своей жизни Лев Васильевич [Келлер, отчим Н.В., талантливый математик].

Жизнь сурова. Всю зиму прожили вчетвером в заколоченной кухне, так как комнаты без окон, без стекол (а их не достать). Сейчас расселились на лето и живем, как на балконах, без окон. Работаю еще на огороде, ухаживаю за картошкой.

Вспоминаю с нежностью Самарканд за его тепло, экзотику и робинзонаду, подобную той, что мы с тобой переживали в свое время в Крыму в Табачном сарае.

Передай мой сердечный привет девочкам и Евдокии Дмитриевне.

[...]

Если Мария Селивестровна [так!] жива в Детском, сообщи мне ее адрес, я хочу ее повидать.

Буду ждать от тебя письма.

Твоя Н.».

«Милый Андрей,

очень рада была получить от тебя такое неожиданное письмо. Теперь, раз ты меня разыскал, пиши больше и чаще. Я прожила половину блокады в Ленинграде, а потом уехала в Среднюю Азию, в город Самарканд, где зимой можно почти всегда ходить в летнем пальто, а в июле и в августе печь яйца и яичницу на песке и варить суп в ящичке, покрытом стеклом,

на которое падает солнце. В феврале там растет густая трава, в марте ее косят, а летом земля, как глиняный пол в хате.

Напиши, Андрюша, как Вы попали в Тарту, что делают сестры, что предполагаешь делать ты сам после школы. У кого живешь на заработках и что зарабатываешь в деревне.

Твоя крестная».

Штамп «Просмотрено военной цензурой 18697».

Мои письма из Trangi talu. Первое – без даты:

«Дорогая мама! Если бы ты знала, как мне грустно и тяжело! Только ты, пожалуйста, не пугайся: все начавшееся кончается!

Дело в том, что хозяйка меня беспрестанно учит: как надо тряпку после процеживания мыть (!), как и сколько подстелить соломы в хлеве, что я должна есть мясо, пить молоко, когда я уже не хочу (я теперь с едой не стесняюсь), что салат надо есть с картошкой, а не с хлебом, как надо пол мыть – словом, обо всем, обо всем! Это мучительно! Она сказала мне, чтобы я все свои вещи (берет, шарф, шерстяная кофта, красное платье и т. п.) снесла на стол на кухню, где между прочим: полотенце, которым вытирают посуду, полотенце для рук, носки, грязные, которые носят они в постолах, грязные кальсоны мужа с «визитными карточками» и всякое разное – тряпки, жакеты; или на чердак, где тьма моли. Это было предложено в целях приведения моей комнаты в порядок. Потом под кроватью – чтоб было чисто (у меня там были газеты и книги).

Тьма, тьма всяких мелочей. Я даже понимаю теперь, почему прошлогодняя пастушка с ней ссорилась. Про меня говорят, что я не умею дело, работу делать. Но прошлогодняя говорила: «Делайте сами!» – она умела делать дело! Я думаю, если бы я могла отвечать так, то про меня тоже сказали бы потом: «Sonja умеет работать, но очень «навстречу» говорила!» Ты теперь понимаешь? Хозяйка тоже говорит, что сперва Helge (прошлогодняя пастушка) не нравилось делать так, как нравится Prov'e, но потом привыкла и научилась. Хозяин сказал хозяйке: «Почему же ты берешь таких плохих девушек?!» Это все Leili меня информирует. Потом хозяйка хочет еще взять какую-то «tuidruk» [эст. – девушку], кажется, немолодую.

Сейчас половина шестого. Днем тоже был скандал, сцена. Я домой коров привела в ½ 1²⁰, а надо было в 11-12. но все последние дни было так, что в половине 1²⁰ или в 1. Но оказывается, что так было, должно быть только тогда, когда есть какая-нибудь работа. И я же этого не знала. Но в общем мальчики могут тебе это рассказать: они были свидетелями. Я им была очень рада. Но огорчительно, что Матвей был в рваных штанах, с грязными ушами, в темной и, по всему, грязной кофте. Было немного стыдно. (Мне кажется, это законно). Они собираются к тебе придти.

Андрей мне сказал: «Все начавшееся кончается. Не обращай внимания. Ведь тебя предупреждали. Ты получишь свое жалованье – ну и хорошо...».

Но все хорошо, то есть я хотела написать – грустно.

Но как ты поживаешь, милая мама? Как дрова? Побелка? Еда? Жаль, что не было тебя в пятницу. Я почти ничего не читаю – нет времени. Читаю «Зеленую дверь» и хочу все забыть. В дневник писала мало, так как пишу тебе и бабушке Мане».

3VI45. Вторник.

«Дорогая мама, я целый день говорила с тобой, вернее рассказывала тебе мою жизнь здесь, искала и находила «за» и «против» моего существования, и почему все же так выходит плохо. Теперь мысли все ушли, они уже не вернуться, но я рада, что их думала. Если бы ты знала, какая это тоска – житье! Я хочу кусать себе губы, щурить глаза, напрягать как-либо мускулы, чтобы только не замечать ощущения отвратительной непригодности, боязни выговора и т. п. И, главное, я не чувствую себя очень плохой и виноватой. Но, подумай, если кто-либо будет все, все указывать, во всем, во всем поучать, то ведь никто чист не будет. Огромное множество замечаний! И сегодня еще только 3^{ве}.

Только ты не представляй себе ничего ужасного.

Теперь вопросы и просьбы: есть ли котенок и как назван? Было бы хорошо, мне кажется, «Чернышевский» в честь нашего черного довоенного. Если есть возможность купить по карточкам сахар, то нельзя было бы мне получить (через мальчиков) несколько чайных ложек: я хотела бы сделать себе гоголь-моголь. Я надеюсь, другие не будут в очень большой претензии, но у меня здесь есть возможность (совершенно открыто), и мне очень хочется.

Потом, не могла бы ты купить или хорошую открытку, или томик каких-либо стихов эстонских, так как здесь 13ое будет день рождения Leile, здешней девицы, которая здесь очень влиятельна, так как имеет острый язычок. Если стихи, то, конечно, недорогие, и, я думаю, продавец сможет сама определить годность их для такого случая.

Мама, я думаю, ты должна обязательно починить зубы и, выкрасив материал, сшить себе платье. Обязательно, не правда ли?

Как с едой? С дровами?

Сейчас уже поздно, темно. Когда я сказала, что у меня не было кавалеров, мне не поверили. Девушки думают, что сейчас в городе было по крайней мере два. Самое главное у девушек – «красота». Если бы я была потолще (бюст), я была бы väga ilus [эст. – очень красива]. Как это бедно и грустно! Здесь такие все, и обо всем сплетни!

Целую крепко. Будь здорова, того же и бабушке Дуне.

Es geht alles vorüber, es geht alles vorbei [нем. – Все проходит, все минует.]

До свидания.

Письма у меня не окончены бабушке Мане и Нат. Конст. Нет времени.

Но надо же кончать.

Спокойной ночи.

Если письмо придет к Люсе: Я тебя очень люблю, та chère, но думаю, что ты счастливее меня. [Ах, Боже мой! Сколько невысказанного в этой неловкой фразе, сколько подтекста! 16 II 95] Как ты поживаешь? Fröhlich [нем. – веселая, бодрая]? Читаешь? Пишешь? Думаешь? О чем? Ну, Бог даст, все пройдет, мы поумнеем и не будем ссориться. Придешь ли ты ко мне? Я тебя и мальчиков жду и буду вам очень рада. Только за Матвеем надо проследить, чтобы был в «приличном», опрятном виде, а не так, как в тот раз. Целую. Жду. Привет.

Das Leben ist Qual [нем. – Жизнь – это мука].

Ах, скорей бы!»

...Наши городские распри забыты. Мы навещаем друг друга по воскресеньям, ждем этих встреч. Дневник сестры: «В обед приходил Матвей, и мне всегда делается веселее от этого» (30VI, суббота). «Вечером, когда я ужинала, пришел Андрей и принес газету «Правда» с награждением русских академиков и научных работников. Очень приятно было видеть эти русские умные лица. В воскресенье Зося, наверное, не придет, а пойдет к маме» (19 VI, вторник). «Между прочим, Андрей курит. Начал он уже, кажется, зимой, а теперь обзавелся трубкой и табаком. С его физиономией это ему совершенно не идет. Мама это не знает» (7VI, четверг). «Вчера вечером ходила к Матвею, так как он давно не приходил. Оказывается, у него болела нога. В воскресенье он сходил к Зосе и принес от нее мне книг, но они сейчас у Андрея, и я страшно боюсь, что он их выпачкает» (6VII, пятница).

С хозяевами больше всего не везло Андрею и мне. В это лето у Андрея – ему исполнилось 16 лет 10 апреля – были жадные хозяева: кормили всего два раза в день. Он старался наедаться, набивал себе живот. Как-то, в жаркий день, в день затмения, пошел купаться с полным животом...утонул... Речки в Эстонии предательские, с воронками, с омутами...

Так жива в душе эта наша последняя встреча, как он делился со мной своим жизненным опытом.

Андрей был неунывающий парень, легкий. В школе нам на него жаловались учителя, а мы докладывали Маме. Ну вот одно из его прегрешений: стоит у доски, отвечает, а большим пальцем крутит и вертит в дырке ботинка. Видно, что и носок дырявый. Ужасно весело.

Я не могу себе представить, как Мама пережила эту смерть.

Сестра пишет в дневнике о тех днях:

«8 VII 45 г. Воскресенье.

Сегодня я ходила к Зосе.

[...] Передо мной открылась большая поляна с пнями и маленькими кустиками. Вскоре я увидела Софьюшку. Она в моей синей юбке, в белой кофточке, и ее хорошо вымытые волосы, сверкавшие и вьющиеся, были подхвачены тесемкой с бисером, она была чрезвычайно хорошенькая. Ма сhère была мне очень рада. Мы говорили обо всем и немного пособирали ягод. Но было очень жарко, и я попросила пойти лучше в дом. Зося спит в маленькой комнатушке, где стоит ее кровать и столик. На нем букет васильков и книги, а на стене образок Божьей Матери в рамке, нарисованной ею самой, и вырезка из газет с двумя солдатами на мосту в Праге, тоже в рамке. По стенам висит хозяйское белье.

Я немного поела за обедом у них, а потом пошла домой, и Зося меня проводила. По дороге я набрала букетик земляники для Айно. Вечером, когда я пришла после дойки мыть ноги, приходил Андрей. Он выглядел совсем по-эстонски в синей новой рубашке, в хороших брюках и кепке. Он ходил в город и принес мне от мамы книги, письмо и две конфетки. Мы с ним весело поболтали, он рассказывал о своей работе, о городе, о своих «прелиях» [эст. – барышнях]. Он торопился уйти, говоря, что хочет собирать землянику.

Теперь буду писать о понедельнике. Около 5^м часов должно было произойти затмение солнца. Я с нетерпением ждала этого часа, т. к. это должно было быть первое мое сознательное затмение.

После обеда, вместо сна, я пошла купаться, и решила, что буду по крайней мере один раз в неделю ходить купаться, т. к. потом чувствуешь себя очень свежим.

В поле я пошла около 5^м часов, когда затмение уже началось. Я взяла с собой черное стекло, чтобы удобнее было смотреть, и «Метту Трап». Солнце постоянно уменьшалось, и вместе с ним природа как бы менялась. От кустарников легли тени, а моя тень была темная и густая. Я решила отложить чтение, чтобы специально наблюдать все вокруг. Потом вдруг я увидела Айно, она шла ко мне, чтобы сменить меня в поле, а мне идти полоть, как я думала. Первое оказалось верным, второе – нет. Vana эта сказала мне, чтобы я пошла положить книги, а потом пришла поговорить. В начале я не поняла, что они хотели сказать, но, видя их плачущими и слыша слова: «sõpleta, uõgi» [эст. – утонуть, река] и «Андрей», я поняла, что случилось что-то плохое: Андрей утонул...

Я переоделась и написала записку Зосе, чтобы она сию минуту шла бы ко мне, а сама пошла на берег реки. Там сидели мужчины и ничего не делали. Я стала просить их искать тело Андрея. Река в этом месте делает поворот и образует как бы четырехугольник. Вода здесь бежит очень быстро, и в тот день как раз был сильный ветер.

Я думала поступить следующим образом: найти Матвея и послать его на берег, а самой пойти встречать Зою. После долгих поисков и криков я Матвея все же не нашла и пошла просто сама. Первыми словами Зоси было: «Что случилось?» Я ей сказала. Мы, обнявшись, пошли на Андрееву усадьбу, а на берег пришли в тот момент, когда отъезжала телега.

Андрея положили на веранде, и я покрыла его васильками и ромашками. Зося же пошла в город к маме. Я пошла к Матвею найти его и сказать ему. Он пас в лесу, высоком и старом, и был похож на маленького гнома. Он побледнел, когда я ему это сказала, и глаза его увеличились. По дороге он мне сказал, что он только не хочет его видеть. Я помогла ему загнать стадо и заставила его вымыться, а потом он тоже пошел к маме [«Пытаясь успокоить потрясенную маму, я нажимал на то, что нас еще трое и, если с мамой что-

нибудь случится, что же будет с нами», – из письма брата 1996 г.] После ужина я выпила кружку простокваши и пошла нарвать цветов на завтра. Утром около половины седьмого мы выехали в город, но по дороге заехали в волость за протоколом. Дома все уже было приготовлено, но теперь встал вопрос, надо ли везти в «анатомику». Но потом удалось достать свидетельство у доктора. Около обеда пришел Войлоков. Он был грустен и расстроен и потом приходил еще раз. Он похудел, может быть, от работы. На похоронах он не мог быть, т. к. уехал с пароходом.

А затем мы пошли искать гроб, и после долгого хождения нам обещали сделать на следующий день к 12 часам за 960 рублей. Дома я занялась рассматриванием фотографий и нашла одну, папину, где он снят со своими сослуживцами. Это было, наверное, летом, т. к. папа в белом костюме и вид у него такой, какой всегда бывал раньше.

Под вечер я пошла к священнику попросить его придти к нам помолиться. Его не было дома, и я пошла тогда к сестрам. Они были очень любезны, и я с одной, у которой большие глаза, поговорила. Между прочим, она сказала, что я хорошо говорю по-эстонски. Вечером pater приходил и обещал придти на следующий день.

Хозяева приехали около 12^м и потом ехали за гробом, а к 4^м часам стали собираться люди. Пришел Пиеничка и Бауман. Бауман выглядел весьма красивым, и это было очень любезно с его стороны, что он пришел. Пиеничка принес цветы.

А Нина не пришла. Вечером предыдущего дня она случайно пришла, чтобы принести фотографии и тетради по физике. Случайно, потому что, по ее словам, она каждый день собиралась. Мы были ей несказанно рады. Это единственная девочка, с которой мы могли бы и хотели дружить. Она была очень мила и вместе с тем полна скромного достоинства. Мы ее спрашивали о школе, о физике. Экзамен по физике сошел хорошо, но пятерок было с нашими четыре. Нина тоже получила 5. Она говорила, что ничего не делает, встает около 10^м; читала, а, когда уставала читать, просто сидела и мечтала. Весьма обломовский образ жизни, наверное, он ее и не пустил проводить Андрея. Она еще говорила, что, возможно, эту зиму она не будет здесь учиться, а где-нибудь в Ленинграде. Это будет очень, очень грустно.

Гроб был белый с ангелочками, и Зося на крышку прибила розы. Вообще цветов было много. Место мама выбрала на русском кладбище, недалеко от церкви, под деревьями. При опускании гроба в могилу священник служил еще раз. Мы решили, что под вечер придем еще раз посадить бегонии и цветы привести в порядок, что мы и сделали позднее.

На следующий день утром была траурная заупокойная служба и мы исповедовались. А после службы зашли попрощаться со священником. В этот день мы уезжали или, вернее, уходили, каждый к «себе», но прежде зашли на кладбище. По дороге завернули не то в склад, не то в лавку, где продаются кресты. Свой выбор мы остановили на белом мраморном кресте на гранитном камне. Стоит он 800 рублей, но зато будет очень хорошим молодым памятником Андрею.

Смерть Андрея, конечно, нечто другое, чем смерть хотя бы кого-нибудь из нас. Я бы хотела умереть, но предварительно причастившись. Андрей ведь был веселый, жизнерадостный мальчик. Жизнь ему не казалась трудной, и незначительное удовольствие причиняло ему радость. Но смерть в общем – не очень ужасная вещь, т. к. все равно рано или поздно мы умрем и смерть освобождает от многих разочарований в жизни. А на небе его встретят папа, бабушка, Сева и много знакомых. Единственное, что надо исповедоваться и причаститься перед смертью.

Ну, а потом мы ушли, а мама пошла домой. Вскоре нас посадила эстонка без нашей просьбы и подвезла 10 км. Это ведь тоже судьба и тоже Бог».

Привожу и следующую запись:

«17VII 45 г. Вторник.

Сегодня с 8 ч. до вечера возили сено. Я была занята граблением, а накладывал Верди. После каждого воза было несколько минут отдыха. Тогда я садилась на сено и отдыхала или же слегка ложилась. Утро было очень холодное, солнца не было, и на небе были темные тучи.

К обеду стало проясняться и появились облака, легкие и белые, как в Пушкине, на голубом небе. Солнце грело уже чувствительно, и такое полулежание на сене было очень приятно. Мне вспоминались различные сцены и мимолетные моменты пушкинской жизни. К вечеру я, правда, несколько устала.

Между прочим, я узнала, что соседний пастух из России. Постараюсь с ним познакомиться. Сейчас во мне идет борьба, что читать – Тернера или же поучить эстонские слова, хотя, наверное, не придется сделать ни того, ни другого, т. к. половина одиннадцатого уже».

Письмо Н. В. 7VIII45:

«Дорогая Юлюшка,

получила твое письмо сегодня и не могу придти в себя от гибели Андрюши. Напиши мне, родная моя, если сможешь, побольше о своем мальчике. Годы и война разлучили нас, но с его детства я чувствовала с ним большую связь, чувствовала в нем тонкую и слишком нежную для нашей действительности душу и боялась за него. Мне так хотелось бы знать, что пережито было Вами за все это время.

Какая нелепая и бессмысленная смерть! И единственное письмо, которое я получила от Андрюши, вложенное в твое, дышало таким мирным весельем, жизнерадостностью.

Юлич, когда сможешь, пиши и о девочках, и о себе.

Писать больше ничего не могу.

Мне кажется, что Вы так все одиноки и заброшены в чужом городе и среди чужого народа; так хочется быть с тобой в это время.

Твоя Н.».

Штамп «Просмотрено Военной Цензурой 10366».

Я пишу Маме.

«19VII45. Четверг.

Дорогая, дорогая мама, *liebe, liebe Mutti* [нем. – любимая, любимая мамочка]!

...Эту неделю делаем сено. Мне это нетрудно и нравится. Делаем только хозяйин и я, хозяйка только вчера немного помогла, вообще она страшная лентяйка. Тут мы как-то до 11 делали сено, а она, сидя дома, не могла даже подстелить коровам или пригнать их домой. Она, безусловно, несколько неуравновешенная, что она и сама признает.

Относительно чего это было? Ах, я на 5 минут позднее принесла ведро воды в кухню, так она сказала, что мне надо дать «viza» (прута) при мальчишке и при девушках. Я сказала, что тогда всем следует дать прута, т. к. все имеют свои плохие стороны. Мне, конечно, не нравятся эти шутки. А как тебе понравились бы? Вчера же по какому-то пустяку она говорила, что она мне «хвост подержит». И все смеются, и все довольны.

Мама, я могла бы тебе написать массу того, чем она меня мучает, но это бесполезно, и мне скучно.

У меня был в то воскресенье Матвей. Одет был чисто, хотя штаны были рваные. Лицо и шея у него были забрызганы грязью: оказалось, он катался на машине. Когда я немного его провожала, он с дрожащими губами говорил, что как хорошо жить в городе, что там есть ты, мама, кино, поезда, машины. Мне едва-едва удалось его убедить, что ведь в городе он проводит 9 месяцев, в деревне – только 3. Он возражал, что не 3, а 3 ½, что хотя он, конечно, начал пасты только с 6²⁰. Ему очень скучно.

Мысли мои что-то не клеются. Сейчас уже жарко, кусают какие-то мухи, ноги, руки чешутся.

Я так часто теперь хочу спать; встаю рано, ложусь поздно, днем спать не приходится сейчас. Хозяйка мне как-то сказала, что днем совсем не надо спать, когда *heinitöö* [эст. – уборка сена]. Но ведь сейчас сено, потом рожь и т. д.

Почему мои письма такие грустные?»

«20 VII 45. Пятница.

Чудесное утро: прохладно, тихо, какая-то парность и мглистость в воздухе; птицы задумчиво, слегка-слегка подают голоса. Казалось бы, все дремлет, если бы не тарактеные косилки где-то неподалеку. Эти ранние утра – лучшие часы. *Versöhnlichkeit* [нем. – умиротворение, примиренность].

Вчера мы делали сено, но уже не клевер. Я грабила ничуть не хуже других и очень удивлена была тому, как это у меня ловко выходило. И даже не очень устала.

Самое главное – нервы совершенно спокойны.

Знаешь ли, хозяин куда лучше хозяйки. Он сейчас очень загорел, т. к. ходит в одних только трусиках. Когда он работает, очень занимательное зрелище – у него необыкновенно развита мускулатура.

Мама, мама, сегодня уже 20ое. Только мне кажется, тебе наше возвращение будет очень грустно, *herzzerreißend* [нем. – сердце раздирающе]: между нами не будет Андрея. Ты знаешь, несмотря ни на что, мне в это плохо верится. Как непонятно...»

«21 VII 45. Суббота. С добрым утром, дорогая мама! Сейчас еще нет б^{тш}, я уже «в поле». Но пробуду только час или полтора, потом коров – в сад, и я пойду домой что-нибудь делать, м. б., сено. Я так устала делать сено. Вчера было очень трудно, т. к. было очень жарко и грести надо было по кочкам. У меня так болела голова, я вообще не помню худшего времени. Пот бежал дождевыми струями. Работали хозяин и я.

Мама, я хотела тебе написать вчера вечером немножко, сказать несколько теплых, хороших, ласковых слов, но я так хотела спать, что не сподвинулась их написать. Но, м. б., последний отблеск солнца сказал тебе о них.

Я сегодня видела во сне патера. Как будто кто-то читал ему русские стихи, а он раздражительно его поправлял. Ты его не встречала? Здоров ли он?

[...] Мама, а помнишь Евдокию Васильевну? Где-то она теперь и нашла ли своих девочек?

Это было так давно... Сколько лет? Мне кажется, что я очень много, много жила и потому устала. На сколько периодов, на сколько кусков надрезалась и разрезалась жизнь!

Что-то грустное, одинокое, заброшенное сегодня в природе. Тучи идут, нет они стоят, и сверкает кое-где серебристая рябь на холодном невозмутимом голубом небе. Деревья кажутся старыми, т. к. через их листву просвечивает свинцовое небо, и они от этого темные. И все тоскливо, несмело волнуется. Я так жду желтых листьев... Осени... обнаженных полей. А сейчас просто холодно, неуютно, холодно, холодно.

Мама, можно ли разгадать загадку? Загадка такова: почему мне так не везет?

Можно ли ответить на вопрос? Почему не я умерла, а Андрей?

Да, мама, Н. К. я не могу написать, потому что у меня нет такого настоящего времени. Ведь не могу же я писать, когда коровы 5 мин. стоят спокойно, потом бежать, потом опять писать».

«22VII45. Воскресенье.

Сегодня хозяйкино рождение. Гости из города. Много суетни, заботы. Обед был обильный и вкусный.

Были Люся и Матвей. Но я не могла уделить им много времени. Они пробыли недолго. Но мы с ними весело поговорили. Люся рассказывала, как она испугалась пения всяких мужчин, которые ночью пели для хозяина. Он сегодня рожденик тоже [В этих двух хозяйских днях рождениях, как в фокусе, характеристика нашей летней судьбы: у сестры – выходной день, у меня – напряженная работа, никакого воскресенья].

Целую, дорогая мама.

Как бабушка Дуня?

Как с едой, дровами, здоровьем, настроением?

Будет ли у тебя платье? Зубы?

Как с нашей могилой? Крест?

Целую.

Р. S. Все не могу оторваться. И спать хочу, и писать».

Да, я тогда ясно чувствовала, что хозяйка мучит, истязает меня морально. Наверное, других интересов и дел у нее не было. Целыми днями она ходила по саду и даже по двору совсем голая: загорала. Но это как-то и не трогало.

Помню, приходил ко мне Андрей. Утешал меня:

– Она тебе что-нибудь говорит, а ты посылай ее про себя к черту. К черту! Ну ее к черту!

Потом стало как-то полегче. После того, как я по картам нагадала хозяйке, что ночью, из «поздней дороги», к ней будут гости, чуть ли не брат, кровный родственник.

Наутро оказалось, что, действительно, ночью приходил ее брат из «metsavennad» (эст. – «лесные братья», боровшиеся с советской властью), о котором она давно ничего не знала. Было и еще одно сбывшееся гадание.

Люсиных писем этого лета нет. Если бы были, Мама их сохранила. Но так было и летом 44 года. Живя в полной благодати (по сравнению с моей жизнью у Цено), сестра не пользовалась возможностью писать и передавать письма Маме. Не чувствовала, как Маме нужно знать все о нас, чтобы быть спокойной. Тогда Мама даже выговаривала это Люсе (См. «Жизнь в оккупации» 7 V 44).

О своей жизни в августе сестра пишет так: *«Немного устала, но рада, что научилась вязать рожь. После нее начнется овес, и я в тишине души посмеиваюсь над собой, в какой переплет я попала»* (9 VIII 45, четверг). Что за «переплет»? Неужели сестра думала, что в 17 лет она проведет лето «в поле» [эст. идиома – на пастьбе] с книжкой?! Это она мерила по своему прошлому легкому году: у хозяев (была и хозяйка!) жил работник Михель, был еще и Федька. Из-за наступления наших войск и неразберихи тех дней ей вообще почти не пришлось участвовать в тяжелых полевых работах. С начала августа она жила с Мамой.

Я-то уже у Цено (я прожила у них до ноября) делила с хозяином все работы. Ведь работали только Готфрид и я. У Готфрида не было семьи. Конечно, на молотьбу, на сено приглашались и друзья, и соседи. Кстати, вообще в Эстонии это принято – толока – дружная работа на один день.

«В вечернюю часть [дня] я опять была на молотьбе. Это было для меня большой неожиданностью и весьма неприятной» (19VIII, воскресенье).

Мне у Цено пришлось всего этого хлебнуть сполна. Сердце так болело, что думала: упаду – не встану. А кормили плохо: однажды, когда Люся пришла ко мне, я спросила, принесла ли она хлеба. Видимо, просила ее о нем. Это запись в ее Дневнике 8X44. Здесь я тоже почти болела, а работала за полноценную батрачку: *«Вчера я с Матвеем была у Зоси. Она имела вид несколько лучше, но ест очень мало. Меня очень удивило то, что она не ест меда, хотя его очень много. На днях у нее болела голова так, что она собиралась послать за нами»* (13 VIII, понедельник).

«Ей [Зосе] все так же плохо живется, и она все так же продолжает считать дни. Зося думает, что в будущем ей нельзя поступать работать пастушкой, так как это «преступление против жизни» (29VII45, воскресенье).

Представляю, как после смерти Андрея и после моих писем Маменька неслась к нам, не чуя под собой ног... Со страхом и тоской ожидая встречи, трепеща за Зосю и Матвея. Люсенкина жизнь, слава Богу, текла ровно.

Да ведь и время было насыщенное знаками беды, тяжелыми предчувствиями.

Еще в городе шли разговоры об «эвакуации» – так это называлось. *«Вообще в воздухе неладно. Анни мне сказала, что будет война (10VI45, среда). «Хозяева сегодня несколько обеспокоены: в эту ночь арестовали многих людей в округе, в том числе и машиниста»* (9 IX 45, воскресенье).

Тревожно, страшно было и летом 46, снова начались аресты: *«А так кругом очень беспокойно. Много, очень много арестов. Почему, отчего? Эстонцы не понимают. Особенно это было в ночь на воскресенье. Тогда же забрали и машиниста, потому-то сейчас и не молотят»* (20 VIII 46).

«Теперь у нас живет русская девушка как работница. Из-под Старой Руссы. В России и сейчас еще пухнут люди и едят траву» (19VIII45, воскресенье).

... В нашей семье существовал миф о том, что у Зоси было много романов, а вот Люсенюку эти напасти обошли. Скорей всего и сама сестра забыла о своих девичьих увлечениях. Но – они были! Летом 44 г. много страниц посвящено Нейно и совершенно очевидно, что он не был равнодушен к сестре. Но чувство было выражено так деликатно, так застенчиво, как только и бывает в ранней юности. Но вот что примечательно: сестра отнюдь не была пассивным объектом внимания. Она подгадывала встречи, разрабатывала детально планы, где, когда увидеть «прекраснейшего»: *«Но вскоре я пошла спать, придумывая план действий на завтра. Дело в том, что мне очень хотелось увидеть Хейно, для этого надо было пробыть некоторую часть дня у Тани. Поэтому я решила так: утром, сходить к Зосе и рассказать ей все, затем от нее опять к Тане за вещами и, таким образом, к часам 11 придти к маме и от нее вместе с Зосей...» [и так далее] (27IX44).*

В это лето «он» – соседский пастух, ровесник. Мучительные сожаления о не встрече: *«Я его вообще не видела» (31VII45, вторник).* *«Должна ли я писать, что опять его не видела и все время смотрела на гору» (1VIII45, среда).*

И хотя уже были разговоры и обмен книгами, но свидания как-то не слаживались. Да еще Матвей отказался быть посредником... Этот робкий роман сам по себе сошел на нет с началом тяжелых работ, полного выматывания сил, да и мысли о школе, о Г. А. Бихеле увлекали в скорое будущее.

Сестра чутка к моему внешнему виду и к своему тоже. Вот наши портреты: *«Вчера был Иванов день. Утром я нашла до половины 12⁰⁰, а потом пошла нарвать букет цветов. Придя, переоделась и легла спать. И вот сквозь сон слышу мамин и Зосин голоса. Я вскочила и вышла в кухню. Это были они. Зося в шерстяной юбке и кофточке с голубым шарфом на голове имела вид девочки из интеллигентной, хорошей, бюргерской семьи, особенно с ее бледным и хорошеньким лицом. Мы посидели у меня, а потом пошли к Матвею, куда пришел и Андрей. Я вскоре должна была идти домой, было около 4³⁰» (25VI45, понедельник).*

С тем же сердечным интересом сестра смотрит и на себя: *«С утра нашла. Еще пять дней. Писать не хочется. Три часа. Сейчас я смотрелась в зеркало и нахожу, что в данный момент я не очень некрасива. Щеки, правда, горят, глаза слегка блестят, пунцовые губы приоткрыты (я только что скушала помидорчик), волосы окружают лицо, от этого оно не кажется столь толстым. Но, вообще, это ерунда. На улице идет дождь» (9IX45, воскресенье).*

Скорей всего, это взгляд на себя как бы со стороны перед началом новой жизни. Все-таки для школьника новый год начинается первого сентября. И я в своей учительской жизни считала 1ое сентября – Новым годом... *«Мама была в воскресенье у нас, хотя был сильный дождь. Она тоже считает дни до нашего возвращения. Зося будет работать до 5-6 сентября» (28VIII45, вторник).*

Слава Богу, кончилось это тяжелое, трагическое лето 45го. Мы дома. Без Андрея. Жизнь продолжается. Черпаю свидетельства из дневника сестры: *«Я дома. Сажу в нашей комнате и ... слушаю по радио Лемешева. О!!! Музыка, Лемешев, электричество, да оно, хотя Зося и зажгла его тайком. Дома есть настоящий шкаф» (17IX45, понедельник).*

Жизнь продолжается, но такая же скучная, почти голодная. 1го октября мы с Люсей пошли копать картошку: я – к своей хозяйке, Люся – к знакомой соседки. *«Пришли мы в восемь вечера и копали вторник и среду. В четверг утром ушла домой» (5X45).* Наша постоянная забота – дрова. Еду б. Д. варит на плите, а скоро и зима: дров надо много. Маме выдают на работе отслужившие шпалы, пилить их – адская работа. Пила сразу тупеет. *«А сегодня мы с утра поехали за дровами за город, туда, где собирали желуди. К нашей великой радости, нашли поломанную ветром ель, распилили ее и привезли домой. А потом поехали*

второй раз и тоже спилили одну, но уже сухую. Так что сегодняшний день очень напоминал дни в Гатчине, когда мы вместе с папой ездили за дровами в парк» (11 XI 45, воскресенье).

«Поехали за дровами в парк. Долго не могли повалить дерево. Привезли три толстых полена и распилили на три части одно их них» (5I46, суббота). «Вчера мы в церковь не ходили, так как решили распилить одно из оставшихся полен [...]. Ну, распилили мы все полено, и Зося пыталась даже расколоть, но не всегда успешно [...]» (7 I 46, понедельник).

«Вчера, как большей частью всегда, прибирались, и я мыла пол. Зося после всего пошла расколоть дрова, а я – чистить свои туфли [...]. Живем мы по-старому. В доме зверская холодильница. Сегодня топили печку, но это слишком мало» (27 I 46, воскресенье).

Кроме холода, нас донимал и голод. Вторая зима в Тарту была для нас мучительнее первой. Во-первых, она была длиннее, ведь тот год в Тарту у нас начался в конце ноября. Второе, не было нашего кормильца Андрея. Сколько раз он ездил что-нибудь менять, покупал что-то в Тарту, менял на продукты в Тютюсмязэ, даже промышлял тем, что перепродавал билеты в кино. Вероятно, и запас заработанных продуктов здесь был скуднее, чем из-под Выру.

«Однажды за обедом съела три тарелки супу. Вообще часто хочется есть» (27I46, воскресенье). «У меня как-то понизилось настроение, на почве материальной, я думаю. На улице вдруг ударил мороз, и у нас дома сделалось ужасно. И самое главное – еда... Придет ли время, когда я буду сыта? Мне хочется есть, и при этом пробуждается жалость к себе с маленьким отдаленным желанием плакать. Утром я стараюсь съесть кусочек хлеба и взять с собой немножко, но ведь этого очень мало с восьми часов утра до двух дня. Назавтра сварили заваруху, чтобы съесть утром. Да, опять стало плохо» (8II46, пятница). «Дома дела весьма неблестящи. Кончились картошка и капуста. На рынке все продукты стоят дорого, а денег дома нет. Мысли невольно возвращаются к летнему житью, когда было так много еды» (25III46, вторник). «У меня на коленях сидит кот. Он вообще является камнем преткновения, самое главное – относительно еды» (31XII45, понедельник).

Наш второй тартуский сезон, так сказать, мы меньше ходили в театр, на концерты и в кино. Был концерт романсов, концерт духового оркестра. А вот о спектаклях театра сестра пишет уже как искушенный зритель: *«Вчера смотрели «Севильского цирюльника». Мне перестали нравиться здешние постановки: в них как-то много шума, стука, треска, мало красоты, лиричности. Одна увертюра была хороша. А мне так хотелось услышать музыку, увидеть ее. А здесь чиханье, прыжки и т. п.» (29III46, пятница).*

Появилась новая пища для ума и сердца: лекции. Лекторы и лекции, публика на концертах (сестра скрупулезно отмечает присутствие на концертах в Зале университета Г. А. Бихеле) – по сути это была единственная возможность видеть свежих людей; герои книг и фильмов были все-таки лишь отражением жизни. Темы лекций – потрясающие: об атомной энергии, «Мир после Второй мировой войны и отношение СССР к союзникам», «Моральный облик советской женщины в тылу»... Как увлеченно воспринимает сестра личность лектора! *«Первое впечатление о лекторе было приятное: это был человек лет за 30 в военной форме лейтенанта. Высокий, стройный, аккуратно и по фигуре одетый, с бледным лицом и слегка впалыми глазами. Я порядком боялась звука его голоса, так как случалось не раз, что человек с приятной наружностью, начиная говорить, обнаруживал такую речь и обороты, что первое впечатление моментально исчезало. Мне не хотелось испытать того же теперь. Да этого и не случилось. Голос этого человека был настолько приятен, интеллигентен, красив, что мне как-то не поверилось, что я могу его слышать. И говорил он изумительно легко, свободно и, вместе с тем, умно и занимательно. [...] Но у него есть что-то другое в манере, чем у Бихеле, что-то более русское и, пожалуй, ленинградское» (30I46, среда). Сестра досадует, что я осталась дома и не послушала эту лекцию об атомной энергии.*

Другие лекции были в клубе железнодорожников, *«весьма грязном помещении»*. *«На обратном пути у нас возник с Зосей спор: интеллигентен ли он [лектор] по рождению (мое*

мнение) или же достиг интеллигентности своей работой. Оказалось, что Зося была права» (16IV46, вторник).

Настоянное на искусстве психологического портрета в классической литературе, наше восприятие внешности современников было весьма изощренным. Вот, например, на «Севильском цирюльнике» было скучновато, и мы «больше были заняты фигурой молодого человека, сидевшего впереди нас. [...] Особенно выразителен, по мнению Зоси, был рот, тонкий и отражавший как бы его мысли и чувства» (29III46, пятница).

Вторая зима в Тарту была тоже с заметным лингвистическим уклоном. Сестра читает Мопассана по-немецки. «Зося учит английские слова [чего совсем не помню!]. Я же решила им не заниматься, так как он занимает много времени» (25XII45). «Мы стали хорошенько заниматься по-французски и по-немецки. Вчера я даже писала по обоим этим предметам, затем латинский» (12X45, пятница). «Сейчас очень хочется спать, но надо еще сделать эстонский, французский и немецкий» (27IV46, суббота).

Брат пишет: «Хочу отметить, что в те годы (44-51) в нашей IV средней школе очень хорошо преподавали эстонский язык (5 дней из 6 учебных), и, кто хотел, мог его неплохо выучить. Почему потом (в 70-80 годы) все это было пущено на самотек и преподавание эстонского языка велось спустя рукава, мне непонятно. И учительница эстонского языка была русская – Галина Сергеевна Алексеева, правда, всю жизнь прожившая в Эстонии». Хотя мы уже и читали на эстонском языке – на пастбище сестра читала венгерский роман, переведенный на эстонский, – но уроки в школе помогли понять строй языка, его систему. Говорить-то, живя на хуторах, мы научились вполне сносно.

Ходим в католическую церковь, исповедуемся, ждем Рождества и празднуем его. Сестра записывает за мной такую фразу: «Зося только что сказала, что, если у нее будут дети, то надо будет всегда праздновать католическое Рождество». Сестра добавляет: «Думаю, что это верно» (25XII45). Какое счастье, что так и получилось! У меня два сына, и каждое Рождество – наш праздник! А теперь приезжает меня поздравить и внук Арсения.

Иногда и Мама идет с нами в церковь. Меня немного смущает, что с такой же сердечной прытью мы бежали на праздники и в православный храм. Вот мы спешим в русскую церковь, чтобы присутствовать при выносе Плащаницы (20IV46, суббота). «А с кино зашли на несколько минут в церковь. Туда сегодня приезжал Архиерей [полагаю, что информация была получена от б. Д.]. Мы пришли под конец и застали только благословение. Я с Зосей тоже подходили. Завтра служба будет в церкви около нас, мы собираемся пойти (15XII45, суббота). «Около пяти часов пошли в церковь около нас. Там был Архиерей. Он сказал небольшую проповедь. Его речь и выговор очень напоминают произношение Всеволода Викторовича. Я осталась до конца и видела, как он садился в сани. В длинном пальто и высокой шапке он сел в сани с другими священниками и уехал под звон бубенчиков по белой затуманенной дороге. Правда, я потеряла этот вечер, но зато увидела то, что не часто можно увидеть» (16XII45, воскресенье).

Что нас толкнуло пойти посмотреть на архиерея? Принять его благословение?

Собственно, что такое увидела сестра? Что так взволновало? Убеждена: ощущение присутствия рядом с нами другой культуры, культуры русской эмиграции. Лицо, речь, интонации, весь облик этих русских – другой мир, недоступный нам, но духовно очень близкий. А долгопалое пальто, высокая шапка, сани, бубенцы, зимняя дорога – живая картинка этой другой жизни...

Тогда мы и слыхом не слыхали об экуменизме. Но получалось, что сущность Бога открывалась нам почти одинаково и в католическом храме, и в православной церкви. Правда, православные священники в Тарту были людьми высокой духовности и высокой культуры. И паства здесь была – интеллигентное общество.

Наша жажда общения во многом удовлетворялась в письмах. Постепенно нашли всех друзей родителей, бабушку Маню, пишем, получаем ответы. В дневнике сестра всегда отмечает получение письма как значительное событие. Мне мешает протокольная

документальность записей сестры. Непременно надо было бы сказать о нашей радости – обнаружить в почтовом ящике письмо. Заглядывали в него два раза в день. И какая горячая благодарность Судьбе заливала душу за ее эпистолярные дары... Каждое письмо высвобождало нас из плена убогой действительности, придавало силы жить, рождало надежду на будущее...

«Утром получили письмо от Веры Петровны. Ей уже 70 лет, но она работает. [...] Между прочим, В. П. говорит что-то о том, что я с Зосей стоим выше остальных девочек в школе и, не понимая их пошлых интересов, не можем с ними быть довольными. В общем, новые Печорины. Завтра мы постараемся отослать письмо Вере Петровне» (18V45, пятница).

«Вчера получили письмо от Веры Петровны, она прислала несколько видов пушкинских парков, одно очарование» (31V46, пятница).

«От М. А. [Сидоровой] сегодня пришло письмо, очень хорошее и в высшей степени моральное, как всегда» (16IV46, вторник).

Новым светом наполнилась наша жизнь после такого случая: *«Вчера мама пришла и говорит: «А у меня есть для вас новость». Мы думаем, какая? А она дает нам прочесть заметку в «Правде». В ней говорится, что в Москве открывается музей Достоевского и на открытии присутствовал проф. Н. Анциферов и другой кто-то. Как только Зося начала читать, я подумала, что это, наверное, о нем что-нибудь, и оказалось верно. С некоторого времени нам с Зосей стало очень сильное желание найти крестного. Теперь мы знаем, что он жив и находится в Москве. Мы думаем написать ему письмо» (17XI45, суббота).*

«[...] Дома в ящике для писем обнаружили открытку от крестного... Он писал, что потерял Светика и от Танечки не имеет никаких известий. Что наши письма ему были горьки и сладостны. Он сообщал также адрес М. А. Сидоровой. Я уже написала ей черновое письмо. Но Н. П. не дал своего обратного адреса – это нас интригует немного» (10I46, четверг). 16I46, среда: «Сегодня в школу не ходила с тем, чтобы иметь время сходить на почту за деньгами, присланными Н. П.». «Сегодня пришло письмо от крестного. Он писал о Пушкине и там, что такое счастье, – ответ на Зосин вопрос (26II46, вторник). «Получили от Н. П. открытку. Он пишет, что видел А. Тарасову много раз в пьесах и без грима, когда стоял в почетном карауле у могилы ее мужа Москвина» (6IV46, суббота). Это ответ Н. П. на наше восторженное письмо о фильме «Без вины виноватые», который мы смотрели три раза. Правда, на третий раз фильм не произвел такого потрясающего впечатления: «Зося говорит, что больше не будет ходить по много раз в кино, что это портит первое впечатление» (3III46, воскресенье). «Сегодня мы получили книгу от Николая Павловича «Пригороды Ленинграда». Книга прекрасно издана на чудесной бумаге со многими снимками» (27IV46, суббота).

Образ Н. П. из благословенно далеких, ставших преданием, мирных времен оказывался живым, современным и еще больше воодушевлял нас.

Переписка с Н. П. соединила нас с нашим детскосельским прошлым, с нами, довоенными, восстанавливала цельность мироздания внутри нас.

Боже мой! Каким счастьем для нас всех были открытка или письмо Николая Павловича в те жестокие годы...

Приближается лето. 6IV46 сестра записывает в Дневник: *«После ужина разговорились мы [Люся с Зосей] насчет экзаменов, и выходит, что сдавать мы не сможем в полный срок, а должны будем сделать это, как в прошлом году (е. б. ж.) [выражение Л. Толстого: если буду жив]. Это будет вызвано, главным образом, тем, что у нас нечего будет есть, так как уже сейчас сделалось крайне трудно с едой. Мы сделались страшными материалистами, подчиняя все жизненные явления количеству получаемой пищи. Я очень похудела за это время, это особенно видно по платью» (6IV46, суббота). «Страшно хотелось есть. Услышала, что Матвей чем-то хрустит в кухне. Оказалось, нашел горелых корок и ел их. Тогда весь мешочек*

я принесла в комнату на стол, и мы, как голодные моськи [выражение б. Д.], принялись там рыться и выбирать менее горелые. А так как учить невозможно грызя, то хочу немного пописать» (7V46, вторник). «Живем все так же. Очень хочу есть, и паршивое настроение» (23V46, четверг)...

«Завтра с Матвеем [Матвей ведь тоже раньше кончал учебный год и позже начинал] пойдем к его хозяевам насчет того мяса, что они не заплатили. От них я должна буду пройти к своим хозяевам и спросить их о том, хотят ли они меня взять. Это, конечно, очень отягощающе действует на мое настроение духа» (19V46, воскресенье).

Экзамены сданы, но «ни хозяев, ни мест, никого...» (23V46). Свой огород у нас в порядке: картошку посадили 24 мая, а свеклу 26-28. Приезжали, было, двое хозяев, но мы с ними не сговорились. А, когда один из них пришел во второй раз, Зося ушла в баню, ну и повезло опять Люсе. «Я пишу это уже за 16 км от Тарту, из того дома, где я буду пастушкой [...]. Меня удручает, что Зося не устроилась. Ее это, наверно, очень удручает» (1VI46).

И зима-то эта была для меня, наверно, самой тяжелой в жизни. Что-то было с сердцем, со щитовидной железой. «Сегодня Зося уехала в Таллин. Это было ей предписано доктором Пашковым, когда мы были у него на той неделе» (25XI45, воскресенье). Поехала то ли для консультации, то ли для особого анализа. Но главное было в другом. Сестра глухо, иносказательно пишет в дневнике: «За последнее время мы иногда разговариваем о смысле и достоинствах нашей жизни. У Зоси довольно сильно выступает пессимизм, причина которого мне не особенно ясна. Нечто вроде того, что она недовольна судьбой, что ее характер «испортился» под влиянием небезызвестных причин и т. п. Думаю, что это ерунда.

На мой взгляд, дело обстоит проще: у нас мало средств, чтобы жить более или менее нормально, есть *Fleisch* [нем. – мясо], *Butter* [нем. – масло] или *Weißbrot* [нем. – белый хлеб, булка]. От этого происходит глухое недовольство, а ущемленность, резкость, против которых нет смягчающих средств. Они были бы, могли быть в лице интересного преподавателя, от которого исходила бы сила преобразования, вроде Бихеле в прошлом году. Раз этого нет, они должны братья из себя, а это опустошает. Но, наверно, это опять ерунда. Сейчас надо идти пилить» (9IV46, вторник).

Сестра, как уже не раз бывало, удивительно умеет не чувствовать трагичности, драматизма жизни. Через три месяца после смерти Папы она вспоминает похороны: «Гроб был оббит коричневой материей с черным крестом. Всякое грустное событие со временем заживает, делается более спокойным» (8VIII43). Умер Андрей – «но смерть в общем не очень ужасная вещь, так как все равно, рано или поздно, мы умрем и смерть освобождает от многих неприятных разочарований в жизни» (июль 45).

«Небезызвестные причины» – зимой 41 в Пушкине меня изнасиловал немец. Мне дали снотворное, я долго спала и все забыла. Но почему-то именно в эту зиму произошедшее стало как-то проступать в памяти, и я... вспомнила. Мама никогда не заговаривала со мной о случившемся, я ни о чем не спросила. Наверно, и это скорее всего так, Мама и сама-то забыла, что со мной произошло: столько всего пришлось пережить! В какой-то мере я проясняла ситуацию с сестрой, но она не придавала значения моему положению и находила одно простое объяснение Зосяному настроению: голод. Я-то полна тоскливых страхов перед будущим, и они мне отравляют жизнь. Именно весной 46 я думала о монашестве.

Не вникать, но уберечь себя от «лишних» переживаний – это, конечно, не было сознательным выбором: так работала подкорка.

И теперь еще это: у меня нет работы, нет пропитания. У сестры вполне приличные хозяева, между утренним завтраком перед выгоном в поле и обедом ей на пастбище приносят перекус: кофе, яйца, хлеб. Иногда завтрак просто царский: творог, яйцо, булка с маслом, кофе. Какая пропасть с тем, что у меня дома. Места на хуторе не нашлось, работаю в городском хозяйстве на Яма-мызе, здесь выращивают овощи.

6VII46. Пишу сестре открытку в *Argu talu*:

«Здравствуй, моя милая ta chère! Прости, что не пишем тебе. Но почти каждый вечер огород. Было масса полки, теперь прореживание, и уже срочно надо окучивать второй раз. О чтении и не думаем. По вечерам так хочется спать, что ужас. – 30²⁰ приходил Матвей. Он уже, в добрый час, немного поправился, но ему, по-видимому, тоже в этот год нелегко. – Прекрасно было 23²⁰ в Церкви [23VI, в воскресенье, праздновали в церкви Иванов день, день Иоанна Крестителя, который приходился на понедельник], кое-что напоминало Пушкин. – У нас маленький коток. – Едим протертую свеклу. – Вчера получили письмо от тети Розы. Едят лепешки из щавеля. – Было письмо от Ник. П. Он уезжал на полтора месяца из Москвы и забыл взять наш адрес. Оттого не писал. До свидания, meine Liebe [нем. – моя милая]. Вспоминаю Патера, Роберта, Тони, доктора, других».

Сестре помогает жить фантазирование: *«Во время работы я стараюсь фантазировать. Одна из фантазий была особенно интересна»* (25 VI 45). *«Несколько пастбищ фантазировала на старую тему, но с прежним интересом»* (21 VI 46).

«Из дома получила от мамы письмо, где она писала, что Зося находится часто в раздраженном состоянии и в доме атмосфера, как на вулкане. Бедная моя сестрица, ей, наверное, очень тяжело это все, особенно с бабушкой Дуней. Главное, у них мало еды» (7 VIII 46, вторник). *«Недавно получила письмо от Зоси, очень грустное относительно ее отношения к бабушке Дуне. И все же она права»* (1 VII 46, понедельник).

...Самое чувствительное в наших отношениях с бабушкой Дуней было то, что нас она просто не любила. Все ее мысли были с внуками от тети Нади. Кстати, ведь Мама тоже оказалась однолюбой бабушкой: любила без памяти Колю и еще детей Матвея, с которыми жила подолгу... От меня рвалась к Коле... Но, конечно, у Мама это корректировалось умом и воспитанием, ее самовоспитанием.

Было и еще обстоятельство, ожесточившее нас против б. Д.: иметь свой отдельный «кусочек» стало для нее нормой. Откуда он брался, я уже говорила. И стоит у нее на полочке в сенях в шкафчике, в «шафрейке», и свое личное масло, и варенье, и «булочка»...

А мы ведь просто голодали.

Вот одна из горчайших записок Маме, написанная на обороте «Контрольной работы по алгебре ученицы X к. Хордикайнен Софии», дата 11II 46 г.:

«Мама, бабушка Дуня спрятала сухари к себе в ящик. За что же так? И что ты хочешь от нас, от меня? Любви, корректности?! Да не будет ее никогда. У меня – око за око, зуб за зуб (так, кажется, говорят). Еще, м. б., они уедут в Канск. Будет туда посылка. Так смотри, не посылай нашего. Собственно, ты сказала, что все – твое. Но и это не так: все – папино. Если она их не пошлет и будет есть сама – тем хуже. Не требуй же любви к ней и семье. Семья дома – это она. Ты где-то на работе. А дома «не трогайте меня». Из-за этого все. Мы делаем тоже, что можем».

Но пойми же хоть когда-нибудь, это портит все, все разрушает – эти убранные сухари, отобранные конфеты, спрятанные булки после каждого праздника. Что же ты хочешь? Веры – вот она. Ты сказала вчера: «Блажен, кто верует». Да это так».

Ну, а кто не верует?»

В конце отголоски какого-то спора, не понятного мне сейчас.

Какая тяжелая, гнетущая атмосфера в семье... Мы ожесточаемся...

Явная грубость проскальзывает в речи сестры в дневнике. Значит, такие словеса звучали из наших уст и дома. *«В субботу я поссорилась с Зосей. Она взъелась на меня, зачем я не прочла устава, хотя это было не так спешно»* (1X45, понедельник). *«В поле читала рассказ Шамиссо [«Удивительная история Петера Шлемиля» на немецком языке], который мне прислала Зося. Он мне не очень нравится, но хочу скорее прочесть, чтобы «отвязаться»* (1VIII46, понедельник). Сколько энергии в этих оборотах!

Про себя, сама с собой Люсенька совсем не робкая и судит о людях с сухим апломбом: *«К четырем часам ходили к Вале заниматься алгеброй, туда должен был прийти О'Коннель [одноклассник]. Он объяснил нам натуральный ряд, то, что мы как раз не могли понять».*

Была атмосфера девушек и юношей, занимающихся вместе. Виктор – забавный, но не плохой Yunge» [нем. – юноша] (31V46, пятница).

И все! Следующая фраза о погоде...

Нет, ничего не хочу прояснять...

Б. Д. не просто домовничала, она верховодила: покрикивала на нас и обзывала... Мама все принимала, что вытворяла б. Д. с довоенных лет, – ее отношение к Севе на виду у нас всех, но что-то ведь могла нам и сказать, попытаться объяснить свое невмешательство в образ жизни б. Д. в нашей семье. Никогда и ничего. Мама говорила б. Д. «Вы», мы – тоже.

Меня поражает, что Мама не ищет путей внушить нам какие-то свои взгляды и на наши отношения между собой. Ее педагогическое прямое воздействие было чаще всего императивом: «дайте мальчикам возможность жить, смеяться» и «оставьте меня в покое»...

Наша квартира (квартирка!) в одноэтажном домике на Нарвской III общей своей площадью была не больше 25-26м². Это большая комната, смежная маленькая метров в шесть, кухонька метра в 4, темная: плита, умывальник, скамейка для ведер воды, на стене полка для посуды. С улицы был маленький коридорчик на глубину открывающейся наружной двери, стеклянная дверь в самое кухню. По одной стене коридорчика – неглубокая кладовка. Прекрасная белая кафельная печь топилась из кухни и порядочно выступала углами в обеих комнатах. В печи была прямоугольная ниша, в которой мы по очереди отогревались. Колодец, сарай-дровяник и подвал, где хранились картошка и капуста, были во дворе, уборная была пристроена к дому, но все равно, надо было выходить на улицу.

Я даже не представляю сейчас, где в первую зиму спали братья. То есть не просто теснота, скученность! Сестра учит уроки вслух.

Ну, отошли мальчиков во двор да и поговори с нами. Или в наше отсутствие достучись до их сердец...

Непостижимо, как Мама в нашей тесноте, при взрослых дочерях, сохраняет автономию своей собственной жизни. Думаю, это было возможно благодаря нескольким обстоятельствам. Мама много работает, то есть ее просто подолгу нет дома, даже по выходным. Работаем много и мы: учим все уроки, читаем, языки... Походы в баню, приходилось стоять в очереди. Стирка белья на нас. По воскресеньям церковь. Да еще кино, библиотека... То есть мы мало видим друг друга, времени для уютных разговоров почти нет.

Разговоры возникают относительно Матвея: нам кажется, что он отлынивает от своих обязанностей. И относительно б. Д. Но по сути дела разговора-то и не бывает. Это только выплеск наших отрицательных эмоций, Мама ведь отмалчивается. Матвей – самый любимый. Мы с сестрой согнулись на огороде – он мимо огорода идет с ребятами играть в футбол. Но, может быть, это гены б. Д.: она ведь испытывала явное предпочтение к «мужскому персоналу». Мы негодуем – Мама молчит.

На работе Мама крутит ручку арифмометра вместе с другими бухгалтерами. В этом коллективе есть свои праздники. «День железнодорожника» в первое воскресенье августа был и нашим праздником : что-то «выдавали». За сданный вовремя отчет месячный, квартальный, годовой полагалась премия, внимание начальства и хоть какая-то денежка в дом. Маме вручают значок «Отличный администратор», «*нечто вроде награды*», комментирует сестра. Как-то в отгульный день Маму вызывают на «*заседание трибунала*». Все же я надеюсь, что сестра ошиблась, и это был не «трибунал», а товарищеский суд, в котором Мама была заседателем.

Однажды Маме выдали на работе приличную юбку. Увы, вид у Маменьки был ужасный: железнодорожная шинель, несколько переделанная под пальто... Немецкий котелок с едой. Почему-то не приходило в голову как-то его закамуфлировать. Так и шла Маменька почти через весь город на свою 4^{ую} дистанцию пути.

Мама тоже пишет письма. Чаще всего Н. К. Много читает. Вечером под радио чинит, ставит заплатки. Кухня, уборка Мамы не касаются. На рынок тоже ходит б. Д. Часто Мама

является амортизатором в наших жизненных битвах: Мама договаривается об уроках с Г. А. Бихеле; находит нам девушку, которая станет нас учить танцевать...

К своему здоровью Мама относится небрежно: *«За последнее время мамино состояние внушает некоторые опасения. У нее сильный кашель с насморком и слезотечением глаз. Хотя кашель уже начался давно, мама ничего не предпринимает, а сейчас это приняло изматывающий характер»* (15V46, среда). И это вызывает в нас не только жалость, но и порядочно сердит...

На работе один сослуживец изводит Маму придирками, даже оскорблениями и угрозами уволить. Женщины в конторе утешают:

– Юлия Федоровна, да не переживайте, не придавайте значения: на каждой работе есть свой гад!

Этот афоризм весьма пригодился в жизни и всем нам.

Как только жизнь разводит нас в пространстве, как только мы не вместе, обнаруживается истинная сила нашей привязанности к Маме, понимание ее тяжелой доли.

Заканчивая свой пастушеский сезон перед началом нового учебного года, последнего школьного, сестра записывает *«те решения, что приняла за лето»*.

1. Теоремы всегда выучивать к уроку так, чтоб можно было хорошо ответить.
2. Почитать Блока и Брюсова, а также посмотреть их биографии в библиотеке, в энциклопедии.
3. Постараться прочитать побольше стихов, произведений Пушкина.
4. Гулять час или пилить дрова.
5. После ужина всегда мыть посуду и крышки, и плиту.
6. Поддерживать руки в чистоте и в порядке.
7. По субботам мыть полы в комнате и по возможности в кухне.
8. Постараться ложиться в половине 12²⁰, вставать в половине 7²⁰.
9. По приходе из школы вытирать пыль.
10. По воскресеньям ходить в церковь, желательно без пропусков.
11. Со всеми домашними быть корректной и любезной».

Дата: 15 IX 46.

Не комментирую, хотя последний пункт дает повод для размышлений.

... Запись этого дня содержит любопытную информацию о Зосе. *«Сегодня мой последний день – воскресенье. Сейчас пришла от Зоси: ходила сказать ей до свидания, но не застала ее дома. Она ушла к какой-то девушке в Кикивере»*. Что же, выходит, я какую-то часть лета тоже была в услужении? И 15 сентября мой срок еще не кончался?

Дневники сестры 45-46 гг. прочитаны, и, надеюсь, мне удалось по ним восстановить жизнь семьи в эти два года. Я опустила сквозные темы: стенания по поводу школьных предметов в учебном году (*«Все это время нет времени вздохнуть. Алгебра, геометрия, физика и химия совсем умучили»* – 17X45);

перечни тех работ, которые приходилось выполнять на хуторах;
радостные признания о вымытом поле в комнате и кухне и вычищенных крышках;
и, наконец, душевные и поэтические описания зимних, весенних, летних, осенних утр, дней и вечеров, которые так удавались сестре еще и в «Жизни в оккупации».

Еще несколько слов.

О бабушке Дуне сестра за два года упоминает раза четыре. 7146 *«Мама прошлую ночь не ночевала, у нее сейчас годовой отчет. Она хотела остаться и сегодня, но бабушка Дуня послала сказать с Матвеем, что, если мама не придет, то у нее и праздника не будет»*. *«Вчера бабушка Дуня пекла ржаные пирожки, и мы туда запекли бумажки с различными пожеланиями, и бабушка Дуня вложила уголек – тоска и лучинку – гроб. Лучинка попалась ей, мне – записка с путешествием, Матвею – дальняя дорога, Зосе – уголек, а маме – исполнение*

желаний» (29III46, пятница). Как-то б. Д. купила нарциссов (22V45, вторник). *«Сейчас пришла бабушка Дуня из церкви и говорит, что в церкви только и разговору об отъезде»* (27V45, воскресенье). «Отъезд» – принудительная высылка.

«Бабушка Дуня сегодня говорила за обедом, почему, мол, нам скучно, и все не так, как полагается. Оттого, что мы не понимаем, как надо сделать все интереснее. Одним словом, надо иметь знакомых гарсонов» (17X45, четверг). Ну, что ж, б. Д. по мере своего разумения пыталась внушить нам что-то не книжное...

Действительно, в этом плане в нашем воспитании зияла пустота. Славный парень солдат Андрей, квартировавший у кого-то в нашем дворе, несколько раз помогал нам пилить и колоть, брал наточить пилу. А однажды, *«так как мы все стеснялись выйти во двор [к своим дровам!], то он, кончив колоть, ушел. Матвей по этому поводу воскликнул: «Ну вот, зажались!»* (7I46, понедельник). Увы, Матвей точно поставил диагноз нашего душевного склада в отношениях с молодыми людьми: зажатость.

Теперь-то думаю, что б. Д. душила наша бедность. А мы ведь и до войны жили бедно. Она-то знала лучшие времена во Владивостоке. Была в ее натуре определенная талантливость, размах – развернуться только негде было. Пусть крайне редко она запекала говядину в печке, но делала это классно! А ее фаршированный картофель?! Уму непостижимо, как она ухитрилась сберечь приспособление в виде толстого штопора, который, ввинчиваясь в сырую картофелину, выбирал оттуда часть картошки и в полое пространство вкладывался фарш. Сберегла, спасла эту машинку!

Простору-то ей у нас и не было. Да еще эти девочки, такие серьезно-скучные. Не любя нас, бабушка Дуня не могла и радоваться каким-то нашим успехам или жалеть нас.

К «мужскому персоналу», к братьям, она была куда как снисходительна, хоть и бранилась с ними.

Хочу закончить работу над дневником сестры 45-46 годов описанием пасхального дня 21 апреля 46 г. Привожу его с очень небольшими сокращениями:

«Мне очень грустно, горестно и жалко. Я даже плачу. Дело вот в чем: после чая мы пошли на кладбище к Андрею. [...] Мы зашли в немецкое кладбище. Оно очень старинное, и на всех крестах там есть надписи, изречения из Евангелия, из псалмов, очень хорошие, добрые. А потом пошли домой [...] и увидели одного из тех многих, многих русских мальчишек, приезжающих из Союза сюда за хлебом. Этот был также плохо одет в рваное пальто, у него был небольшой мешок. У мальчишки были такие красные глаза и обветренные губы. Мы решили спросить его, откуда он и куда едет. Но, когда мы подошли, то увидели мальчика сидящим и плачущим. Это было ужасно. В конце концов, оказалось, что он приехал сюда с братом, который уже несколько раз был здесь, а теперь как-то разошелся с ним и потерял его, не знает, как ехать домой и где ночевать. Тут подошла эстонка и так несколько раз сказала: «Poisa on ka inimepe» [эст. – Мальчик тоже человек.] Нам было очень жаль этого мальчика: как-то я представляю себя на его месте или Андрея. Мы с Зосей решили сделать так: я пойду домой и спрошу, нельзя ли ему переночевать у нас, а Зося пойдет с ним по улице дальше и посмотрит брата. Но дома на меня обрушился такой ... я уж не знаю, что я принуждена была идти скорее за Зосей и привести ее домой. Я встретила их и сказала Зосе, что о переночевке нечего и думать. Вот в этом и есть трагизм: мальчик один, в день Пасхи, поздним вечером и не имеет крова. Мы ему советовали пойти переночевать к кому-нибудь, а он спросил, не заберут ли его, если он будет в развалинах... Я ему дала несколько штук конфет. Бедный мальчик! Что если бы это был Андрей или я?

Но ужасное в том, что это, может быть, первое сознательное желание помочь другому человеку, пусть даже навеянное кладбищем или сегодняшним днем... Но это было стремление, и было оно так грубо и жестоко разбито. В этом, я думаю, виновата мама. За собой она оставляет право «благодетельствовать», когда приводила в дом каких-то теток с дороги или раздаривала вещи, а сегодня, лучший день, в который все должны быть добры, она

не позволила оказать простое сочувствие. Все они, видите ли, мошенники и воры. А Андрей в подобном положении ангелом был бы?! Да в искренности этого мальчика не могло быть сомнений. Когда мы его в первый раз увидели, Зося сказала мне, что испытывает странное чувство к этому мальчику. [...] Чувство это заключалось в том, чтобы приласкать, прижать к себе бедного человека, одного, отчаявшегося, несчастного. Пасхальный день закончился печально.

Была ли это судьба?»

Летом 46 г. Маме удалось съездить в Ленинград к Н. К. У нее, как у всех, работающих на железной дороге, был бесплатный билет. Я думаю, это письмо для нас передала Н. К. с Мамой (без даты, дату определяю по контексту – август 46):

«Дорогие Зосенька и Люсенька, – пишу Вам одну записочку – несмотря на то, что мне хотелось и нужно было написать каждой отдельное письмо. Люсеньке я не ответила на два ее милых письма, которые доставили мне радость. С Зосей я много мысленно говорила о ее письме ко мне, но не реализовала всего обращенного к Вам, потому что, как и прежде, жизнь не дает мне передышек, я тороплюсь, тороплюсь постоянно и не успеваю приводить в исполнение своих планов и намерений.

Я счастлива Маминым приездом ко мне, и мне грустно отпускать ее. Мама так близко знает все светлые и тяжелые моменты моей жизни, и так много лет я с душевным вниманием чувствую ее жизнь, и так тягостно мне было потерять вас из виду на эти долгие годы, что теперь, найдя вас, и, наконец, увидя Маму, я радуюсь и благодарю Судьбу.

Не сетуйте на меня за мои задержки с ответами на Ваши письма. Они мне очень нужны и дороги. Шлю Вам обоим самые душевные пожелания. Очень хочу, чтобы осуществились намеченные в разговорах с Мамой планы Вашего приезда и учения в Л-де.

Целую Вас.

*Пусть все-все будет
благополучно в*

*Вашем последнем школьном
году.*

Н.Б.».

Кончилось и это лето 46. Впрочем, для сестры вполне благополучное. Она записывает накануне отъезда домой: *«Мне как будто чего-то страшно. Здесь было все так просто и мило. Утром дойка, поле, днем какая-нибудь работа, вечером опять дойка, мытье, еда, сон»* (15IX46). Как-то пройдет наша третья зима в Тарту?

Н. В. Педькова пишет Маме и мне из Ленинграда 11IX46. Но, как ясно из контекста, это ответы на наши письма если не весны, что скорей всего, то лета 46.

«Ленинград

Милая Юлюшка, положи гнев (вполне заслуженный) на милость и прости мне мое бессмысленное молчание. И думаю я часто и о тебе, в особенности о Зосе, а написать как следует никак собраться не могла. Ты ведь знаешь, какая сейчас жизнь, кроме того, у меня нет своего угла, негде почти сосредоточиться, уединиться. Перед Зосенькой чувствую себя особо плохо. На ее большое поразившее меня письмо, к тому же и очень тяжелое, я ответила только открыткой, да и то, сравнивая сегодня с конвертом Вашего коллективного поздравления, послала ее на Нарвскую 117.

Зося меня потрясла своим письмом и ответить ей, легкомысленно [легкомысленно] и банально утешая, я не могла, так я и поперхнулась в переписке с вами. Хочу как-нибудь это исправить.

Зимой как-то в концерте видела Наташу Косатую [Н. К. Бриммер], она мне сказала, что ты летом собиралась в Ленинград. [...]

Напиши мне, как Вы все живете, какие у вас планы. Что собирается делать Зося после окончания школы, ей-то обязательно надо в ВУЗ. Пришли мне карточку всех детей.

Я дотягиваю до отпуска из последних сил, измоталась на своей очень напряженной работе.

Пиши же мне, Юлюшка.

Передай мой сердечный привет маме, как она живет и как себя чувствует?

Н.».

«11 IX 46.

Милая Зоя, я, наверное, очень обидела тебя своим молчанием, тем, что не ответила тебе много месяцев на твоё серьезное письмо. С тех пор прошло так много времени; настроение твоё и взгляды могли перемениться за этот срок, так что я и не знаю, как тебе на него отвечать. Долго тебе не писала, признаюсь, из малодушия: утешить тебя серьезно я не могла, а отписываться пустыми фразами тоже не хотелось. Хотелось быть с тобой честной.

И вот, так по-честному, я должна тебе признаться, что и мне жизнь сейчас кажется бессмысленной, и я, как и ты, жалею о прошлом. Но между тобой и мной есть очень большая разница. Это то, что я стара, и мне ждать уже от жизни нечего. А ты молода, и прошлое твоё, хоть и очень уютное, но совсем коротенькое. А увидеть, узнать и пережить в жизни ты ещё можешь очень и очень много и не только худое, но и хорошее. Если тебе отравило все то, что ты пережила, старайся побороть это жадностью к жизни, повернись к пережитому спиной.

Мне кажется, в то время, [в] которое мы с тобой живем, и молодые, и старые, человеку может помочь и не только помочь, а дать ещё и большую радость творчество. Какое бы то ни было. Быть художником звука, красок, рисунка, слова, науки – выход для человека. И мне почему-то показалось из твоего письма, что ты могла бы писать. Выйдет ли из тебя что-либо значительное, зависит больше всего от твоей воли и способности работать упорно и долго. Моей ошибкой в жизни было как раз это неумение работать и доводить дело до конца, я всегда оставалась дилетантом.

Зоя, может быть, я пишу тебе чушь, и это письмо уже не может звучать ответом на твоё. Напиши мне, как ты рассчитываешь поступить после окончания школы. Иди во что бы то ни стало в ВУЗ, старайся пробиться к общеобразовательному ВУЗУ, ведь у вас в Тарту есть университет и, говорят, неплохой.

Пиши обо всем этом.

Целую тебя твоя Н. П.».

Почтовая открытка.

«20 X 46.

Ленинград

Милая Юля, вернулась из отпуска. [...] Получила ли ты и Зоя мое письмо? Довольно нагло с моей стороны спрашивать об этом после моего молчания, но все-таки жду, что положишь гнев на милость и откликнешься.

Мне трудно писать и жить, когда не имеешь своего угла, хотя ко мне и хорошо относятся у Андреевых, но иногда за свой собственный угол готова продаться на край света, например, на Д. В.

Очень меня занозила Зоя, неужели она все такая же сломленная пережитым? [Нет, Мама, значит, все знала, все помнила и про себя несла этот, мой, крест...] Жизнь у нее еще впереди, еще увидит она много и хорошего и плохого и заживит как-нибудь свои раны, не то, что мы, старики. Пиши же, Юлюшка. Целую всех Вас. Пришли карточку детей.

Н.».

И еще одно письмо Н. В. 46го года.

«15XI46.

Ленинград

Милая Юлюшка,

посылаю это письмо с Марией Густавовной Тийсман. Это наша хорошая знакомая, с которой мы вместе горе мыкали в эвакуации. Ее мужа переводят в Тарту, где у них нет ни друзей, ни знакомых. Окажи ей внимание советом, буду тебе за это очень признательна. [...]

У нас очень осложнился вопрос с продовольствием. Многие предприятия, даже заводы, лишили карточек. Прекратили торговлю коммерческим хлебом, так что люди нигде ничего не могут достать. Круп и муки нельзя достать нигде. Поэтому очень прошу: напиши мне, есть ли смысл приезжать к Вам за продуктами и за какими, т. е. какая стоимость.

Жизнь паршива [слово не разберу] как-то особенно. И я все больше убеждаюсь в том, что была права, когда не советовала тебе приезжать сюда в ближайшие два года.

Жизненный уровень так низок у большинства, что даже театры пустуют.

Целую тебя и девочек, и Матвея. Шлю сердечный привет Евдокии Дмитриевне.

Н. П.».

...Когда я встретилась с Н. В. в августе 47, то почувствовала на себе ее пылкий и нежный взгляд. Н. В. сердечно полюбила нас...

С октября я стала работать старшей пионервожатой в нашей школе. Уже в девятом и в десятом классах я часто не то, чтобы замещала учителей младших классов, но занимала ребятшек, если учителя не было. Была и редактором школьной газеты. Весной 46 мне даже выдали «стипендию» – 400 р. Одна учительница начальных классов из местных русских дам, у которой все девочки были барышни, а мальчики – маленькие лорды Фаунтлерои, как-то сказала мне:

– Сонечка, Вы должны стать учителем. У Вас – талант. Но не сразу! Лет в 30, нет – в 35...

С пионерами все шло легко. Мои отрядные вожатые были школьники старших классов, хорошие ребята. Некоторые – замечательные, как Валерий Першин. Лет через 20 он стал директором Атоммаша. Не было бюрократического гнета отчетов, планов, решений, то есть они были, но постольку, поскольку нужны для дела. Мой директор Иван Осипович Сюкийнин, демобилизованный офицер, был во мне уверен и не донимал мелочной опекой. Мне хотелось, чтобы мои пионеры ощущали ширь, пространство мира в нашей стране, и я попросила через «Пионерскую правду» прислать адреса дружин, чтобы переписываться. Просила об адресах, кого могла.

Вот письмо Н. К. от 19ХП46:

«Милая Зосенька, Никита [сын Н. К., школьник], как видишь, взялся за меня ответить Тебе на вопрос Твой о школах, куда бы Твоя паства могла бы написать.

Я не велела ему запечатывать письмо, т. к. хотела приписать Тебе пару слов. Уже очень поздно. Мальчики уgomонились с большим опозданием. Они часто таким образом похищают у меня время от спокойной вечерней работы. С 10.30 до 1.30 я чертила и рисовала. Я всегда теперь использую часть ночи, иногда до 3-х часов, потому что в комнате, наконец, «просторно», и я могу побыть сама с собой, хотя бы и за работой...

Сейчас вот поговорю с Тобой и мечтаю лечь с книжкой. Читаю «Двух капитанов» Каверина.

Скажи Маме, что я очень, очень скучаю без ее писем, кот. так редки, не говоря уже о том, что мне всегда и теперь особенно так хочется видеть ее снова и говорить с ней...

Мне очень давно не писал Матвей. [Ведь Н.К. была крестной Матвея!] Как его дела? На каникулах, которые приблизились ощутимо, у Вас будет время написать мне.

[...] Тут у Яхонтовых был фестиваль (20 лет Сергею). [...]

Ну, кончаю пока. У меня лежит давно начатое письмо Маме, кот. на днях пошлю. Целую Вас. НКБ.».

Совершенно прелестный оказался руководитель географического кружка из-под Куйбышева Н. Троицкий. Видимо, это был уже немолодой человек, судя по почерку, неторопливости разговора и полноте всяческих описаний. В 48ом он мне писал уже в Ленинград, когда с моим отъездом переписка заглохла: «Ребята привыкли получать письма из Тарту». Это была увлекательная и непростая работа – писать письма о себе, своем городе, об эстонцах, о природе и о погоде... Наверное, мне удавалось передавать пионерам свой эпистолярный задор.

Наша дружина была признана одной из лучших в городе, и наши делегаты участвовали в Первом Республиканском слете юных пионеров Эстонской ССР в Таллинне 21-22 июня 1947. Есть маленький любительский снимок: мы в Кадриорге. А 25 июня я получила «Похвальную грамоту» «за отличную работу с пионерами». И. О. собственноручно расчертил, нарисовал и особым шрифтом написал. Чудный Иван Осипович! Старался – считал своим долгом. Номер грамоты 17, печать – настоящая! Но это я забежала вперед.

Эту зиму 46-47 гг. я меньше бывала дома, и все домашнее, видимо, меньше трогало.

У бабушки Дуни составился свой круг приятельниц.

На нашей заречной стороне жила семья Ланге, мать и дочь. Дочь, Любочка Ланге, – одноклассница Тамары Бежаницкой (Милютиной). Т. Милютина говорит о семье Ланге «добрейшая и прекраснейшая»¹²⁸. Это были дамы такой душевной тонкости и духовности, какие можно было увидеть только в княжне Марье («Война и Мир»!). Любочка была похожа на мать (увы, забыла имя и отчество!), что-то иконописное было в их лицах, особенно трогали большие глубокие печальные глаза Любочки... С ее мамой, встречаясь в церкви, и подружилась Евдокия Дмитриевна.

Через б. Дуню многие в городе узнали о Маме и о нас.

Распрей, раздражения в доме стало меньше. Может быть, потому что жизнь вообще стала легче, и зарплата моя была существенной подмогой.

Думаю, Мама чувствовала себя одиноко. А, может быть, ее пугали перспективы – что с нами будет после школы, сможем ли учиться дальше. Письмо Н. В. Маме:

«2 I 47.

Милый Юлич, что это ты подкисаешь? Мне не очень нравится тонус твоего письма. Прошу тебя, походи к хорошему внимательному доктору, есть же у вас хоть один, и посоветуйся с ним о своем здоровье. [...]

Нравится мне, что Зося увлекается хорошими вещами и делами, это выгодно отличает ее от многих из молодежи, но все-таки в ней чересчур много экзальтированности, следовательно, будет много шишек набивать себе в жизни и многое будет ею переоцениваться.

[...]

Кроме службы, много времени у меня уходит на творческие дела, т. к. Е. В.¹²⁸ [Екатерина Владимировна Андреева] упорно тянет меня в литературу, и мы с ней подрядились писать книгу на тему об оживлении человека. Тема научная, но подать ее надо занимательно и беллетристически. Эта работа дает большую пищу душе. Нет ничего радостнее в жизни, как творчество, все равно, в какой области, а попутно много узнаешь интереснейших вещей, как будто в гору лезешь, а горизонт открывается и раздается виширь.

В 1949 году будет столетний юбилей нашей обсерватории [...]. К этому году будет писаться научно-популярная книга о метеорологической науке, и мне там тоже отведен небольшой уголок. Вот мои дела. А пока сижу без грошей настолько, что поход в театр – денежная проблема. Даже абонемент в филармонию не взяла, хотя на концертах кое-каких бываю. [...]

Целую тебя крепко и желаю тебе здоровья и бодрости, ты ведь стойкий оловянный солдатик.

Твоя Н.

Сердечный привет Евдокии Дмитриевне и детям».

В тот же день, 2 I, Н. В. пишет и нам:

«Дорогие Зося и Люся, спасибо Вам за письмо, меня оно очень обрадовало, зато письмо Вашей мамы, напротив, обеспокоило. Вы ей меня не выдавайте, но я очень прошу Вас, присмотритесь внимательней к ее здоровью, настаивайте на том, чтобы показала доктору. Очень мне не нравится ее настроение. Когда живешь вместе, часто перестаешь замечать перемены друг в друге, а я чувствую издали, что она теряет бодрость духа.

Зоя, очень хорошо, что ты пионервожатый, я этому рада еще и потому, что это тебя теснее спаяет с той огромной творческой перестройкой, которую сейчас проводит советское государство. Мне казалось, что ты как-то очень в стороне жила от нее. И рада, что она тебя увлекает.

Ты пишешь, что любишь литературу, любишь изучать творчество других; если в тебе это постоянное желание и склонность, то тебе прямая дорога на литературный факультет [...]. Но лучше всего, конечно, попасть в Университет, только он даст широкую гуманитарную и философскую подготовку. Там же тебе придется изучать два языка. А отдельно учить язык, чтобы стать преподавателем этого языка, я не советую: это для тебя узко.

О Люсе я как-то мало знаю, к чему тебя тянет, к какой науке или мастерству, напиши мне об этом. [...] Пишите мне, мои дорогие девочки, о себе чаще, буду очень рада Вашим письмам. Желаю вам счастья и побольше увлечений.

Ваша Н. П.».

Дела в школе шли своим чередом. Может быть, сестре помогли выработанные ею правила, но мы спокойно ждали выпускных экзаменов. Как-то мое сочинение по творчеству Маяковского читали по городскому радио. В этот год мы стали заниматься физкультурой, вел ее Виктор Алексеевич Лясич. Он помог нам поверить в себя, и я даже прыгала через коня. И... даже ходила на какой-то кружок по физкультуре. Всегда энергичный, стремительный, с большими темными глазами на нервном, подвижном лице, окруженный способными учениками, как же он понял, что надо и нам помочь! Не поленился. Брат пишет о В. А.: *«Он был подвижник, энтузиаст, он всех втянул нас в занятия спортом по самым разным специальностям. Я бегал на лыжах, играл в баскетбол, занимался легкой атлетикой»* (16 II 96). Судьба В. А. сложилась несчастливо: из-за семейных неурядиц он много пил...

... На уроках черчения, которые вел Коровайков, художник нашего театра «Ванемуйне», муж Е. К. Антроповой, мы иногда рассматривали альбомы. Как-то это были большие, с полстола, листы Палеха...

Дома иногда ждали меня толстые конверты-письма из Киева от Семена Григорьевича Маркина¹²⁹. Как они осветили и мою жизнь да и всех нас!

В Тарту проходила выставка украинской графики. Может быть, потому, что Наталия Константиновна была художником-графиком, или потому, что в Эстонии была сильная, самобытная школа графики и листы выставлялись в витринах книжных магазинов, но к графике нас тянуло. Разумеется, мы были на выставке! Вероятно, там не было книги отзывов, но мы с Люсей свои восторги описали в письмах и отправили письма в Киев. «Люсина» художница не ответила, кажется, она была из Западной Украины, а «мой» – прислал письмо. Началась совершенно особенная, со стороны С. Г. поначалу нежно-почтительная переписка, что уж я писала – не знаю, но о чем-то были же и мои письма, длинные и, как потом выяснилось, очень дорогие для С. Гр.

Вот черновик моего, наверное, второго письма С. Гр.:

«Уважаемый Семен Григорьевич!

Сейчас, возвращаясь с прогулки, я подумала: как хорошо было бы получить письмо откуда-нибудь! И, представьте, дома нахожу Ваше письмо. Я очень признательна Вам за него и за оттиски с Ваших гравюр. Я хочу их повесить, чтобы видеть всегда. Писала ли я Вам, что на выставке не было 2^х других Ваших работ?

Сегодня у нас воскресенье. В этом дне хорошо то, что он свободен, а сегодня еще и хорошо, ясен, чуть морозен, и много солнца. Я люблю оч. небо, деревья, тени, природу вообще. М. б., это одно из моих самых больших увлечений. В ней есть много вечного, правдивого, прекрасного.

Это ошибка: я не здешняя. Живу здесь только два года, а вообще из Пушкина (под Л-дом). В Пушкине были прекрасные парки, они оставили по себе драгоценное, навсегда, воспоминание. Слыхали ли Вы что-нибудь о них? Наверное. Но Эстония – это интересная

страна, и о ней я Вам тоже как-нибудь расскажу. Здесь есть много интересных обычаев. Костюмы оригинальны по краскам, тонам. Здесь очень любят хоровое пение.

Вы живете в Киеве? Я не знаю, что это за город. Самое интересное, по-моему, – это путешествие, можно увидеть много красивого, интересного...

Немного еще о школе: она у нас бедна. Бедна духовно, конечно. Мы так мало получаем от нее стремлений, идеалов. Нас четыре девочки, мы все дружим, и все ищем себе «Звезду». Интересно, Вы не будете смеяться, когда я скажу, что такое «Звезда», как мы ее понимаем. Это вот что: нужно найти себе «Звезду», которая светила бы, манила, звала. Это трудно, конечно. Но мир так велик, в нем есть много чудес, когда-нибудь мы найдем себе «Звезду».

Позвольте Вас спросить, какой Ваш любимый композитор и какой писатель. Напишите мне, пожалуйста. [...]

Напишите мне, пожалуйста, какие должны быть стремления, идеалы и т. п. Будьте добры, не называйте меня “Уважаемая Софья”. Я еще не такая страшная.

Всего хорошего. Над чем Вы сейчас работаете, что за мотивы? (Простите за бесцеремонность)».

Письма С. Гр. ограждали меня, думаю, Маму да и Люсю тоже – я их читала вслух – от мизерии повседневности, в которой приходилось жить, от унижительной зависимости духа от быта. Письма говорили о силе Духа человека и Красоты в мире. В письмах была бесконечная нежность ко мне, его щедрый дар Зосеньке. Человек возвышенный и восторженный, Сеня как будто узнал, как нужна была мне его пылкая нежность.

Я была избалована этими нежными письмами. Распечатываю сегодня, 23 II 95, тугие конверты, всматриваюсь в красиво, твердо и элегантно надписанный адрес, и столько былого очарования заполняет мою душу, всю память, бесконечная благодарность Судьбе за эти «встречи» в течение двух с половиной лет.

Перечитываю сейчас письма С.Г. и понимаю, что он был почти так же далек от чего-то насущного, как и я в те годы. Образы Киева и родного Рыльска, впечатления от спектаклей и концертов, а он посещал их с страстным, горячим чувством и знал музыку, переживания, связанные с творческими замыслами, работа над досками будущих гравюр..., самое сердечное участие в моих делах, мысли о великих художниках и беглые заметки о современниках – все это было в его письмах.

С тех далеких пор я люблю получать письма, вглядываться в то, как написан адрес, как приклеена марка, даже в то, как заклеен конверт. Это все код к характеру, к настроению моего корреспондента, сложная знаковая система, по которой я сужу и об отношении ко мне.

«Сонечка, Тютчев и мне нравится, мне также нравится Фет, Бальмонт, Блок. [...] В одной из комнат в Комитете по делам искусств открыта небольшая выставка работ эстонских графиков. Мне они нравятся и, в особенности, литографии Хойдре и Окаса, хорошие художники»(20 II 47 г.) .

« [...] Милая Сонечка, в прошлом году и я видел гастроли балетной студии имени А.Дункан и, представьте, был также разочарован. О самой Дункан я давно и много читал и слышал и потому с каким-то волнением ожидал их [...]»(20III47).

«Со мной Комитет искусств заключил договор. На этот раз гравюры делаю большого размера. Темы я взял пейзажи Киева «Киев сегодня». В серии будет пять гравюр, а, если успею, то шесть»(май 47).

После неполучения мной медали:

*«Милая, дорогая Сонечка,
хороший близкий друг мой!*

Ну зачем так отчаиваться, так страдать, не надо, успокойтесь! Я понимаю Вас, это очень обидно, больно, но что же теперь делать. [...]Только не нужно так разочаровываться, не надо. Возможно, что русское отделение будет и в Университете Тарту, возможно, будет как раз неплохо и в Тарту. [...]Жму крепко-крепко и целую Вашу рученьку.

Ваш Сеня» (5 VIII 47).

«[...]Я люблю пейзажи. В издательстве это знают и потому работу такого характера дают мне»(22III48).

«[...]Вы пишете, почему я ничего не пишу о работе,»(5IV47)– да, в письмах с С.Гр. получалось живое общение.

С. Г. присылал мне свои маленькие гравюры, и у меня составила их почти коллекция. Само собой разумеется, что все его письма целы. Родился С. Г. в Кромах, под Курском, писал и о них, жил, в Киеве, видимо, достаточно замкнуто и самоуглубленно...

К 15 мая 47 г. Н. К. шлет мне открытку с портретом Шопена. Она пишет ее 10V:

«Дорогая Зосенька, у меня под рукой в правом ящике стола живет маленькая самодельная оранжевая записная книжечка, в которой на 12-ти страничках – соответствующих месяцам – стоят даты семейных праздников и событий. Там отмечены и грустные дни и все юбилейные даты близких мне людей, чтобы можно было их отметить каким-нибудь хоть минимальным праздничным мероприятием.

Я всегда очень любила домашние праздники и теперь не хочу от них отказываться и часто заглядываю в свою книжечку. Из ближайших «дат» там отмечено 15ое–V как день Твоих именин... Верно это? Безотносительно к тому, полагается [подчеркнуто Н. К.] ли их праздновать, их нужно отмечать. Вот на этот случай я и пишу Тебе. Шлю Тебе поздравления и этот нравящийся мне своей вдохновенностью и энергией портрет Шопена. Кстати, и слова, помещенные тут же его песни, на этот раз оптимистически звучат, их можно даже немного изменить:

«Schön sei der Morgen und hell scheine die Sonne».

Это Тебе вместо привета.

Шлю всем лучшие пожелания в этот авральный момент занятий. Я очень рада была письмам Мама и Люсеньки, полученным вчера. Мама редко мне пишет, и я огорчаюсь этим. От вас сейчас и не жду ответов, т. к. понимаю, что сейчас не до этого, а вот, если пришлете фотографии, буду обрадована очень.

Целую Тебя.

Н. К. Б.».

На открытке такой текст: *«Schön war der Morgen und hell schien die Sonne, fröhlich war ich an die Wiese gegangen»* [нем. – Прекрасно было утро и ярко светило солнце, радостно я шел на луг)].

И Н. К. хочет мне сказать: *«Пусть утро [жизни!] будет прекрасно, и пусть ясно светит солнце...».*

В мае 47 года Н.П. прислал нам «Далекие годы» К.Паустовского: «Милым девочкам, с пожеланием хорошо провести лето. 7V47». В письме – о киевской классической гимназии о и о тех, кто вместе с Н.П. там учился.

Некоторые опасения нам внушала математика: все-таки чувствовалось, что мы не учились толком в седьмом и восьмом классах. Через соседа по дому Н. Н. Кузнецова, офицера нашего авиационного полка, который стоял на нашей заречной стороне в конце улицы Pikk, Мама договорилась, что с нами позанимается его друг Александр Данилович Моргунов¹³⁰. Капитан, старший инженер авиационной дивизии по электро-радио и по спец. оборудованию самолетов и аэродромов. А. Д. было 29 лет.

... На устном экзамене по литературе меня спрашивают:

– Маяковский Ваш любимый поэт?

Я чуть ли не с обидой отвечаю:

– *Мой любимый поэт Тютчев!*

... Педсовет в школе присуждает мне золотую медаль.

Мы получили от Н.К. восхитительные поздравления к окончанию школы. Это маленький шедевр – акварельная миниатюра – овал, как медальон, весь усыпанный нежными цветами, розовыми, голубыми, светло-сиреневыми. Наша счастливая память о Наталии

Константиновне, о ее любви к нам (и к Маме прежде всего!), память о нашей юности и окрыленности тех дней...

Вот напутствие Н. К. – мне:

*«Зосенька,
прими мои поздравления
в Большой День Окончания
Школы
Будь сильна и радостна.
Трудности предстоящей
работы и жизни – пусть
будут подчинены свету
и счастью.
Пусть твои дни идут от
одной яркой вехи к другой,
озаренной солнцем».*

Вместе с Мамой мы решаем, что я поступаю на филологический факультет Университета в Ленинграде, а сестра – на заочное отделение географического с тем, чтобы через год перевестись на очное. Посылаю документы в Университет, а пока устраиваюсь работать в пришкольный пионерский лагерь уж кем придется: ведь места пионервожатых к концу июня все заняты.

Вот записочка Маме: *«Ну, мама, директор принял меня на работу. Работать я буду на кухне. Раб. день на кухне с 7^ч часов и до 9, ½ девятого.*

Он сказал, конечно, надо будет делать все, что скажут. Буду получать маленькое жалованье, рублей 130. Завтра пойду. Что ты думаешь относительно этого?

Спасибо Маяку¹³¹, он содействовал. Как у тебя дела?

Мне опять хочется спать.

Всего хорошего».

Тут же приписка Мамы: *« Зосенька, я думаю, что это хорошо, надо подкормиться, а я не думаю, чтобы тебя там сильно истязали.*

Любящая тебя мама».

Может быть, самые первые дни мне и было не по себе: надо было «прислуживать», подавать на стол тем самым пионерам, для которых я только что была «начальством», авторитетом. Но никаких царапин в душе не было. По-моему, я и тут вела себя независимо, совмещая должность официантки, кухонной рабочей и пионервожатой. Зато отлично помню, как кто-то из учительниц-воспитательниц уверенно сказала обо мне:

– Педагогический талант.

Возвращалась домой я через весь город босиком, босоножки несла за ремешки. В другой руке – мешочек с кусочками хлеба. Дорогу выбирала подальше от глаз по берегу... Очень боялась встретить А. Д. Как-то шла и плакала.

Сестра 24VII уезжает в Ленинград сдавать вступительные экзамены, останавливается у Н. К. 28VII, двадцать восьмого июля (!), я получаю извещение, что мне министерство не присуждает никакой медали: ни золотой, ни серебряной. Брат комментирует: *«Тогда мы пережили это сравнительно спокойно (я, в частности). [Господи, какое же спокойствие?! Трагедия! Я же не готовилась к экзаменам, а, чтобы сдать в Ленинграде, надо было не посуду мыть на кухне и не столы накрывать!] Но по прошествии четырех лет (в 1951 г.) точь-в-точь такая же история случилась и со мной. Один раз можно было «списать» на случайность, м. б., действительно у сестры были промахи (настораживало, что все [подчеркнуто братом] работы понижены в оценке [сочинение, математика, эстонский] – это уже похоже на закономерность. [...] А что характерно? То, что на большой прием в Кадриоргском дворце у «Президента» республики (председателя президиума Верховного*

Совета, им тогда был знаменитый драматург Аугуст Якобсон), куда приглашались лучшие выпускники, не более одного от школы [...], школа послала меня (результаты министерских проверок еще не были известны), очевидно, полагая, что я наиболее достойный. [...] Почему не давали медалей? Видимо, надо было быть кондовым славянином или эстонцем [...]. А тут какие-то непонятные чухонцы с финской фамилией» (1996 г.).

Это «ЛЕТ О 47» я «собрала», «слепила» лет пять тому назад из писем, записочек, но теперь меня смущает растущий объем будущей книги, и я составляю только дайджест (оскоромилась-таки!) из документов тех лет.

«Дорогие мама, бабушка Дуня и Зося! И Матвей! Ну вот, я и в Ленинграде. [...] Только вышли, стоит 2 номер трамвая. Я села и приехала. [...] Ездила немного по городу с Нат. Конст. Потом пошла в Эрмитаж. Не знаю толком, где была и что видела. Там масса коридоров и дверей. Должна буду пойти еще раз, другой. Завтра пойду в Университет наводить справки. А как дома? Что мадемуазель Софи, подала ли ты документы? Привет А.Данилычу. [...] Нат. Конст. купила билеты на гастроли Москов. Камер[ного] театра «Мадам Бовари». Ну-с, все. Больше ничего не знаю [...].

Относительно экзаменов будьте готовы ко всему.

Крепко целую, Люся» (27VII 47).

Итак, даже не побывав еще в Университете, сестра готовит нас к худшему: «Относительно экзаменов будьте готовы ко всему». Но худшего не произошло, сестра все сдала, географию даже на пять, и была принята на заочное отделение. Часто пишем друг другу.

Открытка от 30VII47:

«Дорогие мама и Зося! Сегодня мы получили твое письмо с известием о Зосе. Что за несчастье!

[...] А вчера... я была в Пушкине. Трудно, да и нельзя правдиво выразить свои ощущения. Когда я ехала, мне вдруг стало страшно за момент свидания. Но в П. оказалось столько зелени, деревьев, что ран города не очень заметно. Видела Мусю. Она оч. хорошо приняла меня, была страшно рада. Мы с ней обходили парки, были на Капризе, Петушке [Шапель], Винтовой горе, в Собств[енном] садике. Пушкин оживлен, отстраивается, полн воспоминаний.

Крепко целую всех».

Странно, неужели сестра не была на пустыре на месте нашего дома? Да, наверное, и не была: слишком было бы больно. А парки – добры. Они вечны, они были, есть и будут. И всегда их изумительная гармония наполнит душу примирением с Жизнью...

Сохранился, видимо, черновик, письма сестры Н. П., судя по контексту, от 30VII47, или неотправленное письмо, что-то помешало его закончить:

«Дорогой Николай Павлович!

Вот и пишу Вам из Ленинграда. Но о себе я напишу потом.

Я хочу Вам написать о Зосе. Ей не присудили медаль, хотя, по всеобщему суждению, она должна была ее получить. Это темная история и неприятная. Все это подорвало намеченные планы. Зося не могла поехать сдавать конкурсные экзамены и будет учиться в Тартуском университете. В нем открывается Русское отделение языка и литературы. Зося довольно храбро приняла это известие и примирилась с Тарту, конечно, на первый курс, вообще, на возможно короткий срок. До дня моего отъезда она работала на кухне санаторного лагеря. Очень уставала за 14-часовой день, но была сыта и не тратила нервов, [как] если бы работала пионервожатой с детьми.

Николай Павлович, я очень Вас прошу написать Зосе письмо. Письма от Вас всегда для нас очень дороги, а после такой неприятной [оставлено пустое место, словечка не нашлось!] оно подняло бы в Зосе дух и бодрость. Но она у нас вообще очень энергичная, редко теряет [не дописано]...».

Я пишу сестре 1VIII47: «Моя милая машер!

Вчера пришло от тебя письмо. Я очень рада, что ты, наконец, в Ленинграде. [...]

Тут как-то приходил Ал. Дан. Мы с ним хорошо поболтали. Я не знаю, что влечет его к нам, ко мне: просто ли человеческая симпатия или дружба. Он очень мил. Уезжает в отпуск на 38 дней.

Вместе с Ник. Ник. они поедут в Л-д. Наверное, зайдут к тебе.

Я работаю и ем по-прежнему.

Вечер. Знаешь, я получила «Извещение» из Университета о том, что я «принята студентом в ЛГУ без предоставления общежития [...]. Явка в Университет 25 августа». Письмо отправлено 29²⁰ [...]. Вечером был А. Д. Я заходила к нему за таблеткой от головной боли. Потом он проводил меня до телеграфа, и я отправила тебе телеграмму».

4VIII47: «[...] Русский музей мне очень понравился. Многие картины оказались знакомыми, так что я их как бы узнавала. Нат. Вас. я после некоторых поисков нашла. Она меня узнала, позвала с ней выпить кофе. У нее чудесная, необычная квартира, вернее, у людей, у которых она живет. Потом мы прошились с ней по городу, по Невскому. Она сказала, что в обиде на меня, почему я не зашла к ней раньше [...]. Не знает ли Зося о перспективе моей работы?» [Вернувшись с экзаменов, сестра устроилась в техническую библиотеку. Работа с 10 до 2^х. Зарплата – 360 руб.]

5VIII47: «Сейчас только что получила твое короткое письмо, ма kallis õde [моя дорогая сестра], милая Софузон, (написала по-эстонски, но подумала, что это, может быть, тебе будет неприятно). [Странная мысль! Скорей всего, сестра держит в уме, как тяжело мне жилось у хозяев-эстонцев, или в подтексте, что эстонцы обрубили крылья моей мечте? (Слишком много пафоса?! Но так ведь оно и было!) Но нет, ни эстонский язык, ни народ не виноваты в холуйстве партийных функционеров...]

Хочу написать только о Л-де. Чудесный город. Все просто, ясно, строго (в центральной части) и красиво.

Везде идет перестройка дорог, а главное – много уголков и скверов с цветами и с трогательной надписью: «Не рвите цветов, они посажены для вас!»

Люди в массе одеты хорошо. Изумительные туфли, заграничные чулки, красивые перчатки. Но, конечно, у некоторых. Ведь одни получают тысячами, а другие – две-три сотни. Нигде ничего не продается. Видела кексы – 18 руб., довольно большой. Страшно хочется купить. Вообще много денег уходит на трамвай. А мороженого не удастся купить. [...] Буду страшно рада увидеть Ал. Д., большой ему привет.

Машер, пиши чаще. Пускай напишет Матвей».

Я – сестре 5VIII47: «Дорогая машера! [...] Что на месте нашего сада? Парки?! Есть ли там гуляющие? По моей старой привычке меня охватывает чувство романтики, иллюзий, красоты. Да, иллюзий... Без них трудно, неинтересно жить, но они проходят, как все, и становится грустно. Мне кажется, кончились мои иллюзии относительно Ал. Д. Вчера с Зиной мы хотели пойти к нему слушать музыку. Он был предупрежден. Знал это. А его не оказалось дома. Мне казалось, что он мне очень нравится. Это было хорошо и помогло мне не замечать гримас и рож Судьбы. Вчера я узнала, что получила «vāga hea» [эст. – «очень хорошо»] по письменной и устной литературе. Я как бы отомщена. Но иллюзии прошли. Я спустилась с небес на Землю. Я не буду вычеркивать этих последних дней, хорошо, что они были. Но пока что грустно.

[...] Не очень ли ты голодаешь?

Значит, Вадим тебе понравился? Я понимаю: мы должны завидовать и радоваться беспечности и веселости счастливых людей. Дай Бог им всем побольше счастья!»

В августе А. Д. часто заходит к нам, приглашает меня к себе слушать музыку. Он увлек нас своими грамзаписями хорошей музыки, большим собранием пластинок, может быть, даже привезенных с войны.

А.Д. называл нас «девочками старинного производства».

Ничего не могла бы тогда да и теперь тоже сказать о его внешности. Да, довольно высокий, широкий в плечах, стройный, никакой такой печати чего-то особенного в лице нет. Небольшие, но живые карие глаза. Чуткие руки. Он был явно умен. Не из интеллигентной семьи, ясно было, что во многом сделал себя сам. А. Д. воспитал, взрастил в себе любовь к театру, к балету, к музыке. И он был прекрасный математик. Но портили его пошловатые манеры, какая-то словесная муть, свойственная его речи, это «травить баланду», за которой не видно было его настоящего. Аттестовывал себя «хохлом» и еще... «Аллахом» (!!). Я угадывала в нем что-то глубокое и истинное, но сколько было коросты снаружи!

Часто казалось, что его прежние приятельницы были очень уж незатейливые девушки, и особый стиль его обращения с ними стал частью его природы.

Было в нем одно притягательное свойство – это был мужчина. Первый взрослый мужчина в моей жизни. Несмотря на все те качества, которые его не красили и о которых я сказала, в нем было вполне достаточно и *Ewigmännliches* (нем. – вечномужское) в варианте молодого советского человека, прошедшего войну.

Таким был А. Д., когда по-своему ухаживал за девушками: все у него выходило смешком, даже не шутливо, а шутейно. Но случалось и выходить из этой спасительной роли, которая, как он искренне считал, его ни к чему и не обязывала, и прорывалось то, что и привлекало меня в А. Д.: аналитический ум, его жизненный опыт, который он в общем держал при себе, но он-таки просвечивал, увлеченность искусством и те биотоки, которые, может, и помимо его воли шли от него ко мне.

Но все это я пишу сейчас (хотя многое понимала и в 47!), весной 99. Надеюсь, если Бог мне даст силы, я приведу в следующей книге (!) большую часть нашей переписки. Года три тому назад А. Д. вернул мне те письма, что сохранились у него, у меня осталось много не отправленных ему и почти все его. Вот будет интересно посмотреть, как Судьба распорядилась нами и какими мы были.

... Карандашом на черно-белой открытке 46 г. «Заросший пруд» Серова:

«Он сперва сыграл «Я Вас любил»... Вообще он заводил пластинки такие, что мне верилось, что он любит меня. Какой-то романс в исп. И. Юрьевой: «жестокая», «капризная»...

– Нет, пересядь, а то меня слишком соблазняют твои губы.

Он заводил такие необыкновенные пластинки!.. Они были все так подобраны, как будто он хотел, чтобы они за него сказали бы, что он любит меня. Это хорошо».

Однажды, когда я была у А. Д., он начал меня как-то странно целовать: его язык что-то там выделял у меня во рту. Я спросила Маму, что это могло быть. Думаю, что Мама и сама этого не знала, но пришла в негодование.

Еще эпизод конца лета 47. К нам домой пришел полковник, – так во всяком случае запомнилось – но определенно старший офицер, с бутылкой коньяка и пирожными и от имени А. Д. просил меня стать его женой.

Середина августа 47. Письмо сестре:

«Ник. Ник. с Ал. Даниловичем едут в Л-д. Мне хотелось бы с ними послать тебе хорошее письмо, но как-то нет настроения писать именно сейчас.

С Ал. Д. все выяснилось. Но с ним самим поговорить не удалось. Когда ты будешь разговаривать с ним, то скажи, что «дружбу» с ним мне продолжать хочется, что ему в какой-то мере я благодарна за то, что не так трагически восприняла события этого лета, что с удовольствием буду переписываться с ним. М. б., я скажу это ему и сама, [если] будет время. Посылаю ему свою фотографию.

Машер, а как твои, драгоценные для меня, дела? Тут неуместны какие-либо вопросы, так как все интересно. Сегодня мой выходной. На столе у меня «львиные зефы» и гвоздики, их купила вчера мама в садоводстве.

Ты ведь знаешь, машер, что я тоже хочу поехать после экзаменов в Л-д? Я не мечтаю об этом и не думаю, даже не считаю дней. Очень боюсь. Поговори с А. Д., чтобы он писал нам.

Скажи Н. К. много хороших пожеланий от меня. Как много ей забот [...]».

Н. В. в открытке от 13XI47 пишет мне:

«Дорогая моя Зосенька, очень ты мне понравилась на фотографии, спасибо тебе за нее. [...] Пиши мне, моя Девочка, всегда рада твоим письмам и ничего не думай худого, если затягиваю ответ. Я почему-то верю в то, что ты добьешься перевода в Ленинград и будешь этим обязана не блату, связям и т. п., а своей твердой воле, которая у тебя есть. Мне очень любопытно, почему ты отказала своему летчику? Чем он не подошел? [...] Целую тебя, и маму, и Люсеньку, нашла ли она работу?»

Твоя Н. В.».

Да, ведь отказала...

Чем «не подошел» А. Д.? Одним: я хотела учиться и о замужестве не могло быть и речи. Сказалось и абсолютное незнание того, что любовь – это не только встречи, разговоры, прогулки... Замужество воспринималось в чисто хозяйственном плане – бесконечная домашняя работа. А то, что замужество – это и есть любовь, завершение любви, и что происходит между мужчиной и женщиной, не было ни в мыслях, ни в подкорке. Этого не было и в книгах.

А дальше произошло следующее: и я, и Мама, мы совершенно забыли об этом сватовстве. Будто его и не было. И никогда не вспоминали. Может быть, потому, что А. Д. ничего не сказал сам.

И – он уехал. Сперва в отпуск в Донбасс, а потом на курсы усовершенствования в Ленинградскую военно-воздушную инженерную академию, которую окончил в 1941 г.

В те же августовские дни. Надежда Евгеньевна Бобина, свекровь Н. К., посылает Маме несколько слов на библиотечной карточке:

«Дорогая Юлия Федоровна, мне хочется сказать Вам, что пребывание у нас Люсеньки, кроме приятного, ничего не внесло в нашу жизнь. Она такая милая, что к ней трудно не привязаться. Будьте спокойны. Теперь ждем Зосеньку. Если только будет возможность, мы не уступим ее никому. Я с большим удовольствием кормлю свой пансион и живу их интересами. Это вносит некоторое разнообразие в нашу безрадостную жизнь на старости лет. Крепко целую Вас и желаю всего доброго, Н. Б.».

И вот последнее Люсино письмо этого бурного лета:

«Дорогие мама и Зося, бабушка Дуня и Матвей!

Наверное, вы уже получили мою телеграмму? Я задерживаюсь из-за формы № 7.

Vin sehr hungrig [Ах, бедная, бедная, голодная сестрица! Такое признание (нем. – Я сильно голодна) исторгнуть из себя – значит, дело было schwach!] Шла из Университета и хотела что-нибудь купить, но, кроме 300 гр. яблок, ничего не нашла. Была возможность купить огурцы, но ведь это – вода. Я хочу купить здесь тазик для мытья посуды. Он стоит 31 рубль, но зато, я думаю, это вещь.

Зося, я была у Нат. Васильевны. Она опять предложила остановиться в ее квартире, т. к. ее хозяйева отсутствуют до 5 сентября. У нее музейная, изумительная квартира с картинами Бродского, японскими статуэтками, красивой мебелью. И красивый, хороший стол с солонками для каждого прибора, печеньем при кофе. И сама Нат. Вас. – как маг или восточная [пропуск, не нашлось слова. Думаю, что подошло бы «перя». О женщине пленительной восточной красоты и обаяния. Н.В. была караимка.] на диване. Но приехать ты должна к Нат. Конст.: она хочет тебя посмотреть и познакомиться.

Наведи, если возможно, справки о моей работе.

Очень хочу еще раз съездить в Пушкин. [...]

Ну вот и все. Надеюсь, что картошка уже поспела. Очень ее воруют? Съездила на огород к Н. К. Он у нее не такой уж маленький, и картошка неплохая. Привет от всех. Целую Люся. 16 VIII 47».

Наталия Константиновна 18VIII47 пишет большое письмо Маме, которое хотелось бы привести целиком – вот она жизнь талантливого художника! – но не имею права. Это мир Н. К. Прочитую то, что пишет Н. К. о сестре:

«Люсенька прекрасно освоилась с городом; мы говорили, выработывали маршруты, и она путешествовала. Мне думается, она набрала много хороших впечатлений.

В ее пребывании тут был ряд летних прелестей и возможностей, как чудесная погода, нарядный, в цветах, город, парки и, наконец, относительная свобода в нашей квартире.

Но мы с ней говорили уже о том, что все эти впечатления нужно дополнить зимней спецификой: Филармония, Театры, иней на соборах и деревьях etc...

Я надеюсь, что ей удастся тут быть зимой. Тем более, что можно будет сдать часть экзаменов.

Все у нее хорошо. Юлич! Я не пойму, в чем Ты видишь такую застенчивость Люсеньки, мешающую ей жить?

Нам с Н. Е. [Надеждой Евгеньевной] совсем этого не кажется. Все в ней мило и просто, чуть наивно, деловито...

Мне было очень приятно с ней. Особенно сейчас, с приездом Лады [племянница, дочь Дмитрия Константиновича Фандерфлита, приехала из Чкалова]. Я чувствую, насколько Люсенька со всеми интересами, свойствами и устремлениями мне понятнее и ближе, чем чкаловская красавица. [...] За все годы я ведь никогда от Лады ни строчки, ни слова приветства не слыхала... Мы друг друга знали только понаслышке».

... После экзаменов я еду в Ленинград, сестра заменяет меня на кухне: «Второй день работаю на Зосиной кухне. Не устаю очень, но утром трудно просыпаться. Мою, вытираю посуду, накрываю на стол, разношу хлеб, мою пол.

Тарту показался мертвым городом: мало людей, масса развалин с квадратными глазницами, толстый слой пыли. Но постаралась себя убедить в том, что город он хороший, и уже сейчас с удовольствием шла по нему» (23VIII47).

Мое письмо тоже от 23VIII:

«Дорогие мама, Люся, бабушка Дуня и Матвей! Мне хочется сказать Вам много зараз всего.

В Пскове я пережила ужаснейшие минуты. Билет было достать невозможно. Когда открывали двери, то бросались и ломались все. Меня жутко толкали, билета я не достала. У меня градом сыпались слезы. Я была страшно несчастна, так как такое явление там происходит всегда.

Все устроил Андрей [который помогал пилить дрова]. Не знаю, чем все кончится для него. Ехал их врач, майор. Он [Андрей] выдал меня ему за дочь какого-то служащего. Тот спросил меня, как моя фамилия, кто мой отец. Андрею сказал, что раз узнает все это по приезде в Тарту. Узнайте, что это за доктор, высокий, полный. Поезд отходил в 8.10, а билет у меня был в 8.07. Майор его получил тоже с огромными трудностями. Может быть, Андрею ничего и не будет, так как этот доктор догадался уже об обмане, а все-таки пришел посмотреть, как я устроилась, перед самым отходом поезда. [Как мы ловили такие мановенья Судьбы, как долго и благодарно их помнили!]

У меня очень тягостное настроение духа. Даже Ленинград не радовал очень. [...]

Пока о Л-де ничего замечательного не пишу, так как это еще во мне не отработалось. Как Люсина работа?

Целую крепко, очень крепко.

Привет Зое [жена Н. Н.] и Ник. Ник.

Ваша С. Х.».

Конец августа:

«Дорогие мама, Люся, бабушка Дуня и Матвей! Как же вы? Здоровы ли вы?»

Я все вспоминаю вас, особенно маму и Люсю. Теперь, когда Л-д для меня стал невозможен, я начинаю понимать и любить его. Он меня просто обольщает, пленяет, я хочу его, жить в нем, любить его, узнавать.

У меня столько всяких тут было огорчительных моментов, что мне просто невозможно. [Вот когда прыснуло отчаяние!]

Вчера в Университете выяснилось, что меня здесь не принимают. [...]

Теперь я гуляю по Л-ду, он мне нравится страшно. Университет сделался моей мечтой. Я хочу туда когда бы то ни было поступить. Я думаю: на будущий год я буду туда держать экзамен на I курс.

Была в Пушкине, у Муси. Город мне понравился очень. Мы целый день прогуляли. [...] Н. К. подарила мне шелковые чулки. Они чудесны.

Оба мальчика мне нравятся. Каждый в своем виде. Вообще, все в этом доме нравится очень. Дедушка. Только относительно Лады я еще ничего не могу сказать.

Как огород? Как мамина путевка в санаторий? [...]

Что слышно о моем Университете? Об Ал. Дан., мне грустно, что я не могу с ним встретиться; о моей работе?

[...] Вчера была у Нат. Вас. Сегодня пойду к ней с визитом, а завтра переберусь на эти несколько дней. Она мне понравилась: с ней чувствуешь себя остро и интересно.

Вчера, в среду, мне было что-то грустно. Вообще, я чувствую себя печально... Я все жду от вас писем!»

Сейчас (99 г.) меня несколько удивляет, что я так немногословна в своих впечатлениях от Н. К. и Н. В. Убеждена: это произошло оттого, что между нами уже была большая душевная и духовная близость и по письмам мы хорошо знали друг друга. Поэтому никаких таких открытий я для себя не сделала.

«Дедушка». Сергей Павлович Бобин¹³², свекр Н. К. Вот эта краткость, это как бы nota bene свидетельствовали о том, что я глубоко прониклась его личностью и сочла, что о нем должен быть особый разговор.

В один из последних дней августа я сфотографировалась на Невском, напротив Публичной библиотеки. Тогда это была лучшая фотография в Ленинграде. Какое-то время спустя мне написали, что видели мой большой портрет в ее витрине. Позже А. Д. прислал мне его. Он долго висел у нас, у Мамы в Тарту, а, когда она переехала к сестре в Ленинград, вернулся ко мне.

Я назвала его «Зося любит».

47-48 студенческий год в Тартуском университете. У меня осталось о нем очень мало впечатлений: все-таки это было новое, только что открытое отделение и состав преподавателей был пестрый. Да, скорее всего, я сама еще не доросла до научных интересов. Зато самую атмосферу своей первой alma mater почувствовала взволнованно и с радостью. До поступления в университет я не сталкивалась, не соприкасалась с эстонской интеллигенцией. Что это такое, каков ее уровень, внешний и отчасти внутренний мир, приоткрылось теперь. Судила по студентам. Они мне нравились! Мальчики были прекрасно воспитаны, те, с кем я поближе познакомилась, говорили хорошо по-немецки и совсем неплохо по-русски. А какие тонкие лица! Какие большие голубые глаза! Даже некрасивые лица были хороши тем, что на них лежала печать мысли. Конечно, поступили лучшие, но эти были цветом народа. Многие юношеские лица помню. Имена – давно забыты. С девочками такой летучей, с разговорами о Ницше, Гамсуне, дружбы не было. Девочки были и у нас в группе.

На нашем отделении была одна прелестная девочка, которой я просто увлеклась, – Ирина Ромашова, мой Иришкин. Меня все умиляло в ней: маленькие ручки, крошечные пальчики, маленький задорный носик, голосок балованной девочки... Отношения с другими были ровные, особых сближений не было.

Фольклор читал нам Борис (отчество, увы, забыла!) Правдин¹³³. Кажется, он был профессор, но, если и не был им формально, то как ученый это была Личность, достойная традиций Юрьевского-Дерптского-Тартуского университета.

Но курс фольклора был короткий, я мало слушала Б. Правдина.

Увлекли меня и лекции проф. Аристе¹³⁴. Слушала их вместе с эстонцами, на эстонском языке. Понимала вполне. До сих пор помню его интригующие примеры. Сохранились в современном эстонском языке реликты языка жестов. По-эстонски «Kuidas käsi käeb?» буквально – как рука ходит, движется – означает: «Как поживаешь?» Что-то иллюстрировал и другой пример: «Kõht on tais» – буквально: живот полный, а на самом деле: «Я сыт». Знания, эрудиция, владение более чем десятью языками – все это бесспорно. Но ведь еще и блестящий талант лектора, стремление очаровать своей наукой каждого студента.

На меня профессор обратил особое внимание из-за финской фамилии. Его интересовали потомки финно-угорских племен в Ленинградской области, вепсы, ижора, и он жаждал услышать их живую речь. Мы-то, кроме нескольких папиных финских слов, ничего не знали.

Однажды в костеле, в тот момент службы, когда молящиеся простираются ниц, я увидела... расprostертого рядом дорогого профессора! Оказалось, он прибежал и к такому способу услышать звуки заповедных диалектов...

Остался этот год в памяти вечерами на кафедре французской филологии заведующей кафедрой m-me Kann. Комната кафедры неуловимо превращалась в небольшой салон, горели свечи, стоял непременный букетик цветов, слушали музыку и друг друга. Говорили, читали, декламировали – все по-французски! Мне были интересны рассказы молодых женщин, которые в юности уезжали во Францию, нанимались в услужение, чтобы слышать живую речь и заговорить самим...

Как передать атмосферу этих вечеров, обаяние интеллигентности, которая была растворена в воздухе? Я только присутствовала, но была счастлива этим приобщением к миру французской культуры, который открывался мне через m-me Kann. Через несколько лет, когда я вернулась в Тарту работать на кафедре русского языка, я сказала m-me Kann, чем были для меня ее вечера в тот год. Ни на лекции Р. Ariste, ни сюда мои одноклассники не ходили.

В моих бумагах сохранилась вот такая переписка во время лекции. Похоже, что лекция как раз по фольклору. Но как параллельно идет жизнь сердца и жизнь ума..., и не сойтись им... Моя корреспондентка – Нинель Дегтярева, она приехала из... города Пушкина учиться в Тарту.

Я: «Любовь нежданно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и каждый вечер сразу станет так удивительно «хорош»... – это и то, что я так мало знаю и не знаю, как это лучше запомнить, знать... Сегодня так мне тоскливо. Даже не знаю, почему.

Нинель: Сонечка, милая, ты просто влюблена и поэтому грустишь. Но, если я ошибаюсь, то правдоподобнее будет то, что ты хочешь яркой любви. Ведь правда? Или, может быть, хочешь быть вместе с А. Д.? Можно его слушать и «воспитывать», можно ощущать, что живешь полной жизнью. А это самое главное, когда нет пустоты.

Я: Верно, что я хочу чего-то яркого, свежего, что это такое, любовь или дружба, музыка или театр, м. б., ЛГУ или все знакомые Ленинграда. Хочу, чтобы много заниматься, но не одной, а с кем-то, в обществе современных людей. Ты понимаешь?

А. Д. – только символ Л-да, другой жизни. Говорят, бывают люди, отравленные Большим Городом, его блеском, его жизнью, очарованные им...

Нинель: Ты знаешь, у меня такое же состояние. Но, увы, я отчаялась найти здесь что-либо подобное. Или здесь совсем нет этого, или надо очень искать. Если у тебя тоскливое настроение, то у меня эта тоска дошла до тошноты. Как я только приехала сюда, то сразу почувствовала пустоту кругом, ибо я теперь знаю, что больше ничего нового не увижу, чему еще удивлялась в свою первую поездку. Теперь мне Тарту ничего нового не даст. Но это вовсе не пессимизм. Нет. У меня еще очень яркое восприятие жизни. Но я живу в себе.

Я: Это у меня тоже не пессимизм, а просто грустные, невеселые размышления.

Для того, чтобы поднять тонус жизни, я думаю пойти сегодня в эту семинарскую библиотеку, чтобы там почитать эти былины, немного дать направление какой-то маленькой увлеченности. Хочется побольше знать.

В Тарту есть еще много такого, что достойно внимания, но надо оч.-оч. искать, а при нашем устремлении к Л-ду нам это трудно.

Знаешь, надо будет как следует познакомиться с Универс. библиотекой. Это стоит.

Нинель: Я согласна. Обязательно сходим. Но когда?»

Но все-таки что-то во мне было, какое-то научное беспокойство. Я была членом Научного общества студентов и избрана в его президиум.

24IX47 Н. В. пишет мне открытку в Тарту:

«Милая Зося, рада твоей открытке, хотя о тебе из нее ничего не узнала, как в Университете, дома, на работе. Бери прицел на перевод в Л-д.

У нас тоже стоит изумительная осень, теплая, тихая и синяя, даже меня, старуху, тянет бродить по городу – он такой красавец! Люся оказалась счастливее тебя, п. ч. [потому что] видела его в хорошие дни во всем его великолепии. Чувствую себя немножко виноватой в том, что тебе пришлось скомкать твое пребывание здесь.

Потому, Зосенька, Екатерина Влад. и я очень приглашаем тебя на зимние каникулы. Походим по концертам, театрам и музеям. [...] Люсе пишу одновременно».

Приписка Е. В.: «Дорогая Зося, приезжайте к нам на зимние каникулы. Е. Андреева».

Открытка сестре:

«Милая Люся, спасибо за внимание и поздравление. Есть ли у тебя все нужные книги? Если нет, пришли мне еще раз список, первый твой списочек я потеряла.

Люся, Екат. Вл. и я приглашаем Зосю на зимние каникулы в Ленинград, чтобы дать ей возможность взять реванш, т. к. ей не повезло на погожий Ленинград, как тебе, а тебя зовем на весну, ведь у тебя должна быть сессия. Так как Зося очень подвержена «настроениям», верю больше тебе насчет писем. Напиши о маме, как она живет. Какую ты нашла работу, и как учеба твоя заочная. [...]

Пиши же, не забывай.

Н. П.».

Первое письмо А. Д. из Ленинграда:

«Добрый вечер, Соня!

Вот я и моя душа в Ленинграде. Вчера слушал оперу «Иван Сусанин», сегодня думал послушать оперу «Князь Игорь», но не узнал, когда состоится, днем или вечером, сие произведение Бородина. Думал – вечером, а оказалось – утром, и билет пропал. Завтра смотрю «Пигмалион», а послезавтра – «Бахчисарайский фонтан» (если достану билет) с участием Галины Улановой. Занятия начнутся не раньше 1го октября, и вот я, пользуясь случаем, развлекаюсь.

Зося, продумай хорошенько вопрос о приезде в Ленинград во время зимних каникул. Я заранее достану билеты в театр.

В день приезда и сегодня был у Наталии Константиновны, передал тетради. Фотографии Люси должны прислать, твои еще не готовы.

Вчера был в Университете, Люсю зачислили студенткой ЛГУ и 23 послали уведомление об этом событии. Я узнавал также о возможности сдать экстерном экзамены, но ничего утешительного мне не сказали: на гуманитарных факультетах можно сдавать экстерном, на физфаке и химическом – нельзя.

В академии встретил много старых товарищей по институту.

Вот кратко и все. Сегодня всем товарищам и друзьям сообщаю новый адрес, написать должен еще 6 писем.

С большим приветом,

крепко жму ручку (левую).

28.09.47.».

Подпись-ропись.

«Добрый вечер, Соня!

Только что приехал из оперного театра, смотрел балет «Бахчисарайский фонтан» с участием Улановой. Балет поставлен отлично. Уланова танцевала изумительно. Жалею, что тебя не было, ты была бы в восторге от балета.

Плохо, что хожу один, а ходить с девушкой, которая не нравится, не могу, уж лучше с другом или сам. [...]

Да, я недавно написал тебе письмо и вот снова пишу. Это не положено Аллаху делать, излишнее внимание портит девочек. Правда, за тебя не беспокоюсь, ты у меня умненькая.

Ну, вот и все.

Спокойной ночи, Соня.

Большой привет всей вашей семье.

С приветом.

30.09.47.

Ал. ».

«Соня, у меня сейчас прекрасное настроение, и «виной» этому два твоих письма. Если бы сейчас увидел тебя – расцеловал за твои хорошие письма, за твое дружеское отношение ко мне.

Соня, я тебя прошу, называй меня просто по имени, так будет меньше официальности. Дальше: выбрось из головы всякие сомнения насчет искренности моего отношения к тебе. Мне приятно иметь такого хорошего друга, как ты, и неприятно, что у тебя в голове такие мысли. [...]

Сейчас в театры не хожу, перерыв на 10 дней из-за отсутствия денег. Когда дадут деньги, то снова начну посещать кинотеатры, театры и т. д.

С учебой все обстоит благополучно, при желании все могу сдать на «отлично». [...]

Мой день рождения 29 декабря, а твой когда?

Рад, что у тебя хорошо дела идут в школе [с пионерами]. Желаю и в дальнейшем еще больше успехов в работе и учебе.

Привет родным, знакомым (Ире и подругам).

До свидания, милый друг.

10.10.47.

Ал. ».

«Соня, в связи с изменением местожительства я получил твое письмо только вчера вечером. [...]

Да, ты когда перестанешь меня называть на «Вы»? Это налагает отпечаток официальности на письма. Давай договоримся, чтобы переписка была более дружеской, заменим множественное число на единственное.

Ты на что намекаешь, когда говоришь, что нужно иметь интересы не только к математикам? Говори яснее. Неужели ты сомневаешься в том, что я Аллах, а посему мне не свойственно то, что свойственно всем?

Соня, если бы ты представила, какая у меня сейчас голова! Ничего не соображает. Я вчера вечером читал сложную литературу (W. Pauli «Общие принципы волновой теории» и «Мезонная теория ядерных сил»), а сегодня после 6 часов высоких материй совсем отупел – на литературу и искусство времени нет, мне Ленинград нужно полезнее использовать, ибо читать всякую муть можно тогда, когда есть излишек времени, или если специализироваться в этой области. Не думай, что я совершенно откажусь от искусства.

Временный перерыв ничего не означает. Я регулярно буду раз в неделю посещать театр или кино.

Ну и голова у меня – будто кто поленом стукнул.

Привет родным и знакомым.

30.10.47.

Ал. ».

«Милая, Соня!

Мне очень понравилось твое письмо. Приятно читать письмо, написанное в подобном стиле. [...] Твое наставление вполне справедливо, и мне очень понравилось. Ведь приятно, когда чувствуешь, что человек пишет то, что думает.

Сегодня купил электропроигрыватель, так что, когда будешь в Ленинграде, послушаем музыку. Мне очень приятно вспоминать время, когда мы слушали и тебе нравилась музыка (у меня сейчас хорошее настроение, и боюсь, чтобы не написать сентиментальностей).

Недавно смотрел балет «Золушка» – замечательно. Меня предупредили в театре, что больше одного не пустят, поэтому быстрее приезжай. [...]

Ленинград в праздничные дни выглядел красиво – ночью весь в огнях. [...]

Возможно, я в Ленинграде останусь – преподавателем в академии, тогда совсем хорошо будет. [...]

Соня, прошу писать откровенно, как выглядят мои письма. У меня сейчас к тебе исключительно приятные чувства, но выразить их не могу – вот до чего доводит математика. Сейчас снова начну решать дифференциальные уравнения.

Спокойной ночи, Соня.

Привет родным, привет знакомым.

23.11.47.

Ал. ».

«Добрый вечер, Соня!

[...] Соня, мне приятно, что о тебе так хорошо отзываются. Я тоже хвастался перед товарищами, что у меня есть замечательная девушка в Тарту. Желая, чтобы ты оправдала мнение в дальнейшем.

В этом месяце должны отменить карточную систему, жизнь должна улучшиться, и тебе нужно перебраться в Ленинград. Я думаю, что ты имеешь все возможности завоевать авторитет и в ЛГУ и после окончания ЛГУ остаться в Ленинграде. В зимнюю сессию часть студентов отчислят из Университета (за неуспеваемость), поэтому в зимние каникулы можно попытаться поговорить с ректором ЛГУ о возможности перевода.

[...] Почему тебя разочаровывают твои девочки по Университету? Такая «маленькая» – и уже разочарования. Нехорошо.

Соня, ты все же напиши, когда у тебя каникулы? Почему не пишешь, как дела у Люси. Привет ей большой. [...]

Да, советую прочитать две книги: «Жизнь с точки зрения физики» Шредингера (знаменитый физик и математик современности, основатель волновой механики) и «Пушкин» – сборник статей, впечатлений и рассказов о Пушкине. Автор Вересаев (если память не изменяет).

Первую книгу очень трудно достать и трудно читать, но вторую обязательно прочти: замечательная книга.

Привет всем вам, а тебе наибольший.

Лучшего, чего могу, желаю тебе, милая Сонечка.

3.12.47.

Ал. ».

«Привет, Соня!

Давно тебе я не пишу.

Ох, и жизнь пошла! Начались зачеты – самое плохое время. Готовиться нужно, как на экзамены, одновременно занимаемся по 8 часов да лабораторные работы приходится делать. Голова оступела. Чувствуется большой перерыв в работе, после которого трудно голове резко переключиться на работу. Даже спать стал плохо (не только я, все наши ребята) от перенапряжения. До 3²⁰ января нужно сдать 6 зачетов. [...]

Соня, мое это письмо не критикуй, я пишу его во время перерыва между изучением одной из дисциплин, которую сдаю послезавтра.

Ты должна приехать на каникулы в Ленинград, тебе необходимо знакомиться с искусством. У нас каникулы тоже с 25²⁰ января по 7⁰⁰ февраля.

Поздравляю с наступающим новым 1948 годом.

Желаю новых успехов в новом году.

Привет родным, в том числе бабушке [последние три слова подчеркнуты].

Крепко жму твою ручку.

23.12.47.

Саша».

Я привела письма А. Д. этих месяцев, потому что они много значили не только для меня, но и для Мамаы. Все, что было во мне, со мной, переживалось Мамаой взволнованно и очень лично. А письма... Тут не во что было вчитываться, нечего переживать. Они оставляли сложное чувство неудовлетворения, досады, обманутых ожиданий. Они почти и не были ответами на мои. То глубокое, истинное, что я чувствовала в А. Д., когда он был рядом, странно растворялось, таяло в этих наспех написанных листках из дешевого блокнота в клеточку...

Это был совсем-совсем другой стиль, «жанр» писем, а не тот, который я любила и хорошо понимала в письмах Н. К., Н. В., С. Гр...

Наверное, дело было еще и в том, что я и вообразить себе не могла, как тяжело было А. Д. вернуться к учебе, да еще такой сложной...

... Но жила я его письмами, от письма до письма...

14 I 48 Н.В. шлет мне открытку: «Милая моя Зосенька, [...] диван в столовой к твоим услугам, приезжай на каникулы.

Тебя приглашает Ек.Вл.

С моей стороны предлагаю тебе свой гостевой билет в Дом писателя, если там будут интересные для тебя вечера и концерты.

[...]

Приезжай и дай знать, когда тебя ждать. Н.П.».

И вот пришли ЭТИ ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ – и я в Ленинграде!
Квартира Андреевых была в Соляном переулке 16 (почтовый адрес - Пестеля 4/16) напротив училища Штиглица.

Когда-то весь дом принадлежал бабушке Е.В. Андреевой, а теперь у Андреевых – только часть квартиры на втором этаже, и вход был с черного хода по типичной черной лестнице. Довольно большая кухня с окном во двор-колодец, в квартире была еще соседка, маленький коридорчик – с вешалкой, и в высокие массивные двериходишь в столовую.

Столовая – большая, полутемная, почти квадратная комната (окна выходили во двор и всегда были занавешены плотной портьерой), большой, просторный обеденный стол, высокие стулья. На стенах картины Рылова, Бродского, величественный буфет XVIII века, как средневековый немецкий алтарь во славу охоты, две «горки» со всяческими музейными раритетами: миниатюрные скульптуры, вазочки, фарфор, стекло, керамика, слоновая кость... Даже терракотовые «коры» – фигурки женщин.

Рядом была комната Екатерины Владимировны и Наталии Васильевны, за нею, в угловой, с окнами на улицу Пестеля и в сторону Летнего сада – кабинет Николая

Николаевича¹³⁵. Николай Николаевич работал в институте холодильной промышленности, химик, профессор.

Екатерина Владимировна и Наталия Васильевна познакомились очень давно в Доме занимательной науки. В эвакуацию в Среднюю Азию они поехали вместе. Оттуда привезли кошку Биби-Ханум. Она была полна восточной лени.

В наше время Н.В. вела хозяйство в доме: составляла меню для домработницы, список продуктов, которые надо купить, отсчитывала деньги...

За столом, спиной к буфету, сидела Е.В. Она разливала чай, раскладывала еду по тарелкам. Стол был всегда сервирован с дореволюционной тщательностью: хрустальные подставки для ножа и вилки, солонки у каждого прибора, салфетки, старинный обеденный сервиз.

Справа от Е. В., с угла, сидела Н. В., напротив нее, спиной к окнам, во двор – Н. Н., мы – напротив Е. Вл. В дни праздничных приемов нас усаживали как получалось.

Екатерина Владимировна – красивая полная дама, всегда необычно одетая, может быть, в стиле 20-х – 30-х, платье свободное, широкое, достаточно длинное, из красивых дорогих тканей. Длинная нитка крупных круглых бусин на пышном бюсте... Живые, энергично смотрящие глаза, мягкая, добродушная полуулыбка – полунасмешка, ироничность по отношению к нам. Теперь мне кажется, что Е. Вл. так затушевывала свои сантименты, всякие «антимонии», преодолевая нашу стеснительность, отстраняя ее.

Наталия Васильевна была больше склонна к душевным разговорам в полголоса у нее на диванчике. Потом, по-моему, она эти разговоры (в них не было никаких секретов, конечно!) пересказывала Е.В.

У нас установился обычай как бы отчитываться перед «Андреевыми» – так мы звали между собой и Н.Н., и Е.В., и Н.В. – в своих духовных приобретениях: Пушкинский театр, Эрмитаж, Филармония, Русский музей, парки.

– Ну, рассказывайте! – почти приказывала нам Е. В., и мы, немного поколебавшись, кому начинать, вот и рассказывали, где были, что видели и слышали...

На все студенческие годы Дом Андреевых стал для нас важным, дорогим центром Ленинграда. Нас приглашали к обеду – и на Новый год, и 7 Ноября, и просто в воскресенье... Обед у них был вечером. Но, ясное дело, мы всегда предварительно звонили, и тогда нам говорили, когда придти. Об Андреевых я напишу еще, когда дойду до университетской жизни, а сейчас письмо в Тарту, конец января 48 года.

«Дорогие мама, Люся, Матвей и Бабушка Дуня! Как вы все и ваши дела? Желая всего-всего хорошего.

Доехала благополучно. Вчера была в Эрмитаже. Смотрела греков, римлян и фламандскую школу. Понравилось».

На этом же листе, через белую строку, другими чернилами и другим пером:

«Дорогие мои, хорошие. Я читаю сейчас «Хождение по мукам» и переживаю всю ее [книгу] ясно и смутно, будто чувствовала это когда-то, может быть, вчера. А. Д. получил мое письмо 26 и тотчас же позвонил. Голос его был взволнованный и хороший. Вчера он заходил за мной, мы ходили в Эрмитаж, он говорил, что вообще весь в моем распоряжении. Но я не была с ним нежна и ласкова. Он был грустен. Мне грустно от этого, я не знаю, хочу ли ему нравиться, чтобы он любил меня, а я его. Мне кажется, я люблю его какого-то, а какого-то не люблю. Это странно. У него были билеты на Тарасову на 1-ое, но этот день уже занят, вчера мы купили на «Лебединое озеро», третий ряд, середина. Нет, я решила: буду его немножко любить, ему будет хорошо от этого.

Я очень устала за эти дни и сегодня решила остаться дома, никуда не ходить и читать.

*Как все Ваши дела? Какое настроение у тебя, мама? И как чувствует та chère?
Я желаю вам всего светлого и хорошего.*

Я купила 40 кнопок, семь метров резинок, четыре подмышника, пакет крючков. Никаких деликатесов я не покупала, да и не тянет что-то [...].

Простите очень и очень, что я не написала до сих пор. Я чувствую, как мой Люсеночек» [конца письма нет].

«Но я не была с ним нежна и ласкова» – что за ... façon de parler! Ведь ни прикосновений, ни ласковых или нежных обращений, никаких таких слов, ничего этого до сих пор не было и не было больше тех поцелуев в моих встречах с А.Д.! Наверное, было подсознательное чувство, что я больше увлечена Ленинградом, своей тягой к Великому городу.

25 I 48. «Девочка моя дорогая! Вчера пришло письмо от А. Д., которое тебе пересылаю. Видишь, парень не так виноват: не ходил в Академию, не получал твоих писем, да и не ожидал, что ты приедешь так рано. Все же в его письме я обратила внимание на то, что он писал и ел апельсин, а это, по-моему, показатель сверхнормального состояния психики и полного отсутствия романтической взволнованности.

Как ты, моя дорогуненькая? Все боюсь, что какие-нибудь неполадки погубят и эту твою поездку. Вот тебе мой совет добра ученья: вбирай впечатления больше вглубь, не расплескивай их в излишней экспрессивности проявлений, будь вся в меру, по возможности положительна, спокойна и ровна, не разбрасывайся, собирай мед спокойно.

Дома за эти три дня ничего не случилось. Люсенька все также в своей раковине, из которой она показывается иногда, чтоб показать рожки, реже благосклонный вид. Вчера она должна была присутствовать на педагогическом совете [вместо меня, пионервожатой!], а я ходила вместо нее в библиотеку. Матвей и бабушка, как всегда, в своем репертуаре.

[...] Ну вот и все. На домашнем фронте еще такие новости: куплено ведро и два куска мыла, так что завтра начинается грандиозная стирка.

Целую тебя, мою дорогую, и жду письма. Пиши все откровенно. Как-то вы встретитесь с А.Д., если уже не встретились[...].»

25 I 48. «Дорогая та chère! Посылаем тебе письмо А. Д. Оно пришло сегодня и, надеюсь, тебя порадует. Телеграмму об адресе я послала сразу же.

Сейчас пришла из школы. Был педсовет, посвященный обсуждению плана на 2ое полугодие. Я должна была прочитать план твой на 2^{ую} половину января. Из него выходит, что его, весь почти, я должна сделать в эту неделю.

И вот сейчас прилегла почитать Лагерлеф, да и подумала, что у меня теперь будет интересное время: день будет занят до отказа, да при том еще – борьба.

Но заниматься, по-видимому, не придется. В понедельник днем – стирка, потом два вечера – работа и школа».

27 I 48. «Дорогая девочка! Опять пишу тебе коротенькое письмо и опять в качестве сопровождения к переправке тебе письма, на этот раз из Киева.

Люсенька идет сегодня на Шафрана, а я нет: все продолжается это мое упадническое настроение, когда ничего, даже музыки, не хочется. Все, верно, от усталости, потому что до сих пор во сне я все еще продолжаю считать столбцы цифр. Вчера с Люсенькой одолели всю массу белья, она опять навела блеск на полы, хотя они мылись только в субботу. Я жду письма от тебя, потому что, как всегда, когда вы далеко, я полна всяких страхов за вас.

Сейчас передают концерт из произведений Шостаковича, хорош его квартет № 3, и Девятая симфония тоже нравится. А вчера нечего было читать, взялась за том Тургенева, читала «Месяц в деревне» и вдруг ощутила, что я заражена целевыми установками советской литературы, так как показался мне таким ничемушным этот «Месяц в деревне». И весь Тургенев грустен. Одна сплошная резиныция. Люсенька в школе, в библиотеку пойдет вечером. После обеда стирала она. К вечеру я вошла в кухню, и стоит она у корыта такая тоненькая, молчаливая, так хотелось ее приголубить, но она меня выпроводила из кухни, сказав, что я действую ей на нервы. Ну вот, и все. Как ты, дорогая моя душенька? Целую тебя крепко. Мама».

Я переписываю письма Мама почти без сокращений. Наша с Мамой любовь друг к другу раскрылась и высказалась вот только теперь, в письмах. И весь мамин душевный и духовный мир открылся нам тоже в полной мере только теперь. Какая нежность в письмах Мама... Хотя сейчас я задумалась над этой фразой: «Пиши мне все откровенно.» Это обмолвка? Заявленное право на мою исповедь? Нет, просто ободрение, готовность принять меня такой, какая я есть.

28 I 48. *«Зоя, моя родная, дорогая, бесценная! (пародия).*

Итак, почему от тебя нет писем? Нехорошо, друг мой, плохо.

Сейчас пришла из школы, провела там три часа, устроила сбор совета дружины с вызовом двоечников (по плану). Приходил и Першин с другим юношей, а я их не узнала, и только потом оказалось, кто они. Сейчас отправлюсь в библиотеку за «Вожатым» – завтра собрание вожатых отрядов, так я должна подготовиться. [...]

Ну все. Смотри, пиши и исполни мои поручения. Всего хорошего. Веселись, не впадай в настроения, пользуйся пребыванием в Ленинграде. Целую (по-настоящему)».

Ах, милая сестрица, я совсем уж и не помнила, какая сложная семейная тактика была разработана и утрясена в школе, чтобы дать мне возможность в середине учебного года покинуть свой ответственный пост старшей пионервожатой: ты – в школе, Мама за тебя в библиотеке, я – в Ленинграде!

Люся, конечно, ощущала свою главную роль в этом раскладе, и, думаю, этим объясняются ее императивы... И все же, все же...

31 I 48. *«Моя милая, моя хорошая, моя славная и трудолюбивая сестричка! (не пародия). Я хочу тебе сказать много хорошего, славного, ласкового. Спасибо тебе за работу в школе, как я вижу, ты с ней очень хорошо справляешься. Правда, ведь это интересная работа? Как все мои дети? Не забывают ли меня? А то я приеду, а они все мне изменили. Нет? Как вожатые? Ты не огорчайся особенно, если что не так. – Ты знаешь, я чувствую себя серьезнее. Не знаю, почему. Как будто каких два человека во мне. Жить хорошо, но жизнь – это борьба. Нам кажется, что мы знаем это, а на самом деле мы это часто забываем. Люсеночек, мне чувствуется, будто ты опять в обиде или в огорчении, что ты не поехала. Ты знаешь, я твердо [подчеркнуто] убеждена, что у тебя все будет хорошо, интересно. – Я как-то ездила в ОЗО [отдел заочного обучения]. Я узнала его адрес. Но твоей секретарши не оказалось, она ушла к доктору. Поеду еще как-нибудь.*

29-го мы [с Н. В.] были на «Острове мира» в Театре Комедии – это на Невском. Ты знаешь, там замечательные артисты. Пьеса хороша, остра, злободневна, не верится, что Петров мог написать ее в 35-ом году. Я много смеялась. Там такой артист Беняминов, ну, он просто чудо! Я давным-давно так не смеялась.[...]

Сегодня у меня такой план: сейчас пишу письма, потом пойду в баню, потом, если успею, в Русский музей и потом к Н.К. Сегодня мы пойдем в Дом художника на Оборина. Это будет первый концерт с Н.К. Я тоже ее люблю, да ее и невозможно не любить. [Кстати сказать, с Н.К. я еще была на «Обыкновенном концерте» Образцова, сохранилась фотография «Солистки джаза» с этого спектакля, на обороте дата « 2III1948, Ленинград, с Н. К.»].

Всего хорошего. Высылай деньги на туфли, рублей 400. Потом как-нибудь возместим с моей стипендии, а зато у тебя будут красивые туфли. Мама, я думаю, ничего не будет иметь против. Как у вас с едой и деньгами? Крепко целую. – Привет вожатым и в школе всем. Посылаю тебе 2 «сувенира» о Русском музее. Ничего более интересного, к сожалению, не было. Всем всего хорошего. Привет Матвею большой и наилучших пожеланий. Целую. Твоя С.».

Удивительно, почему Люсеночку ни слова о встречах с А. Д.? Уж, точно, не из скрытности! Просто интуитивно чувствовала, как далеки ей мои волнения...

1 II 48. *«Дорогая моя девочка! Вчера, наконец, пришло письмо от тебя. В своем беспокойстве, в представлении всевозможных бедствий я последнюю ночь перед письмом уже совсем не спала. Но я уже заметила: когда мои огорчения, беспокойства достигают*

предела невыносимости, приходит разрешение. Мое настроение значительно лучше, сужу по тому, что сегодня усердно занималась починкой: пришло, значит, желание что-то делать, а это уже всегда признак повышенного тонуса жизни. Из домашних новостей могу сообщить только, что куплен метр³ дров, это из денег, полученных (250) за работу над отчетом, из которых (175) дала Люсеньке на туфли да еще устроили сегодня утренний чай с булкой и маслом.

Да! Еще пришло желание к 8 Марта сделать платье из старого костюма. Не одобряю, что на «Лебедином озере» будете сидеть близко от сцены, это места для балетоманов, для которых важно не пропустить ни одной детали движения, а для наслаждения общим впечатлением лучше иметь места подальше.

[...] Ну, вот и все, дорогая моя Цыплюша. Целую тебя. Твоя мама».

«Затрудняюсь, как написать обращение? Здравствуй? Моя дорогая? Ma chère? Пускай все вместе.

Вот хочу написать тебе письмо. Хотя мама оставила мне листок от своего письма, но я напишу отдельно, чтобы потом вложить его в дневник.

Здесь страшно тает... Ручьи, как весной, грязные и проворные. Ходила к Ире сегодня вечером. Когда поднялась по Рия, оглянулась на город и на поля. Сначала шли серые дома, страшно серые, потом снег далеко до горизонта, и там опять лес. И вот она [Ира Вахт] учится в Университете, в Ленинграде, куда она ехала, не имея ни души знакомых. Теперь она там своя, довольно часто ходит в театр и упорно, хорошо учится, по-видимому, как и раньше.

Я ее спрашивала о прожиточном минимуме. Она говорит, что 400 рублей было бы почти достаточно. Стипендия 290, а за вычетами – 260-265. И ты понимаешь мое состояние и мои чувства. И я подумала, что, если мы будем жить, так нужно бороться за перевод».

Вахт Ирина, одноклассница. Девочка с эстонской фамилией из семьи тех советских эстонцев, которые приехали в Тарту строить новую жизнь. Мне медаль (золотую!) не дали, ей серебряную – дали. Поэтому она и поступила так запросто в Университет!

Мое письмо от 2П48: «Дорогой, дорогой мамуль! Меня страшно огорчило твое письмо, я так хочу тебе отдыха, свободы, здоровья, а тут, как видно, ничего не исполняется. Как только приеду в Тарту, нужно будет основательно этим заняться.

Мама, большое спасибо тебе за поездку. Пока все хорошо, даже очень иногда. Трудно все рассказать зараз, я расскажу только некоторое. Вчера в Русском музее у меня было такое большое чувство счастья, красоты, чего-то единственного, что случается в человеческой жизни, что дает она Миру. Так хорошо, что хотелось стоять, никуда не ходить, смотреть и ощущать в себе это прекрасное. Чудные, полные прелести, чувства и мысли картины, большие и маленькие. Левитан, много других, я помню их место, но не помню авторов...

А вечером я читала «Хождение по мукам», потом вдруг вспомнила, что надо переодеться, так как должен захватить А. Д. Пошла в столовую и увидела на столе оба ваши письма, хотела скорее их читать, но подходило время, стала переодеться, но уже позвонил А. Д. Впопыхах ела, не могла есть, не проглатывалось. Вчера смотрели «Аиду», первое действие было слабее остальных, во втором и третьем артисты «разыгрались», распелись, были более красивые декорации. Артистам много аплодировали. Хороша музыка. Зал был тускл и не произвел на меня прекрасного впечатления, мало блеска, мало оживления, блеска глаз, огня в настроении [публики?].

А.Д.? Он, кажется, серьезно любит меня. Он так ласков, так нежен, так мил. Вчера все гладил мою руку и пальцы его вздрагивали, я чувствовала, что он взволнован и любит. Это странное возбуждает во мне чувство... На обратном пути пришлось долго ждать трамвая. А он еще раньше все спрашивал меня, почему я не хочу говорить ему «ты». Я не хочу с ним быть на «ты», потому что это порвет что-то, хотя это «что-то» очень тонко. Он

спрашивал меня, буду ли я когда-нибудь любить его, можно ли ему меня любить. Он тут серьезен и говорил, что бывает так, что кто-то видит в девушке только девушку, но что это не дает ничего настоящего... Нет, мамуль, трудно все это рассказывать. Меня удивляет только, почему же он привязан ко мне так, ведь в Ленинграде много есть славных девушек. В театре был его друг Леша (Алексей Дмитриевич), очень милый, симпатичный, образованный, влюбленный в Шестую симфонию Чайковского человек. Кажется, я им понравилась (был и еще один).

Я была в филармонии на симфоническом концерте Зандерлинга!

В этот вечер он был очень хорош. Дирижировал он Девятой симфонией Бетховена и концертом Баха для оркестра и трех роялей. [Курт Зандерлинг – дирижер симфонического оркестра филармонии в те годы. Вероятно, я повторяла мнение Н. В., но очень может быть, что и сама восприняла его именно так. Ведь открыла же я для себя совершенно самостоятельно потом Рихтера!]

Зал сам – праздничный, торжественный и радостный, в блеске огней люстр и в парадности красных кресел, в строгости и какой-то устремленности вверх – создан для симфонического оркестра, для творческого волнения дирижера, для ответного, понимающего восхищения публики. Это было прекрасно. Это единственное, по-моему, место Ленинграда, такое чистое, возвышенное, где лица одухотворены, а душа сливается с Красотой и Возвышенностью. Завтра там будет концерт Мравинского. Шестая симфония Чайковского, какой-то замечательный его концерт и сюита из «Щелкунчика».

Мамаль большая и наша, как же твое самочувствие, желаю тебе всего хорошего.

Как Матвей и Бабушка Дуня? Всего им хорошего, да уж скоро я и вернусь.

Письмо Сем. Гр. мне нравится, славный и хороший он. Интересно, это он серьезно думал, что я не поеду, и утешал меня? Я ему пошлю открытку из Ленинграда.

Целую всех и тебя особенно.

Р. S. Про А. Д. Матвею и б. Дуне не читай».

Письмо написано на плотной бумаге с водяными знаками из запасов Андреевых.

Открытка от 4 П 48: «Моя дорогая, изумительная сестрица! Получила твое письмо и тотчас же (!) тебе отвечаю.

Знаешь, Люся, так много дел мне всяких... Дум... мечтаний... Один А. Д. чего стоит... Мы с ним пришли сейчас с концерта В. А. Давыдовой. Концерт был очень хорош. А потом мы с ним ходили по городу. На прощанье, уже перед дверью Андреевых, он хотел меня целовать. Это так странно! Мне и хотелось бы этого, но я не чувствовала в себе ни огня, ни горячности. Это его дело создавать их во мне. Он потом так и сказал: «Это я сам виноват». Ах, все так странно!

Ma chère, я все [подчеркнуто!] буду тебе рассказывать, когда приеду. Туфли начну тебе искать. Как все твои дела? Желаю успеха во всем. Здесь все так волнуется и горько, и сладко.

Как мама и Матвей, и Großmutter [нем. – бабушка]? Мой дорогуш, не принимай всерьез того, что написала про А. Д. Все благо. Горячо целую всех. Тебя сильно. Из ОЗО ты, наверное, получила известие?»

Еще кусочек моих чудных каникул 48 года: открытка с репродукцией картины К. Коровина «У балкона». Пометка карандашом на открытке «4П48, Пушкин».

5П48. «Дорогая моя сестрица! Вчера была в Пушкине и купила там несколько открыток. Вот эту очень хочу тебе послать. Какие-то испанки смотрят в окно. Там другая, бедовая жизнь, и им, наверное, жаль, что они не на улице... В Пушкине видела Мусю. Как все твои дела? Как ученье? Я сегодня опять ездила в ОЗО, но опять ее [секретарши] не было, но она звонила мне, что послала тебе все ответы.

Здесь так много продается чудных книжечек, но, конечно, я не могу их купить. – Как мамино здоровье? Дорогуш маленький, я сегодня хочу пойти на «Чудесную фату» с А.Д. Он славный дядя. – Привет от него, он всегда вспоминает всех наших. – Говорят, здесь исчезнет

сахар. Люди стали запасать. – Крепко целую. Твоя, крепко любящая тебя сестра. Мамуль тоже много целую и Матвея. Привет бабушке Дуне».

Вероятно, в разговорах с Натальей Васильевной я рассказала о Люсиной страсти к открыткам.

Вот записочка Н.В. сестре: «Ленинград, 6II48.

Милая Люсенька, узнав твою любовь к открыткам, посылаю тебе серию «Душеньки» Федора Сологуба. Художник Александровской эпохи иллюстрировал популярную античную сказку-миф, обработанную римским поэтом Апулеем. Русский художник усвоил модный в его время классический стиль в фигурах, позах и группировках, но придал всему мифу чисто русский характер задушевности, недаром греческое слово «Психея» (что значит «душа») он заменил русским – «Душенька».

Н. Педькова».

Мои первые студенческие каникулы в любимом городе кончились... Самые счастливые были эти дни в моей жизни... Дом Андреевых, Н. В. и Е. Вл., Н. К., Николай Николаевич, музеи, филармония, театры, влюбленность А. Д... И, что бы ни было потом (а «потом» было!), в эти дни и вечера я чувствовала его восхищение мной, его нежность... Очарованно жила в том празднике, который устроили мне мамыны друзья и А. Д.

Н. В. пишет Маме:

«Л-д, 6II48.

Милая моя Юлюшка,

как-то в письме ты спрашивала мое мнение о твоих девочках, тогда я сознательно тебе не ответила, т. к. мало знала их. Хочешь, теперь напишу тебе, что думаю о Зосе? Зося всем здесь очень понравилась своей непосредственностью и очень хорошей жадностью к музыке, картинам, лекциям и т. д. Голова у нее, безусловно, умная, и особую прелесть ей придает то, что всем она обязана себе. На вещи она смотрит при этом трезво (без этого сейчас не проживешь). Но при такой чудесной горячности и непосредственности, трезвости этой, пожалуй, слишком много. Отсюда поступки, которые нас немного резали. Например: Ал-ндр Дан. часто водит ее в театр и покупает ей билеты. Зося решила свой билет отбирать у него для себя. Это не совсем вежливо по отношению к тому, кто ее приглашает. Или так: приглашений у нее было больше, чем хватало времени, и она легко отказывала первому предложению ради более привлекательного. Такие черты немного диковаты. Мы все над ней здорово подтруниваем, может быть, она и обижается. Но Андреевы все зубоскалы, и это не мешает очень теплomu отношению к ней.

Теперь о планах. Мне кажется, что решение Зоси остаться в Тарту, чтобы как-то дать дорогу Люсе, очень неверно. Если стремиться к переезду в Л-д для учебы, надо устраиваться непременно вместе, вдвоем [оба слова подчеркнуты], так легче прожить. Если обеим девочкам удастся перевестись сюда, то и я, и, думаю, Наташа [Н. К.] по мере сил будем помогать им. Кроме того, Зося настолько общительна, что знакомств и связей у нее будет достаточно.

Думаю, и с работой можно будет устроить какие-нибудь подзаработки. Держать Зосю в Тарту при возможности ей перевестись сюда – просто грех еще и потому, что своей специальностью она выбрала русскую филологию и литературу, а язык, обороты речи у нее часто уже не русские. Голова у нее, безусловно, блестящая, и надо дать ей ходу. Тебе, может быть, не очень приятно это читать, но решила быть искренней: лично я к ней за эти 2 недели очень привязалась.

Зося рассказывала про тебя, что ты очень устаешь на работе, которая плохо оплачивается. Отчего же ты так за нее держишься? Не лучше ли найти что-нибудь поспокойнее?

Я сильно дряхлею. Болят очень ноги и руки (то ли это ревматизм, то ли подагра), и иногда подкашивают желудочные дела. Но все это в порядке вещей, и жаловаться не приходится.

Целую тебя и Люсеньку. Шлю привет Е. Д.

Твоя Н.

8II. Юлич, перечитала письмо, и получалось, что оно может тебя огорчить, что ты неверно поймешь и придашь большое значение моей характеристике Зоси. Сегодня она уезжает, и мне уже грустно, я ее очень полюбила. Она чудесная девочка, а, м. б., во многом уже взрослый человек, и хочется, чтобы дорога жизни открылась бы перед ней широкой и увлекательной: тем более, что она наделена редкой способностью (у нынешних-то молодых ее нет) увлекаться и наслаждаться ценностями человеческой культуры. За это ее очень одобряет Ник. Ник., который довольно разборчив к людям: он с завистью сравнивает ее со своей невесткой, такими качествами она не обладает.

Как-то сидел у нас Ал. Дан. (Зося уходила в лавки), и мы с Е. В. взяли его в переплет – щупали. Он нам очень понравился. Если у Зоси это серьезное увлечение, мне кажется, он мешать ей в жизни не будет. Ну вот. Теперь кончаю. Целую тебя еще раз.

Н. П.».

[Приписка карандашом]: «Пожалуйста, Зосю не кори за Ал. Д. и билеты, с нее уже и у нас хватит!»

Мне Н. В. пишет 23II48:

«Моя Зосенька, наконец, пришло письмо (и книжка) от тебя. Я не знала, что думать: беспокоиться или обижаться. А оказалось, почта, которая от Вас ползет две недели до нас. Книжке я очень рада, я никогда не представляла Таллин в виде европейского города и только сейчас осознала, что он входил в цепь ганзейских городов, следовательно, и в цепь европейской культуры. Очень хороши старинные уголки и бюргерские интерьеры.

О том, что ты плакала по приезде, я понимаю, что это малодушие, а не сентиментальность, как ты пишешь. Я уверена, слышишь, уверена, что тебе удастся пробиться к учебе и жизни в Л-де, только это надо готовить, с неба это не свалится в готовом виде. Надо готовить, строить и организовывать исподволь. Жалко мне только твою маму, которая останется с Матвеем, и все-таки надо карабкаться и ее тянуть в будущем.

[...] Из впечатлений последнего времени большую радость принесло посещение художницы Остроумовой-Лебедевой¹³⁶. Мы ходили к ней собирать материал для очерка. Вообрази себе маленькую старушку – ей 77 лет – с глазами молодыми, пытливыми и оживленными. [...] От нее веет таким человеческим обаянием. Вот пример, Зося, воли к труду, к творчеству, к постоянному совершенствованию своего таланта. А сколько сомнений она пережила и горя! Блокаду пережила в Л-де! [...] Я читала ее воспоминания запоем и с волнением. Они написаны прекрасным языком и говорят о целой эпохе русской культуры. Прочти их, Зося, они называются «Автобиографические записки», I^{ая} ч[асть] вышла в 1935 г., II^{ая} – в 1945 году. [В моей библиотеке есть эти книги, изданные в Москве. «Изобразительное искусство». 1974 г. Да, целая эпоха русской культуры... И образ Петербурга...]

[...]

Пиши, Девочка. Очень я к тебе привязалась за эти 2 недели, и недостает мне кого-то, кто возится в углу за ширмой.

Передай сердечный привет маме, Люсе и бабушке.

Е. В. и Н. Н. шлют привет. Ты победила старика. Он ведь у нас суров и фыркает на людей, а ты растопила его сердце.

Ал. Дан. звонил о том, что ты хорошо села в поезд, а затем провалился в неизвестность.

Целую тебя.

Твоя Н. П.».

Первое письма А.Д. после каникул.

15.02.47 [48!!!]

Здравствуй, Соня!

Сегодня выходной. До 10 часов спал, затем позавтракал и снова лег спать. Сейчас 14 ч.30 м., недавно поспулся (это я за неделю отсыпаясь). Пишу тебе второе письмо. 12го я получил твое письмо и написал ответ, но сразу не отправил. И прочитал его (я обыкновенно не читаю, что пишу). Пришлось писать другое. Дело в том, что оно было написано непосредственно под влиянием твоего письма и получилось не только дружеское, а несколько больше. (Я пока не решаюсь писать тебе письмо как девушке и другу, поэтому решил написать второе письмо).

Соня, твое письмо мне понравилось тем, что ты писала его мне как человеку, с которым можно поделиться чувствами и мыслями. А это очень приятно для меня. Картина [репродукция] и текст Пришвина замечательные. И хорошо гармонируют между собой. Особенно хороша последняя фраза: «Да, никогда новая весна не бывает как старая, и оттого так хорошо становится жить – с волнением, с ожиданием чего-то нового в этом году» [подчеркнуто А.Д.].

Что касается твоих сомнений насчет моих умственных способностей, то прошу не сомневаться в том, что хотя бы такое несложное: понять, как написано письмо, я пойму и понимаю. Жаль, что не могу на тебя обидеться, а нужно бы.

23 ч.16м.

15.02.47. [Да 48 же год!!]

С Лешей прощались по Ленинграду. На каток не ходили.

Сонечка, только что снова прочитал твое письмо. Сколько чувства, творческой энергии, дружеской симпатии и даже больше в нем! Это, пожалуй, самое хорошее твое письмо. Здесь я побежден, мне пока не написать такое письмо. [...] Слушаю хорошую музыку по радио, и хочется писать тебе. Хорошо это или нет? Ведь я к тебе отношусь, как к другу, но замечаю в себе нечто [слово зачеркнуто] другое. Отдать распоряжение в мозг заглушить это другое? Соня, я к тебе вначале относился только, как к маленькой девочке, затем появилось дружеское расположение, а дальше... еще не решил, как вести себя. Подскажешь?

Завтра, очевидно, получу деньги и снова займусь театрами. Мне очень приятно, что о тебе хорошее мнение у Андреевых. Подобные мнения надо оправдать внутренне [подчеркнуто А. Д.], чтобы оно не было поверхностным, да и вообще делай так, чтобы не было видно, что ты хочешь казаться хорошей. Не бойся, что некоторые твои суждения и взгляды будут расходиться с взглядами людей, которых ты считаешь авторитетами. Лучше, если твое мнение окажется ошибочным, чем если ты выразишь чужое мнение (выдашь за свое), и оно окажется ошибочным. Напиши, было подобное в твоём разговоре со мной и Лешей, например, о Шостаковиче и вообще о музыке? Только пиши откровенно, как другу, не стеснясь. (Учти, что я больше всего люблю правду и разбираюсь немного в ней).

С приветом

Ал».

... Среди писем этой весны я нашла и черновик своего письма академику И. Ю. Крачковскому¹³⁷ и его ответ мне. Я ему написала в марте 48. Мне хочется привести его целиком: такой я была тогда девочкой!

« С того времени, как я прочла Вашу книгу «Над арабскими рукописями», дорогой Игнатий Юлианович, я хочу написать Вам. Я хочу поблагодарить Вас за те хорошие страницы Вашей книги, которые дают мне силу и желание учиться. Ваша книжка мне светит, я понимаю, как прекрасно за маленькими трудами каждого дня чувствовать

большое и нужное, иметь горизонт перед собой, который будет открываться все шире и яснее.

И еще, дорогой Игнатий Юлианович, я благодарна Вам, что Вы так много хотите добра людям, любите их и цель жизни своей видите в приближении настоящей прекрасной жизни для людей, в служении делу прогресса. Это хорошо. Мне это редко встречалось, хотя я знаю, что у нас, в Советской стране, так жить – составляет смысл жизни многих людей.

Я хотела знать о Вас как можно больше, потому что почувствовала в Вас пример большой, глубокой любви к науке и служения ей, и написала своему крестному Николаю Павловичу Анциферову, не знает ли он чего-нибудь о Вас. А крестный написал, что Вы сами прислали ему свою книжку. Но Н.П. уже долго не писал, наверное, он болен.

Спасибо Вам, что книга Ваша такая светлая, да теперь, может быть, и романтическая, но полная веры в победу культуры, в торжество «высоких идеалов человечества», в благородную красоту людей, прикоснувшихся к науке и зачарованных ею.
[Уф-ф!]

Письмо И. Ю. Крачковского:

«Ленинград 15IV1948.

Большое спасибо Вам, дорогая Соня, на добром слове о моей книжке в письме от 15 марта, которое я получил почему-то только сегодня. Очень рад, что она докатилась и до Вас и доставила несколько хороших минут. Писал я ее в очень тяжелом настроении, в известной мере, как свое завещание, и поэтому мне особенно приятно, что я все же успел услышать ряд откликов, которые говорят, как некоторые мои мысли не прошли даром. Я вполне вознагражден тем, что для некоторых она оказалась добрым другом и принесла свою моральную пользу. Хотелось бы думать, что с мыслями, которые воодушевляли меня, легче прожить тяжелые минуты, которых всегда бывает много в жизни каждого человека, и старого, и молодого. Хочется думать, что с той уверенностью, которая чувствуется в Вашем письме, Вам удастся хорошо пройти свой путь так, что всегда можно будет оглянуться на все пройденное с полным удовлетворением. Ошибки бывают в жизни каждого человека, но важно сознавать, что все, что ты делал, делал искренне и с добрыми намерениями.

Николая Павловича я уже давно не встречал, так как последний год сильно хвораю и почти совсем не бывал в Москве. По слухам, и он был болен. В настоящее время готовится третье издание моей книжки, но я не уверен, что оно выйдет в связи с целым рядом обстоятельств. Несколько рассказов хотели перепечатать в «Библиотеке «Огонька», но выйдут они не раньше мая.

Будьте же здоровы, бодры и никогда в жизни не огорчайтесь временными неудачами и всегда помня, что они проходят, а вечные идеалы остаются и все побеждают.

Пишу я на машинке, так как после блокады руки не всегда меня слушаются.

Ваш И. Крачковский».

Буквы в письме кое-где подправлены чернилами и подпись от руки.

Да, и книга «Над арабскими рукописями», и это письмо И. Ю. Крачковского подтверждали существование другой, прекрасной, умной жизни, вселяли решимость стать достойными ее.

Когда я стала учиться в ЛГУ, на II к. я слушала спецкурс И. Ю. Крачковского по корану.

От А. Д. к своему 20-летию, хотя и не точно к дате, мы с сестрой получили в подарок по книжке «Повестей Белкина», простенькое массовое издание для школьников на серой бумаге. А. Д. проявил душевную тонкость, прислав нам по одинаковой книжке. Но... как мало, выходит, он знал и любил искусство Книги, я уж не говорю о редких авторах начала века. Изумительные (и недорогие!) книги продавались в «Старой книге»...

От Семена Григорьевича пришла тяжелая большая бандероль с красивыми марками – книга «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве»¹³⁸. Это ленинградское издание к столетию со дня смерти Пушкина. «Художественная редакция и комментарии Э. Ф. Голлербаха»¹³⁹. А

до войны была на слуху «кондитерская Голлербаха» – в ней, уже булочной, Н. Н. покупал нам как-то пирожные.

Бумага как в старинном фолианте, прекрасная печать, иллюстрации и текст к ним – настоящая энциклопедия художественной пушкинианы! Многие имена впервые я прочла в этой книге. А как все комментировалось, каким удивительным русским языком! Например, о рисунках Пушкина: *«Не следует их переоценивать, но нельзя не признать их животрепециющей выразительности и графической прелести: они острее и талантливее, чем, например, рисунки Лермонтова, Жуковского, Гоголя»* (с. 171).

И уж совсем счастливым Знаком Судьбы показалось имя Н. К. Фан-дер-Флит, маминой «Наташки Косатой», в этом альбоме под гравюрой на дереве к «Сказке о золотом петушке» 1930 г. Комментарий Э. Ф. Голлербаха: *«Наталья Константиновна Фан-дер-Флит – гравёр-ксилограф, автор иллюстративных и станковых гравюр на дереве, книжных знаков и пр. Гравюры Н. К. Фан-дер-Флит к «Сказке о золотом петушке» были исполнены одновременно с ее же гравюрами к «Сказке о мертвой царевне» для Гос. издательства детской литературы (редакция А. Л. Слонимского, изд. 1930, 1933, 1934, 1935)»*(с.196-197).

Я говорю о «Знаке Судьбы» потому, что это было как бы реальное, вещественное доказательство моего смутного ощущения бесконечной близости разных эпох, разных культур во Времени и себя – во Времени. Жизнь соединялась в единый поток традицией Культуры...

И дом Китаева – тоже наша жизнь! Наше прошлое довоенное... Казалось, за окнами полукруглого балкона все та же старинная, стародворянская жизнь. Вот, между прочим, любопытный комментарий Э. Ф. Голлербаха о нашей детскосельской улице, где мы жили наискосок от дома Китаева:

«Колпинская улица никогда не была (как и Магазиная) «аристократической», здесь жили купцы, истопники, камердинеры, здесь были казармы инвалидов рот, «материальный двор» и т.п., («аристократия» селилась поближе ко дворцу – на Средней улице, на Дворцовой), но дом Китаева [...] – угловой, обращенный балконом к парку (дом на противоположном углу принадлежал А. Н. Ленину) – был типичной барской дачей [...]» (с. 155). А. Н. Ленин – президент Академии Художеств.

Я перевертываю страницы этой монографии и вижу вложенные в нее небольшие и даже просто маленькие гравюры, гравюры-заставки или концовки, С. Гр. к «Станционному зрителю», к «Выстрелу», тонкие, простые, лаконичные, очень в стиле эпохи... Просто пейзажи – такие тихие, созерцательные, так верные духовному складу самого С. Г.

На обороте одного пейзажа простым карандашом написано: *«Дорогому, хорошему другу Сонечке с пожеланием всего наилучшего, счастливого.*

г. Киев 5VI48 г.

Сеня».

На другом: *«Дорогой Сонечке в исполнившуюся вторую годовщину нашей дружбы.*

г. Киев. 2IX48 г.

С. Маркин».

К 16 апреля 47 года С. Гр. прислал мне томик Тютчева, изданный в 1913 году в Петербурге: *«Дорогой Соне в славный день сердечно желаю всего наилучшего. Сеня».*

Господи, почему же я плачу?! Сейчас, 22 ноября 1994 года, в 12 часов дня... Целое утро была с этой пушкинской книгой, в Тарту, с Маменькой, в юности... Почему я плачу, снова плачу... Господи, благодарю Тебя, что это все было! Но терзает мысль: чего-то я не угадала в своей жизни, в своей судьбе... Что-то утрачивалось, не сбереглось, р а с т р а т и л о с ь, что было в жизни тогда... Значит, ушло на пустяки, расплылось...

Работа пионервожатой подарила мне дорогого друга Нину Малышеву. Сперва она была моей пионеркой, потом я познакомилась с ее семьей. Годы разлучали нас надолго, но всегда была жива переписка, и мы радовались нечастым встречам. Дружба с Ниной зародилась в зиму 47-48 гг. Ей было 14 лет. Прелестная, стремительная девочка с врожденной тягой к красоте, к культуре. Мне было интересно бывать в ее семье: это была первая семья

номенклатурных работников, которую я узнала. С таким кругом людей я еще не общалась, с удивлением отмечала, что Малышевы мне нравятся.

Отец Нины, Георгий Никифорович (1896-1976), большой, крупный мужчина, в 46 г. был направлен восстанавливать энергосистему Эстонии. Он организует пуск электростанции на торфе в Улила. На нем работа всех подстанций, производственной и творческой радостью было включение станции в Улила в энергосистему юга Эстонии. Отец Нины редко бывал дома, я его видела по праздникам, вела дом мама Нины – Нина Андреевна (1899-1955). Она уже тогда прихварывала, но все в доме было поставлено на русский, несколько даже патриархальный лад, гостеприимно и хлебосольно.

Поражала в этом доме аскетическая простота, непритязательность обстановки. Ничего лишнего. Никакого роскошества. Это была закваска еще комсомольской юности. Н. А. была человеком не просто умным, но мудрым. Умела расспросить, выслушать. В ее суждениях была какая-то не знакомая мне положительность. Теперь я понимаю: это был огромный житейский опыт, помноженный на опыт многолетней общественной, организационной работы на руководящих постах: работа в детдоме, в исполкоме ведала работой с беспризорниками, руководила в Астрахани ФЗУ....

Говорила она совершенно особым русским языком, не в смысле лексики, а вот звучание речи было редкостно-народным. Н. А. родом из Астрахани.

Приглашая в дом старшую пионервожатую – студентку, Н. А. формировала окружение доченьки.

... Православная Пасха 48 г. пришлось на майские праздники. Я была поражена, когда увидела у Малышевых кулич и крашеные яйца. Ведь родители Нины – члены партии! В гостях у них в те дни была великолепная, яркая, в расцвете лет дама – Нина Дмитриевна Терентьева из Москвы, подруга Н. А. еще по Астрахани. В ней была победительная советская светскость женщины, привыкшей к мужскому поклонению. И несомненный талант очаровывать... Вечером, аккомпанируя себе на пианино (Нина училась музыке), Н. Д. пела романсы. Тогда я впервые услышала:

*Слыхали ль вы за роцей в час ночной
Певца любви, певца своей печали?..*

В моей жизни это был первый вечер семейного музицирования. Я была полна восторгов... Через какое-то время Н. Д. прислала мне из Москвы книгу Н. Михайлова «Над картой Родины» с такой надписью: «Настоящей советской девушке...».

И я помню этот вечер, и красивую Нину Дмитриевну... «Слыхали ль Вы?...» Слышала... Слышу...

Когда, бывая в Москве, останавливаюсь у Нины, Нины Грановой, она с мужем, Геннадием Грановым¹⁴¹, устраивают мне концерт романсов. В их дуэте – живая память счастливого тартуского дня, непрерывность традиции...

... В мае я ездила в Ленинград, видимо, тогда обошла все кабинеты, говорила с А. А. Борисовым¹⁴², о котором потом писала сестре, что он очень помог, был «очень мил». В слове «мил» как в сказуемом наш семейный речевой обиход подразумевал многое: приветлив, отзывчив, полон сочувствия, готовности помочь. Словарь-то современного русского литературного языка 1957 года дает толкование «любезен, учтив». Только – то!

Сохранилась записочка Аси к М. И. Стеблин-Каменскому, мужу Асиной двоюродной сестры:

«Дорогой Миша! Эту записку Тебе вручит моя хорошая знакомая, вообще очень хорошая девочка, бывшая детскоселка, мечтающая сейчас перевестись из Тартуского университета в ЛГУ на II курс по русской литературе. Она очень хорошо учится, активная комсомолка. Помогии ей, пожалуйста. Она приехала всего на два дня. Хорошо бы, чтобы Ты с ней пошел к декану и т.п.

21V48

Ася».

Записка не понадобилась. Просто это еще одно свидетельство, как много делали для нас друзья родителей. Ведь Ася, Анна Ивановна, – дочь М. А. Сидоровой!

Я сама пошла на прием к ректору и – попала! Ректором тогда был (или И О) Станислав Викентьевич Калесник¹⁴³. Я была убеждена, что в отношении меня была допущена чудовищная несправедливость, и это давало мне силы добиваться именно справедливого решения моей судьбы. Речь шла не о получении медали – я говорила о том, что известие об этом я получила 28 июля. Упомянула об извещении, что принята в ЛГУ. Вот эта моя потрясающая убежденность, что справедливость может и должна быть восстановлена, видимо, передалась и С. В. Калеснику. Но могло быть и так: он пожалел девочку, и так уже много испытывшую в жизни. Ведь в разговоре пришлось обозначить пережитое: Пушкин, Гатчина, оккупация, пастушество, а сейчас –учусь и работаю.

На моем заявлении о переводе в Ленинградский университет С. В. Калесник написал, что перевод разрешает при условии согласия ректора Тартуского университета и выравнивания пройденных дисциплин. Точно формулировку не помню, но такой был смысл.

В июне сестра уезжает на сессию, я досдаю шесть предметов.

Письмо Люсе 12VI48: *«Знаешь, какая радость предстоит? Нет, конечно... 16 в Тарту в Aul'e [актовый зал Университета, в котором проходили концерты] будет концерт Св. Рихтера¹⁴⁴, в программе Шопен, Шуберт, кажется, и Рахманинов, а 17 – «Вечер песни» Нины Дорлиак¹⁴⁵ с ним же. Ты подумай только! Я уже ломаю себе голову, как бы так сделать, чтобы достать цветов, очень мне хочется звездик, такие они прекрасные, строгие. Хочу подговорить девочек, одним словом, «сотворить»...*

... Чудесный Пришвин... Ты знаешь, Мама взяла его «Мои тетрадки». А на днях в библиотеке на столе лежала книга Горького об искусстве. Там было и о Пришвине. Вот что он пишет: он пишет, что человеку нет никаких оснований быть хорошим, «доброе, человеческое не поощряется в нем ни законами природы, ни условиями социального бытия. И все-таки мы с Вами [с Пришвиным] знаем немало воистину хороших людей. Что делает их такими? Только желание. Иных мотивов я не вижу: человек хочет быть лучше, чем он есть, и это ему удастся». Горький говорил дальше, что Пришвин и показывает это превращение, воплощение, это желание, что у него учишься быть хорошим, добрым, веришь в возможности человека...

[...] Есть ли в Л-де сахар? Работают ли театры?

Матвей в лагере. Вроде бы он ничего: входит в роль [пионервожатого]. Тут как-то принес Диплом о том, что он занял III место по метанию гранаты на гор. Олимпиаде. Горд этим очень, мы тоже, конечно. – Ты знаешь, я совсем ведь не хожу на огород. Это мучает меня. Мама вчера была и так сожглась, что болело потом все».

Приписка к моему письму Мама: *«Люшенька, моя дорогая. Софья бежит с этим письмом на почту, чтоб оно пошло сегодня, а я не успела тебе написать, т. к. стирала. Картошку окучили почти всю, осталось 4 ряда, белье тоже все выстирано. Это я имела 2 дня свободных. А диплом у Матвея очень важный с напечатанными ветками дуба и очень большой. Поклонись от меня всему дому и Наташе очень. Сегодня еще пойду досаживать помидоры 10 шт. и 100 шт. лука. Целую тебя, милую девочку. Твоя мама».*

15VI48. *«Дорогие мама, Зося, Матвей и бабушка Дуня! Получили ли Вы мое предыдущее коротенькое письмо? [...] Я устроилась в общежитии. Оно находится рядом с университетом, в бывшем физ. зале. Человек здесь около 30. Большинство все же молодых. Особенно старых нет. Но общежитие оказалось совсем неплохой вещью. У каждого своя кровать и свой стул. [...]*

12²⁰ была в филармонии (одна). У меня был входной билет, но мне посчастливилось найти место и сидеть. Зал был переполнен. Была Героическая симфония Бетховена, дир[ирижер] Зандерлинг и концерт Брамса (Рихтер). Очень все понравилось (не буду повторять эпитеты Зоси). [...]

Желаю всего хорошего. Крепко всех целую. Всем привет. Люся».

Письмо от 19VI48: «[...] У тебя, наверное, кончился сахар, как же ты теперь по утрам завтракаешь? Есть ли сахар в продаже? У нас его нет, и я испытываю очень его недостаток, так хочется чаю, конфет [...]».

Почему ты ничего не написала о Рихтере? Я была от него в большом, глубоком волнении; он проник так внутрь, по-хорошему, добро; мне казался он светлым, высоким, недостижимым; во второй вечер, правда, когда он был с Дорлиак, я чувствовала в нем и человека, прекрасного, гуманного, возвышенного. Он не произвел на тебя такого впечатления? А эти девочки, о которых ты пишешь, они любят музыку?

[...] Ты знаешь, меня ужасно огорчает Матвей. Мама говорила ему несколько раз, чтобы он пришел полить там все, – один раз он просто не пошел, другой раз они должны были возить дрова, третий – он играл в шахматы, четвертый – он пошел без веревки, хотя мог бы ее, конечно, достать, и etc. Ну, что это такое? Мама там сидит чуть ли не каждый день, а он только и отыскивает предлоги, как бы не пойти. Я ввиду таких обстоятельств не хочу туда идти, потому что от занятий я могла бы оторвать время, но это значило бы – он опять бы ничего не делал! Нет, хватит всех этих лет! Он такой силач, целую зиму собственно и так ничего не делал. Если маме нравится такой сын, то пусть сама там и гнет спину, я для него, вернее за него, свою гнуть не буду. А мама каждый день – на задних лапках перед ним, вчера, правда, разошлась и сказала такую фразу, что и зимой такое же будет: ни дров не расколет, ни воды не принесет. Дрова напилили с ним (а мне с ним очень трудно пилить, потому что за последнее время сердце положительно слабо), и он садится и слушает *Ноттик-музик* [эст. – утренняя музыка, современные ритмы]. Жаль маму, она что-то еще верит в него. А он...

Сегодня в ответ на книжечку Крачковского от С. Гр. получила прелестное письмо. Сегодня написал «до свидания».

Я достала сегодня все учебники, по которым мне сдавать, – как это много! Ну, пока, всего хорошего. – Сегодня отправила письмо Асе».

В тот же день, 22 июня 48:

«Вот хотела написать большое письмо Н. К., но нет возможности. Сейчас лечу в библиотеку, теперь штраф 50 коп.

Вчера жутко обуревали сомнения опять о Л-де. Очень боюсь, что невозможно трудно будет. [...] Напиши подробнее о Л-де (эконом. сторона), что говорят девочки. – Сегодня получу жалованье и хочу, чтоб Иванов день прошел бы хорошо. Привет тебе в Иванов день от нас всех! Помнишь, в Тютюсмяз?»

Эту часть «М»: окончание школы, присутствие А. Д., каникулы у Андреевых, год в Тартуском университете, весна 48, наши с сестрой битвы за Университет в Ленинграде – я собрала и написала в 94 г. Сейчас, весной 99, что-то дописала, посокращала, но включила письма А. Д. осени 47. Эти тексты – мои скрижали, то, что в ы п а л о мне... Но важно другое: моя нерадостная любовь к А. Д. была частью и маминой жизни. Маминой судьбы. Хорошо это или плохо, правильно или нет, не знаю, не сужу. Такая я была, и такая была Мама.

Такова данность.

Решаю не продолжать здесь свой роман, хоть и жаль оставлять Зосеньку на полдороге ее любви. Если Бог даст часу, он войдет в книгу о студенческой жизни в Ленинграде. Вот тогда и допишу. Но в маминых письмах тему А. Д. оставляю полностью. А, чтобы понятнее было ее настроение, придется все же привести несколько цитат из моих писем тех летних месяцев.

А вдруг не сподоблюсь?! Вот два эпизода, которые не хочу оставлять на будущее.

На свое двадцатилетие – 16 апреля 48 г. – я не получила поздравления от А. Д. Была в тоске. Решила погадать на картах, что с ним. Вышло, что мне есть письмо, а он был в подпитии. Я догадалась пойти на наш Телеграф. Да, мне есть телеграмма с перевернутым адресом.

Что тут скажешь? Верю я или не верю карточным гаданиям? Я гадала на себя редко и очень сосредоточенно. Просто свидетельствую: многое из того, «что было, что будет, чем сердце успокоится» на картах, происходило в реальности.

А такой эпизод: со своими мальчиками и с Колей мы идем по Екатерининскому парку. Навстречу нам несколько цыганок, и самая старшая (но не старая!), самая красивая и статная говорит мне, указывая на Сережу (ему было шесть лет):

– Береги его: большой начальник будет!

Я верю!

Верю в иной мир вне меня, в которой иногда дано войти и мне.

Письмо Мамы сестре 20VI48:

«Люсенька, дорогая моя. Письмо твое вчера получили и сердечно обрадовались ему. Софья хандрит очень, хоть и крепится: нет писем от А. Д. Господи, как мне хочется изругать в пески эту самоуверенную, самовлюбленную животину. Наверно, надулся из-за последнего письма Софьи, а она-то метала бисер перед свиньями, написала чуть ли не 10 стр., а он не изволил даже ответить.

Я пишу тебе коротенькую записочку: свекла приросла, лысинок нет, огурцы выжили, и, говорят, совсем еще не поздно. Прошли прекрасные дожди.

Матвея не сократили. Дома у нас, в добрый час сказать, тишь да гладь да Божья благодать, только видно, как Софья изо всех сил старается побороть в себе тоску, боль, длинную грусть. И надо же, чтоб ей, все же такой хрупкой и молодой, накачался на шею не настоящий, подлинный человек, а пустозвон. Смотрела фильм «Поезд идет на Восток». Противно. Ничто в нем не оправдано. Особенно герой чем дальше, тем больше в воспоминаниях кажется ничего не заслуживающим, во всяком случае, – такой любви, какую ему подарила героиня. Хорош герой, который говорит о девушке, в которую влюблен, «дура, дура»... Ужасно. Он потому мне не нравится, что чем-то ассоциируется с А. Д.

Матвей на заработанные деньги купил 2 пары спортивных и чистит их чуть ли не каждый час, вот что значит добыть что-нибудь своими руками. Целую тебя, мою дорогую.

Твоя мама».

22VI48. *«Дорогие мама, Зоя, бабушка Дуня и Матвей! Пишу, сидя на кровати. Только что пришла домой, сейчас уже вечер. Обедала у Н. К., потом сходила к А. Д. [...], А. Д. объяснил мне тахитит и тiп функции, потом схожу еще раз, попрошу объяснить ряды [...]. Как-то случайно попала с Элей на оперетту «Летучая мышь» и решила, что больше никогда не пойду на оперетту. Глупейшая вещь, нелепое дрыганье ногами и дурацкие остроты... Т. к. у нас был последний ряд, то я потом спала, жалко было уходить, не досмотрев до конца.*

Ну, всего хорошего. Крепко всех целую.

Люся.

Мама, ты постарайся побольше отдохнуть и поменьше работать».

1VII48. *«Ma chère, относительно твоего вопроса: Л-д или Гарту. Ты сама знаешь, какой это трудный вопрос. Напишу тебе просто факты из моей здешней жизни (в отношении материальном).*

На хлеб у меня выходит 10 р. в два дня. Утром и вечером чай по 50 коп. со своим сахаром (правда, он скоро кончится). Иногда я покупаю булку. Иногда я покупала конфеты рубля на 4. Заметь, что это ненормальный режим при условии занятого дня. Поэтому я купила себе банку баклажанной икры за 12 р. (ее покупают все здесь). Я не считаю обед, т. к. обедаю у Н. К.

Одним словом, нужно 10 р. на день на еду, и это не будет слишком много.

Утро 1 июля. Я вчера спрашивала девочек о том, как они думают о переводе. Таня говорит, что это бессмысленно, т. к. театр будет закрыт из-за недостатка денег, а, будучи всегда голодной, ты и не сможешь интересоваться людьми. Ведь то голодное существование, которое предстоит нам в Л-де, отнюдь не то, о котором со смехом говорит

Гуля. Потом Таня очень верно сказала, что интересные люди могут быть постольку, поскольку ты сама будешь представлять для них интерес. Для тебя в этом отношении не может быть вопроса. Причем, конечно, предполагается, что ты сможешь приезжать зимой в Ленинград для театра.

Ну, вот видишь, написала тебе так много неутешительных вещей. Но только для того, чтобы ты подумала и взвесила все. [...]

Таким образом, борьба должна быть довольно упорной. Думаю, что я не поехала бы.

Одно только, что ты как-нибудь пробьешься. Зося, не рассматривай этого письма как агитацию или своего рода совет. Просто я тебе написала, что здесь делается.

Ты, та chère, смотри в будущее бодро и придерживайся пословицы: попытка – не пытка, а спрос – не беда. Ну, не выйдет – вернешься в Тарту, а, если выйдет, то хорошо.

Н. К. говорила мне, что нужно обязательно переводиться на стационар, говоря, что, если не выйдет общежития, то можно будет снять угол где-нибудь у знакомых.

Одним словом, всего хорошего. Не думай, что я написала это под впечатлением математики. [Люся провалила ее, как и почти все в группе.] Без нее я, может быть, больше распространилась о всяких удачных «авосях», но и только. А фактическая сторона дела не изменилась бы.

О своих переживаниях ничего не пишу, т. к. ничего не знаю. Но заочно учиться больше не буду [подчеркнуто сестрой]».

Так и вижу свою рассудительную сестру в разгар сессии за этим большим – три листа! – письмом. Как мешаются в нем наша юная отвага и уже вросшая в нас привычка к трезвой оценке материальной стороны жизни!

Письмо Люси от 3 VII 48: «Дорогая машера! Очень хотелось бы написать тебе хорошее и длинное письмо, много хорошего и нужного (как мне думается) сказать тебе. Но о, ужас! О, сумасшествие! Знаешь, я боюсь, что сойду с ума. Вчера посмотрела расписание, и у меня день занят с 9 утра до 8 вечера. И столько надо учить, столько сдавать!!!

Сегодня второй раз обедала в столовой – обед за 4 руб. (самое дешевое) довольно неплох. В общем я живу ничего, но только страшно.

Зося, о Ленинграде: ты, наверное, еще помрачнела после моего письма (я получила твое и мамы). Так вот: все же, как ни трудно, а учиться можно, и ты сдавай все и поступай учиться в ЛГУ.

Знаешь что: общежитие в Унив. стоит 15 руб., а, если ты снимаешь угол, то Унив. платит 40 руб., так что все возможно, если где найти угол.

Всем привет. Маме не пишу, т. к. нет времени писать аккуратно».

... Это было, конечно, очень тяжелое лето и для Мамы. Слишком многое решалось в нашей жизни, и не все зависело только от нас. А тут еще обнаружилось, что сестра плохо представляет себе мамино душевное состояние, пишет редко, ничего не сообщает о себе. Вот моя открытка от 4VII48: «Люся! Хочу тебя очень отругать, что же ты не пишешь?!?!?!? Если бы ты видела маму! Она приходит и первое спрашивает, есть ли от тебя письмо. [...] Мне тоже некогда, но я все-таки пишу тебе открытки! Ты должна просто для мамы писать. Мама говорит: «Вот уедете, и будет так, что нет и нет письма!» Это грустно. Если не пишешь, то телеграфируй. От девочек я узнала, что математика у тебя была 30. Если бы ты хоть одно написала, письмо бы дошло!»

Но вот что удивительно: ведь сама Мама не выговаривала Люсе за ее неписание писем! И это для меня загадка мамино характера. Эту неприятную, неблагоприятную работу горячо брала на себя я. Вот вам три наших характера!

Так было и в зрелые годы. В конце 60^х годов Руфь, моя университетская подруга Руфь Вальбе¹⁴⁶, взяв на неделю книгу Н. П. Анциферова «Душа Петербурга», все не возвращала ее, прошло уже несколько месяцев. Книга была памятная, дорога посвящением родителям, прожила с нами всю оккупацию.

Мама и Люся из Ленинграда(!) просят меня из Уфы(!) написать Руфи в Ленинград(!), вытребовать от нее книгу... Я пишу Руфи, чем-то грожу... Книга возвращается, хотя и не наш экземпляр.

7VII48.

«Дорогие мама, Зося, Матвей, бабушка Дуня! Мама, вы напрасно на меня нападаете из-за писем. До 30 я не могла написать. Вы ведь знаете, что я не в состоянии писать, когда у меня что-нибудь висит. Собиралась написать сегодня, после физики. Ах, я так рада, что сдала ее! Получила 4. [...]

Сегодня первый раз я совершенно спокойно и с необыкновенным удовольствием прошла по Л-ду.

Итак, мои дорогие, прошу не беспокоиться и не сердиться, если я не пишу. Мама, ты ведь сама знаешь, что писать, когда решается судьба, очень трудно.

Мама, как ты поживаешь? Желаю всем всего только хорошего. Не поспела ли картошка? Тут стоит чудесная погода, я, к сожалению, мало могу ею любоваться.

Ну, кончаю. На днях, может быть, напишу еще письмо.

Привет всем. Крепко целую всех. Люся.

Обо мне не беспокойтесь. Я чувствую себя после физики совсем почти хорошо».

А беспокоиться о Маме?!!

7VII48. *«Дорогая Мамзель!*

Только что пришла из деканата, где узнавала про твои дела. Разговаривала с замдеканом. Она вначале сказала, что переводов не производят, но, когда я все рассказала и она узнала, что Калесник разрешил, то позволила прислать отметки, заверенные деканом.

У Аси я была вчера, но она уехала до 24 июля, а супруг [Е.Ф.Гросс] показал мне листок бумаги, где было написано, что и где нужно узнать о твоих делах. Так что она помнила о тебе. Относительно общежития – это совершенно исключается. Ну, да, как-нибудь устроимся. Желаю тебе все хорошо сдать и быть здоровой. Стипендию [мою!] надо будет частично оставить для Л-да. Из всех денег у меня 70 р. вышло на еду, 30 р. – на театр, 25 – на букеты, 15 – за общежитие. Я решила, если стала бы учиться в Л-де, то свести расходы в театр до минимума. У меня осталось 7 р., так что присылайте поскорее».

Я заполняю бланк перевода на 200 р. сестре 7VII (10VII на нем уже штемпель Ленинграда!!! Также в три дня шли и письма.), пишу на обороте: «Дорогой Люсеночек! Очень желаем тебе всего наилучшего. Будь бодра и здорова. – У мамы отчет, оч. занята. У меня – Древний мир. [...] В здоровье у меня ничего страшного нет. Нервы. Нужна деревня и сахар, по совету Бежаницкой¹⁴⁷».

В моих июльских письмах сестре в Ленинград – боевые донесения: что сдала, кто принимал... После сдачи курса Древней истории Греции и Рима и радости, что хорошо ответила, я «все вычистила: кастрюли, ковшики, ложки, даже плиту, тазики, словом – все. Кухонный стол вымыла песком. «Ватер» – тоже чистехонек! Пыль всю вытерла, т. к. вчера не вытирала. Правда, молодец! Да еще в школе была! Это тоже своего рода было сражение, которое я выиграла. И. О. не хочет давать ни отпуска, ни отпускных, пока не сделаем спортплощадку в школьном дворе. А кого теперь соберешь? Но уговорились, что я и пионеры сделаем, если не площадку, то вид. Я уже поговорила с Матвеем, и его пионеры придут, при всем благополучии, в четверг» (13VII48).

К концу июля напряжение уже сказывается на здоровье: у меня то ли плеврит, то ли «сердце ненормально на нервной почве». Там же:

«Матвей избежал вторичного сокращения. Вырос и загорел. – Как Н. К.? Я свинья, что не пишу им. Но нет светлости духа, чтобы написать негрустное письмо. Сегодня меня взволновало сообщение о Югославии. Ты слышала его?»

... Сообщение о Югославии... Меня никогда не увлекала политика, но некоторые главные события вызывали, выходит, однозначную реакцию и в юные годы, и десятилетия спустя. Учительница химии в нашей ШРМ Минслу Ашарафуловна Гильманова, человек острого ума и

редкой памятью, прочитав Дневник, по какой-то сложной ассоциации, позвонила мне недавно: «С. А., а ведь Вы одна у нас в школе возмущались, переживали и когда начались события в Чехословакии, и когда ввели войска в Афганистан. Никому дела нет [в школе], пусть, что хотят, творят [наверху], и только Софье – есть дело! Помните?» (май 99).

Заявление о переводе в Ленинградский университет я посылаю через Татьяну Борисовну Лозинскую¹⁴⁸, «т. е. лучше всего, если его подаст кто-либо, причастный к деканату» (письмо А. И. Сидоровой).

... От сестры опять глухое молчание. Я взрываюсь. 21 VII 48:

«Ты что на самом деле думаешь?! Я столько раз тебе должна говорить, чтобы ты писала маме [подчеркнуто мной], не мне! Мама каждый день спрашивает, есть ли письма, вчера пришла специально днем [через весь город!!!] и тоже за тем же. Ну, как тебе не стыдно? Сейчас мама даже заплакала, говорит, обидно ведь. Это ужасно. Мне противно тебе писать. Чтобы не найти времени для матери [подчеркнуто двумя чертами] написать трех строк в открытке, сдала ты, не сдала экзамен, м. б., он отложен. Стыдно! [...] Ты пишешь, что у тебя было два экзамена 15го, а потом ни слуху, ни духу. Ведь письма идут из Л-да три дня только, ты могла бы 15го уже отправить.

Не сдала, провалилась, ну, и черт с тобой, а матери-то ты должна об этом сказать, или что ж, лучше, чтоб она не спала, заплакала. Стыдно, Люся, противно! Где же наша внимательность? Мама говорит, ну вот, так и всегда будет: будешь ждать, ждать писем, а их нет.

В крайнем случае могла бы телеграфировать. Не так уж и дорого, а все равно не спасло бы тебя. Теперь мама целый день огорчена. А у нее выходной сегодня (8ая годовщина Освобождения). Я просто тебя не понимаю. С.»

«У А. Д. я была. Он мне в тот же вечер объяснил функции, так что собираюсь отправиться к нему еще раз. Но настроения он, видимо, неважного. А, в общем, очень похож на прежнего А. Д. [...].

Когда объяснял функцию, то для того, чтобы было нагляднее объяснение, делал круглые глаза, смотрел на чертеж, как на доисторическое животное, и пояснял, что оно собой представляет.

Его хозяйка мне понравилась, но в комнате был беспорядок (его кровать не убрана), так он для извинения мне сказал: «Да, и порядок у нас» своей интонацией. Эти подробности я пишу для тебя, машер, зная, как сердце заинтересованное ловит каждый намек о делах и пребываниях интересующего лица».

22 июля мы получили письмо от Н. К. о том, что Люся сдала все экзамены за первый курс, но что получен приказ о запрещении перевода заочников на очное отделение. Сестра решает сдавать экзамены на I курс, надеясь, что, сдав их, ей зачтут первый курс, и она окажется на втором. Я пишу в Л-д. Сейчас меня даже поражает напор, аргументированность доводов молодой девушки, какой я тогда была. 23 VII 48:

«У кого ты узнала, что существует такое запрещение? В ОЗО, у своей секретарши? Ты не узнавала точнее и достовернее об этом приказе у декана или замдекана? А ведь замдекана Геофака тот самый Борисов, с которым мне пришлось так много иметь дела и который был так внимателен ко мне. Если ты не сделала еще этого, т. е. не поговорила с тем или другим, то, по-моему, это ошибка, и ее следует исправить.

С этим тесно связано то обстоятельство, что я не верю [подчеркнуто!] в существование такого приказа о заочниках. Во всяком случае, он не может быть из Москвы. В крайнем случае, он может быть только распоряжением по ЛГУ. Потому что такой закон, если бы был, был против всех правил и положений Советского ВУЗ'а. А, принимая теперь во внимание эти соображения, следует добиться истины, узнать, от кого он, м. б., это только нежелание переводить и для устрашения слабых назван приказом. [...]

Маленькая Mашèре наша, будь здорова, бодрa, будь умницей, мужественной и стойкой. Жизнь зла, беспощадна, жестока. Ну что ж, тем пламеннее надо ценить крупинки малюсенькие, такие короткие, счастья...

Что сказать тебе доброго? Дома стоят у нас букеты полевых цветов. Такие яркие, в них много синего цвета».

Приписка брата: «Мамзель! Не падай духом! Все будет хорошо. Как ты здала [так!] экзамены? Как в Ленинграде? Насчет перевода не волнуйся: там сидят бюрократы и формалисты. Во всяком случае, бей по столу кулаком и требуй справедливости. Матвей».

Расстаться, оставить одну Машеру нет сил, и 23VII48 еще пишу: «Ты устаешь очень в Саблине [на практике]. Хорошо, что тебе нравится местность. Вот Ира о ней ничего не рассказывала, и у меня создалось впечатление, что там голо, пусто. – Получила письмо от Вали (из Таллина). Забавный и милый мальчик! Я чувствую себя старше его. Он хочет сдавать экзамены в I мед. Спрашивает, как твои успехи.

По своей простоте, искренности и непосредственности его письма напоминают письма С. Гр. В этом письме он говорит мне: «Соня, Вы мне нравитесь. Извините, что пишу в конце письма, мне неудобно..., в общем я сам не знаю, почему мне вдруг неудобно об этом писать. Извините». Пишу тебе это, чтоб ты улыбнулась. И, смотри, как просто, по-юношески: «Очень хочу Вас видеть, думаю, что в Л-де увижу». Напишу ему сегодня.

... Запечатываю конверт, а то никогда не кончу».

Мне остается досдать последний экзамен – Историю средних веков. В день экзамена, 27VII, пишу сестре: «Вчера получила открытку от Т. Б. Лоз[инской]. Она пишет, что замдекана отказалась принять заявление, т. к. ни на какой курс в этом году перевода не будет. Мне кажется, что я ничего не чувствую... Можешь сама представить о моем самочувствии [...]».

Ну вот, все экзамены досданы, программа за I курс двух университетов выравнена. Но, кажется, все усилия были впустую. К счастью, приходит письмо от Аси:

«... Сегодня [31VII48] получила письмо от Аси, где она пишет, что сама ходила с заявлением к замдекану, сказала про разрешение Калесника и ответ несколько обнадеживающий. Нужно мне самой приехать в Л-д, чтобы они меня посмотрели и я им понравилась бы; чтобы впечатление осталось у них обо мне, как о сильном студенте. Нужны и хорошие и серьезные характеристики. [...]

У меня зреет желание быть именно учителем. В этом укрепляют статьи в «Лит[ературной] газете». За последнее время там стали появляться статьи о сельском учителе. Какая это плодотворная деятельность! Сколько пользы и добра можно там принести, будучи высокообразованным человеком!

Ну, целую тебя! У мамы завтра День ж/ка [железнодорожника]. [...] Так ты огорчилась моим ругательным письмом? Но мама-то заплакала горько! Матвей сегодня вымыл «Ватер».

Я – еду в Ленинград! Письмо от 19 августа 48 со станции Тапа, где надо было пересаживаться на поезд до Ленинграда:

«Дорогой мамуль! Как вы поживаете? Я сижу и думаю о вас. Вчера уехать не удалось: не было билетов. [...]

Ах, как спокойно у вас дома. Картинки над диваном. Мама, спи побольше. Не волнуйся со своим отчетом – все будет хорошо.

Ну, а как у меня будут дела в Л-де, не знаю.

Всего хорошего всем. Будьте здоровы. М. б., были письма? Знаешь, мама, сейчас в киоске в Тапе увидела «Ф. И. Шаляпин в жизни и ролях». Стоит 12 руб. 35 фотографий! Как бы мне хотелось послать это А. Д. [У А. Д. было много шаляпинских пластинок]! Но, конечно, это невозможно. Мама, ты не думай, что я очень огорчена этим, просто немножко жалко. Твоя С.».

Я в Ленинграде!!! Письмо 21 авг. 48:

«[...] Приехала благополучно. Благополучно, с помощью хитрости протащили все чемоданы [Один еще жив с тех пор, именно в нем хранятся связки писем! 8 дек. 94. Новое примечание. В августе 96 Сергей купил мне два шкафчика, в которых теперь собрано все архивное. А чемодан на вызванку (выражение б. Дуни – выброшен). Май 99.] и тюк. [Вот это да! Ехала с подушкой и одеялом! Ай да Зося!]

[...] Отправилась к Н. К. Ее встретила по дороге, она покупала картошку и соленые огурцы. Дома были все. Вера Петровна производит впечатление как-то отсутствующего человека. Особенно это чувствуется в глазах. Все они мне очень нравятся. Сегодня у Вадима экзамен. В. П. целый день с ним занималась. Она говорит, что он знает, только, не думая, может сморозить величайшую глупость.

Они напоили меня кофе, и я отправилась в ЛГУ. На филфаке меня встретили оч. сурово: «Переводов нет и не может быть. Окончательно и абсолютно!» Тут ее (Колобову) позвали к телефону. Я не уходила. Я сказала, что не могу этому поверить. Сказала про Калесника. Она попросила мою зачетную книжку и заявление с разрешением ректора. Сказала, чтобы все это я с заявлением и биографией подала в Ректорат, что я сегодня и думаю проделать. Да, она сказала, что мое заявление у нее и то письмо, которое я писала Мещанинову¹⁴⁹... Ты подумай?! Но, м. б., это и ничего. Ведь письмо получилось неплохое.

[Николай Николаевич Кузнецов, также старший инженер и по той же специальности, что А. Д., был на праздновании 800-летия Москвы. Рассказывал о празднике, рассказал и о том, что познакомился и подружился с академиком И. И. Мещаниновым. Точнее будет, наверное, сказать, что академик одарил его своей дружбой. Кажется, оба были депутатами Верховного Совета. Весной 48 я... пишу письмо И. И. Мещанинову и прошу Н. Н. вручить его академику.]

После этого я пошла к Люсе в деканат. Там секретарь сказала, что ее переведут после сдачи этого экзамена. Об этом я напишу ей отдельно... [Значит, сестра получила разрешение на перевод на очное отделение! Когда, от кого – деталей в письмах нет.]

Я вчера перед сном все как бы рассказывала тебе свои дела. Вот сегодня я хочу поехать в Пушкин.

Что я еще хотела тебе рассказать? Да, знаешь, цена на трамвайные билеты повышается вдвое – 30 коп. Я было очень расстроилась из-за этого, но потом, видя всеобщее стоическое спокойствие, решила, что это уж не так и страшно. Буду как можно больше экономить деньги на проезды.

Гвоздики твои, мама, доехали благополучно. Теперь стоят у Н. К.

Пишу тебе «здравствуй», потому что очень хочется так по-живому тебе сказать, хороший мамуль.

Пишу на коленях, потому прескверно.

[Приписка] О, мама, это все сегодня же: ходила в ректорат и там сказали, что вообще никаких переводов, а что, если и подавать заявление, то только в конце августа. Так что по-прежнему ничего. Немного расстроилась. В понедельник принимает и декан, и замдекана, я к ним отправлюсь. Что-нибудь выясню.

Да, сахар, по-видимому, будет 1 кг тебе, другой – родственнице с ул. Герцена. Пока. Мама, солнце так горячо, тепло, что все будет благо. Твоя С.»

[Записка сестре] «Дорогая Süßte [нем. – сладчайшая]. Была у тебя в деканате. Как входил, слева, за вторым столиком сидит молодая женщина. У нее спрашивала что-то одна девушка, к ней и я подошла. Она сказала, что ты будешь переведена после сдачи экзамена. Его ты можешь сдать 29-30-31 до 1²⁰. Девушка эта была Зоя. Ты знаешь ее? Она сразу же признала, что я твоя сестра.

Встретила у деканата своих эстонских девушек, кот. приехали сюда на практику по русскому языку. Я купила 1 кг сахарного песку и постараюсь его послать с ними маме.

Выглажу блузку и пойду в Ректорат.

Твоя машера».

Записочка при сахаре:

«Дорогой мамуль, посылаю тебе сахар. Пей как можно больше сладкого чая, если будут деньги, то буду присылать с оказией. [...] Только что говорила с тем молодым человеком, который работал в русском кабинете. Он очень хорош ко мне, даже растрогал своей внимательностью. Так хочет мне всего доброго, счастливого, и все это просто, по-дружески. Дал свой адрес, чтобы я писала ему, а он поможет своими связями и вообще будет стараться сделать все возможное. Говорит, что не надо краснеть и стесняться, что все это естественно, что он будет рад помочь мне. А что он деятельный – факт.

Послала бы тебе больше сахару, но девушка не может больше взять.

Будем надеяться, что все будет хорошо. И ведь на Геофаке про Люсю ничего не говорили, что стипендии не будет. М. б., все это образуется». [...]

Письмо от 22-24 августа:

«Я сейчас сижу в деканате, хочу поговорить с деканом, а его все нет, т. е. не принимает. Сегодня приехала из Пушкина. Выехала еще в субботу. Как хорошо там!

[...] Да, мама, была у Декана... Он написал на моем заявлении, что он не возражает против моего перевода, и я почти уверена, что он состоится. Но ... нужно быть готовым к тому, что мне также не дадут стипендии. Но теперь отказываться от Университета – нельзя. Как ты думаешь? Надо будет найти работу. В крайнем случае все это до января, а там – в зависимости от сессии. Будем надеяться, что все образуется.

Место этой квартиры [которую нам нашла Над. Евг.] чудесное. Рядом с Мариинским театром, близко от Невского, а тут рядом и Университет.

[...] Как Матвей Александрович? Желая ему всего только хорошего. Как наша Бабушка Дуня?

Да, когда Люся поедет в Л-д, то, по-моему, ей лучше всего постараться что-нибудь сдать в багаж, чтобы в чемодане привезти муку или чего-нибудь такого. Лук здесь самый дешевый 7 р. кг. – Да, здесь совсем нет мыла, так что Люсе лучше привезти то мыло, какое дома есть.

Вот видишь, мама, получается почти что так, как я тебе говорила: пишу почти каждый день. Сегодня уже 24-ое.

Знаешь, я очень рада, что со мной будут кое-какие вещицы, напоминающие о доме. Да, ссориться тут нельзя ни в коем случае. Это просто подведет Над. Евг. Нельзя.

Вадим экзамен сдал. Как, еще неизвестно. Веру П. видела только один раз, тогда.

Да, теперь только найти работу. Но, думаю, что это тоже как-нибудь образуется.

Р. С. Может быть, мне сделать визит к Мещанинову? Если это нужно, то узнай, пожалуйста, его ленинградский адрес. Он каким-то образом сделал шоку над моей персоной, т. к. декан также тотчас вспомнил меня и что у них письмо от Мещанинова обо мне и мое ему. Мне было немножко и неудобно, и забавно, что из-за него столько шума.

Сегодня 25ое. Н.В. почти устроила на какую-то работу по инвентаризации книг. Расписание, кажется, свободное, плата: час – три рубля. Правда, это далеко – у Финляндского вокзала – Военно-медицинская академия. Но теперь, когда с работой так плохо, это превосходно.

[...] Ленинград так хорош, что хочется молиться».

26 VIII 48. «Сегодня первый день работала. Надо было раскладывать карточки по номерам, например, 16600 – это одна группа, а, например, 16700 – другая. Вот и смотришь – 166 или 167, или 168 и т. д. Потом будет другая работа – по писанию самих карточек. Думала отработать до двух часов, но потом решила, что уж так далеко ехать, так нужно отработать весь день. Значит, заработала 24 руб.

После работы увидела небольшую очередь за сахаром, купила 1 кг. Полкило отдала Над. Евг., спросила, как они достают сахар, она сказала, что это ей добрые люди

устраивают. Тогда я под предлогом, что у меня плохой кулек, дала ей эти полкило. Это вроде маленькой мзды за обеды у них. Обедаю каждый день.

Уже после чая кто-то позвонил. У Н. Евг. спросили про меня. Все думали, что, наверное, это С. Гр., который прислал сегодня телеграмму, что он выезжает, и сказали, что я дома. А это оказался А. Д. [...] Ах, мама, вот ведь и знаю, что А. Д. нельзя любить, а ничего не поделаешь. Телеграмму С. Гр. с подробнейшим адресом буду иметь при себе как талисман. Жду его с нетерпением и любопытством.

Вот это, кажется, все мои дела. Вчера купила 300 гр творогу (2 р. 10 коп.), ела его вчера вечером, сегодня утром, и на вечер тоже осталось. Да плюс сладкий чай – это превосходно для утра и вечера.

Много думается о доме. Берегу те кусочки сахара, которые ты мне наколола как воспоминание о тебе. Дружно ли все дома? Какое настроение во всем? Как с огородом – не воруют ли? Как вы едите?

Завтра в Университете решится моя судьба. Но, конечно, не окончательно. – Мама, почему от вас так долго нет писем? – Вера П. сегодня уезжает. Шлет тебе большой-большой привет. Она напишет тебе из Чкалова [теперь снова Оренбург]. Сегодня Алёне [дочери Е. К. Вандерфлит] она говорила, что я очень похожа на тебя: иногда так посмотрю, скажу, засмеюсь – и это очень похоже на тебя. Тебе нравится это?

27VIII. «Добрый вечер, мама! Как прошел сегодняшней день для тебя? Какая погода в Тарту? Сегодня уже неделя, как я в Л-де и 9 дней как из дому, а от вас ни слуху, ни духу. Мама, ведь нехорошо это? Ведь и отчета пока еще нет у тебя. Жду очень от тебя, из дома письма.

Утром пошла на работу. Не опоздала. Вчера немного опоздала. Выхала в 8.15. По пути читала Исаковского. Проработала 3,5 часа. Потом поехала в Университет. К проректору по учебной части было очень много народу, я оказалась 21ой, а всего более 70. 100^{ов} решили качать. Волновалась очень, не знала даже, примут ли, да и оттого, что много народа, вряд ли Окрокверцева [зам. проректора] будет внимательна. Она очень строга и целиком настроена «враждебно» – не принимать, не переводить. Я пошла немного пройтись с одной девочкой по коридору. Навстречу шел Калесник. Я подошла к нему, заговорила с ним, он пригласил к себе в кабинет... и теперь у меня на заявлении – «в приказ». [Я помню этот момент: Станислав Викентьевич склонился ко мне (это был высокий, худощавый мужчина), чтобы лучше услышать меня. И столько в этом склоненном корпусе и обращенном ко мне лице было доброго внимания и доверия, что забыть это невозможно...] Мама, ты представляешь ли себе это счастье? Я не верила ничему, так все получилось быстро, сразу... О, это так хорошо! Самое замечательное, что не пришлось обращаться ни к каким знакомствам, все завоевано самой...

Теперь бы Люсе устроиться... тогда все будет хорошо».

Ничего не хочется добавлять к этим ежедневным почти что разговорам с Мамой. Письмо начато 28 авг. – окончено 29:

«Здравствуй, дорогой, дорогой мамахен! Получила сегодня от тебя и от Люси письмо. Так захотелось мне поговорить с тобой. Очень. Почему грустно у вас, у нас дома? О деньгах ты не беспокойся: с этим все как-нибудь выровняется. Целую тебя, наша мама хорошая, не печалься, будь здорова, бодра...

Вот мне так действительно тяжело. Я ведь все-таки люблю А. Д. и даже сильно. Зачем мне это? для чего? Я знаю, что он недостоин этого, что это просто невысказано и – все-таки.

С Университетом у меня все будет хорошо. Конечно, относительно стипендии пока что ничего неизвестно.

На работе ко мне относятся премило. Как-то очень любовно, но, м. б., это только поначалу.

Допишу завтра, все уже улеглись, и я не хочу дольше булукатить.

Дорогой мамуль! Люся приехала сегодня. Выглядит она хорошо. Я рада ей. Как ты сегодня? Целую тебя крепко, крепко, дорогую хорошую мамуль. Не волнуйся очень о нас, мы будем бороться и – верю, победим.

Сегодня Бобины [т. е. у Н. К.] дают в нашу честь «обед»!! [выделено разрядкой]. Жду твоих писем.

Была рада письмам Вали и С. Гр. Жаль, что я не могу их тебе прочесть: они так хороши.

Целую тебя. Будем устраивать Люсины дела.

Сердечный привет Дому нашему, не волнуйся. Матвея поздравляю с ПХ».

Следующее письмо, сбереженное Мамой, начато 30, а закончено 31 августа:

«Мамочкин, дорогой мой! Как самочувствие твое, какое настроение у тебя сейчас? Я с тобой, думаю о тебе. Ты знаешь, я взяла с собой твою фотографию, где ты с брошкой, такая длинненькая фотография, только ты грустная на ней и глаза печальные.

Как же ты? Жду от тебя писем.

[...] В Университете опять очередные помехи, но, кажется, и они благополучно минуют. Если я буду зачислена, то, кажется, со стипендией. Так что ты, мама, не волнуйся о нас. Правда, о Люсе пока что нельзя сказать определенно, на факультете говорят, что заочников не переводят; но я полагаю, что этот перевод как-то да можно будет устроить. Завтра о нем будем хлопотать сообща. Я о ней беспокоюсь.

Погода сегодня была хорошая, настоящий осенний день, с небом очень голубым, с облаками. Хороший день. А как дома все у вас? – Сегодня тоже работала, но проработала только шесть часов, т. к. остальное время потратила на Университет.

Сейчас будем ужинать, на ужин вермишель за 7.50 кг, Люся купила хлеба, есть сахар. Все, как видишь, превосходно.

Здравствуй, дорогой мамуль! Сегодня уже 31ое. Что-то у Люси? Я ее видела днем, она еще не сдавала экзамена. Потом она пошла к Асе, и не знаю, как все было потом.

О своих мытарствах сегодняшних не буду рассказывать, думаю, они пройдут, а тогда не к чему их описывать».

... Эти нежные обращения к Маме были у меня только в письмах. Даже слово «дорогая» не произносилось. А уменьшительных, ласкательных, каких-нибудь вроде этого «мамочкин, дорогой мой!» – в нашей устной речи и представить себе нельзя. У нас дома в обиходе не было открытого выражения чувства к Маме.

... Мои дети ни разу не сказали мне «мамочка».

Пришло письмо из Тарту, и я пишу в ответ:

«Дорогой мамуль! Вчера получили твое письмо. Дорогая мама, будь мужественна, будь ясной, спокойной, я часто о тебе думаю. Обнимаю тебя, будь спокойна, спи нормально, всю ночь. Что это ты не спишь? Матвей же дома.

Жаль, что Люся со стола убрала все письменные принадлежности, грустно, что стол стал черным. [Он был выкрашен в черную краску.]

Как твой отчет? Желаю всего хорошего, будь здорова! Нас, меня так обрадовало твое письмо сегодня, а вечером же – грустное. Да не стоит еще думать о каникулах, еще рано, мама. И потом, ведь еще мало ли как и что будет. А пока не беспокойся.

Письмо Нинель меня глубоко огорчило: бедная девочка, как ей тяжело будет там! Напишу ей вскоре.

[...] Сейчас варю макароны, и они все время меня отвлекают. Сегодня были лекции с 9^{ми} до 3^х, потом я поехала на работу. Работала до 7. Потом ехали «домой», сошли у Университета с трамвая и вдоль Невы прошли к Театральной. Как хороша вчера вечером была Нева! Цепи фонарей, отраженные в воде, дрожали золотыми струями, причудливо по мостам ползли змейки трамваев, тоже золотистые, с красным. Вечер был тих так, и мне

хорошо было так. Ты рада за меня, мама? И потом так величаво хорош был Исаакий, высокий, строгий, темный, с отсветами на колоннах!!

[И вот, наконец!] *НУ ВОТ, Я В ЛГУ*. Зачислили меня в 4^{ую} группу. Так что ты не беспокойся обо мне, а за Люсю будем воевать.

Сегодня изумительный день, такой синий и белоснежный, солнечный, теплый. Завтра хотим поехать в Пушкин. – Будь спокойна, пусть все хорошо будет у вас дома. Пусть не будет у тебя таких мыслей, что мы голодаем».

На обороте этого же листка:

«Здравствуй, Матвей!

Матвей, неужели ты не будешь нам совсем писать?! Нет, ты, пожалуйста, пиши нам. Ведь мама не напишет правды о себе, своем самочувствии, а это нам очень нужно знать. – Как ты справляешься со школой, домом, спортом? Какой урожай на огороде? Какая «немка» в школе, пиши нам все школьные новости.

Желаю тебе всего наилучшего, будь здоров, береги маму. – Какая у тебя намечается комс. нагрузка? Постарайся взять такую, которая принесла бы тебе пользу в дальнейшем.

Крепко жму руку. С.».

16IX48. «С добрым утром, дорогая мамуль!

Сегодня 15ое. Лекция не состоялась. [...] Да, мама, знаешь, Люсю не перевели. Это ужасно. Но Люся как-то не очень уныла. Только бы ее прописали. Если пропишут, то работать можно и в библиотеке, и Н. Евг. предлагает работу корректора у кого-то. Только бы прописали. А с этим ведь могут быть трудности. Но я все-таки надеюсь, что все будет благополучно. [...]

Мама, пришли нам, пожалуйста, несколько открыток Тарту. Я подружилась с одной девочкой из Ростова-на-Дону. Ее мама училась в Тарту. Мне хочется ей послать открытку Тарту. Девочку зовут Нонна Лепорская.

Вчера получила багаж. Как тяжело было его тащить. А нанимать носильщика мне не хотелось. Да я еще торопилась, чтобы успеть к 17.30, когда должен был прийти Сеня. Ты хотела, чтобы я написала тебе, как я его встречу и каким его найду. Так вот, мы встретились. Какой он? – Немного странный. В нашу первую встречу мы гуляли. Я немножко побаиваюсь его: в нем было много экспансивности. А вчера мирно разговаривали. Сегодня пойдем в Русский музей. Я помню твое пожелание, чтобы было все хорошо и красиво. Я в него не влюблена, стараюсь, чтобы и он был спокоен. Но вообще чувствую себя утомленной этой массой нахлынувших переживаний: А. Д., его друг, наше прощание «навсегда» и потом снова встречи [В письме от 12IX: «Хочется тебе еще рассказать об А. Д. Я увидела его еще 10IX [...] И знаешь, он опять «делал мне предложение».], беспокойства об Университете и Люсе, теперь Сеня. О нем можно рассказывать, но писать очень трудно. Я хочу, чтобы поскорее все это кончилось, и я была бы одна и спокойна. Теперь надолго не хочу ни в кого влюбляться.

Это уже на другой день. [...] Вчера были с Сеней. О, мама, я боюсь, что он слишком «очаруется». Но, с другой стороны, ведь и любить – это очень хорошо. И, может быть, ему будет светлее жить. Я веду себя хорошо, без тени кокетства. Но все-таки, видишь, он не спокоен. А я очень хотела бы ему счастья. Это очень хорошо, что я его узнала сперва по письмам. Это вполне соответствует его внутреннему облику. А что он некрасив..., то ведь Бог создает людей, а не они сами себя. В нем так много любви к прекрасному. Завтра, по-видимому, мы пойдем на «Лебединое озеро». Он помнит все, что я ему когда-либо писала. Он очень бледен, в смысле здоровья выглядит плохо, утомленно.

Люсины дела: ее не перевели. Теперь я хочу искать в этом что-то хорошее. Самое главное – вопрос с пропиской. Работа будет. Я для себя уже получила ходатайство Университета о прописке. А сегодня пошла... и получила для Люси. Это просто улыбка Судьбы, ее благосклонность. Я ничего не объясняла, а просто так. Это бумажка с печатью, штампом и подписью. Теперь надеюсь, что все будет благополучно. Мама, ну, скажи, что я –

молодец! Правда? Я уже все остальное продумала относительно Люсиной прописки, так что ты не беспокойся.

[...] Как твое самочувствие и сон? Спи хорошо! А есть ли цветы дома? Мама, ты ходи, обязательно чаще ходи в кино. Матвей, слышишь, води маму и в кино да и на концертах вместе с мамой будь. А ты нам все-таки не пишеешь? [...]

Сестра Маме 16IV48: «Дорогая мама! Только что пришли из театра (Оперная студия), смотрели «Демона». Оч. понравилось, хотя один момент чуть не заснула. Сегодня удачный день в том отношении, что Зося достала справку из Университета, по кот. меня смогут прописать. В театр я ходила в новом платье, оно сидит хорошо и мне, и Зосе нравится. [...] Ты не волнуйся о нас. Пока что все благополучно, если не считать, что меня не перевели. Крепко всех целую и желаю всего наилучшего. Люся».

Вот последний штрих в Люсиной одиссее по пути к Университету.

20IX48: «У Н. К. меня ждали. Оказалось, что звонила Ася. Она велела передать, что я должна заехать к ней в тот же вечер или сегодня утром. Ну, я поехала в тот же вечер. Дело, оказывается, было вот в чем: Вл. Ив. Смирнов¹⁵⁰ говорил с Окрокверцевой и она сказала ему, что она меня перевела. [...] Представляешь? Но, когда я была сегодня у Окр., то она сказала мне придти опять в понедельник. Противная баба!

Ну и вот, около 12 я возвращалась от Аси, шла по Неве. Как красиво это место! Столько огней, отражений, каких-то надежд, мечтаний в этом ночном пейзаже Невы, Ленинграда. Настроение у меня было очень бодрое и чуть ли не радостное. [...]

Сегодня вечер 20 сент.

Вчера я была на огороде с Нат. К. Выкопали всю картошку, получилось 7 мешков. Картошка неплохая. Погода была очень неприятная. Все мы порядком замерзли, но хорошо, что не было дождя. [...] В отделе кадров дали мне для заполнения всяческие анкеты и листки, и я могу считать, что буду п р и н я т а . Только обычное чувство осторожности говорит мне, что я должна обставлять подобные заявления оговорками.

Я совсем не чувствую особого счастья: слишком долго и томительно оно мне давалось. [...]

Здесь начались дожди – очень неприятная погода.

Сколько накопили картошки? Не ходил ли Матвей куда-нибудь копать или перекапывать?

Ну, всего хорошего. Бьет двенадцать. Люся».

Маминим письмом от 28 VIII 48 я закончу первую часть “М” о жизни и судьбе родителей и жизни нашей семьи.

«Пришла вчера [27VIII] домой, проводив Люсеньку, сходяв на огород, и так пусто показалось мне дома. Никого не было: бабушка в церкви (сегодня Успение), Матвей на баскетбольном матче тартуской команды студентов и таллинской «Калев» (победили студенты). Особенно поразил стол ваш, черный, пустой, голый. Села разбирать кучку, что вынула из бьюара... Потом пришел Матвей, стала варить картошку. Сейчас тосковать некогда будет: много работы будет и волнений с балансом. Если устроитесь в Л-де, буду копить деньги на проезд на каникулы, только почему-то уже теперь кажется, что не захочется поехать. Ну, да не стоит угрустнять себя худыми мыслями. Знайте одно, что буду безгранично рада, если сможете учиться в Л-де. Я уже говорила Люсеньке, что самая огромная доля моей душевной тяжести последнего времени падает на заботу о Зосеньке, как у нее устроится. Девочка моя дорогая, спасибо за сахар. Вчера пили кофе, а Матвей квалифицировал появление сахара как «счастье». Сегодня начала и думаю удержаться на этом начале – записала Матвею по пунктам, что должен сделать сегодня, в том числе уборная и баня. [...] Домой как-то совсем идти не хочется: никого нет, все тихо и молчаливо.

Вы не думайте, дорогие мои, я привыкну. Конечно, грустно, что теперь только один Матвей будет говорить: «Мама». Как я любила вслушиваться в это раздающееся из разных углов друг за другом и вместе в один голос: «Мама!»

А мне очень не понравился муж Наташи А. Никакого как-то базиса не ощущаешь в нем, только военная форма еще придает какую-то видимость, показался мне очень молодым и показался очень похожим на тех, что толпятся у кино, у танцулек, конечно, если снять форму. К ним подошли военные, офицеры, и сказали в присутствии Наташи: «Ну, Сергей, познакомь с женой или это с боку-припеку?» (!?) Что тут можно сказать?

Как-то Люсенька доехала? Сказала Матвею, что ты жалеешь, что была с ним так нехороша. Он что-то хмыкнул. Но он хороший, незлопамятный. Не забывайте, дорогие, что я теперь буду жить от письма до письма от Вас. Зосенька, меня вдруг почему-то забеспокоила твоя переписка с Валею и Аркадием. Как бы они не придали этой переписке большего значения, чем придаешь ты ей, как бы не нанесли рану, не хотя этого. Письмо уж допишу дома, а сейчас уже около восьми. Надо мешок зашивать. Люсенька! А где белая катушка? Я искала, искала ее сегодня, так и не нашла. Девочки, подшейте пододеяльники, если жизнь в Л-де закрепится.

29 VIII

Только хотела сесть писать тебе, дорогая моя, бесценная доченька, о том, как рада была твоему письму, Зосенька, как пришла М. Ф. насчет книг для Лии и буквально заговорила меня, так что я совсем внутренне увяла. Пришлось после ухода ее подкрепиться кофе с сахаром и хлебом. Девочки мои дорогие, что сказать по поводу ситуации со стипендиями? Вы так много преодолели, если вас оставят в Университете, то было бы как-то внутренне невозможно отказаться от всего из-за стипендии. Я как-то так глубоко верю, что все обойдется, что думаю, что сейчас еще рано сдавать позиции. Конечно, если начнется безвыходный голод, тогда – другое дело. [...]

Девочка моя, пусть не болит голова у тебя из-за А. Д. М. б., он сознательно так делает, чтоб лучше тебе было. Он, наверное, понял, что он «не тот» для тебя, что ты не его любила, а свою любовь к нему. Подожди, придет время, и ты с благодарностью вспомнишь его за то, что он не привязал тебя к себе. [Ах, Маменька! Как же не привязал?! Душу мою обольстил! 99 г.]

Я суеверна и потому с комнатой буду что-либо предпринимать, получив от вас определенное подтверждение вашего закрепления в Л-де[...]. [Планировалось, что Мама будет сдавать нашу комнату студентам и плату за нее посылать нам.]

Зосенька! Ты не волнуйся из-за подарка Мусе. Не такие они люди, ты ведь представь, что для Муси вы не чужие: еще совсем маленьким, она, вам, тоже сама маленькая девочка, уже показывала свое милое чудесное отношение. Я помню, как Вера Петровна очень хорошо о ней писала [родителям в ссылке]. Когда я получу зарплату, я куплю гребенку, и вы ее подарите от меня за ее к вам привет и ласку.

Встретила сегодня католическую старую почтенную даму, она остановила меня и с большим душевным интересом спрашивала о вас. Ты, Зосенька, видимо, совсем покорила ее – очень тепло о тебе говорила. Зосенька, а знаешь, мать твоя – совсем неисправимый человек: до получения твоего письма во время всех походов соображала, что все-таки тебе нужно шерстяное иметь платье, нечто вроде парадного мундира, и даже после письма не хочется расставаться с этой идеей. [...]

Сегодня с Матвеем распилили все шпалы пополам, часть из них он уже расколотил, а другая ему записана на завтра. Сегодня немножко все прибрала. Когда увидела, что ваши дневники и открытки дома, глубоко так обрадовалась, словно вы еще здесь и не уехали совсем. Все эти вещи я вынула из-под кровати и положила на Люсину полку, а на Зосиной водворились вещи Матвея. Буду кончать, мои дорогие, мои любимые, мои маленькие.

Мама.

Будет чудесно, если ваши письма будут приходить в воскресенье».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Сеговия** Андрес (р. 1893-?) – прославленный испанский гитарист. Давал концерты во всем мире. В СССР впервые в 1926 г.

2. **Гептахор** – дружеский кружок из семи девушек, в основном бестужевок (образовался к 1913 г.), увлеченных античностью и идеями А. Дункан вернуть танцу естественность движений в передаче, в воплощении музыки, развить в себе способность выразить музыку в жестах, в движениях тела. В 1918 г. появилось название «Гептахор».

После революции Гептахор – «Государственная студия музыкального движения «Гептахор».

3. **Софроницкий** Владимир Владимирович (1901-1961) – известный, самобытный пианист. С 1921 г. давал концерты в Москве и в Ленинграде.

4. **Клемперер** Отто (1885-1973) – один из выдающихся дирижеров XX в. В России впервые выступил в 1924 г.

5. **Герцен** А. И. «Былое и думы». Часть вторая. Тюрьма и ссылка (1834-1838). Глава XIII.

6. **Святский** Даниил Осипович (1881-1940) – историк, ученый секретарь Центрального бюро краеведения. Арестован 17III1930.

7. **Центральное бюро краеведения**. Вот предельно сжатый очерк возникновения отечественного краеведения в 20ые годы нашего века, его расцвета и трагического конца. Я нашла его в Примечаниях к «Письмам о братстве» Д. И. Шаховского публикаторов Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной. Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. Феникс – Atheneum. Москва – С. Петербург. 1992. С. 305,306.

«Краеведческое движение провинциальной и выброшенной в провинцию столичной интеллигенции началось в годы революции и Гражданской войны как движение за спасение гибнущих культурных и природных ценностей. В декабре 1921 краеведы, собравшиеся на I Всероссийскую конференцию по изучению края, решили объединить свои организационные усилия и обратились в РАН [Рос. Академию наук] с просьбой принять их под свое покровительство. Так создалось Центральное бюро краеведения (ЦБК) при РАН под председательством С. Ф. Ольденбурга. В 1922 открылись два отделения ЦБК – Петроградское и Московское. В декабре 1924 ЦБК отделено от РАН и преобразовано в самостоятельное учреждение (под прежним руководством Ольденбурга). В середине 1920-х в пору своего расцвета краеведческое движение было широким и массовым, с двумя тысячами местных организаций, с 50 тысячами членов и множеством музеев, державшихся в основном на общественной инициативе. Движение отличалось высоким уровнем самоорганизации; цели и направление работы многие краеведы на местах и наиболее авторитетные руководящие деятели ЦБК определяли себе сами (или, по крайней мере, стремились к этому). Виднейшим теоретиком движения был И. М. Гревс, руководивший методическим бюро ЦБК и разработавший концепцию «гуманитарного краеведения». Смена руководства и перевод в 1927 ЦБК в Москву подорвали движение, создав условия для его огосударствления. В связи с «делом АН» [Академии наук] в 1929-30 были произведены массовые аресты среди краеведов, в результате чего «гуманитарное краеведение» было окончательно сломлено».

8. **Золотарев** Давид Алексеевич (1885 г. г. Рыбинск-?). В 1912 г. окончил Петербургский университет физико-математический ф-т. Профессор университета с 1926 г. по этнической антропологии, с 1928 г. – доцент.

В книге «Наука в России». Справочник. Научные работники Петрограда. Данные к началу 1922 г. под наблюдением неперменного секретаря Российской Академии наук акад. С. Ф. Ольденбурга. Гос. изд-во. М-Петроград. 1923: «Золотарев Д. А. – хранитель этнографического отделения Русского музея. Ученый секретарь КИПС (Комиссия АН по изучению племенного состава [кого?]). Ученый секретарь Российской Академии Материальной культуры. Преподаватель Географического института [...]».

Арестован 3XII1930.

9. **Базанов** Всеволод Михайлович (1921-1942) – сын маминой сестры Надежды Федоровны Базановой (1895-1995). Сева окончил 10ый класс в Пушкине и поступил осенью 1940 г. в Политехнический ин-т. Погиб в ополчении 3IV1942 г. под Ленинградом.

10. **Большая Советская Энциклопедия**. Москва. Советская энциклопедия. 1972. т.9. С. 495. Далее цитирую по этому изданию.

11. **Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы** (1878-1918 гг.). Сборник статей. Изд. Ленинградского университета. 1965. Тираж 2730 экз.

«30 мая 1910 года Государственный совет признал Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы высшим учебным заведением, с объемом преподавания, равным университету. Свидетельства об окончании ВЖК были приравнены к дипломам университета» (с. 19).

12. **Руднева** Стефанида Дмитриевна (1890-1989) – окончила ВЖК, подгруппу истории и теории искусства историко-филологического факультета. Вместе с Н. А. Энман – вдохновенный создатель кружка, а затем студии «Гептахор», теоретик музыкального движения, педагог.

13. **Энман** Наталия Александровна (1890-1961) – окончила ВЖК, хорошо рисовала, играла. Дочь историка А. Ф. Энмана, окончившего Дерптский ун-т, служил в Иностр. отделении б-ки Академии наук (См. Словарь Брокгауза и Эфрона).

14. **Цинзерлинг** Екатерина Владимировна (1887-1979) – окончила физико-математический и историко-филологический факультеты ВЖК. Доктор геолого-минералогических наук.

15. **Цинзерлинг** Галия Дмитриевна (р. 1928) – дочь Е.В., историк, хранительница архива Е. В., живет в Москве.

16. **Зелинский** Фаддей Францевич (1859-1887) – профессор Петербургского ун-та, историк античной литературы, приглашен на ВЖК в 1906-07 учебном году.

17. **Ростовцев** Михаил Иванович (1870-1952) – историк античности. С. Д. Руднева вспоминала: «Он настолько ярко и зажигательно говорил, с такой логичностью, что, придя домой, я могла записать всю его лекцию».

О М. Н. Ростовцеве есть статья в Словаре Брокгауза. В 1918 г. эмигрировал.

18. **Дункан** Айседора (1878-1927) – американская танцовщица, стремившаяся возродить эллинское представление об искусстве танца, отвергала выучку классического балета. Первый раз танцевала в Петербурге в 1905 г., затем – в 907, постоянно приезжала и позднее.

19. **Педькова** Наталия Васильевна (1891/92-умерла в начале 80^х) – окончила романо-германское отделение ВЖК. Член Гептахора. Большой мамин друг. После войны редактор в Главной Геофизической обсерватории.

20. **Тревер** Камилла Васильевна (1892-?) – доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Государственного Эрмитажа.

21. **Тревер** Ильза Васильевна (1890-1955) – окончила ВЖК, член Гептахора. Поэт; работала в Русском музее.

22. **Чюрленис** Микалоюс Константинас (1875-1911) – литовский живописец, график и композитор. С 1908 г. жил в Петербурге, сблизился с кружком «Мир искусства». Может быть, девушки слушали Чюрлениса в католическом храме Св. Екатерины на Невском проспекте? Он играл здесь на органе в 909-910 гг.

23. **Ляпунов** С.М. (1859-1924). Сборник «Песни русского народа» 1899 г. родился из поездки 1893 г. по заданию Рус. Географического о-ва по Вологодской, Вятской, Костромской и Ярославской губерниям для собирания народных песен.

24. **Мухинское училище** – б. Центральное училище технического рисования барона Штиглица, основанное в СПб. на средства мецената А. Л. Штиглица. С 1945 г. – Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной. На современном сленге «Муха».

25. **Жак-Далькроз** Эмиль (1865-1950) – швейцарский композитор и педагог, создал систему музыкально-ритмического воспитания.

26. **Волконский** С.М. Мои воспоминания. В двух томах. Том I. Лавры. Странствия. Москва. Искусство. 1992.

27. **Гревс** Иван Михайлович (1860-1941) – историк-медиевист, профессор Петербургского-Ленинградского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, крупнейший деятель краеведческого движения в России в 20-ые годы, основатель экскурсионного метода изучения города, местности. Любимый Учитель многих поколений студентов.

28. **Фармаковский** Борис Владимирович (1870-1928) – специалист по античной археологии, археологии Северного Причерноморья и античного искусства. Проф. Фармаковский читал лекции на ВЖК с весны 1910 по 1916 г. В семинарии Б. В. Фармаковского занимались К. Тревер и С. Руднева.

29. **Акрополь** – в Афинах, в котором сохр. выдающиеся произведения архитектуры и скульптуры, преимущественно V в. до н.э. БСЭ. Т.2. С.343.

30. **Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы**. Сборник статей. С. 91.

31. Там же. С. 76.

32. Там же. С. 198-201.

33. **«Икона», которую мы не увидим**. Без автора. «Вечерний Екатеринбург». 1997, 5IV. «Значительная часть тиража останется в Западной Европе и будет распространяться среди коллекционеров предметов русской старины и по библиотекам. Еще часть тиража выкупают русская зарубежная православная церковь и общины староверов в Финляндии и Канаде. В Россию же попадут только авторские экземпляры для музейных коллекций».

Речь идет о книге «Невьянская икона». Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 1997. 249 с. 149 цв. репродукций. Книга напечатана в Финляндии «на бумаге особого качества». Прекрасная суперобложка. На репродукциях почти все – с дуперстием.

34. **Нева**. 1998. № 10. Фотография из Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета.

35. **Ларин** Борис Александрович (1893-1964) – выдающийся исследователь, историк языка. «Самый образованный лингвист нашего времени» (ак. Д. С. Лихачев). Крупнейший лексикограф. Автор изумительных работ по языку художественных произведений. Любимейший Учитель.

36. **Петров** А. Н. Пушкин. Дворцы и парки. Л-М. Искусство. 1962. Петров А. Н. Город Пушкин. Дворцы и парки. Серия «Архитектурно-художественные памятники городов СССР». Л. Искусство. 1977.

37. **Фандерфлит** Наталия Константиновна (1901-1998) – график-ксилограф, автор иллюстраций и станковых гравюр на дереве, книжных знаков. Бриммер – фамилия по мужу, виднейшему графику 20^х гг, Н.Л. Бриммеру. До войны Н. К. подписывала свои работы Фандер-Флит, после войны – в одно слово. См. о К. П. Фан дер Флите, отце Н. К., в Автобиографии А. Толстого.

В 1927-28 гг работы Н.К. впервые экспонировались на выставке в Русском музее и были им приобретены. Работы Н.К. экспонировались более чем на 30 выставках в нашей стране и за рубежом.

38. **Фандерфлит** Дмитрий Константинович (1900-1937?). В 1935 выслан из Ленинграда на 15 лет. «8X1937 Тройкой НКВД по Чкаловской обл. за контрревол. деятельность осужден вторично к высшей мере наказания. Сведений об исполнении приговора нет», – эти сведения из Справки сообщила мне Г. Д. Цинзерлинг, дочь Д. К. Фандерфлита (письмо 18VI96). Справку о реабилитации Д. К. Вера Петровна, мать Д.К., получила в 1958 г.

39. **Пресняков** Александр Александрович (1902-1953) – окончил Выборгское училище в 1919 г. Сын профессора ВЖК историка А. В. Преснякова (1870-1929); основоположник научно-популярного кинематографа в Ленинграде.

40. **Бульванкер** Владимир Захарович (1900-1987) – окончил Выборгское училище весной 1918 г., талантливый ученик Гептахора; в начале 30^х – заведующий студией «Гептахор», сценарист народных праздников, педагог.

В. З. в Гептахоре звали «Волк».

41. **Анциферов** Николай Павлович (1889-1958) – выдающийся культуролог, историк, краевед; автор книги «Душа Петербурга» (Петроград. 1922 г.). Н. П. – наш с сестрой крестный.

«Из дум о былом». Воспоминания. Вступительная статья, примечания и аннотированный указатель имен А. И. Добкина. Москва. Феникс. Культурная инициатива. 1992. 512 с. Тираж 30000 экз.

42. **Айод** – аэды – древнегреческие исполнители эпич. песен. БСЭ. Т 2. С. 375.

43. **Анциферова** Татьяна Николаевна (род. 1924 г.) – после окончания войны живет в Америке, в Вашингтоне. По мужу – Комендровская.

44. **Серебровский** Владимир. Рубрика «История уничтоженного народа». Заглавие статьи: «В 36-м году только на Карельском перешейке исчезли 50 ингерманландских деревень». Газета «Час пик». Санкт-Петербург. 1996 г., 1 01, № 4 (509).

45. «Финляндия оставила нам перешеек без населения, зато по Карелии и по Ленинграду в 40-м году прошло изъятие и переселение лиц с финской кровью. Мы этого ручейка не заметили: у нас кровь не финская». **Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ**. Малое собрание сочинений. Том 5. Инком. Москва. 1991. С. 76.

46. «Каждый, оставленный под оккупацией, хотел все-таки жить и поэтому действовал, и поэтому теоретически мог вместе с ежедневным пропитанием заработать себе и будущий состав преступления: если уж не измену родине, то хотя бы пособничество врагу». **Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ**. Малое собрание сочинений. Том 5. Инком. Москва. 1991. С. 80.

Вспоминает наша троюродная сестра Е. П. Поздова: «Когда я в 1954 г. 15 лет поступала на работу в Военно-медицинскую академию, в анкете был вопрос, была ли в оккупации. В автобиографии об этом тоже нужно было сказать» (март 99, Петербург).

47. **Фрейд** Зигмунд (1856-1939) – всемирно известный психиатр и психолог.

48. **Эткинд** Александр. Эрос невозможного. История психоанализа в России. Гнозис. М. 1994. С. 308.

49. **Франциск** Ассизский (1181 или 1182-1226) – святой, ставший воплощением тонкой, поэтической духовности и частью общеевропейской культуры своими «Цветочками Франциска Ассизского».

50. **Лейкина-Свирская** В.Р., **Селиванова** И.В. Школа в Финском переулке. Санкт-Петербург. 1993.

51. **Берберова** Н.Н. Курсив мой: Автобиография. Москва. Согласие. 1996.

Я много раз просила Ю. А., сестрицу, навестить Елену Константиновну Вандерфлит, сестру Н. К., расспросить о прошлом и вот, наконец, получила письмо (4IX1996):

«Сегодня была у Алены. Она дама 82 лет, по-прежнему красива аристократической красотой + интеллигентность, светлый разум, обаяние стиля и породистости. [...]

Да, самое интересное – мы разговорились о Берберовой!

Никакая она не подруга Н. К. Да, учились вместе, но никакой дружбы не было.

«Тетя Таля – Наталия Ив[ановна] Берберова, мать Нины, была ближайшим другом мамы. [В. П. Фандерфлит]. Да, Берберовы, родители, бывали у нас, но с Ниной были далеки». Алена полна священного негодования при упоминании Б[ерберовой]. «Уехав, Нина Б. вычеркнула родителей из своей жизни. [...] Лживая натура. Утверждает, что родители погибли в блокаду. [В «Биографическом справочнике» к книге «Курсив мой», составленном Н. Н. Берберовой, на

с. 661 рядом с годом смерти матери 1942 стоит вопросительный знак.] А на самом деле их вывезли, как и многих, на санитарном поезде, и по дороге они умерли. Где, когда – неизвестно».

Несколько лет спустя к ним в Оренбург, к Вере Петровне, пришла совсем простая женщина, типа крестьянки, и передала небольшой пакет, завязанный в тряпочку бечевкой. Этот пакетик передала Нат. Ив. Берберова Вере Петровне. Там были сохраненные ею драгоценности: серьги, кольцо, еще что-то. Серьги носила Алена, кольцо – Н. К.

Еще такой штрих: когда Вознесенский [в 1989] возил Б[ерберову] по Л[енингра]ду, то спросил ее: «Есть ли какой-то уголок города, который особенно Вам близок и дорог?» Б-ва будто бы сказала, что ничего ей здесь близкого нет».

А ведь Н. К. была жива! – добавлю я.

52. **Айдинян С.** Олег Цингер. Где в гостях, а где дома. Воспоминания. (Рисунки автора). Париж. Альбатрос. 1994. 160 стр. Рецензия. Новый мир. 1995. № 11. С. 246-248. Рубрика «Русская книга за рубежом».

53. **Султанова Мира** Альтафовна (род. 1931) – науч. сотр. Института философии и ст. науч. в Дипломатической Академии МИД России.

54. **Шохина Т.** Движение – это радость. Московский комсомолец. 1980, 9VIII.

55. **Руднева С.** и **Фиш Э.** Ритмика. Музыкальное движение. М. Просвещение. 1972. 334 с. с илл., ноты.

56. **Шидловский Алексей** Федорович (1863-?) – Член Русского Географического общества, библиограф, исследователь русского Севера.

Двоюродный брат М. А. Сидоровой (см. прим. 91).

57. **Боровская Мария** Владимировна (род. 1922) – девочка из соседнего дома, ласково общавшаяся с нами во время отсутствия родителей. Дружба с ней сохранилась на всю жизнь. См. о ней в книге «Жизнь в оккупации».

58. **Костриц И. Б., Пинхенсон Д. М.** Географическое общество Союза ССР. Мысль. 1968.

59. Привожу **эпиграф А. М.** к этой статье: «Кому удалось в юные годы много путешествовать, хотя бы и в форме школьных экскурсий, тот вступает в жизнь с незаменимым запасом таких знаний, вкусов, умственных навыков, художественных интуиций и душевной энергии, каких не почерпнешь ни из какого другого источника. Годы учения должны быть в самом деле и годами странствий». И. М. **Гревс.**[журнал] Педагогическая мысль. 1923. № 3.

Статья называется «Природа».

Долгие годы имя И. М. Гревса жило во мне только воспоминаниями отрочества. Впервые я встретила с изложением некоторых его любимых идей (а не с самими работами!) в статье Олега Генисаретского и Марка Коники «Путешествие по выставке» (Декоративное искусство СССР. Советский художник. 1983. № 7 (308). Цитата большая, но такая убедительная в раскрытии воззрений И. М. Гревса:

«Наш известный историк и педагог, академик [простительное заблуждение авторов: так мало было в те годы известно об И. М. И. М. не был академиком.] И. М. Гревс в 10-20-е годы предложил вниманию общественности философию путешественности, объясняющую общекультурную и творческую роль всяческих путешествий и экскурсий. [...] «Путешественность... – душа экскурсионности...», – считал И. М. Гревс. И, хотя экскурсии «занимают скромнейшее место в необъятной сфере путешествий, но они родственны им по своей природе... В них, как и в тех, расширяется личность, так как происходит ее слияние с широким миром, завоевание его умом и волею, но и развитие себя его правдой и красотой». Путешествовать – значит окунуться в широкий мир, значит «охранять свое духовное существо, развивать в себе «человечность», стремиться навстречу «космосу», учиться чувствовать его, с ним объединяться» (с. 16-17).

Авторы развивают и расширяют понятие «путешествия» на процесс смотрения выставки, предлагают понимать его как «путешествие» в том образном мире, который складывается в экспозиции из отдельных произведений.

Какое счастье, что идеи И. М. Гревса восприняты творчески нашими современниками и абсолютно актуальны и в конце века.

В своей учительской работе в школе рабочей молодежи (1961-1986) я придавала нашим городским экскурсиям со своими взрослыми учениками очень большое значение. Где мы только ни побывали! Оказывается, и экскурсионный метод воспитания Личности передан мне через Маму и А.М.

60. **История исторической науки в СССР.** Советский период. Окт. 1917-1967. Библиография. М. Наука. 1980.

61. **Перчёнок** Ф. Ф. Академия Наук на «великом переломе». Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М. 1991. С. 209.

62. См. о них прим. 91.

63. **Берлин** В. Э. Гражданин Лапландии. Одиссея Германа Крепса. М. Мысль. 1985. 126 с серия «Замечательные географы и путешественники»

64. **Бунатян** Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л. 1987.

65. **Рихтер** Гавриил Дмитриевич. «Род. 20 июля в 1899 г. в Царском Селе (Пушкин) Петербургской губернии в семье статистика-географа, редактора географического отдела Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. Крупный советский географ, геоморфолог, доктор географических наук, профессор, зав. отд. физ. географии Ин-та географии АН СССР; исследователь Севера, видный деятель советского географического образования.

Географ. образование получил в Л.-де, в Географическом Ин-те, затем Университете под руководством проф. (академ.) А. А. Григорьева.

С 1925 г. начал работать ассистентом на геогрф. фак-те ЛГУ, с 1930 – науч. сотр. Геоморфологического Ин-та (позднее Ин-та географии АН СССР).

Большие исслед. работы по физ. географии, геоморфологии Кольского п-ова [...] и печатные труды принесли ему широкую известность», - сообщает Биографический словарь С.В. Григорьева.

66. **Северянин** Игорь. Стихотворения. М. Советская Россия. 1988. С. 69.

67. **Гумилев** Н. Стихи. Поэмы. Тбилиси. Мерани. 1989. С. 128.

68. **Битов** А. Ясность бессмертия. Вступительная статья к книге В. Набокова «Круг». Поэтические произведения. Рассказы. Л. Художественная литература. 1990. С. 18.

69. **Поссе** Владимир Александрович (1864-1940) – публицист, редактор журналов «Жизнь», «Жизнь для всех».

70. **Иванов-Разумник** Разумник Васильевич (1878-1946) – выдающийся критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Его книгу «История русской общественной мысли» мы увезли из Пушкина и читали на пастбище в Эстонии.

71. **Поссе** Екатерина Владимировна (1897-1975) – врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, доцент Военно-медицинской академии, полковник медицинской службы, дочь В. А. Поссе.

72. **Григорьев** С. В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск. Карелия. 1973. С. 235.

73. Очень известная и любимая скульптура в Екатерининском парке – «**Девушка с разбитым кувшином**». Хрупкая фигура девушки на гранитном обломке скалы полна печали: кувшин разбился и течет и течет из него кристальная вода...

74. **Купина** – куст, группа деревьев. Неопалимая купина – горящий, но чудом не сгорающий куст, из которого по преданию Бог говорил с Моисеем.

75. **Бялый** Григорий Абрамович (род. 1905 г.-?) – выдающийся ученый-филолог, специалист по русской литературе. Тончайший текстолог.

76. **Звенья. Исторический альманах.** Вып. 1. Москва. 1991.

77. **In memoriam.** Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. Москва-С.-Петербург. Феникс – Atheneum. 1995.

78. **In memoriam.** С. 88.

79. Некоторые слова-имена – обретают плоть, жизнь вот только теперь, сейчас, когда я встречаю их в книге Н. П. Анциферова «Из дум о былом» в разъясняющих примечаниях А. И. Добкина.

Гогус. Это имя произносилась у нас в доме до войны. Но родители говорили между собой, при нас очень мало, так что никакого контекста не помню. Казалось, что имя похоже на «гоголь-моголь».

«**Штерн** Георгий Александрович, Гогус, (1905-1982) – историк и поэт, ученик Н. П. по Тенишевскому училищу, участник медиевистского семинария Гревса в ун-те (1924), экскурсионистских семинаров в Детском Селе в 1920ые годы. Позже – преподаватель и экономист. В 1930-33 – в лагерях. Оставил проникновенные воспоминания о Н. П.», – так написал о Г. А. в Аннотированном указателе имен А. И. Добкин.

Для меня нет сомнения, что общение родителей с Г. А. Штерном после ссылки, перед войной – было.

80. **Данини** Софья Михайловна (1884-?) – окончила ВЖК в 1910 г., историк. В 1929-30 – ст. науч. сотр. ЦБК.

81. Незадолго до вынесения приговора Н. П. попадает в рабочую камеру. Здесь уже находится его ученик Г. А. Штерн, который работает полотером. Н. П. тоже сначала – полотер, а потом и разносчик каши-кипятка, пользуется свободным передвижением внутри тюрьмы. Встречается Н. П. и с Г. Э. Петри. И Штерн, и Петри проходят по одному и тому же делу, что и родители, состоят в одном и том же списке обвиняемых. Неужели Н. П. ничего не узнал о Ю. Ф. и А. М. от Штерна и Петри за это время? И ничего не запомнил?

Только что крестив близнецов Ю. Ф. и А. М., а Н. П. в воспоминаниях внимателен к институту крестных-крестников, поддерживая до войны с родителями сердечные, ничем не омраченные отношения (в Дневнике сестры цитируется письмо А.М. из Москвы: по пути в Сибирь в командировку он навещает Н. П. и застаёт его в кругу друзей читающим воспоминания о путешествии в Италию. Запись 7V1940 г.) – и не вспомнить о Ю. Ф. и А. М. в 1955 г., когда писал воспоминания?!

Н. П. пишет о «деньгах, которые друзья [разрядка моя – С. Н.] переводили» ему Соловки и передавали его семье («Из дум...». С. 351), но неужели он так и не узнал, кто именно собирал их и кто передавал и оплатился за это?!

82. **Академическое дело 1929-1931 гг.** Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб. 1993.

83. Я решительно настаиваю... **In memoriam.** С. 11.

84. В главе «Шахтинское дело» научной интеллигенции» Н. П. Анциферов вспоминает **допросы следователя Стромина**, их девять, **его вопросы**, касающиеся ЦБК. Предполагаю, что подобные вопросы могли быть поставлены и перед А. Хордикайненом.

Цитирую вопросы Стромина по книге «Из дум о былом».

1. «Вы должны помочь нам разобраться в деятельности ЦБК. Нами раскрыта подпольная контрреволюционная организация. ЦБК сделалось одним из орудий ее деятельности» (с. 351).

2. «Он [Стромин] попросил меня рассказать о заседаниях президиума ЦБК. [...] «Вы должны рассказать мне о тайных совещаниях на частных квартирах» (с. 352).

3. «Дайте характеристику деятельности ЦБК (работа с приезжающими в центр краеведения, работа на периферии – очевидно, мои поездки на места). Дайте оценку журналов ЦБК «Вопросы краеведения» [«Краеведение»] и «Известия ЦБК» (с. 353-354).

[...] «Меня же ЦБК несколько раз посылало в командировки для обследования краеведческой работы на местах и инструктирования краеведов. И я начал догадываться, что я нужен в качестве «цепочки», связывающей периферию с центром» (с. 355).

4. «На этот раз Стромин попросил меня дать **политическую** [выделено Н. П. Анциферовым] характеристику членов ЦБК, в особенности его интересовал И. М. Гревс» (с. 355).

5. Стромин знакомит Н. П. с показаниями С. В. Рождественского: «Что ж, вы и теперь, избалованные показаниями вашего профессора, будете продолжать отрекаться от участия в их организации?» – «Да, буду! Это показание, хоть и написано его рукой, сделано сломленным человеком» (с. 356).

6. «Признаетесь, что вы принадлежали к контрреволюционной организации?» – «Ни о какой организации я не слыхал, тем более не могу признать, что я к ней принадлежал» (с. 356).

7. «На следующий день я был вызван на допрос. «Ну что же, вы обдумали, поняли свое положение? Все ли вы взвесили?» По моему лицу он понял, что [...] я на все готов и прекратил допрос. «Ждите приговора» (с. 357).

8. Следующий допрос производил московский следователь. Ему удалось склонить Н. П. к некоторому компромиссу со следствием. Следователь: «Все ли вы считаете правильным в деятельности ЦБК?» – «В деятельности каждого учреждения бывают ошибки» (с. 361).

(См. примечание к этому допросу А. И. Добкина с. 450).

9. «Развейте подробнее ваши показания, которые вы вчера подписали». Стромин предложил закончить показания словами: «Все это я делал по указанию Платонова и Тарле, как член их организации». [...] «Я вновь решительно отказался» (с. 362).

85. **Академия наук на «великом переломе»**. Звенья. Исторический альманах. Вып. I. С. 234.

86. **Фандерфлит** Вера Петровна, урожд. Ивашева, (1875-1966) – внучка декабриста В. П. Ивашева. Его портрет маслом висел в комнате Наталии Константиновны Бриммер. В. П. – учительница русского языка и литературы.

В Л-де жили на 6ой линии Васильевского острова, дом 33. Деревянный особняк петровского времени. Мы были у В. П., может быть, приехали прощаться до 15III1935. В доме не было ванной, а только душ, отгороженный простыней. Андрей облокотился об эту «стену» и упал в таз с водой. Удивили в комнате приделанные к потолку (так показалось!) «кровати» – как полати. Летом 1934 г. В. П. с Аленой, Еленой Константиновной, была у нас в Детском Селе. Сестра помнит Алену в большой белой шляпе.

В. П. жила с семьей сына Дмитрия и вместе с его семьей поехала 15III35 в ссылку в Актюбинскую область. Позже жила в Оренбурге.

В. П. несколько раз после войны приезжала в Ленинград. Вернулась в 1956 г.

87. **Поздова** Екатерина Павловна (р. 1939 г.) – медицинская сестра в Военно-медицинской академии СПб.

88. **Вильчковский** С. Н. Царское Село. Репринтное воспроизведение издания 1911 года. Титул. С.-Петербург. 1992. С. 269.

89. **Молоховец** Елена. Подарок молодым хозяйкам. Популярная дореволюционная книга кулинарных рецептов.

90. **Солженицын** Александр. Архипелаг Гулаг. Малое собрание сочинений. Т. 5. Инком . НВ. Москва. 1991. С. 42.

91. **Сидорова Мария Александровна** (1882-1947). Я записываю за Анной Ивановной Сидоровой.

«Мама происходила из знатного дворянского рода интеллигентов, в роду несколько академиков XIX века. Мама окончила Высшие женские курсы как историк.

Папины предки занимались книготорговлей и книгоиздательством. Помню бланки «Сидоров, Соколов и К°». Папа (1884-1949) окончил Петербургский университет, был старшим метрологом в Палате мер и весов, доцентом многих вузов: Путейного, Точной механики и оптики, Педвуза Герцена... Его называли «старейшим метрологом страны» (июль 1997).

И. М. Гревс – троюродный брат М. А. Сидоровой. А. И. Сидорова помнит, как в их семье говорили об И. М. и его близких «наши Гревсы».

М. А. занималась нашим католическим воспитанием, учила французскому языку, подготовила к школе.

92. **Сидорова Анна Ивановна** (р. 1913 г.) – кандидат физико-математических наук, доцент Ленинградского университета.

93. **Сидорова Зинаида Ивановна** (1914-1992) – окончила Харьковскую консерваторию по специальности «хоровое дирижирование».

94. **Сидорова Елена Ивановна** (1920-1991) – окончила Высшее художественное училище им. В. И. Мухомовой, художник по текстилю.

95. **Жизнь в оккупации. Пушкин · Гатчина · Эстония. Дневник Люси Хордикайнен.** Публикация и комментарии С. А. Нуриджановой. Библиотека журнала «Новый часовой». Изд-во С.Петербургского университета. 1999. 147 с.

96. **Швиндт Мориц фон** (1804-1871) – живописец и график, представитель позднего романтизма в немецком и австрийском искусстве XIX в.

В «Энциклопедии символизма» Жана Кассу (Москва. Республика. 1998) о М. фон Швинде сказано как о художнике исторической живописи «спиритуалистической ориентации» (с. 45).

97. **Пропилеи** – парадный проход, проезд, образованный портиками и колоннадами, расположенными симметрично оси движения. Выдающимся памятником др.-греч. архитектуры явл. П., оформляющие вход в акрополь в Афинах. БСЭ. Т. 21. С. 97.

98. **Кленовский Дмитрий.** Из собрания стихов. Знамя. 1993. № 11. С. 141.

«Кленовский (Крачковский) Дмитрий – родился в 1893 г. в Царском Селе в семье известного русского художника, окончил юридический факультет Петербургского университета, в 1917 г. выпустил книгу стихов «Палитра». В 1942 г. из Харькова попал в Баварию, где прожил долгую жизнь, издал 12 стихотворных сборников, здесь же, в баварском городе Траунштейн, поэт умер в 1976 г. в доме для престарелых». Примечание редакции внизу страницы 139. Там же.

99. **Вернуться в Россию – стихами...** 200 поэтов эмиграции: Антология. Москва. Республика. 1995. С. 247-248. Биограф. сведения с. 629.

100. **Бежин Леонид.** Смотритель тайн или последний рыцарь розы. Знамя. 1994. № 3. С. 101. О В. М. Василенко, «последнем поэте – акмеисте».

101. **Яковлева Татьяна Ивановна** – жена В. И. Яковлева.

102. **Яковлев Всеволод Иванович** (1884-1950) – первый хранитель Детскосельских дворцов-музеев. См. Яковлев В. И. Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л. 1927.

103. **Аверинцев С.** С̣ьдины честныя. Литературная газета. 1996, 27XI.

104. **Тарановская Наталия Васильевна** (р. 1929 г. Детское Село) – искусствовед, сотрудник Русского музея, автор работ по русскому народному прикладному искусству.

105. **Soirée** – «[...] потребность и умение типично русского семейного общения, которое они [эмигранты первой волны] передали не только своим потомкам, но и Рене Юлиановичу Герра. Он поддержал именно эту непреходящую традицию, устраивая русские soirées в своем доме в Медоне и на даче на Лазурном берегу. Уже за это продление «серебряного века» мы

ему должны быть благодарны», – написал Михаил Боде. – Русский «серебряный век» закончился во Франции. Коммерсантъ – Daily. 1995, 18 I.

106. **Ришина** Светлана Александровна, девичья фамилия Черных-Куменская, – филолог, преподаватель русского языка, методист, автор методических пособий.

107. **Чиркин** Геннадий Федорович «(ум. около 1938). Крупный деятель по экон. строительству в зоне Кировской (б. Мурманской) ж. д. Организатор, затем начальник Колонизационного отд. Мурманской ж. д. (20-е годы), сыгравшего немалую роль в хозяйственном развитии района. Позднее ст. экономист, сотр. Беломорско-Балтийского комбината по разработке проектов экономического развития зоны Беломорско-Балтийского водного пути. Ему принадлежит ряд статей по этой проблеме в жури. «Вестн. Карело-Мурманского края» (20-е годы), «Карело-Мурманский край» (1923—1930 гг.), «Беломорско-Балтийский комбинат» (1935—1936) и «Москва—Волга» (1935—1936). Был горячим пропагандистом строительства ГЭС в зоне ББВП по так называемому «юго-северному» варианту использования энергии рек Ниж. Выга и Сегежи со строительством крупных ГЭС по р. Кумсе.

Источники: Григорьев С. В. Внутренние воды Карелии., с. 395, 547; материалы и воспоминания автора».

Цитирую по кн. Григорьев С. В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск. Карелия. 1973. Тир. 1000 экз. С. 239.

108. **Колюбакина** Наталия Ивановна (1868-?) – начальница Мариинской женской гимназии в Царском Селе; в 1929 г. – директор средней школы № 5 (б. Женское духовное училище).

109. **Пиюшков** – корреспондент Р. В. Иванова-Разумника, через которого Мама 15IX1943 г. в Гатчине получила письмо от Р. В.

110. **Мъра** – литературный, историко-художественный и религиозно-философский журнал. СПб. Глаголь. С. 149. Здесь же в комментариях к книге Р. В. Иванова-Разумника В. Г. Белоуса и Я. В. Леонтьева есть такая информация: «О жизни Иванова-Разумника в оккупированном Пушкине см.: Осипова Л. Дневник коллаборантки. Царское Село (город Пушкин). Грани, 1954. № 21. С. 92-131».

Летом 1996 г. я искала этот номер «Граней» в Российской Государственной библиотеке, в Исторической (Москва), в Публичной (СПб) – именно этого номера «в наличии» и не было нигде.

111. **Кублановский** Юрий. Неосуществившаяся возможность. Новый мир. 1995. № 11. С. 235, 236.

112. **Эткинд** Александр. Эрос невозможного. История психоанализа в России. Москва. Гнозис. 1994. С. 169.

113. Там же. С. 170.

114. **Васильчикова** Мария кн. Берлинский дневник 1940-1945. Москва. Наше наследие. Полиграфресурсы. 1994. 320 с. Тираж 35000.

115. **Печковский** Николай Константинович (1896-1966) – сов. певец (лирико-драм. тенор). Нар. арт. РСФСР (1939) [...]. В 1924-41 ведущий солист Ленингр. т-ра оперы и балета. Музыкальный энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия. 1990. С. 423.

116. **Hübortv** Yoseph (род. 1906) – католический священник, Kriegspfarrer (военный, полковой священник) стоявшей в Гатчине летом 1943 г. немецкой части.

117. **Arnrich** Robert Anton (род. 1904) – католический священник той же части.

118. **Putz** Peter – доктор находившейся в конце февраля 1944 г. в г. Võbs'e (Эстония), немецкой воинской части. Оказывал медицинскую помощь нашим беженцам. Привожу свидетельство из Дневника: «С Софьей Артемьевной плохо, у нее колит. Доктор был сегодня, смерил температуру и дал таблеток. Он написал записку, что она очень больна и что, может быть, ей можно лечь в больницу в Печорах» (29II44).

119. **Эйхендорф** Йозеф фон (1788-1857) – немецкий писатель. «Лирика Э., чуждая трагизма и мрачных тонов, создает яркий образ природы и гармонирующей с ней романтической личности. Песни Э. [...] являются и неперенной составной частью прозы писателя (повесть «Из жизни одного бездельника». 1826. рус. пер. 1935) [...]». БСЭ. т 29. С. 583.

120. **Шамиссо** Адельберт (1781-1838) – [...] «Наиболее известное художеств. произв. Ш. – повесть «Необычайная история Петера Шлемиля» (1814). «В рассказе о человеке, потерявшем свою тень, Ш. вскрывает психологич. ситуацию своего современника, ищущего богатством, опасность утраты личности». БСЭ. т 29. С. 278.

121. **Пирожкова** В. А. Потерянное поколение. СПб. Нева. 1998.

122. **Бихеле** Глеб Александрович – учитель физики в русской школе № 4 в Тарту после войны; преподаватель университета.

123. **Шмидт Татьяна Николаевна** – «Мама родилась и выросла в Петербурге, жила до замужества на Садовой, [...] против церкви Покрова, почему на этом останавливаюсь – в эту церковь ходил Пушкин и она упомянута в «Домике в Коломне». Собирались с папой жить в столице, и никогда бы мы с Вами не познакомились, если бы в 1914 году – год, когда они поженились – не умер в Тарту дедушка, отец папы, А.И. Шмидт, бывший тут судьей и нотариусом, и бабушка, оставшись вдовой, вытребовала молодых к себе» (Письмо В. Шмидт 12VI95).

124. **Милютин** Тамара. Люди моей жизни Тарту. Крипта. 1997. С. 43.

125. **Шмидт Вера Владимировна** (р. 1914 г.) – дочь Т. Н. Шмидт, «местные русские». В. В. – учительница русского языка и литературы в эстонских школах. Поэт. Переписывалась в 1938 г. в И. А. Буниным и встречалась с ним в его приезд в Тарту. Написала воспоминания об этих встречах, опубликовала их и письма Бунина к ней в «Литературном наследстве» (Иван Бунин. Книга вторая. М. Наука. 1973. С. 331-340). Вера – отзывчивый, светлый и светлорелигиозный человек. См. также мои комментарии в Дневнике к записи 9 I 44.

126. **Пашков** Владимир Николаевич – «самый талантливый и очаровательный из тогдашних [конец 30ых гг.] тартуских врачей» (с. 276). «Настоящий врач, такой прекрасный человек» (с. 94), – цитирую Тамару Милютину. Указ. соч.

«Про самого д-ра Пашкова писали и в русских, и в эстонских газетах как про выдающегося врача, общественного деятеля, члена и председателя ОРС (Общества русских студентов) в 20ых годах» (Письмо В. Шмидт от 30VI95).

127. **Милютин** Тамара. Цит. соч. С. 267.

128. **Андреева** Екатерина Владимировна (1900-?) – писательница, популяризатор науки. Вот названия некоторых ее книг: «Вековые загадки». М. Гос. научно-техн. изд-во министерства по геологии и охраны недр. 1954. 182 с.; «Жестокий путь». Л. Дет. литература. 1964; в соавторстве с сыном Ю. Андреевым «Огнем рожденное». Л. Гос. изд-во детской литературы министерства Просвещения РСФСР. 1957. 207 с.

Е. В. называла себя «ровесницей века» и так озаглавила свои воспоминания. Они не опубликованы.

129. **Маркин** Семен Григорьевич (1916(17) г. Кромы-?) – художник-график. Окончил Киевский художественный институт. Член Союза художников Украины. Участник республиканских выставок графики, сотрудник книжных и журнальных издательств.

130. **Моргунов** Александр Данилович (род. 1918) – преподаватель, затем зав. кафедрой радиоприемных и радиопередающих устройств, декан радиотехнического факультета Рижского высшего инженерного авиационного военного училища, в 1960 г. преобразованного в Рижский ин-т инж. гражд. авиации. Доктор инженерных наук.

131. **Маяк** Рихард Густавович (1898-1984) – в 1947-48 гг. – заведующий отделом народного образования в Тарту. См. о нем в кн. Т. Милютиной «Люди моей жизни».

132. **Бобин** Сергей Павлович (1868-1949).

Переписываю текст Примечаний из публикации Ф. Благовещенского [один из псевдонимов Ф. Ф. Перченка] «Фрагменты воспоминаний» В. П. Семенова-Тян-Шанского. Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М-СПб. 1992. С. 421.

«Бобин Сергей Павлович (1868-?[1949]) – географ, преподаватель, автор пособий по географии. «Вообще это был один из самых культурных, знающих и разносторонне образованных преподавателей географии в Петербурге. Кроме того, у него был несомненный дар живописца и вкус. Он, как энтузиаст географии, трогательно переиздавал на свои скромные заработки некоторые экономгеографические работы Воейкова, а также переводил и издавал «на свой кошт», как выражались в старину, некоторые иностранные работы по экономической географии, например, Эрнста Фридриха. Все это составляло серию чтений по географии. При этом за материальными выгодами он не гонялся, и его интересовала только идейная сторона». [Думаю, это мнение автора воспоминаний.] Один из инициаторов первого географического вуза в России – Высших географических курсов при Докучаевском почвенном комитете (1916; с 1918 Географический ин-т). После Октября – профессор различных вузов, один из ближайших сотрудников В. П. [Семенова-Тян-Шанского] по ЦГМ. [Центральный Географический музей]. В 1936 арестован, получил 10 лет лагеря, замененных высылкой в Актюбинск, потом в Малую Вишеру».

133. **Правдин** Борис – профессор Тартуского университета, фольклорист.

134. **Аристе** Пауль – профессор, академик Академии наук Эстонской ССР, заведующий кафедрой финно-угорских языков. У меня сохранилась о нем статья в «Комсомольской правде» 1972, 5 Ш.

135. **Андреев** Николай Николаевич – химик, профессор, работал в институте холодильной промышленности.

Н. В. рассказывала о нем так: Н. Н. сделал серьезное изобретение какого-то взрывчатого вещества. Был высоко оценен правительством. Когда он отдыхал в Крыму, его хотела похитить иностранная разведка. Он был ранен. После этого к научным открытиям он уже не смог вернуться.

136. **Остроумова-Лебедева** Анна Петровна (1871-1955) – график, возродила искусство художественной ксилографии. Главная тема – Петербург.

137. **Крачковский** Игнатий Юлианович (1883-1951) – советский арабист, один из создателей школы сов. арабистики. Академик АН СССР (1925 г.). Шир. известность получила автобиограф. книга К. «Над арабскими рукописями» (1949 г. 4 изд. 1965). БСЭ. Т. 13. С. 356.

Должна заметить, что книга вышла в 1948 г., если не в конце 47. Ведь в марте я уже купила ее в Тарту.

138. **А. С. Пушкин в изобразительном искусстве**. Литературная редакция А. Л. Слонимского. Художественная редакция и комментарии Э. Ф. Голлербаха. ОГИЗ-ИЗОГИЗ Ленинградское отделение. 1937. Объем 28 листов + 23 вклейки. Отпечатано [...] в количестве 4600 экземпляров. Цена 32 р., переплет 8 р. Мой том был куплен в Укрлитфонде за 80 р. (печать магазина).

139. **Голлербах** Эрих Федорович (1895-1942) – царскосел. Выдающийся историк искусства, прозаик, эссеист.

Книга «Город муз». Царское Село в поэзии – живое воплощение *genius'a loci* Царского Села.

140. **Гранов** Геннадий Сергеевич (род. 1925) – полковник в отставке, профессор, доктор технических наук, зав. кафедрой управления и строительства в Московском институте коммунального хозяйства и строительства.

141. **Гранова** Нина Георгиевна – преподаватель русского языка.

142. **Борисов** Анатолий Александрович – климатолог. Когда мы переводились, доцент, позднее профессор Географического факультета. Видимо, в мае 48 г. А. А. Борисов в ректорате исполнял и какую-то административную должность.

143. **Калесник** Станислав Викентьевич (1901-?) – советский гляциолог и физико-географ, акад. АН СССР (1968). Именем Калесника названо несколько ледников. БСЭ. т. 11. С. 200.

144. **Рихтер** Святослав – гениальный русский пианист.

145. **Дорлиак** Нина – певица и педагог. Жена С. Т. Рихтера.

146. **Вальбе** Руфь Борисовна – дочь репрессированного критика Бориса Вальбе. Думаю, окончание университета ничего не прибавило к ее филологическому самообразованию, начитанности и блестящей памяти. Много читала мне Цветаевой. Человек, не умеющий приспособливаться, она жила трудно. Давно потеряла ее из виду.

147. **Бежаницкая** Клавдия Николаевна (1889-?) – на всю Эстонию известный врач, любимый и почитаемый. См. о ней в книге ее дочери Тамары Милютиной «Люди моей жизни».

148. **Лозинская** Татьяна Борисовна (1885-1955) – ученица И. М. Гревса, историк и экскурсионист, жена поэта и переводчика М. Л. Лозинского.

«Мы с ней [с Т. Б.] знакомы с гревсовских времен. Там встречались. Она хорошо знала Маму, своих детей успела отдать в Мамину школу и детский сад. В 30^е годы они с Мамой оказались арестованными в общей камере. Их держали 3 мес. и отпустили с извинениями. Наконец, – и это, самое главное – мы вместе, в одном доме, вместе питались, тесно общались в войну в Елабуге, в эвакуации. Татьяна Борисовна проявила именно действительно, как она всегда делала, сердечную любовь ко мне. [...] А теперь ее дочь Наталия Михайловна очень со мной дружна. Мы обе старушки (она на 2 года моложе меня [...]). Она дивный человек» (письмо А. И. Сидоровой от 22VII99).

В 1949 г., когда праздновалось 150-летие со дня рождения Пушкина, Т. Б. по просьбе Н. П. через Н. К. нашла нас и пригласила к себе повидаться с ним.

149. **Мещанинов** Иван Иванович (1883-1967) – крупнейший языковед, археолог, акад. АН СССР. Герой Социалистического Труда (1945). БСЭ. Т. 16. С. 204.

150. **Смирнов** Владимир Иванович (1887-1974) – советский математик, акад. АН СССР (1943), Герой Социалистич. Труда (1967).

Автор «Курса высшей математики» (т. 1-5, 1924-1947), за к-рый в 1948 г. удостоен Гос. пр. СССР. БСЭ. т. 23. С. 611.

151. Особо выделяю данное примечание – в книге использованы следующие архивные источники:

1. С. Д. Руднева. Воспоминания счастливого человека. Московское объединение архивов. Личный фонд С. Д. Рудневой № 2887;

2. Е. В. Цинзерлинг. Воспоминания. Машинопись хранится у Г. Д. Цинзерлинг. Москва;

3. Дело № 108091. Справка о реабилитации родителей выдана ФСБ РФ на основании архивного дела № П-75789.

Указатель имен

Абрамов И. С. 71, 72
Авенариус В. П. 90
Аверинцев С.С. 89, 97
Агров С. Н. 72
Айдинян С. А. 32, 33
Аксаков С. Т. 90
Александрова 14
Алексеева Г. А. 136
Алмазов З. А. 110
Амудрю Ф. 90
Ананьич Б. В. 74, 76
Андреев В.В. 5
Андреев Н. Н. 162, 167, 168, 169, 199
Андреева Е. В. 2, 146, 158, 162, 166, 167, 168, 198, 199
Андреев Ю.Н. 199
Андреевы, семья 144, 162, 167, 168, 170, 175
Андрей, солдат 142, 156
Антропова Е. К. 89
Топі, Антоний Падуанский 120, 139
Анциферов Н. П. 2, 25, 26, 27, 28, 29, 36, 46, 72, 74, 76, 77, 78, 87, 93, 94, 96, 137, 139, 150, 152, 170, 177, 191
Анциферова Т. Н. 26
Аристе Пауль 157
Arnrich Robert 118, 119, 139
Ахматова А. А. 95
Бабкин А. М. 108
Базанов В. М. 7, 130, 140
Базанов Д. М. 7
Базанова Н. М. 7
Базанова Н. Ф. 6
Бальмонт К. Д. 91, 148
Бах И. С. 29, 166
Бахрушин С. В. 74
Бауман, одноклассник Андрея 130
Бежаницкая К. Н. 178, 200
Бежаницкая (Милютин) Т. 146
Бежин Л. 95
Беклин А. 92
Белинский В.Г. 11
Белоусова Е. А. 89
Беньяминов А. Д. 165
Берберова Н. И. 191, 192
Берберова Н. Н. 30, 191
Берлин В. Э. 43
Бестужев-Рюмин К.Н. 9
Бетховен Л. 34, 166, 174
Бёрнетт Ф. Э. 90
Билибин И. Я. 92
Биншток М. А. 91
Битов А. 46, 48

Бихеле Г. А. 123, 125, 135, 141
Блок А. А. 53, 65, 79, 88, 96, 103, 141, 148
Бобин В. 96, 153, 180
Бобин Н. 96, 145
Бобин С. П. 156, 199
Бобина Н. Е. 154, 155, 182, 185
Бобины, семья 183
Боде М. 197
Бодуэн-де-Куртене И. А. 19
Борисов А. А. 173, 179, 200
Борисов-Мусатов В. Э. 92
Боровская М. В. 36, 151, 156, 167, 187
Бородин А.П. 159
Брамс И. 174
Брет Гард 93
Бриммер [Фандерфлит] Н. К. 2, 20, 21, 30, 38, 36, 97, 107, 124, 128, 132, 143, 144, 145, 147, 149, 150, 151, 155, 159, 165, 167, 168, 171, 176, 179, 180, 185, 186, 190
Бриммер Н. Л. 190
Бродский И. И. 155
Бронте Ш. 90
Брюсов В. 54, 66, 141
Булич С. К. 15, 17
Бульванкер В. З. 20, 28
Бунин И.А. 91, 198
Бутанян Г. Г. 43
Бутлеров А.М. 90
Буш Э. 109
Быкова Т. А. 18
Бялый Г. А. 65
Вагнер Р. 4, 13
Вальбе Р. Б. 177
Вандерфлит Е. К. 182, 191, 192, 195
Василенко М. В. 95
Васильчикова М. 114
Васнецовы, А.М. и В.М. 92
Вахт И. 165, 179
Веденеев П. Д. 111
Вересаев В.В. 161
Вертинский А. 4
Верн Жюль 90
Витте С. Ю. 32
Владимиров 72
Владимирский Н. Д. 35
Воейков А.И. 199
Войлоков, одноклассник Андрея 130
Вознесенский А. 192
Волконский С. М. 14, 15
Вревская Н. П. 9
Врубель М. А. 92
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 31
Вуткович Е. Н. 43

Высоцкий Сильвестр 86
Высоцкая С. С., наша бабушка 4, 40, 41, 42, 85, 86, 87, 88, 106, 130
Высоцкие, семья 86
Гамсун К. 157
Gans. 119
Гелсуорси Д. 92
Генисаретский О. 192
Герра Рене 33
Герцен А. И. 5, 6
Гессель Л. Г. 26
Гильманова М. А. 178
Голлербах С.Э. 33
Голлербах Э. Ф. 33, 66, 171
Головинский 14
Гомер 26
Гончаров И. А. 90
Горький М. 66, 173, 174
Гревс И. М. 2, 15, 18, 19, 25, 28, 29, 30, 35, 38, 77, 89, 90, 96, 97, 188, 192, 193
Гревс М. С. 96
Григорьев С. В. 46, 47
Гримберхе Е. 9
Гранов Г. С. 173
Гранова Н. Г. 173
Гросс Е. Ф. 178
Гумилев Н. 45
Гурвич Иосиф (Оскар) А. 43, 99, 100, 101
Гурвич, девочки 99, 101
Гюго В. 90
Давид, царь 106
Давыдова В. А. 167
Даль В. И. 106, 109
Данини С. М. 72, 76
Данте А. 30
Дегтярева Н. 157, 158, 184
Диккенс Ч. 90, 91
Джеймс Ричард 108
Добкин А. И. 27, 28, 76, 177, 180, 181
Добужинский М. В. 92
Дорлиак Н.Л. 173, 174
Достоевский Ф. М. 90
Дункан А. 11, 12, 15, 20, 25, 29, 30, 31, 36, 87, 149
Дюма А. 41
Егоров С. Ф. 43
Екатерина (императрица) 96
Екатерина (Е. В. Поссе) 50, 54
Ернштедт Е. В. 30
Ефимов В. 102
Жак-Далькроз Э. 13, 14, 15, 25
Желиховская В. П. 90
Св. Женевьева 90
Завалишина Л. Ф. 30

Зайцев Б.К. 33
Зайцева Н. И. 34
Зандерлинг Курт 166, 174
Зелинский Ф. Ф. 10, 11, 12, 15, 19, 20, 26, 27, 28, 29
Золотарев А. 6
Золотарев Д. А. 6, 35, 37, 71, 72, 78, 188
Зудерман Г. 116
Иванов-Разумник Р. В. 2, 26, 46, 97, 113
Иванова В. Н. 113
Инбер В. 46, 97
Yohann – комендант 120
Исаковский М. В. 183
Каверин В. 145
Казанцев А. 113
Казицын Вл. А. 71, 72, 75, 76, 77
Калесник С. В. 173, 178, 180, 183, 200
Камерон Ч. 54, 96
Каракалла 45
m-me Kann 157
Karl 119
Келлер Л. В. 126
Китаев 97, 171, 172
Кленовский Дм. 94, 95, 196
Клемперер О. 4
Ключевский В. О. 123
Колобова 180
Колчак А.В. 37
Колюбакина Н. И. 112, 113, 197
Комендровская Т. Н. (Анциферова) 96
Кондратьев 75, 79
Коник М. 192
Коровайков 147
Коровин К. А. 167
Короленко В. Г. 90
Котабринский А. 92
Крачковский И. Ю. 170, 171, 175, 199
Крепс Г. М. 43
Кривулин Н. К. 108, 112, 113, 139, 175
Кривулина Ю. А. 35, 39, 44, 47, 88, 89, 91, 93, 97, 112, 117, 128, 129, 132, 133, 135 и т. д.
Крогиус Ф. В. 43
Крысолов 76
Кублановский Ю. 113
Кузнецов Н. Н. 150, 152, 181
Купер Ф. 93
Кютт Л. 120, 121
Лагерлеф С. 163
Ланге Л. 146
Лапицкий И. 108
Ларин Б. А. 19, 108, 190
Лебедев Г. А. 43
Леандер Зара 116

Левитан И. 166
Левицкий И. А. 71, 72
Лейкина-Свирская В. Р. 30
Лемешев С. Я. 134
Лепорская Н. 185
Лермонтов М. Ю. 90, 91, 92
Лихачев Д.С. 97, 190
Логиновна 103
Лозинская Т. Б. 178, 180, 200
Лоти Пьер 90
Людовик, король 108
Ляпунов С. М. 13
Лясич В. А. 147
Майков А.Н. 91
Макашов, генерал 27
Мальшев Г. Н. 172
Мальшева Н. А. 172
Мальшева Н. Г. 172
Мальшевы, семья 172
Маннергейм К.Г. 26
Маркин С. Г. 147, 148, 166, 171, 172, 175, 182, 183, 185
Мария, императрица 8
Martin 119
Марлит Е. 91
Маяк Р. Г. 150
Маяковский В. В. 147, 150
Медведь Ф. Д. 79
Меликова С. В. 18
Мендельсон Ф. 34
Мещанинов И. И. 180, 181, 182, 200
Миловская 115, 116
Милютин Т. 123, 146, 198
О. Михаил 115, 116
Михайлович 75, 79
Михайлов Н. 173
Mose 119
Молоховец Е. 88
Мопассан Г. 136
Мосевич А. А. 79
Моргунов А. Д. 150, 151, 152, 153, 154, 156, 159, 160, 161, 163, 166, 167, 168, 169, 171, 175, 176,
179, 180, 182, 185, 187, 199
Москвин И.М. 137
Мравинский Е. А. 166
Набоков В. В. 46, 108
Непорожнева В. М. 71, 72, 78
Нефедьева Е. М. 90
Ницше Ф. 29, 157
Нуриджанов Ал-р 112
Нуриджанов Арсений 124 136
Нуриджанов С. Э. 4, 52, 53, 104, 112, 126, 180
Нуриджанов Э. С. 5

Проф. Нуут 125
Оберучева А. Н. 26
Оберучевы, сестры 26
Оболикшто М. С. 85, 86, 126
Оболикшто С. К. 84, 85
Оборин Л. Н. 165
Образцов С.В. 125
Овидий 30
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 19
Окас Э. 149
Окрокверцева 183, 185, 186
О`Коннель В. 140
Окуджава Б. 3
Оленин А. Н. 172
Ольденбург С. Ф. 36, 188
Ольденбург Ф. Ф. 35, 36
Олькот Л. 90
Ончуков Н. Е. 71, 72, 78
Орбели И. 22
Орлов С. М. 71, 72
Остроумова-Лебедева А. П. 169, 199
Отто Д. А. 39
Otto. 119
Пааль, семья 121
Павлов-Сильванский Н. Н. 35, 71, 72, 75, 76, 77, 78
Павзаний 45
Палуверы, семья 121
Пальчин 77
Панеях В. М. 74, 76
Pauli W. 160
Паустовский К. Г.
Пашков В. Н. 125, 138
Педькова Н. В. 2, 11, 15, 20, 21, 22, 32, 33, 34, 38, 39, 85, 97, 126, 131, 143, 146, 152, 154, 155,
156, 158, 167, 182
Перчёнок Ф. Ф. 40, 73, 74, 78, 79
Першин В. 145, 164
Петри Г. Э. 71, 72, 74, 75, 194
Петров А. Н. 19
Петров Е. 165
Печковский Н. К. 115
Пиксанов Н. К. 19
Пирожкова В. А. 122
Пиюшков 113
Платонов С. Ф. 73, 76, 77, 194
Плещеев А. Н. 91
Плисецкая М. 36, 106
Поздова Е. П. 86, 191
Поссе В. А. 2, 46, 97
Поссе Е. В. 2, 46
Правдин Б. 157
Преображенская С. 4

Пресняков А. А. 20, 22, 191
Пресняков А. В. 191
Пришвин М. М. 66, 169, 173, 174
Пугачев Е. 76
Пулькин Д. 5
Putz Peter 119, 120, 139, 198
Пушкин А. С. 91, 92, 96, 105, 141, 161
Пшеничка, одноклассник Андрея 130
Радлов С. Э. 27
Райков Б. Е. 77
Раппопорт Я. Д. 110
Распутина Маша 122
Растрелли В. В. 54
Рахманинов С. В. 173
Рембрант 66
Репин И.Е. 16
Рихтер Д. И. 43
Рихтер Г. Д. 37, 43, 193
Рихтер С. Т. 166, 173, 174
Ришина С. А. 109
Рогова О. И. 90
Рожденственный С. В. 195
Ромашова И. 157
Ростовцев М. И. 10, 13, 28, 189
Руднев Н. 28, 33
Руднева В. Д. 16
Руднева С. Д. 10, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 22, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 87
Рукавишников И. 54, 66
Рылов А. А. 162
Савичева Таня 122
Сафо 29
Святский Д. О. 6, 35, 40, 71, 72, 74, 75, 77, 78
Северянин И. 45
Сеговия А. 4
Селиванова И. В. 30
Семенов-Тянь-Шанский В. П. 199
Сенкевич Г. 90
Сергеенко М. Е. 18
Серов В. А. 153
Сидорова А. И. 2, 90, 173, 178, 180, 184, 185, 186, 200
Сидорова Е. И. 90
Сидорова З. И. 90
Сидорова М. А. 2, 89, 90, 92, 101, 137, 196
Сидоровы, семья 4, 90
Синицын 77
Сиповский В.В. 19
Слонимский А. Л. 171
Смирнов В. И. 185
Смирнов Н. П. 71, 72, 77
Солженицын А. И. 36, 89, 111, 191
Соловейчик С. 41

Соловьев В. С. 90
Сологуб Ф. 66
Софокл 26
Софроницкий В. 4
Сталин И. 25, 40
Станюкович К. М. 90
Стеблин-Каменский М.И. 173
Строльман М. 22
Стромин А. Р. 194
Струмилин С. Г. 110
Султанова М. А. 33
Сюкияйнен И. О. 145, 146, 178
Тагор Р. 89
Тарановская Н. В. 98, 106
Тарле Е. В. 72
Тарасова А. К. 137, 163
Св. Тереза 90
Терентьева Н. Д. 172, 173
Тёрнер С. 131
Тетмайер К. 90
Тийсман М. Г. 145
Тинторетто Я. 123
Тихомиров В. В. 6
Тихомиров Ф. В. 5, 6
Тихомирова Е. Д., бабушка Дуня 5, 6, 7, 8, 40, 86, 88, 106, 107, 108, 109, 110, 114, 116, 121, 126, 132, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 145, 146, 147, 163, 167, 180, 182, 186
Тихомиров Н.Ф. 9
Тихомирова Ю. Ф. 5, 6, 8, 10, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 26, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 41, 44, 62, 71, 72, 73, 75, 76, 83, 84, 86, 87, 89, 96, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 117, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 133, 134, 136, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 149, 150, 154, 172, 173, 174, 175
Толстой А. Н. 93, 190
Толстой Л. Н. 90, 105, 116, 137
Тревер И.В. 12, 20, 22, 34
Тревер К. В. 11, 15, 17, 20, 22, 34
Троицкий Н. 146
Тур Е. 90
Тургенев И. С. 87, 90, 164
Тютчев Ф. И. 66, 82, 91, 148, 150, 172
Уайльд О. 91
Уланова Г. 34, 129, 159
Успенская Люба 122
Успенский М. И. 71, 72
Ушаков Д. Н. 112
Фандерфлит В. П. 85, 137, 180, 182, 187, 191, 192, 195
Фандерфлит Д. К. 20, 190, 195
Фандерфлит К. П. 190
Фандерфлит Ольда (Лада) 155, 156
Фармаковский Б. В. 16, 20, 29
Фаррер К. 90
О. Федор 116

Федоров А. М. 91
Фет А. А. 91, 148
Филиппов А. И. 35
Фиш Э. М. 192
Флетчер 109
Флоран К. 90
Фомин И.А. 13
Фон-Дервиз В. Д. 16
Фрэнк, секретарь А. Дункан 15
Франк А. 122
Франциск Ассизский 29
Фрейд З. 29, 113
Фридрих Эрнст 199
Хаханкины, семья 98
Heino, Heino Raudvassar 134 См. Дневник (17 IX 44)
Хойдре А. 149
Ходозов 78
Хардикайнен Н.М. 43
Хордикайнен А. А. 4, 40, 41, 85, 98, 99, 101, 105, 106, 115, 116, 121, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 142, 143
Хордикайнен А. М. 2, 4, 7, 26, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 52, 65, 71, 72, 73, 75, 77, 78, 81, 82, 84, 86, 92, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 108, 110, 111, 112, 114, 115, 117, 130, 194
Хордикайнен А. М. 112
Хордикайнен Матвей, дед 41, 42
Хордикайнен М. А. 4, 5, 35, 36, 41, 47, 84, 88, 91, 94, 96, 112, 115, 116, 121, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 136, 138, 139, 140, 142, 145, 146, 147, 151, 152, 163, 178, 179, 180, 182, 184, 186, 187
Хордикайнены, могилы однофамильцев 40
Хорхорин 75, 79
Хусаинова А. Н. 103
Hübortv Esof 117, 118, 119, 139
Цвелев 115
Цезарь Ю. 18
Цено Вера 121, 125
Цено Вольдемар 121
Цено Г. 121, 133
Цено, семья 125, 133
Цингер А. В. 32
Цингер О. 32, 33
Цинзерлинг Г. Д. 10, 13, 34, 35, 176, 191
Цинзерлинг Е. В. 10, 11, 12, 13, 15, 16, 20, 22
Чайковский П. И. 116, 166
Чанбарисов Ш.Х. 27
Чарская 90
Чаянов А. В. 77
Черепанова К. Ф. 89
Чернышевский [кот] 41, 127
Чиркин Г. Ф. 110, 197
Чирсков Б. Ф. 74
Чюрленис М. К. 13, 189

Шаляпин Ф. И. 180
Шамиссо А. 120, 139
Шафран Д. 164
Швиндт Мориц фон 92, 196
Шекспир В. 90
Шенденцов В. В. 108
Шеллер-Михайлов А. К. 91
Шидловская М. А. 89
Шидловский А. Ф. 35
Шидловский М. В. 92
Шкловская Н. 31
Шмидт В. В. 124, 198
Шмидт Т. Н. 123, 124, 198
Шохина Т. 34
Шпильгаген Ф. 91
Шпильрайн Сабина 113
Шондыш А. Н. 37, 75, 79
Шопен Ф. 29, 31, 149, 173
Шостакович Д. Д. 164, 170
Шредингер Э. 161
Штейн В. 22
Штерн Г. А. 71, 72, 76, 194
Штиглиц А. Л. 162, 190
Шуберт Ф. 4, 21, 22, 31, 173
Шутова В. М. 47
Эйхендорф Йозеф фон 120, 198
Энман Н. А. 10, 11, 12, 15, 20, 21, 28, 34, 87, 189
Erich 119
Эткинд А. 113, 197
Юнг К. 113
Юрьева И. 153
Якобсон А. 151
Яковлев В. И. 97, 115, 197
Яковлева Т. И. 97
Яхонтов С. 146

Я говорю: «СПАСИБО!»

Книга увидела свет только благодаря сочувствию и содействию всех моих друзей и знакомых.

Бесконечно благодарна неумолимому вдохновителю Сергею и личному, так сказать, благотворителю в деле издания книги Арсену, сыновьям, умом и сердцем ценившим значение моей работы.

Спасибо сестре и брату за их помощь в работе: письма с воспоминаниями, ответы на вопросы, поиски документов...

Спасибо всем, кто набирал текст, всех помню!

Огромное спасибо за художественное (волшебное!) редактирование фотографий заведующему отделом допечатной подготовки редакции газеты «Советская Башкирия» Сергею Лапуке.

Самая искренняя признательность за бесконечное терпение в совместном редактировании Владимиру Штейну, сотруднику фирмы А. Нуриджанова «Альянс».

Спасибо милым мастерам компьютера Евгении Бустубаевой, Регине Валитовой и Руслану Ингалину.

С. Нуриджанова

20 IX 99

Уфа.

СОДЕРЖАНИЕ.

Начала. - Мама Юлия Федоровна Тихомирова. - Ее мама, бабушка Дуня.
- Штрихи рыбинской жизни.....Стр.

Бестужевские курсы. «Душевное соединение на всю жизнь» со Стеней Рудневой, Наташей Педьковой, Катей Цинзерлинг и другими девушками будущего Гептахора. - Айседора Дункан и Ф. Ф. Зелинский. - Курсы Жака-Далькроза. Поиски своего пути. - Паломничество в Грецию. - Свидетельство об окончании курсов. - Фотография в «Неве». - Ф. Ф. Зелинский «окрестил» кружок семи девушек: «Гептахор». - Песни Гептахора. - Стихи Ильзы Тревер. - Н. П. Анциферов о Гептахоре и о Ф. Ф. Зелинском. - Гептахор становится фактом культурной жизни Петрограда.....Стр.

Короткое учительство. Заболевание туберкулезом. - Жизнь в Крыму. Школа в Темис-Су. - Открытка Лели Цингера. - Возвращение в Петроград к друзьям.
- Судьба Гептахора. - Призвание С. Д. Рудневой.....Стр.

Ю. Ф. — научный сотрудник Центрального бюро краеведенияСтр.

Александр Матвеевич Хордикайнен — энергичный участник краеведческого движения начала 20-х гг. - Автобиография из Дела 1699.....Стр.

Замужество Ю. Ф. - Рождение детей.....Стр.

А. М. Хордикайнен — наш отец. Запомнившееся из «довойны». - Финское и польское в натуре А. М. - Автобиография 1937 г. - Об А. М. в книжке Берлина. - Счастливые воспоминания: прогулки, стихи, подарки... - Три тетрадки стихов. - Заметки на страничках карманного блокнота. - Дневник любви.....Стр.

Дело №108091. - Протокол допроса Ю. Ф. - Частная, отдельная жизнь родителей вплелась в «минуты роковые» XX в. Стихи из одиночки.....Стр.

Родители в ссылке - мы с бабушкой.....Стр.

Наша бабушка. Помощь родных и друзей.....Стр.

Новая жизнь вместе с Папой и Мамой. - Церковные праздники и наше религиозное воспитание. - Памяти М. А. Сидоровой. - Чтение. - Фантазирование. - Наше Царское Село. - Наше «довойны» - это и парки. - Окружение родителей. - Сад и двор. - Письма Папы Люсе в пионерский лагерь летом 40 г. - Как мы были одеты. - Наши еды, наши яства. - Мы болеем. - Игры и развлечения. - Наша речь.....Стр.

Родители между ссылкой и войной.....Стр.

Война. Организация жизни в оккупированных Пушкине и Гатчине: выборка из «Дневника Люси Хордикайнен». - Борьба за физическое и духовное выживание. - Занятие немецким и французским языками. - Смерть А. М. Хордикайнена. - Знакомство с католическими священниками из немецкой части. - Портретные наброски простых немцев. - Эвакуация из

Гатчины. - Доктор Peter Putz. – Этап по Эстонии. Мы остаемся в Эстонии благодаря финским фамилиям. - Пастушество. Эстония - наша ранняя юность.....Стр.

Жизнь в Тарту. Школа на Linna. Библиотека. Дневники. Письма. Поиски работы на хуторах. Жизнь Зоси в письмах. - Смерть Андрея. - Снова письма Зоси Маме.

- Начало учебного 1945-46 уч. года. - Голод и холод дома. - Духовное просветление от лекций, посещения церкви, переписки. Письма от М. А. Сидоровой, В. П. Фандерфлит, от Н. В. Педьковой, от Н. К. Бриммер, от Н. П. Анциферова.....Стр.

Лето 46 г., такое разное для сестер. - Обстановка дома. - Мама. - Летом 46 г. Маме удалось съездить в Ленинград к Н. К. - Письма Н. В. - Я работаю старшей пионервожатой. – Письма С.Г. Маркина. - А. Д. Моргунов.- Поздравление Н. К. с окончанием школы.

- Планы дальнейшего учения. - Зося не получает золотую медаль. - Люся сдает экзамены в Ленинградский университет. - «В августе А. Д. часто заходит к нам...».....Стр.

Письма Н. К. и Н. Е. Бобиной о Люсе. - После экзаменов в Тартуский университет я еду в Ленинград. - Фотография на НевскомСтр.

В моей первой alma mater. - Приглашение Е. В. Андреевой и Н. В. Педьковой приехать в Ленинград на зимние каникулы. - Письма А. Д. из Ленинграда.....Стр.

Каникулы у Андреевых. - Письма Зоси в Тарту. - Н. В. о Зосе. - Первое письмо А. Д. после каникул. - Письмо И. Ю. Крачковскому и его ответ. - Подарок С. Г. к 16 апреля 1948 г. - Малышевы. - Поездка в мае в Ленинград, на приеме у С. В. Калесника. - В Тарту концерты С. Рихтера и Н. Дорлиак.....Стр.

Люся сдает сессию в Ленинграде. - Ее редкие письма Маме. - Мои отповеди. – Заочников не переводят на очное отделение. - Битва за Университет продолжается. - 25 августа Н. В. почти устроила на какую-то работу по инвентаризации книг. - 27 августа в очереди к проректору...« Я пошла пройтись с одной девочкой по коридору. Навстречу шел Калесник...». - Вопрос прописки. - Встреча с Сеней, С. Г. - Люсю перевели! - Мы в Университете!

Письмо Мамы 28 августа 48.

Примечания.

Указатель имен.

Я говорю: «Спасибо!»

ФОТОГРАФИИ

1. Ю. Ф. Тихомирова. Рыбинск. 1909.
2. Ю. Ф. Тихомирова с приятельницами-бестужевками. С.-Петербург, 1912.
В первом ряду слева направо: Е. В. Цинзерлинг; третья – Ю. Ф. Тихомирова. Во втором ряду: Н. В. Педькова, пятая - С.Д. Руднева.
3. С. Д. Руднева. 10-ые гг.
4. Н. В. Педькова. 10-ые гг.
5. Е. В. Цинзерлинг. 10-ые гг.
6. «Меланхолия».
7. Экскурсия в Грецию с Ф. Ф. Зелинским в 1910 г. У дверей Олимпийского музея. Первая слева стоит С. Д. Руднева, первая справа присела с фотоаппаратом Н. А. Энман. В центре – Ф. Ф. Зелинский.
8. Та же экскурсия. Олимпия.
9. С. Д. Руднева и Н. В. Педькова. Крым, Карабах, 1912.
10. С. Д. Руднева и М. Н. Хитрово. «Муратово Орл. губ. 1912».
11. Айседора Дункан.
12. Паломничество в Грецию членов будущего Гептахора. Ю. Ф. Тихомирова и С. Д. Руднева. 1914.
13. Парфенон. Афины.
14. Пропилеи. Фотографии с открыток 1914 г.
15. Песни Гептахора.
16. Стихи И. Тревер.
17. На даче Н.А. Энман Железы на реке Луге, 1914(1915).
18. Тихомиров Николай Федорович, брат Ю.Ф., студент физико-математического факультета Петроградского университета. 1915 г.
19. 20. Две крошечные фотографии (3x2 см) из медальона Е.Д.Тихомировой.
21. Фотография Олега Цингера с отцом и знакомыми, которую он прислал Ю. Ф. Тихомировой. Крым, 1920 (21).
22. С. С. Высоцкая. Конец 1900-х годов.
23. А. М. Хордикайнен с Е. В. Поссе. Детское Село, 1924.
24. А. М. Хордикайнен в Царскосельском парке. Детское Село, 1925.
25. Н.К. Бриммер. 1931.
26. Н.К. Бриммер. 1931.
27. Экслибрис Л.Н. Бриммера. Во вспененные воды Невы входит парусный корабль. На корме его реет флаг с геральдическим знаком из герба Фандерфлитов – лев держит стрелу.

Маленький экслибрис – высокая память о голландцах, предках Наталии Константиновны, в Петровские времена высадившихся в Петербурге. Гравюра полна экспрессии и многих-многих смыслов, ассоциаций, подтекстов...

28. Экслибрис А. М. Хордикайнена. Автор Н. К. Бриммер. Конец 1920^х годов.
29. Статья А.М. Хордикайнена в журнале «Краеведение».
30. Ю. Ф. Тихомирова. 1930.
31. А. М. Хордикайнен. 1930.
32. Зося и Люся с няней Анастасией Матвеевной. Детское Село. 1928.
33. Мориц фон Швинд. Прощание всадника.
34. Фотографии родителей 1930 г. из Дела № 108691, которые нам передали вместе со справкой об их реабилитации «для семейного архива», как сказано в письме-справке.
35. Стихи из одиночки. Ленинград, 1930.
36. «Тихие дети». Детское Село, 1933.
37. Нас навестили друзья родителей. Детское Село, 1933.
38. Е. Д. Тихомирова и С. С. Высоцкая с внуками. Детское Село, 1934.
39. В. П. Фандерфлит. СПб, 1914 (1915).
40. В. П. Фандерфлит с Аленушкой. 1915.
41. Андрей Хордикайнен. 1937 (38?).
42. А. М. Хордикайнен. 1939.
43. Наша семья. Лето 1939.
44. Римско-католическая церковь. Построена в 1824-1826 гг. Архитектор Доменико Адамини.
45. Семья Сидоровых. Детское Село, 1935.
46. Наша семья с Севой, В. М. Базановым, маминым племянником. 1940.
47. Обложки журналов, в которых печатался А. М. Хордикайнен.
48. Скамья в Царскосельском парке. Фотография С. Н. Нуриджановой. Август 1998.
49. Кованые ворота на площадь Екатерининского дворца. Эти распахнутые ворота всегда были для меня вратами в прекрасное будущее. Потому и сохранилась через всю войну маленькая (9 x 6,5) фотография, на обороте которой «Detskoe Selo. Catherin palace».
50. Дракон. Драконов мост в Александровском парке. Фотография С. Нуриджановой, 1997.
51. М. фон Швинд «Прощание всадника»
52. Н. П. Анциферов. Надпись на обороте: «Милой Соничке, бывшей Зосе, на память об Н.П. Анциферове. 24 июня 1952». И строки Блока, любимые Н.П.:

Сотри случайные черты

И ты увидишь:

Мир прекрасен.

53. И.М. Гревс. Конец 1930 годов.
54. На память о католическом священнике Роберте Арнрихе. Этот текст напечатан на обороте
образка, который мы получили на мессе 14VI43 в Гатчине.
55. Письмо Н.И. Колюбакиной. Гатчина, май 1943.
56. Книжка Шамиссо, которую мне принес на пастбище немецкий солдат. Эстония, 1944.
57. Андрей Хордикайнен. Тарту, март 1945.
58. Андрей Хордикайнен. Тарту, май 1945.
59. Могила Андрея в Тарту.
60. Зося Хордикайнен. Тарту. 1946.
61. Люся Хордикайнен. Тарту, 1946.
62. С братом Матвеем. Тарту 1947.
63. Вместе с пионерами. Тарту, май 1947.
64. В. В. Шмидт и С. А. Нуриджанова. Тарту, 1985.
65. С. Г. Маркин. Киев, 20III47.
66. С. Г. Маркин. Пейзаж. 1948.
67. Письмо С. Г. Маркина.
68. С. Хордикайнен. На обороте «Дорогой Маме на память о весне, когда я кончила школу.
Тарту, июль 47 г. Твоя любящая дочь С. Х.».
69. Поздравление Н.К. Бриммер с окончанием школы.
70. С. Хордикайнен. Фотография со студенческого билета. Тарту, август 1947г.
71. С. Хордикайнен. Ленинград, сент. 1947.
72. Университет в Тарту.
73. Малышевы с Н. Д. Терентьевой. Тарту, лето 1949.
74. А. Д. Моргунов. На обороте: «Латвия. 1944. 2ой Прибалтийский фронт. [Внизу] Соне от А-
ра 1948 г. 5 I».
75. А. Д. Моргунов. На обороте: «Рига, октябрь 1956 г.» – «Соне, подруге юности моей! А. Д.
М. 26.07.99».
76. Е. В. Андреева. Ленинград, 1955.
77. С. П. Бобин и Зося. Ленинград, февраль 1948 г.
78. Б. А. Ларин. Ленинград, июнь 1963.
79. М.В. Боровская. 1947.

80. Т.Н. Комендровская (Анциферова) с дочкой в Америке. Фотографию прислал нам Н.П. Анциферов.
81. Ю. Ф. Тихомирова в Тарту. Конец 50-х г.г.
82. Н.К. Бриммер. 1995.
83. С. А. Нуриджанова, М. А. Хордикайнен, Ю. А. Кривулина на праздновании столетия со дня рождения Мамы. С.-Петербург, 30 ноября 1990 г.
84. С.А. Нуриджанова с внуком Арсением. Уфа, 1998.
85. Обложка книги «Жизнь в оккупации». Дневник Люси Хордикайнен. Публикация и комментарии С.А. Нуриджановой.
86. Арсен Нуриджанов. Уфа, 1999.
87. Сергей Нуриджанов. Уфа, 1993.
88. С. А. Нуриджанова. Уфа, июль 1999. Фотография Е. Бустубаевой.

Мемуарная книга учительницы и журналиста С.А. Нуриджановой – книга о судьбе русских интеллигентов в первой половине XX века, книга о судьбе родителей. Это и отрочество, и юность сестер Хордикайнен (девичья фамилия автора).

Ю.Ф. Тихомирова, мать С.А. Нуриджановой, сберегла многие документы, свидетельства минувшего. Разыскания автора дополняют картины прожитой жизни уникальными архивными публикациями.

Это вторая книга, которую подготовила к печати С.А. Нуриджанова. В первой - «Жизнь в оккупации». Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен. СПб, Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1999 г. С.А. Нуриджанова – публикатор, автор комментариев, редактор.